

Юрий Стрелов

За горизонтом Вселенной

Роман

Откровения странного человека с другой стороны

Мистика. Фантастика. Приключения

Книга шестая

**Иркутск
2015**

УДК 821-161-1
ББК 84(2=Рус7)

С 84 Стрелов Ю. За горизонтом Вселенной: Роман. – Иркутск,
2015. – 360 с.

© Ю. Стрелов, 2015

Часть первая

Придурки не унимаются

С чего начнем?

Первый снег побелил деревья. И всё выглядело, как в сказке. Тайга готовилась к долгой зиме. Я шел по свежему снегу, а под ним похрустывали листья. Хотя их и не видно, но ощущался прелый запах, напоминающий дух распаренных банных веников. Вот и моя любимая сосна. Теперь она просто дерево. А ведь в ней жила душа молодой девушки. В последней своей книге я поведал о её трагической судьбе. Когда подходил к сосне, то иногда разговаривал с ней. Конечно, теперь она будет молчать. Она просто сосна. Она живет своей жизнью, как живут остальные деревья, как и вся моя любимая тайга. Подошел к ней.

– Здравствуй, сосна. Вот и зима наступает. Скоро пойду на лыжах. Вон, как ты принарядилась! На макушке белая шапка, а на твоём мощном корпусе белая шуба.

Сосна молчала. Какая разница? Я с молодости останавливался около неё. Порой разговаривал. Вот бы кто увидел. Сказали бы так:

– Стрелов блажит. Что с придурка взять? До столько лет дожил, а ума не нажил. Цветы не рвет. Жалко. Говорит, что каждый цветок должен прожить свою жизнь с весны до осени своей жизнью. Что с тайгой разговаривать? Тайга, она и есть тайга. Глухомань.

Сосна молчала. Иногда я отсюда проникал в параллельный мир. В последней книге я запечалился. Сосну покинула душа Катюши. И я пошел в глубину тайги. Немного даже заблудился. Вышел к парковой зоне, когда темнело. Успокоился. Ведь Катюше пришло прощение за совершенный грех. Она вновь родится девочкой. Надо радоваться.

Сейчас я стоял перед сосной, и не знал, что делать дальше. Было тихо и покойно. Пошел мягкий и крупный снег. Сосна молчала, и никто не появлялся. Значит я, и мои друзья по путешествиям в другие миры пока не нужны. Я приблизился к дереву, погладил его шершавый ствол, прислушался. Тишина.

Пошел домой. Лег на диван и задремал. Вот выпадет больше снега, и пойду на лыжах. И тут почувствовал, что кто-то смотрел на меня. Всегда чувствовал на себе чужой и пристальный взгляд. Но в моей однокомнатной квартире кроме меня никого не было.

Раздался голос.

– Даже чаю нет. Где твой знаменитый таежный чай?

Открыл глаза. У окна стоял Турас. Напомню читателю об этом человеке. Я назвал его человеком. О нем писал в книге, которую назвал «Сон в тумане». Это представитель с далекой планеты. Он фантом. Таким его сделали завоеватели, которых мы назвали улыбочиками. Иногда они воруют людей из нашего мира, и отправляют в рабство. А если возвращают, то они ничего не помнят. Гелиозы, так они называют себя, вживляют в наших людей крошечные элементы. Я таких людей описал в своей последней книге.

Встал и заварил чай. У меня была засушенная трава. Мы пили таежный напиток.

– Из свежих трав чай лучше, – сказал Турас.

– Это ясно. Не чай хлебать ты сюда прибыл, – ответил я. – Наши силы потребовались?

– Угадал.

– Команду подобрали?

– Готова команда. Есть товарищи из вашей бывшей группы.

Потом увидишь.

– И когда можно отправляться? И куда?

– Путь предстоит далекий. Потом узнаете.

– Надеюсь, что наша команда не одна там будет?

– Будут и другие команды.

– Вот бы нам соединиться.

– Нельзя. У каждого своя задача. Вы не только будете нам помогать. Прежде всего, вы вложите свою энергию в защиту ва-

шего человечества. А оно на грани рабства и уничтожения. Всё идет к глобальной трагедии. Хоть немного, но вы помогаете нам вести борьбу с темными силами.

– Плохо то, что наши миллиардеры захватили все ископаемые, – ответил я. – А все наши депутаты, министры и президенты поощряют этих господ. Почему с этими господами никто не борется? Как только человек приходит к власти, он в первую очередь начинает воровать, лично обогащаться. Это главный вопрос на нашей планете. Рядом с нами есть другие миры, и там всё другое. Недавно мы были в параллельном мире, где есть всего одна нация – человек. Всё! И вера в единого Бога. У нас, куда не сунься, кругом не так, как должно быть. И вот такие придурки, как мы бессильны против мировой мафии. Слава Богу, что в других мирах мы можем как-то бороться с темными силами.

– И в вашем мире вы делаете полезное дело. Главное ваше орудие – слово. Некоторые товарищи попадали в вашу команду, благодаря вам. И в другом мире они тоже делали доброе дело. Возвращаясь в ваш мир, они становились другими. И своими поступками влияли на окружающих людей. Так что вы и в вашем мире несете добро в народ.

– Я смотрю, ты насобачился читать лекции, – засмеялся я. – Тебе надо было бы попасть в наше прошлое и послушать лекции наших пропагандистов.

– Бывал в вашем прошлом. Слушал лекции некоторых товарищей. Однажды у меня даже голова закружилась, и со мной стало плохо. Ничего не понял. Он всё время к чему-то нас призывал. Такая мешанина получилась в голове, что потом, когда пришел в себя, целых три дня разбирал эту лекцию, и ничего не понял, что же хотел сказать лектор. От этого в моей голове что-то произошло. Бедные ваши люди, которые слушали этот бред.

– Они не слушали, а дремали.

– Не слушали? – удивился Турас. – Тогда зачем эта лекция? Кому она нужна?

– Такие указания на эти заморочки были сверху. Это одно. А второе дело в том, что за эти бредовые заморочки платили деньги.

– Но, это, же кошмар!

– Кошмар. Конечно, кошмар! И чем изощреннее и мудрее лекция, тем лектор и любой политик в нашей стране считался самым умным. В Москве даже находилась Высшая Партийная Школа. Коротко её называли ВПШ. Оттуда выпускали на белый свет таких вот лекторов. Вот до чего мы достукались! Школу такую организовали. Как-то известный писатель Вячеслав Шугаев сказал мне:

– Юрка не вздумай туда попасть! Оттуда выходят лекторы, парторги, будущие секретари разного пошиба, корреспонденты. Они будут писать статьи, корреспонденции, заметки, информьушки, интервью. Они отравлены политикой. Если ты туда попадешь, то пропал. Таким же сухарем станешь, как и они. Будь таким, каков ты есть, и мы тебя будем уважать.

– Сколько же вреда внесла ваша политика в людей, – ответил Турас. – Сейчас нет той политики, но появилась другая политика. Накопительство любой ценой. Со школьной скамьи этому обучают.

– Хватит о политике. Надоело. Давай к делу. Хоть скажи мне, кто будет в нашей команде?

– Мы ещё не набрали. Наметки есть.

– На этих улыбочков нам бы лектора, – сказал я.

– Будет лектор. Да вы все прекрасные лекторы. Кому хочешь головы закрутите. И ещё вот что мне хочется сообщить тебе. У тебя есть любимая сосна. Ты с молодости подходишь к ней. Душу, девушки взяли из этой сосны и отправили во вновь рожденную девочку.

– Это я знаю. И потом, как ты это знаешь, если души нашего человека принадлежат Богу. А то и Сатана забирает. Как это понять?

– Мы иногда встречаемся с вашими светлыми силами. Недавно разговаривали с Дюрдом. Это представитель от светлых сил.

– Дюрд?! – воскликнул я. – Давно его не видел.

– Сейчас идет борьба светлых сил с темной энергией. Гелиозы полностью с темной силой. На вашем языке улыбочки. Предстоит смертельная схватка. Вы хорошо помогаете нам в борьбе с улыбочками.

– Зачем ты напомнил про сосну? Через неё я попаду на остров Дикий?

– Можно и через сосну. Дело не в этом. В сосну внедрили новую душу. Попала туда грешная душа из вашего городка Турманска. Великая грешница. Возможно, ты ещё познакомишься с ней. Отменная пьяница.

– Зачем мне с этой греховодницей якшаться? – возмутился я. – Пошла она знаешь куда! Я навидался таких грешниц! Ими хоть пруд пруди.

– Но ведь Катюша, что находилась в сосне, тоже грешница.

– Сравнил! Она от любви к милому пострадала, – ответил я.

– Какая разница? Грех он и есть грех. За всякий грех надо отвечать. А разве помочь нельзя? В этом мире ты всякому грешнику помогаешь, а почему ты эту женщину отвергаешь?

– В общем-то, я её и не отвергаю. Но, этих греховодниц навидался, – ответил я.

– А ты попробуй понять её. Даже в самом великом грешнике есть светлая сторона.

– Сравнил вилку с бутылкой! У Чикотило был свет? У Гитлера тоже был свет? У маньяка любой категории тоже есть свет? Не смеди меня и не зли.

– Есть свет. Крошечный, но есть свет.

– Всё на этом. В этом деле мы с тобой на разных баррикадах. Турас замахал руками.

– Разошелся. Мне известно, что ты не любишь спорить, а сегодня у тебя удар.

– Про какой ты мне здесь свет маячил?

– Всё. Я исчезаю.

И он тут же исчез. А я крикнул ему в след:

– Я с тобой не согласен про свет в маньяках. Какой может быть свет в улыбочиках? Там есть полная темнота.

Подошел к дивану и лег. Надо полежать и успокоиться. Так проспал до утра.

Прогулялся по городу, и решил пойти в парк. Понял, что меня потянуло туда. Там, где обычно бегают лыжники, пока ещё нет лыжни. Снег заपोрошил мои вчерашние следы. Подошел к сосне.

– Здравствуй, сосна, – поздоровался я. Когда прохожу в этом месте, то всегда приветствую сосну. Главная лыжня спортсменов проходит мимо этого дерева. Оно стоит на повороте лыжни.

Встал рядом с ней. Погладил шершавый и прохладный ствол. Странно, мне показался какой-то звук, похожий на далекий скрип несмазанной телеги. Почудилось. Каждый раз, когда бываю в тайге, мне всегда слышатся странные звуки. И они отличаются от городских звуков. Таежные звуки передать невозможно. Немного постараюсь поделиться с читателем. Если сильно прислушаться, то даже в самую жару, когда всё в тайге замирает, можно услышать что-то похожее на ансамбль. Кроме разных музыкальных инструментов, порой врывается лихая игра на балалайке. Даже боюсь спрашивать моих знакомых, слышат ли они такую мелодию тайги. Странно то, что я не обладаю музыкальным слухом. Всем говорю, что ещё в детстве меня медвежонок саданул в ухо. Возможно, во мне есть какой-то внутренний слух. Не знаю. Иногда меня просят почитать какие-нибудь стихи местных авторов. Говорят, что хорошо читаю стихи и прозу. Возможно, если просят. Дело не в этом. Стихи люблю читать экспромтом. Неожиданно, вдруг, понимаю этот текст, и по-своему вижу героя, его радость или переживания. Мгновенно вхожу в его образ, и передаю его слушателям. На миг, как бы превращаюсь в артиста. В этот момент для меня нет слушателя, вокруг меня ничего нет. С листа читаю текст, и ничего больше не слышу и не вижу. Почему так устроен мой организм? Откуда мне знать? Не знаю. Просто хорошо слышу природу.

Рядом с сосной образовался проем. Там увидел дом с конусной крышей. Этот дом мне знаком с молодости. Он стоит на острове Диком. Этот дом считаю волшебным. Именно из него мы попадаем в другие миры. Во всех своих книгах каждый раз попадаю на остров. Вот и сегодня оказался рядом с домом. Меня встретили мои товарищи по команде наемников. Не знал, в какую группу попаду. Здесь мне не надо описывать каждого из прибывших товарищей. Но, перечислить надо. Михаил Бутков. Мой земляк. Когда-то был профессором в Московском университете. Отбывал срок за тунеядство. После освобождения остался в нашем городке. Семья от него отказалась. Отличный

охотник. В общем, стал бомжем. Познакомились в тайге. Он мне поверил в мои путешествия. В тайге и постарел. Федя Копылов. Шофер. Тоже охотник. Потом и он мне поверил. Неожиданно увидел, как я исчез в сосне. Он тогда чуть с ума не спятил. Тоже со мной путешествует. Виктор Иванович Коноплев. Возможно, у него другая фамилия. Бродячий священник. Живет подачками. Семью давно потерял. Тоже познакомились в нашем городке. Юра Вычегжанин. Отбывал срок за тунеядство. Побывал в психушке. Одно время жил у меня. Подобрал его на железнодорожном вокзале. Помог ему во многом. Интересная личность Петр Петрович Длиннохвостиков. Одно время был отменным лектором. С женой имели дачу, и там у них была разная живность. Побывали один раз в другом мире, и, вернувшись, продали дачу, животных. Стали жить от пенсии до пенсии, и с нетерпением, как и я, ждали, когда их пошлют в соседний мир. Петр Петрович каждый раз попадал в нашу, мужскую команду, а жена в женскую группу.

Старая команда в полном сборе. Тут я вспомнил всех моих товарищей по путешествиям в другие миры. Все они были странными людьми для окружающих товарищей и господ. Почти все они побывали в тунеядцах, и в психушках. И все они признались, что они настоящие придурки. Я и книгу так назвал. У нас так принято, если человек делает не так, как все, значит, он придурок. Вот поэтому так и назвал эту книгу «Отчаянные придурки». И что удивительно, именно таких людей отправляют вот в такие команды, как наша группа.

– Как я посмотрю, придурки не унимаются, – засмеялся Федя. В этом мире мы все были молодые и крепкие ребята. Так уж устроен наш сложный мир.

– С чего начнем? – спросил я.

– Нагрянем в столовую, – предложил Федя. – Я ведь не успел пообедать. Прилег отдохнуть на лавке. И вот я здесь.

Все они попали сюда по-разному.

– Петр Петрович, извините меня, но, где ваш портфель? – спросил Виктор.

– И то, правда! Как же так?! – продолжал смеяться Федя. – Как же без портфеля? Странно будет то, что Петр Петрович без портфеля. Дикость какая-то! Как же без родимого портфеля?

– Вы забыли? Я ещё в прошлый раз рассказал вам, что портфель я уничтожил, а рукописи сжег, а пепел развеял. Все лекции знаю наизусть.

– Вот это голова! – воскликнул Федя. – Хвалю. Но, чёрт возьми, я от одной твоей лекции могу лишиться разума. Но, как ты помещаешь их в голове?

– Как? Очень просто. У тебя тоже в голове, наверное, многое что есть...

– Издеваешься? Ничего у меня там нет. Одна мыслишка. Пожрать бы где, вот и вся мысль. А у тебя столько мудреных лекций. Я лишних мыслей до себя не допускаю.

– Мои лекции ещё пригодятся. У меня есть очень закрученные лекции. Я могу вам сейчас...

– Не надо! – хором ответили мы.

– Пошли в столовую! – закричал Федя. – Хватит о лекциях! При этом слове, как и при слове арифметика, мне становится плохо. И голод появляется. В столовую!

В столовой вина не было. Его только готовили из свежего винограда. Мы пообедали отменно, и вышли на улицу.

– Куда теперь? – спросил я. – С чего начнем? Идем к дому или к морю?

Единогласно решили идти к морю. Мы прошли построенные деревянные дома. Они утопали в винограднике и в других фруктовых деревьях. Люди собирали виноград. Знакомых мы не встретили.

У моря трудились рыбаки. Женщины разделявали рыбу, засаливали её, тут же коптили. Мужики готовились выйти в море. Женщин было четверо, а мужиков шесть.

У берега покачивались на легких волнах два плота, и четыре баркаса.

– Один мы конфискуем, – сказал Михаил. – Поплывем на остров. А там видно будет.

– Мы вам покажем такую конфискацию, даже свои имена забудете! – крикнул один из рыбаков.

– Это кто там так выводит? – затишил голос Федя. Здоровенный и рыжий парень бросил весло, и засучил рукава.

– Это я сказал, ядрена корень, Митька Хвоц. Слышал о таком? Могу враз прочистить уши.

А я вдруг подумал, нам бы в команду такого богатыря. Жаль, конечно, что он из умерших. В любое время этого грешника заберут куда надо. Жаль. В это время Федя тоже встал в боксерскую стойку.

– Мне плевать на хвоца, и на разные банные веники, – отозвался Федя.

Митька тоже принял стойку. Этот поединок надо бы остановить. Мы не для этого сюда прибыли. Быстро встал между парнями.

– Окститесь, парни! – крикнул я. – Мы не для глупой драчки прибыли сюда. Федя, одумайся! Ну, не дали нам лодки, пойдём в дом. Оттуда и попадем куда надо.

Митька изменил позу, и как мне показалось, насторожился. Потом вдруг спросил:

– Так вы только что прибыли? А я грешным делом подумал, вы прибыли с теми ублюдками, и нажрались подгузницы?

Федя тоже стал успокаиваться.

– Но, там не было подгузницы, – ответил Федя.

– Какие ублюдки? – спросил я. Митька совершенно успокоился. Рыбаки бросили собирать рыболовные снасти, и стали прислушиваться к нашему разговору. Женщины тоже остановились.

– Как какие ублюдки, мать вашу! – воскликнул Митька. – Так ты не с ними? Мама дорогая, а я-то подумал, а что это тебя не взяли?

– Куда не взяли? – спросил Михаил. – Слушай, парень, ты нам толком объясни, что здесь произошло? Мы только что появились здесь. Правда, мы успели покушать в столовой. Но там не было подгузницы. Поясни нам обстоятельства дела. А ты сразу с кулаками на нас.

– Ваш этот рыжий тоже на меня с кулачьями полез, – ответил Митька.

– Будто ты не рыжий, – засмеялся Федя. – А чо я-то? Мы попросили баркас, а ты в пузырь полез.

– Сам на себя посмотри, – отозвался Митька. – Сам затеял этот разговор.

– Вы можете помолчать? – вступил в разговор Петр Петрович. – У меня есть лекция на эту тему.

– Не надо! – мы ответили хором. Митька вдруг засмеялся. Замахал руками.

– Как же я не догадался! Это ведь знаменитый лектор! Он своими лекциями порядком уложил улыбочиков! Я даже имя его запомнил. Петр Петрович. Длиннорылов.

– Я не этот, как его! Я есть Петр Петрович Длиннохвостиков.

Меня, да и всех моих товарищей, такое признание Митьки удивило.

– Откуда вам, извините меня, вам знакома эта чудная фамилия? – спросил Виктор Иванович.

– Как откуда? – тоже удивился Митька. – Так теперь извиняйте меня! Не узнал. Вы уже много раз здесь бываете. Ядрена корень, вы настоящие воины против улыбочиков! Я ведь ждал вас. До вас появились какие-то балбесы. Они тоже из нашего мира. Первый раз прибыли. Нажрались подгузницы, и начали требовать к себе уважения. Они из России. Повар им не давал вина. Старое вино припрятано для особых случаев. Гнилomedов хотел их усмирить, но они решили избить его. Ну, я и пошел в защиту коменданта, поваров, и рабочих.

– Так ты из живых? – спросил я.

– Из живых. Я уже два дня жду вас. Велели вас ждать. Я думал они это вы. Обидно было таких охламонов ждать. Теперь я с вами.

– Так кто ты? – спросил я.

– Будем знакомы. Митька Хвощ. Дмитрий Хвостов.

Неожиданно Федя засмеялся.

– В команде два хвоста. Это уже перебор с хвостами.

– Брось зубья скалить! – набычился Митька. – Все мы здесь я смотрю шибко грамотные, да? Я думал вы нормальные, а вы я смотрю, шибко переучились. Буду проситься в другое место.

– Ты извини его. Он у нас немного с придурью, – ответил Михаил.

– Я и то вижу. Я сам там был.

– Ну, хватит кочевряжиться, – сказал Юра Вычегжанин. – Ну, что такое! Ну, вот опять за свое! Хватит уже. Все мы здесь придурки.

Митька стал успокаиваться. Даже немного улыбнулся.

– Придурки? Это хорошо. Тогда я с вами. Я тоже отменный придурок.

– И, всё-таки, кто ты на самом деле? – спросил Михаил. – Если ты вошел в нашу команду, то мы должны знать, кто есть. Рассказывай.

Митька Хвостов не помнил родителей. Рос в детском доме. Убегал. Бродяжничал. Опять в детдом. Там он учился в школе. В общей сложности он окончил семь классов. Было такое время, когда была в нашей стране семилетка. Мог бы учиться дальше, но ему предложили пойти учиться в ФЗО. Не захотел учиться. Странствовал по стране. Устраивался на временные работы. Постиг многие профессии. И везде его увольняли. Или сам увольнялся. Постоянно конфликтовал с начальством, но с теми, кто обманывал рабочих. Везде призывали к коммунизму, требовали от рабочих честности, а сами крали, что близко лежит. Однажды, за «вредные» выступления Митьку отправили в психушку. Оттуда он вышел прежним. Сразу же уехал в Горький. Потом перебрался в Москву. В 1991 году был на баррикадах. Яростно выступал с трибун. Шли годы, и Дмитрий понял, что те, кто был за революцию, за изменение существующего строя, остались в тени, а вылезли те, кто прятался по углам. Ещё было обидно то, что многие коммунисты, которые призывали народ к коммунизму, и к честности, пришли к власти. Без всякой совести повысили себе оклады. Проникли в депутаты во всех уровнях. Он понял, что он и его товарищи по баррикадам проиграли. Он стал пить. Ушел в бомжи. И даже решил покончить с собой. Как-то вечером, он сидел в полном одиночестве на берегу реки Москва, и думал, как ему утонуть. Может с моста броситься, или просто заплывать и нырнуть. Рядом с ним сел незнакомый мужик. Он спросил:

- Тоскуем? Беденький. Сейчас слезу пушу. Не стыдно?
 - Чего мне стыдиться? Иди туда, куда шел, – ответил Митька.
 - Должно быть тебе известно, что за такое дело – великий грех.
 - Лучше грех, чем на всё смотреть.
 - Хочешь, я тебе помогу понять, что ты ещё для чего-то нужен?
 - Опохмели. Наливай давай, – ответил Митька.
 - Сейчас опохмелю. Сядь на скамеечку.
- Митька сел на скамейку, и его тут же потянуло на сон. Он оказался на этом острове. Долго ходил, и всё думал, что вот сейчас проснется. Знакомился с местными людьми, и узнал о них многое. Потом он неожиданно проснулся. Воскликнул:
- Мама дорогая, вот это сон! Парень, как ты это умеешь делать?
 - Немного пришел в себя? – спросил человек.
 - Ядрена корень, настоящая реальность! Таких снов я ещё не видел. Надо же, там ходят давно умершие люди. Я даже сейчас на губах чувствую отменный обед.
 - Дмитрий, это реальность. Меня зовут Дюрд. Ты по всем правилам подходишь в команду странных людей. У них тоже судьбы не лучше твоей.
 - Брось, парень мне здесь заливать. Я сам могу тебе такое наплести, что за месяц не расплеться. Слушай, а что ты сделал со мной? Голова перестала болеть после вчерашней пьянки.
 - Вот в этом деле поверил? А почему не веришь в реальность?
 - Такого не бывает. Сказки.
 - Хорошо запомнил тот остров?
 - Век буду помнить.
 - Так вот, что я тебе скажу. Отправляю я тебя на тот остров. Там ты познакомишься с такими же бедолагами, как ты.
- И Дюрд всё поведал о нас, а потом снова Митьку отправил на остров. И вот он перед нами.
- Мама дорогая! – воскликнул он. – А ведь это, правда! Я буд-то во сне, а вроде и наяву. Какой-то кошмар!

К нему подошел Федя.

– Ты меня извини, Митька. Теперь ты наш. Каждый из нас, тоже первый раз не поверил про такое чудо.

Они пожали друг другу руки.

– Что ещё тебе сказал Дюрд? – спросил Михаил.

– Про главное я забыл. Он сказал, что наша команда нужна в борьбе с нечистой силой, которая посягает на уничтожение нашего народа.

– Ясно, – ответил Михаил. – Действительно, идет страшная война между светлыми и темными силами, если в этой борьбе потребовались такие наемники, как мы. Так с чего начнем? Действительно, братцы, придурки не унимаются. Мы нужны в том мире, где ещё есть зловредные улыбки.

– Во, во! – воскликнул Митька. – Один раз я у него услышал это слово, но не понял.

И нам с Михаилом пришлось немного рассказать о нашей борьбе с улыбочками. Тут вмешался Петр Петрович.

– А я их мерзавцев лекциями, лекциями в пыль превратил. У меня есть такие лекции, что я им такого накручу, что могу целый взвод уничтожить.

– Петр Петрович, ну хватит, ну что вы? Ну не надо так. Опять за свое! – возмутился Юра.

– Не буду, не буду я вам читать лекции, – замахал руками лектор. – Неженки чёртовы! Что вы все такие нежные? Я в Иркутске один раз выступал в институте. В обкоме партии попросили.

– Ну и как? – спросил я.

– Как, как, некоторые не поняли меня, а некоторые поняли. Я по глазам увидел, что обкомовские товарищи поняли. Их там было трое. Когда я читал лекцию на тему о социализме с человеческим лицом, у всех троих были расширены глаза. Плохо то, что студенты плохо слушали. Дремали. Было понятно. Что с них взять? Надо было им прочитать слабенькие лекции. Хотя они у меня все сильные. Я потом долго думал, почему после окончания лекции, в коридоре один из членов обкома стал душить меня. Я тогда не понял, и спросил, мол, за что он так ко мне обратился? Он весь мокрый был от пота, красный, чуть не бордовый. Он прохрипел: «Ты откуда таких слов и фраз набрался,

сукин сын! Ты что нам тут молот?! Мне уже передали, в вашем городке троих до обморока довел. И мне придется от давления лечиться. Чтобы твоего духу в областном центре здесь не было». В общем, погнали меня с треском. Но ведь в нашем районе меня считали лучшим лектором. Теперь только я понял, что мои лекции нужны в соседнем мире. Правда, наш секретарь Туманского райкома партии товарищ Подгузников как-то сказал: «Ты, понимаешь, Балаболкина и Дрожжина перещеголял со своими лекциями. Надо же, где ты только таких слов набрался? Голова. Но, не у каждого голова может выдержать твоих лекций. Уж на что я, понимаешь, и то два раза после твоих лекций по два дня приходил в норму. Так нагрузил меня, каналья, заковыристыми словечками, что я чуть с ума не спятил. Как же ты сам-то, змей, выдерживаешь?»

– Да, твои лекции чудо, – засмеялся Михаил. – В прах улыбочков отправил. А вот нам не надо читать.

– У нас тоже был лектор, – признался Митька. – Как-то в детдом лектор с области приехал. – Что он болтал, так я и не понял. Призывал к каким-то вершинам, и ещё к чему-то. Говорил долго, красиво, но непонятно. Я тогда думал вот о чем. Неужели коммунизм находится на высоких горах, что до него не добраться. Что я соображал в двенадцать лет? Зачем он нам так непонятно и долго говорил?

– Давайте лучше думать, что нам делать дальше? – спросил я.

От дома к нам шел комендант Гниломедов. Не меняется мужик. Он подошел к нам.

– О, старые знакомые! Солдаты вселенной. Настоящие наемники. Контрактники. Поздравляю с прибытием. В столовой были. Сообщили. Подгузницы нет. Сообщаю. Недавно был сам Подгузников с новой командой. Ему подобрали новичков, и куда-то отправили.

– Подгузницу выпили? – спросил я.

– Эта команда не пила. Перед новичками ему не прилично было пить. Загуляли здесь другие. Их остепенили. На каком-то корабле их отправили показать, как живут современники. Пере-

воспитают. Стрелов, ваша команда с Подгузниковым тоже были не чище. Другими стали.

– Все мы меняемся, – ответил я. – Ты ведь тоже изменился.

Он махнул рукой, поморщился.

– Посылали меня посмотреть на ваш мир. Стыдно стало, что я был таким. Но я был сыном своего времени. Засел за книги. Мечта написать книгу о нашем горячем времени. Только, где её издавать? Меня ведь давно нет в живых.

– А как мы с тобой встречались во времена Гражданской войны, тоже напишешь? – спросил я.

– Напишу. Мы с тобой часто встречались. Только твою фамилию изменю, да и свою тоже. Дюрд мне говорил, что он поможет. Они всё могут. Издадут. И никто не узнает, что написал книгу давно умерший человек. А теперь за дело. Дюрд велел мне вас встретить, и отправить в подвал дома.

– Значит, море отменяется, – вздохнул Митька. – Я ведь никогда на море не был.

– Если с ними задержисся, то везде побываешь, – улыбнулся Гниломедов.

Мы пошли к дому. Спустились в подвал, и встали под купол. Много раз здесь бывал. Куда теперь нас? Как всегда уснул и тут же проснулся. Берег широкой реки. Это Волга. А вот и бугор. На нем стоял шатер. Вокруг костра сидели пираты. Один из них готовил что-то в котле. Знакомая картина. Каждый раз, когда сюда попадал, эти пираты сидели у костра. Мы пошли к пещере. Огромное пространство под горой. Конечно, это один из отсеков ада. Вокруг круга грешники таскали тачки со своими грехами. Надсмотрщики стегали грешников кнутами.

Митька прижался к Федору.

– Что это? – спросил он.

– Ад, Митька, настоящий ад, – ответил Федя.

И тут среди этих грешников в рваных одеждах и окровавленных я узнал несколько человек из нашего мира. У нас они здравствуют. Узнал некоторых миллиардеров. Мимо нас катил тачку хозяин иностранной футбольной команды Абрамович. А вот в изорванной кепочке появился и Юра Лужков, бывший мэр Москвы. Показалась и высокая фигура Прохорова. Этот милли-

ардер мечтал стать президентом. Все наши миллиардеры здесь. За дело их сюда. Не надо бы обворовывать родное государство и народ.

– Я некоторых узнал, – прошептал Митька. – Они ведь ещё живые. Мама дорогая, как же так? Не пойму.

– А как ты здесь появился? – ответил Михаил. – Так и они. Все они воры. Как говорил Жеглов, вор должен сидеть в тюрьме. А в нашей несчастной стране им ещё и помогают, чтобы они не обеднели. Вот над ними идет высший суд. А когда проснутся в холодном поту, спина будет болеть. Подумает, что это у него радикулит. Конечно, приснится кошмар. Дано ему предупреждение, чтобы не воровал и не обманывал народ и государство. Возможно, в голове возникнет фраза «Не укради». Но, вряд ли они исправятся.

Мы вошли в длинный коридор. Знакомое место. Открыл первую дверь, и тихонечко закрыл. Там наша землячка Октябрина Правдина и жена Петра Петровича Пелагея Длиннохвостикова что-то рассказывали молодым греховодницам.

Последние слова Пелагеи всё-таки услышал:

– Среди вас есть и живые ещё. И поймите, что вы должны знать главную заповедь любой женщины. Вот эти слова. Я, всё-таки, женщина. Мужчины, а вы не заметили, что среди вас есть женщина. Каждого мужчину ставьте под каблук, пусть он будет хоть самым министром и президентом. Именно вы должны задавать любой тон, а не мужчина. В нашем маленьком городке Туманске я классно обкручиваю этих мужиков любого ранга. И они не понимают, что я с ними играю, как кошка с мышкой. Организую их на какое-нибудь деяние, а потом исчезаю. А они, как овцы собираются вокруг меня. Смешно до боли в сердце. Ох, и треплю я им нервы. Учитесь...

Мне стало страшно от такого признания.

Михаил заметил моё переживание, хотя всегда умел скрывать свои чувства.

– Что с тобой? Наверное, там была Правдина?

– Она надёжно знает свою полочку. Не будем об этом.

Митька тоже открыл дверь, и позвал нас:

– Не понимаю. Тут ничего нет.

Мы вошли в комнату. Действительно здесь было пусто. Даже стола и скамеек не было. Я стал разглядывать углы. Уже знал, что в таких комнатах есть зеркала. И оно было здесь. Оказывается оно стояло рядом с дверью. Из тенет и густой пыли его почти не видно.

Подошел к зеркалу и притронулся к нему. Рука свободно прошла внутрь. Все это заметили. Митька не выдержал:

– Мама дорогая, что это за язва такая здесь кругом?! Ядрена корень, одно сплошное волшебство! Расскажи кому, не поверят! А ну я попробую!

Он осторожно притронулся к зеркалу и тут же отскочил.

– Вай, вай, вот это да! Даже не почуял зеркало. Мякоть одна сплошная!

– А мы в эту мякоть войдем, – ответил я, и проник в другой мир. За мной последовали мои товарищи. И только Митька задержался. Сначала появилась его голова с взъерошенными рыжими волосами, потом он медленно и сам к нам проник. Даже упал на землю. Глаза его в испуге и от удивления дико вращались. Мы подняли его. Он весь дрожал.

– Мужики, а мужики, куда я попал? Где я? Это чо? Другой мир? Чо это?

– Митька, мы попали в параллельный мир на нашей планете, – ответил Михаил. – Именно отсюда и начнутся наши новые приключения. Удивлению твоему будет много. Но ты и к ним привыкнешь. Мы тоже самое испытали. Привыкли. Закались.

Новые приключения начинаются

Бескрайняя степь. Жара. Белесое небо без единой тучки. Вокруг кроме степи ничего не видно. Пыльная дорога уходила вдаль. И мы решили пойти по ней.

– Попали мы в непонятное пекло, – сказал Михаил. – Вроде в таком месте мы не были.

– Ещё хуже бывало? – тихо спросил Митька.

– Попадали в такой переплет, что сразу и не перескажешь, – ответил Федя.

- Хватит пугать парня, ну чего вы? Хватит, – ответил Юра.
- Я, конечно, извиняюсь, но у меня в глаз что-то попало, или показалось, – сказал Виктор.
- И что же вам показалось, товарищ поп Виктор? – спросил Михаил.
- Первое, я не поп, а иеромонах. А во-вторых, к иеромонаху не подходит слово товарищ. В данном случае вы могли бы обратиться ко мне так – уважаемый иеромонах Виктор, ну и так далее.
- Даже так? Хорошо. Уважаемый иеромонах Виктор, ну и так далее, что вам показалось? – спросил Михаил.
- Тьфу! – плюнул Виктор. – Зачем лишние слова? Просто иеромонах Виктор.
- Уважаемый просто иеромонах Виктор, что вам показалось? – заупрямился Михаил. Неожиданно Митька засмеялся.
- А вы, я смотрю, ядрена корень, веселые парни! А чо тут такова? Поп он и есть поп! Это у вас там разные звания, а нам-то, откуда всё это знать? Пусть будет иеромонах. У тебя ведь есть имя Виктор. Пусть будет Виктор. Я тебя так и буду называть. Для нас ты просто Виктор.
- А, Михаил говорит это с подвохом, – улыбнулся Виктор.
- Можно было бы и без моих званий обратиться ко мне по имени.
- Это не подвох, это сделано для общего настроения. Наш Дмитрий, как я понял, оправился после шока. Да ещё он понимает шутки. Надо Виктор жизнь принимать с юмором.
- Я юмора не понимаю. Да и в такой обстановке юмор не уместен.
- Зря. Даже в сложной обстановке надо уметь не грустить.
- Хватит вам спорить, – сказал Юра. – Ну чего вы? Вот опять. Сколько можно? Ну, хватит уже! Ну, что такое?
- А вы знаете, друзья, а Виктор прав. Просто он не договорил, что ему в глаз попало, – сказал Михаил. – А в глаз ему попала темная точка. И эту точку я тоже увидел. Возможно, там есть лес. Ведь дорога всегда к чему-то приводит.
- Извините, но я это и хотел сказать, а Михаил всё перевел на шутку. Поймите, друзья, это лес.

Да, это была широкая полоса леса. И даже была видна гора.

И вот дорога вошла в гущу леса. Деревья стояли вплотную к дороге. Темный проход напоминал тоннель. Здесь было прохладно и сумрачно.

– Кажется, мужики, потянуло дымком, – сообщил Михаил.

Мы вышли на небольшую поляну. Здесь протекала маленькая и бурная речка. На берегу стоял дом из толстых бревен. Крыша конусная. Таких крыш в нашем мире не ставят. А в остальном всё, как у нас в деревнях. Огород, ограда. За огородом начиналось поле пшеницы. За полем виднелась деревня. И там стояла тишина. Даже не слышно собак.

– Люди, возможно, в поле, – сказал Михаил. – Но, так как мы желаем воды, то нам надо устремиться к вожденной влаге.

– Чёрт, заученный! – засмеялся Федя. – Просто скажи так, надо искупаться и напиться воды. Переучка чёртова!

Мы побежали к речке. Пили воду, плескались. И тут к нам подошел человек. Одежда на нем такая же, как и у наших крестьян. На ногах лапти. Старина.

– Надо бы познакомиться, – сказал мужик на чистом русском языке. Конечно, можно было бы удивиться, но мы привыкли ко всяким неожиданностям. – Откуда вы молодцы, куда путь держите? Чтой-то давненько здесь никак не было.

– Издалека идем. Отсюда не видать, – ответил я.

– Из каких краев будете?

– Слушай, мужик, какая тебе разница, откуда мы идем. Идем, да идем. Путешественники мы. С едой бы ты лучи распорядился, а потом бы и допрашивал. С милицией связан ты или с полицией? Один хрен. Чо в лоб, чо по лбу, – ответил Митька.

– А може вы лихие разбойники? – насторожился мужик. Его маленькие глазки выражали хитрость.

Тут вмешался Петр Петрович.

– Слушайте уважаемый крестьянин, пахарь и колхозник в одном лице. Какие мы вам разбойники? Если я бы вам сейчас прочитал лекцию о развернутом социализме, вы бы изменили свое отношение к нам. Лекция начинается так.

Петр Петрович выпрямился, надулся, громко откашлялся.

– Ну, так вот. В то время, когда весь наш народ, напрягся...

Федя схватил его в охапку и хорошо потряхнул. Петр Петрович даже начал чихать и кашлять.

– Я тебе покажу, как надо напрягаться! Сучье вымя! Вот мерзавец, и здесь не унимается! Постыдился бы крестьянина пахаря и колхозника.

И тут, как гром среди белесого от жары неба, мужик неожиданно засмеялся. Маленькие и хитрые глаза раскрылись, и я увидел довольно большие глаза под цвет спелых вишен.

– Всё ясно. Это и есть знаменитый лектор Петр Петрович Длиннохвостиков. Ну а это, конечно Федор Копылов. Ясно. С приходом вас, друзья- путешественники во времени и в пространстве.

Он замолчал. Смотрел на нас и улыбался. Мы не могли ничего сказать. Меня в этом мире, я уже писал, ничем не прошибить. А тут даже я потерял дар речи. Кто этот человек? Мы стояли и молчали. Нарушил молчание Митька. Ему наше чувство незнакомо.

– А чо тут такова? Мужик, да мужик. Грамотный, вот он и начал болтать по-книжному. Вам так можно болтать, а ему нельзя? У нас был как-то один лектор, так он один раз болтал непонятно о чем цельных два часа. Красиво болтал, но непонятно. Такие слова у него были, что я их никогда и не слышал. Правда, когда он к чему-то призывал и учил нас вдохновляться на трудовые подвиги, ещё было немного понятно, а потом почему-то непонятно, но красиво и умно. Мне даже было немножко жалко его. Переучился мужик. А куда теперь денешься от этого переучения? Наш бригадир сантехников после этой лекции сказал, что этого переучку полечить бы надо. Бригадир наш был мужик умный, хотя за всю жизнь прочитал всего две книги «Родную речь» за четвертый класс, и одолел «Тимур и его команда». Хотя мне признался, что ничего там не понял.

– Хорошая команда, – сказал мужик. Он продолжал улыбаться.

– Чо лыбишься? – наконец спросил Федя. – Ну и чо? При слове арифметика меня дрожь берет. Причем тут это? Зато мы прекрасные воины. И этим вонючим улыбчикам не только хвоста накрутим, но и в пыль превратим их за их подлые улыбки.

Мужик перестал улыбаться.

– Вот с этого мы и начнем знакомиться. Платон Нарышкин. Из современной России. Москвич. Работал на заводе по автомобилям. Однажды вечером, когда я возвращался домой, то был похищен. Очнулся в рабстве у гелиозов. Вы их называли улыбки. Подходит. Бежало нас двадцать человек. Скрылись только двое. Я и мой товарищ Андрюха. Скрывались в пещере. Питались ягодой, орехами. Как-то раз Андрюха пошел вот в эту деревню. Думал хоть что-нибудь попросить из еды. Там его схватили гелиозы. Унесли в рабство. Но, меня настораживала тишина в этой деревне. Как-то ночью я пошел к этой деревне. Обыкновенные люди, но все они молчали. Оказались все глухими и немыми. Все эти люди чего-то боялись. Целыми днями проводили в поле. Я слышал, что гели во многих деревнях установили крепостное право. Собак не было. Тогда я понял, что всех людей гели взяли в рабство. Но, как-то было неприятно жить в этой деревне. Чего доброго могут и предать меня гелям. И я перебрался в этот дом. Он построен давно каким-то отшельником. А вот когда появились гелиозы, то он ушел в горы. И в этом дому я чувствую себя прекрасно.

– А как ты про нас всё узнал? – спросил я.

– Как-то я удачно порыбачил. Тут-то и образовался человек, словно из воздуха. Назвал себя Турасом. Он тоже из гелей. Фантом.

– Мы знаем его, – вставил Михаил.

– Конечно, я подумал, что всё! Пришли за мной. Перепугался и хотел нырнуть в воду. А ноги, будто к земле приросли. Вот он мне всё и рассказал о себе и о вас. Каждого обрисовал. И что, мол, вам будет нужна моя помощь. Вот так всё и было. А теперь можно вас и накормить свежей рыбкой, мясом, ягодой, грибами. Идемте в дом.

И мы вошли в дом. На всякий случай мы решили подстраховаться. Выставили охрану из одного человека. Бросили жребий. И он выпал первому дежурить Феде. Он сказал:

– Там хоть оставьте чего пожрать. А-то ведь всё слопаете!

В доме было чистенько. Настоящий крестьянский дом. Даже описывать нет смысла. А вот стены были пустые.

Платон отменно угостил нас. Даже пригодилась наливка из сбора разных ягод.

– Слушай, Платон, у тебя довольно старинное имя? – спросил я.

– Бабушка так назвала. Её в нашей семье все уважали и боялись. Она была из какого-то дворянского рода. После революции все родственники бежали за границу. Судьбу их не знаю. Бабка к тому времени вышла замуж за командира Красной армии. Так вот и спаслась. Пошли дети. Потом, как и должно быть, мужа арестовали и расстреляли. Она тоже была в лагерях. Боевая бабка. Она давно умерла.

– Родственники-то остались? – спросил Михаил.

– А как же! Жена. Двое детей. Дочь и сынишка. Жена работает учительницей. Не знаю, как они там. Теперь уж я не попаду туда. Я ведь попал в рабство в 1993 году. У Тураса я забыл спросить какой сейчас там год? Какой?

– Да, много ты здесь пробыл. А такой же молодой. Сейчас новый век.

– Вот это да, – ответил он печально. – Мои дети уже взрослые. Да и у жены другой муж. И дети, возможно, обзавелись семьей. А то, что я молодой. Это не навсегда. Пока мы рабы, мы можем жить столько, сколько пожелают гели. Как только мы сбегаем, или попадаем в свой мир, мы живем столько, сколько живет человек. Рабство страшное время. Даже вечности не желаю. Вы думаете, что вот эти крестьяне живут хорошо? Их постоянно истязают. Почти весь урожай отбирают, и куда-то увозят. В деревне есть скот. Только нет собак. Гели терпеть их не могут. Собаки громко лают на них. Гели всех собак перебили. Все эти крестьяне в рабстве. Похоже на крепостное право. Сначала гели всех крестьян куда-то увезли. Потом, видимо, спохватились. А кто будет расти зерно, выращивать овощи, разводить скот для молока, мяса? Эти улыбки только мясо едят. Остальное оставляют нам. А мясо у крестьян всё отбирают. Оставили здесь несколько богатых гелей. Они вроде помещиков.

– Может, тряхнем этих помещиков? – сказал Федя.

– Мы их в бараний рог свернем, – поддержал Федю Митька.

– Боюсь за крестьян, – ответил Платон. – Придут воины и перебьют крестьян.

– Они их не тронут, – ответил Михаил. – А кто будет мясо сдавать?

– Я их своей лекцией замордую, – сказал Петр Петрович.

– А я молитву им прочитаю, – добавил Виктор.

– Тоже кое-что могу им закатить, – сказал Юра. – Я их словами закручу.

– Турас рассказывал про ваши подвиги, – улыбнулся Платон.

– У вас есть женщины. Они тоже настоящие воины. Одна ваша Октябрина Правдина всех их вопросами замордуют.

Мы почти в один голос воскликнули:

– Не надо это имя произносить!

– У вас чистая мужская команда.

– Мы давно поклялись женщин не принимать в команду, – ответил я. – С ними одна канитель. Начнут требовать к себе уважения. Невозможно с ними поспорить. Всегда нас перебьют. Особенно одинокие женщины все капризные. Знакомые фразы. Я всё-таки, женщина. А вы, мужчины, не заметили, что среди вас была и есть женщина. Не надо нам их. Я только могу представить, какая у них образовалась команда из женщин.

– Это так, – засмеялся Платон. – Турас говорил, что они постоянно между собой скандалят. Не с кого уважения-то требовать. Делят власть. Ужас. Даже представить не могу. Ладно, о них. Что будем делать?

– Попробовать крестьянам дать свободу, – ответил Михаил.

– Мне кажется, что это не поможет им, – ответил Платон – Они до беспредела забитый народ. Вы просто не видели этих людей.

– А пойдемте в поле и посмотрим, на что они годятся, – предложил Михаил.

И мы пошли в поле. Конечно, пшеница поспела. Крестьяне срезали её в пучки и складывали на телеги. Нас поразили крестьяне. Это были дети в возрасте десяти лет.

– Они чо? Издеваются над детьми? А где взрослые?! – возмутился Федя.

– Этих помещиков надо перебить! – сжал кулаки Митька.

– Успокойтесь, – сказал Платон. – Это не дети. Такой здесь народ. Ведь это другой мир. А вы всех гребете под свой рост. А мир разный. Турас мне говорил, что есть параллельный мир, где живут одни животные. Там нет человека. Мир многогранный. И вас посылают только туда, где есть человек. Хотя и говорят они на другом языке. Есть параллельный мир, где нет человека, но есть животное в виде ящера. И они разумные. Также строят жилища. Бывают войны друг с другом. Там рабовладельческий строй.

– Почему тогда туда не пробрались улыбки? – спросил Петр Петрович. – Я бы им этого, как его...

– Не надо, – быстро ответил я. – У них головы маленькие, сразу спят.

Мы подошли к людям. Они быстро собрались вместе. Их было человек пятнадцать. Вроде это и не люди. Я обратил внимание на их узкие лица. Они похожи на птички, с заостренным носом и подбородком с губами. Совершенно испуганный вид. Человечки грязные, в лохмотьях. В глазах испуг и страх. Они дрожали. Крепко их напугали улыбки.

– Ядрена корень, чо вы так дрожите? Мы вам можем помочь! – крикнул Митька. Они упали на колени и воздели руки. Я услышал, как они начали пицать.

– Бесполезно, – сказал Платон. – Их не перевоспитать. И ещё. Они нашего языка не понимают. У них писклявый язык, похожий на птичий голосок.

– Мама дорогая! – воскликнул Митька. – Как же наш мир сложен! А мы вообразили себя царями на нашей планете.

Мы прошли мимо человечков, похожих на крупных птиц.

– Парни, а вдруг это были птицы. Мы думаем, что везде должны быть такие же люди, как и мы, – сказал Платон. – В этом мире эволюция выбрала птиц, и дала им какой-то разум. Но есть и нормальные люди. В моем доме, как я понял, жил такой же человек, как и я. Вы не видели деревню. Домики почти игрушечные.

– Возможно, в этом мире природа создала два разума? – спросил я.

– Всё это так, – ответил Платон. – А вдруг тот отшельник из нашего мира? Потом пришли гели, и он сбежал в горы. Попробовать ещё поискать следы разумных существ?

– А мы для чего здесь? – сказал Федя. – Найти улыбочиков, и всё узнать у них.

– Вот бы нам сюда для этого дела Октябрину с её вопросами, – сказал Федя. – И чтобы они не ушли от ответа...

– Не надо! – опять в голос ответили мы. Но наша землячка не появлялась. Мы всё её боялись. Оно и понятно. Не каждому хочется, чтобы она задала глубоко личный вопрос. А у каждого из нас есть личные тайны. Да и не до нас ей сейчас. В своей женской команде, возможно, идет шумная разборка насчет первенства.

Мы миновали деревню. Игрушечный городок. На скамеечке сидели две сгорбленные бабки, похожие на больных птиц. Даже увидели двух крошечных детей. Бабки и дети быстро скрылись за воротами. Мы поскорее убрались из деревни. Не надо смущать и пугать людей. Хотя они и похожие на птиц, но они люди. Мыслящие существа. За деревней мы увидели огромный, многокилометровый загон для скота. Нашему удивлению не было конца. В загоне ходили настоящие коровы, какие есть у нас. Среди них паслись лошади, овцы, козы. Ходили куры и гуси. Вот это новость!

– Как же так?! – воскликнул Митька. – Мама дорогая, да чо же это? Ядрена корень, такое невозможно! Кто тогда за всем этим смотрит? Эти крошки не справятся с таким двором!

Мы стояли у плетня. Рядом с нами возник настоящий петух. Он похлопал разноцветными крыльями и запел свою извечную, петушину песню.

– Деревня, – сказал Федя. – Настоящий колхоз. Даже молочно пахло. Вот бы сейчас парного молочка.

– Всё это странно, весьма странно, этого, как его, от удивления и увиденного, я чуть не забыл свои лекции, – нервно засмеялся Петр Петрович.

– Совсем бы их у тебя вышибло, – проворчал Федя.

– Э, нет, Федя, это моё главное оружие против улыбочиков, – ответил лектор.

– Парни, а ведь нам необходимо разобраться в этом вопросе,
– предложил Михаил.

– В жгучем вопросе современности, так Петр Петрович?
Помню, у вас у лекторов все вопросы были жгучими.

– Да, да это было так. Тут я вспомнил...

– Не надо вспоминать, – перебил я.

– Есть у меня по этому делу маленькая...

– Не надо маленькую. Никакую не надо. Нам не до этого, –
ответил я.

– Но я хотел...

– Не надо хотеть. Потом захотите, когда дело приспичит.

Никто не появлялся. Это настораживало. А так, как в этом мире всё возможно, то я имел право подумать, а не проделки ли это улыбочиков? Всё вот это может вмиг исчезнуть.

Я перелез через плетень, и подошел к корове. Погладил её. Она никакого внимания на меня. От неё пахло молоком. В метрах трех стоял небольшой сарай. Я зашел в него. Это сарай для птиц. Они здесь несли яйца. В маленьком загончике бегали цыплята и гусята. Здесь была объемная ванна, сделанная из кирпича и глины. В ней плескались утята и гусята. Добрый хозяин всё это сделал.

В сарай вошли и мои друзья. Мы взяли по куриному яйцу и выпили.

– Всё натурально, – сказал Михаил.

– Ядрена корень! – воскликнул Митька. – Мама дорогая! Как всё это понять. Никакого соображения в голову не приходит. Такие карлики, и вдруг все наши животные и птицы.

– Я, извиняюсь, но что-то здесь не так этого, как его, – подал голос Виктор.

– Я, конечно, сомневаюсь, но всё такое странно. Ну, хватит мудрить. Ну чего вы опять. Как можно. Хватит уже строить тайны! Вечно вы ищите тайны! – громко ответил Юра. – Я тоже сомневаюсь. Мы уже двое сомневающихся граждан. Наконец, что здесь происходит на самом деле?

– Всё реально, и это факт, – ответил Михаил. – Но эту задачку надо решить. Выходим на свежий воздух. От этих плимутроков, гусят и утят меня скоро стошнит.

Мы вышли на свежий воздух. Ничего не изменилось. Все животные на месте. Вот только перед нами стояли улыбочки. Их было около двадцати.

– Кто это? – спросил Митька. – А говорили, людей нет. А они вот.

– Дмитрий, это и есть улыбочки. Наши злейшие враги, – прошептал Михаил.

– Зачем сюда пришли? – вышел из строя улыбочик. – Что вам здесь надо? Всё шпионите? А вы знаете, что мы делаем со шпионами.

– Знаем, – ответил я, и прошептал: – Вот этого мы не учили. Как-то надо бы выкручиваться.

Вперед вышел Петр Петрович. Он поднял руки для приветствия.

– Господа высшей расы гелиозы! Мы есть ваши добровольные рабы. Разве можно нас всех ровнять с вашими неумными мозгами. Вы есть кладезь мудрости. Вы прибыли на планету Земля с добрым намерением, чтобы помочь нам, подлецам, протравленным идеологией пошлости, пойти пятимильными шагами к вершинам коммунизма.

Тут вышел вперед Юра.

– Лекция твоя о приближении к сияющим вершинам коммунизма тем будет хороша, если к этой вершине прикрутить сантехнический патрубок. А к нему присобачить вентиль на одну крутку. Господа, гелиозы, вы умные господа, и враз разберетесь в нашей проблеме по устранению грязи в унитазах. Конечно, вы поможете нам справиться с баннным обществом мели Емеля твоя неделя. В то время когда великий лектор Петр Петрович Длиннохвостиков будет впаривать в ваши головы шизофреников неповторимые слова, трубка на вершине коммунизма заржавеет. Он столько знает лекций, что если будет их втискивать в ваши котелки, то от времени эта труба от древности отпадет. И коммунизм вырвется на свободу, будь он не ладен...

Я видел, как у Митьки всё более раскрывался рот. Но главное, улыбочки падали замертво и рассыпались в прах. Всё было кончено.

Митька стоял, как статуя. Только вращались глаза. Рот он не закрывал.

Петр Петрович и Юра вытирали рукавами пот. Жарко мужикам. Лектор откашлялся, повернулся к Юре и сказал:

– Молодец, что поддержал. А вот насчет коммунизма ты это зря выразился. Будь он не ладен. Зачем так? Ведь это мечта всего прогрессивного человечества.

– Согласен. Но я не принадлежу к прогрессивному человечеству, – ответил Юра. – И, как я давно понял, что кроме вас, никто из нашей команды не принадлежит прогрессивному человечеству.

– Это фигурально, – нервно ответил лектор.

– А, бросьте, Петр Петрович. Фигурально он сказал. Бросьте. Хватит уже об этом. Ну, хватит уже. Ну, что вы прямо. Мы с вами немного поиграли и будет.

Петр Петрович стал нервничать, махать руками.

– Как вы можете! Эта великая идея разработана великими людьми. Как вы можете?

– Разработана она гениальными пройдохами для окучивания и одурманивания народа. Вот и весь вам ответ.

Петр Петрович стал чихать и кашлять. Он махал руками и беззвучно разевал рот. Надо пожалеть лектора. Я подошел к нему, и положил на его дрожащее плечо руку.

– Успокойтесь, Петр Петрович, успокойтесь. Если бы вот сейчас были рядом улыбки, от вашего спора они бы рассыпались. Для такого спора поберегите силы. Нам ещё предстоят сражения.

Лектор перестал чихать и кашлять.

– Пусть он не трогает коммунизм. И потом, как можно великих людей назвать пройдохами? Это же низко и не культурно.

– А я человек бескультурный, – засмеялся Юра. – И мне можно быть таким. А может, я тренировался для будущей битвы с улыбочками? А что? Ловко получилось? Ловко и классно.

Наконец-то, Митька пришел в себя.

– Что это было? Не понял. Как так можно? А мне тоже можно? В другой раз я им такое подпущу, что они враз окочурятся. Я хорошо запомнил одну лекцию районного лектора. Примерно так

начинается. И опираясь на гранитный фундамент марксистко-ленинской теории...

– Стой! Стой! – остановил я его. – Это было. Про гранитный фундамент уже говорил Петр Петрович. Ты что-нибудь новенькое придумай.

– Запросто. Я ишо подумую. Наш секретарь всегда говорил, чо он всё утрясет и пробудурует.

– И это было, – ответил я. – Ты свое придумай. На последней работе, что тебе ярко запомнилось?

– За лошадьми я ухаживал. И как-то кобылица Марфа укусила меня за спину. Боль была ужасная.

– Вот и трекни им про кобылу Марфу, – нервно засмеялся Митька. Видимо, ещё удивление не проходило.

И тут проявился Турас. Митька совершенно окосел. Опять открыл рот. Я давно заметил, у кого от удивления или ещё от каких-то встрясок открывается рот и долго не закрывается, у этого человека непорядок с извилинами. Но, Митька нам подходит. Так, видимо, решили наши отправители. Конечно, рот может открыться, но он быстро закрывается. Это нормально.

Турас оглядел место, где только что были улыбочки, и сказал:

– Видел, видел. Замутили вы их. Молодцы.

– Мама дорогая! – прохрипел Митька. – Чо это? Ядрена корень, как это? Завсегда такое будет? Какая канитель здесь бывает!? Умереть, не встать! Комедь моей матушки! Чо это? А?

– Это только начало, – сказал я. – Успокойся, Дмитрий, успокойся. Ты здесь такого насмотришься, что ночью вздрагивать будешь.

И я подумал вот о чем. Митьке надо побыть с нами. Полезно. Глядишь, извилины свежие появятся под твердой коробкой большой рыжей головы. Вот и верь после этого большеголовым товарищам! Шалишь. Не надуешь. Помню моего друга Ивана Ивановича Иванова. Когда-то преподавал в МГУ. Профессор. Кандидат исторических и философских наук. После Горбачевской перестройки и Гайдаровских реформ был уволен, как сотни талантливых ученых. Просто были выброшены на улицу. Иванов подался в бомжи. Путешествовал со мной в другие миры.

Был он небольшого роста, худенький, и голова маленькая. А ведь был умный мужик. Следовательно, и не в голове дело. Возможно в плотности мозгов, и в наличии в нем извилин. А связаны они с космическим разумом. Мы все подпитаны оттуда. Давно это заметил. Бывают у меня такие моменты, когда я начинаю глубоко работать над рукописью, то полностью отключаюсь от современности. Я весь в рукописи. Могу даже перепутать день с ночью. Тут я вспомнил незабвенного лектора Дрожжина. У него была крупная голова. А в ней сплошные лекции о коммунизме и атеизме. Больше там ничего не было. Так что в величину головы и в ней много ума, давно не верю.

– У меня вопрос вот о чем, кто эти карлики? А скот? Что это?
– спросил Михаил.

– Отвечаю по порядку, – сказал Турас. – Народ этот коренной житель этого мира. Вы изображаете другие миры, похожие на вас. Какой эгоизм! Эти люди всегда выращивали зерновые культуры и разные овощи. Народ этот миролюбивый, не воинственный. Жили они в этом мире в добре и согласии. В меру употребляли мясо. Насчет животных. Это совершенно другое дело. Эти гелиозы начали понемногу перебрасывать сюда разных домашних животных и птиц. Так что в этом мире таких животных здесь не было. Есть такие живности, но они тоже мелкие.

– А зачем им наши животные и птицы, если они могут из воздуха любую пищу сотворить? – спросил я. Турас засмеялся.

– Из воздуха пищу невозможно сотворить. Если на столе перед вами появится пища, то она не из воздуха появляется. Её где-то производят. А то, что эту пищу пересылают в пространстве, это и я могу сделать. Значит, есть где-то кухня, где всё готовят. Я передаю свои мысли в кухню. И мне доставляют всё то, что я закажу. Даже не мысль. Я вижу эту кухню и поваров. И прошу, чтобы они доставили нам нужную пищу.

– И ты это можешь и сейчас сделать? – осторожно спросил Митька.

– Заказывай. Доставят мои невидимые повара.

– А поварихи есть? – тихо спросил Федя. – Этакую бы сюда пухленькую повариху можно?

Турас нахмурился.

– Федор, тебе бы только пухленьких женщин подавай. У нас все повара мужчины. Есть женщины. Но, они не для вас. Они занимаются чисто домашними делами, и находятся с детьми. Это у вас женщины везде лезут, а ещё уважения к себе требуют.

– Мне бы поесть, – тихо попросил Митька.

Через какое-то время, будто из воздуха появился стол, лавки. А вот и доставлены чашки. В них куски мяса, похлебка, нарезанный хлеб, и другие нужные продукты.

– Вот это всё принесли повара. Так что все продукты настоящие. Тоже самое бывает и у гелей.

– А как же с домами? Вдруг появляются красивые дома, и тут же могут исчезнуть, – спросил Федя, медленно подвигаясь к столу. Митька же стоял, как статуя, с открытым ртом.

– Там совершенно другое. Я даже на первый раз не могу объяснить. Главное здесь, четкое воображение.

– Гипноз, – ответил Михаил.

– Там всё глубже. То, что создает гипнотизер, это мишура. А вот гелиозы могут создать деревню, фонтаны и прочее при помощи своего сознания. И все они осязаемые. Вы, наверное, помните. Вы даже находились в такой деревне. Вроде всё реально, и в тоже время всё может исчезнуть. Ведь ваши ведьмы тоже создавали реальные вещи, и они тут же исчезали.

Обо всем этом я описал в своих предыдущих книгах.

– Мне кажется, что вы ещё испытаете подобное, – ответил Турас.

Федя набросился на еду. Мы последовали за ним. Не растерялся и Митька. Он жадно ел мясо, запивая похлебкой. И с его лица не сходили улыбка и удивление.

Насытившись, мы отошли от стола, и он тут же исчез.

– Фантастика. Сказка. Как в сказке, – сказал Митька. – Скажи кому, в психушку отправят.

– А ты никому не говори, – ответил Федя.

– Они многое что могут, – сказал Платон. – Всё это время он молчал, и старался стоять в стороне. Я его понимал. Он, видимо, боялся, что мы опять исчезнем, а куда он? Останется здесь навсегда.

– Послушай меня, Платон, – обратился я к нему. – Тебе нет смысла возвращаться в свой дом. Теперь ты с нами. Вот эта сцена с улыбочками только начало. Мы кое с кем поговорим, и они помогут тебе вернуться домой.

– Какой смысл? Сейчас я ещё молодой, а моя жена давно замужем за другим. Появились от него дети. Да и у моих детей уже дети. Я просто перепугаю их. Да и примут ли они меня? Там я чужой. Как-нибудь мне надо где-то устроиваться в этом мире. Вот только дальше от гелиозов.

– Мы немного повоюем с этими тварями, – сказал Федя. – И ты давай с нами. А там будет видно.

Тут вмешался Турас.

– Я думаю, что Платон будет не против моего предложения. Мы его возьмем к себе. Появится своя семья. Я уже думал об этом.

– Всё это так, теперь нам куда? – спросил Михаил. – Я думаю, что улыбочки не будут подозревать карликов в том, что они убили их соплеменников?

– Конечно, нет. Карлики не способны на такое уничтожение. И потом, они хорошо знают этот миролюбивый народ.

Мы решили продолжить путь. Платон пошел с нами. Турас на время исчез. А вот когда мы достигли леса, и пошли вдоль небольшой горной речки, перед нами проявился Турас.

– Вот за этой горой расположился лагерь гелиозов. Они любят окружать себя роскошью. Сами увидите. У подножья горы стоят два космических корабля. Я пока исчезаю.

Мы шли по густому лесу. Вообще надо сказать, что в этом мире довольно странная природа. Бескрайняя степь. И вдруг за степью начинается густой лес. Если войти в него, то надо пробиваться долго и упорно. Высокая трава, деревья растут почти вплотную. Густо-зеленые ветки на деревьях находятся сплошняком. Лес резко заканчивается, и опять начинается степь. В степи несколько раз мы видели диких животных. Но они непохожие на наших животных. Есть животное похожее на козла, но оно прыгает, как кенгуру, и без рогов. Пробежала лошадь. Она чуть выше собаки. Пока птиц я не видел. Как я понял, этот мир карликовый.

И вот лес закончился. Вдоль опушки вела дорога в распадок. И тут мы увидели этих лошадей. Как и у нас, они запряжены в телеги. Повозок было около двадцати. Их вели карлики. На повозках небольшие мешки, глиняные кувшины.

Лошади встали. Карлики сгрудились и с ужасом смотрели на нас.

– Слушайте, вы, сморчки потусторонние, мы вас не тронем, – обратился к ним Федя. – Но, мы не будем вам улыбаться. Мы не ваши хозяева улыбки. Видите мы, люди сурьезные.

– Ядрена корень! – воскликнул Митька. – Мама дорогая! Это полная комедь моей матушки! Умереть не встать! Вот это я попал, мать их за ногу! Карлики! Они ведь должны в цирке вкалывать, а они здесь. Скажи, кому не поверят!

– Как я понял, они везут дань своим хозяевам. Не будем их трогать. Воспитывать их на борьбу с улыбочками бесполезно. Пусть себе идут.

Мы одновременно поклонились им, и они быстро разбежались к своим повозкам. Караван тронулся в путь.

– Бесполезняк с ними разводить толковище, – сказал Федя.

Обоз скрылся за поворотом леса.

– Надо идти к горе, – предложил Михаил. – Турас сказал, что они поселились у горы. Как раз туда двигается караван. А мы по-тихому последуем за ним.

Мы так и сделали. Между двумя горами увидели красивую деревню. Мы уже знали, что это бутафория. Она в любой момент может исчезнуть. Караван вошел в деревню. Легли в густую траву и стали наблюдать за происходящим в деревне. В основном дома одноэтажные. Но есть и двух этажные дома с балконами. В деревне преобладал зеленый цвет. Всё в цветах. Кругом фонтаны, беседки. Никаких животных не видно. Мне кажется, что там нет даже мух и комаров. Всё стерильно.

– Это они так живут? Чёртовы чистюли! – возмутился Митька. – Их бы в наши деревни поселить. В любой колхоз бы направить. Сразу бы забыли про чистоту.

– Я с тобой согласен, – сказал Федя. – У нас тоже такие гуси в городе есть. Это они шибко переучились. Ходят, как гвозди, плечами дергают, при слове культура вздергивают плечами и тянут

губы трубочкой. Когда начинают говорить и всех поучать, то начинают сюсюкать и шепелявить. Зачем? Я видел их на собственных дачах. Обыкновенные люди. Даже невозможно узнать этого товарища. Как-то мне надо было заменить вентиль на трубе. Я тогда на дачах подрабатывал сантехником. Пришел на участок и увидел эту учительницу, и не узнал. Она тогда пасынковала помидоры. Обыкновенная женщина. И тут меня кто-то дернул за язык. Решил спросить, как она восприняла приход Горбачева к власти? И тут я увидел, как она стала меняться. Не только лицо, но и фигура менялись. Я тогда это хорошо запомнил. Она выпрямилась, передернула плечами, откинула голову, и стала очень серьезной. Губы поползли вправо и вытянулись в трубочку. «Ну, понимаете, вроде ничего, но должна кроме этого быть внутренняя культура. Ну, конечно, в нем что-то такое есть, и в голове, возможно, много мыслей. Ну, в общем, время покажет». Я быстро поменял вентиль, и скрылся. Пока я менял вентиль, она вдохновенно говорила о недостатке в нашем народе культуры. Лучше бы она помидоры пасынковала. Всё какая-то есть польза. Я ещё тогда подумал, что она переучилась. И от этого не знает, куда себя приспособить. Все вокруг её недоучки и полудебилы, а лишь она одна умная.

Я тоже знал таких товарищей в нашем городе Туманске. Для них окружающие его люди недоучки. Это их дело. А есть такие товарищи, на всех смотрят с недоверием. Местных газет не читают. Не признают и местных авторов. Они читают только классику, цитируют древних философов. А если их пригласили на какой-нибудь творческий вечер местного поэта или прозаика, они шепчутся с таким же как он товарищем, и громко обсуждают каждого выступающего. Постоянно хихикают и шепчутся. И что главное, они считают себя самыми культурными, интеллигентными товарищами в городе и в районе.

И вот из деревни выехали подводы. Они были пустыми. Карлики проехали мимо нас.

– Вот и вся канитель, – тихо сказал Митька.

– Я ещё не могу придти в себя, – сообщил Платон.

– Тебе-то чего не приходиться в себя, – сказал Федя. – Будто не знал про это такое вот рабство.

– Я не про рабство. Пусть они себе возят. Если им нравится возить дань, то пусть и возят. Я про другое дело. Я про вас. Рядом со мной наши люди. И они постоянно воюют с гелиозами. Я ведь думал, так и проживу свою никчемную жизнь в одиночестве.

– Не переживай, – ответил Федя. – Турас тебя устроит среди своих. Подберешь себе нужную бабенку. Детей наплодишь. И сойдутся и будут размножаться две цивилизации. Гордись, Платошка! Ты станешь открывателем. Я бы тоже хотел стать открывателем, но меня не подпускают к этим бабам. Говорят, что это разврат.

– А разве это не разврат? – строго ответил Михаил. – Если Платон останется, то это навсегда. Ему потребуется семья. Вот и весь ответ. А ты? Кто ты? Кто мы? Кто я? Мы сегодня здесь, а завтра нас перебросят домой сотворенных из непонятно чего. Мы есть энергетические субстанции, с оставленным разумом из нашего мира. Мы негодны к семейной жизни для этого народа. Годные осязаемые товарищи только для разврата.

Тут я решил войти в этот разговор, хотя никогда не любил спорить. Но истина должна быть истиной.

– Был я в мире волосатиков. Там из наших мертвых людей, брали что-то там, и производили людей. Есть там такие великие ученые Дригис и Маол. Так получилось, что я переспал с одной зеленоглазой, и она забеременела. Так они мечтают получить кровь от живого человека. Мы хоть сотворены из какой-то энергетической субстанции, но в нас есть та частица крови, какая есть в нашем мире.

– Хотя они и умершие, но они из нашего мира, – возразил Михаил. – А здесь все эти товарищи не только из другого мира, но и с чужой планеты.

– Жаль, что здесь нет Дригиса и Маола. Они бы пошли на эксперимент между двумя цивилизациями, – ответил я. – Интересно, а что получится между Платоном и его женщиной с другой планеты?

– Пусть они в этом вопросе сами разбираются, – ответил Юра. – Хватит болтать. Ну, чего вы? Ну, хватит уже. Хватит. Надо думать, что делать дальше.

Перед нами возник Турас.

– Два корабля за деревней. Один совершенно пустой. А в другом корабле, находятся два пилота. Они из нашего народа.

– Почему не сбегут? – спросил я.

– У гелей они в рабстве. Невозможно сбежать.

– Извините меня, но они ведь тоже умеют исчезать. Вот и пусть исчезнут, – сказал Виктор.

– Как от них сбежать, если гели сами также исчезают, – ответил Турас.

– Мы всю эту канитель разнесем, – предложил Платон.

– Я согласен, – ответил Федя.

– Любая ваша физическая сила здесь не поможет, – вздохнул Турас.

– Да бросьте кочевряжиться, – вступил в разговор Юра. – Чего вы, как дети. Хватит об этом. Всё. Наверное, забыли, что их можно взять неожиданной хитростью. У нас один Петр Петрович чего стоит.

– А что опять я? Что вам мои лекции? Сдались вам мои лекции. Да не буду я вам читать лекцию. Успокойтесь, – с грустью ответил Петр Петрович.

– Я не про то, что вы нам будете читать, а я подумал об улыбочках.

Петр Петрович даже встрепенулся. Он вскочил. Расправил худые плечи, передернул ими, вскинул голову, как это умеют делать опытные учителя, и вытянул губы трубочкой вправо.

– Ну, если вы меня просите, то можно прочесть о современной культуре. Я им такого накручу, что даже сам не понял, что я там написал. Надо же так накручивать предложения в статье в политических журналах из советского времени, что голова у меня кругом шла. Не беспокойтесь. Я их все наизусть вызубрил, как школьницы-подхалимки старших классов рвущихся к медалям.

–Извините, я этим школьницам, получившим медали, никогда не верил, – ответил Виктор. – При поступлении в институт они по-русскому языку могут свободно получить двойку или на крайний случай тройку. Таких девочек навидался.

Петр Петрович стоял и, как я понял, он готовился пойти в решительный бой. Турас тронул его плечо, и лектор лег рядом с нами.

– Сейчас рано действовать. Ночью можно.

– Слушай, Турас, нас уложил, а сам стоишь и ничего? – спросил Михаил.

– Они меня не видят.

Он велел нам лежать до темноты.

И вот пришла ночь. Появился Турас.

– Наши воины готовятся к наступлению. Нам надо выручить двух наших товарищей. Оказывается один наш не пилот. Мы думали, что пилот. Он известный в нашем мире ученый. Он скрывался в горах на нашей планете. Его поймали и вот доставили сюда. Расстреливать его не будут. Они хотят сломить его волю, заставить работать на них. Он великий ученый. Как его выследили, я не знаю. Он работал над тем, чтобы вернуть наш народ к прежнему телу. Нам не нужны фантомы. Я уже говорил вам, что гелиозы из многих нашего народа сделали фантомов. Мы хотим быть настоящими людьми, как и вы.

– Но, разве это плохо, чтобы быть иногда невидимым, и проникать сквозь стены? – спросил я. – Я видел, как ты появлялся в моей комнате.

– Мы и без них это свободно делаем. Но, фантом, совсем другое тело. Это почти бездушное и жестокое животное. Вы уже видели их. Это и есть фантомы. Настоящие гелиозы другие. Вот эти фантомы свободно могут летать в космосе без скафандров. На вашей планете есть настоящие гелиозы. Но, их мало. Они руководят фантомами.

– А те ваши фантомы, которых сделали улыбки, тоже злые и коварные? – спросил Михаил.

– Нет, нет, они остались прежними.

– Так в чем разница? – спросил я.

– Их используют в рудниках, и на других грязных работах. Они могут жить столько, сколько это нужно гелям.

– И эти улыбки могут жить по заказу долго? – спросил Федя.

– Сколько нужно. Они достигли в науке многого. Устаревшие детали в организме меняют на новые детали. И рабы тоже так же живут. Но рабы не желают так жить. Стараются убежать. Вы потом многое узнаете. И кто эти улыбочки на самом деле вы тоже узнаете. Теперь становится всё ясно, – ответил Турас. А Михаил спросил: – Но ведь где-то они берут эти самые человеческие детали?

– Как где? Крадут ваших людей. Берут у них частичку того материала, который им нужен. Иногда отправляют обратно. Такие люди, как обычно, недолго живут. И ещё. Ваш человек умер. Его отправляют в морг. А там появляются гели. Их же не видно. И берут материал. Его оживляют, и вживляют в тело геля. Кстати, когда они расстреливают людей, вы видели, как они расстреляли людей, они забирают у них живой материал. Придет время, и вы узнаете всё об этих зверях с фигурами человека. Пока мы не будем вам говорить о них.

Я описал сцену расстрела в пятой книге «Отчаянные придурки».

– Но всё это, извините, против всего человеческого! – возмутился Виктор. Он стал креститься и молиться. Потом добавил: – Ведь это великий грех и безбожно.

– Как мы поняли, в этих гелиозах нет души, – ответил Турас. – Вся она ушла к темной силе. Это абсолютно бездушные твари. И остановить их некому. Мы вот думаем, что надоест всевышнему разуму смотреть на все эти безобразия, и наведет космический порядок. Конечно, битва будет страшной. Даже невозможно представить это столкновение светлых сил с темной силой. А ваши команды из вашего мира хорошо помогают бороться с темной силой.

– Ты так здорово по-нашему балакаешь, – сказал Митька. – Как по – писаному трекаешь. Настоящий лектор. Ты запросто можешь заменить Петра Петровича.

– А что это меня менять? Я свои лекции никому не отдам! – возмутился Петр Петрович.

– Никто вас заменять не собирается, – ответил Турас. – Вы не превзойденный лектор. Это надо всем признать. А то, что говорю так складно, так я давно научился у вашего народа. А с вами,

Петр Петрович, я не собираюсь равняться. Где мне до вас. От вашей умной лекции, даже у меня в голове произойдет мозговое потрясение. Я тоже боюсь ваших умных лекций.

Петр Петрович от такой похвалы даже стал надуться и пыхтеть.

– Я, брат, того, этого, как его, любого лектора разложу на лопатки. У меня брат того, на любую тему есть лекции. Я вам, Турас, на досуге, как-нибудь по-блату одну лекцию прочитаю. Умная лекция.

– О сияющих вершинах, – прыснул в кулак Митька.

– Смешно, да? Смешно. Есть и такие лекции. Есть, например, лекция о возникновении человека от обезьяны. Начинается она так...

Он хотел было подняться, но Турас пригвоздил его к земле.

– Потом, Петр Петрович, всё потом. Сколько времени займет ваша мудрая лекция.

Оказывается Турас тоже человек с юмором. Петр Петрович захмурил, и пытался подняться, но попытки не удались. Он ответил:

– Ладно. Что с вами сделаешь. Держите меня. Я когда читаю лекцию, мне надо двигаться. А читать эту лекцию могу до двух или трех часов, смотря какая аудитория.

– Всё понятно, – ответил Турас. – Вы ещё пригодитесь с вашей потрясающей лекцией. Вас будет слушать любопытная аудитория. Вы останетесь довольные. Ну, вот и вечер наступил.

Быстро темнело. В горах темнота приходит раньше обычного. Во всей деревне загорелся свет.

– Я думаю, что мы с этой армией улыбочиков сразу не справимся, – сказал Михаил. – Давайте двинем к кораблю. Надо освободить ваших товарищей.

Это предложение все поддержали. И мы поползли к тому кораблю, в котором сидел ученый.

Корабль охранял отряд из десяти клонов. Вокруг корабля было светло. Удивительное состояние. Не было столбов и разных проводов. Откуда шел свет не понятно. Словно сам воздух был светлый. Будто здесь был настоящий день.

– Я им лекцию прочитаю о возникновении разумного существа. Я обещал вам прочитать лекцию. А я первым прочту этим товарищам из другого мира.

Он встал и пошел к клонам. Это были действительно настоящие клоны. Как родные братья двойники.

Я уткнулся в землю, и зажал уши. Моему примеру последовали и мои друзья.

– Всё кончено, – услышал я голос Тураса. Я встал. Поднялись и мои друзья. Клонов не было. Петр Петрович вроде был недоуволен.

– Как же так? Но, нельзя, же так! Я ведь им прочитал свою мудрую лекцию только третью часть. Я только вошел в ритм, а они не дослушали, и стали падать. Один товарищ ещё крепился. Решил его поддержать. Я держал его крепко и надежно, и продолжал читать ему лекцию в ухо. А он почему-то выл и скрежетал зубами и обещал скормить меня каким-то гырзам. Что это такое, Турас?

– На той планете есть такие хищные животные. Вы, Петр Петрович, умница.

– А, в общем-то, я и, правда, молодец, – выпятил грудь наш лектор. – Конечно, с одной стороны, обидно. Не дослушали такую лекцию! А с другой стороны, я ведь настоящий герой. Уложил наповал целый взвод клонов!

– Герой, герой, Петр Петрович, – похвалил Михаил. – А теперь нам надо пробиться в корабль.

Мы подошли к кораблю. В книге «Сон в тумане» я описал такой корабль. Как я понял по величине они разные. В сотне метров от нас стоял огромный корабль. В окружности со стадион. А вот этот корабль небольшой. Оба корабля круглые, зеленовато-грязного цвета. Корабль, к которому мы подошли в окружности был не больше тридцати метров. По бокам круглые, маленькие, круглые окна. Высота корабля около пяти метров. Я потрогал его. Теплый. Постучал. Но это не металл. Платон вынул нож и ткнул его в корпус. Нож скользнул по поверхности, и даже не было видно царапины.

– Вот это дербедень! – прошептал он. – Из чего же его составляли?

Турас ответил:

– Состав металла нам неизвестен. Но наши корабли тоже сделаны из особого металла. И он в глубоком секрете. Даже гели не могли добиться. Этих ученых взяли в плен. Не добившись, расстреляли.

Турас приложился телом к корпусу корабля, и тут же исчез. Зачем он нас бросил? Но, через какое-то время, в стороне от нас раскрылась круглая дверь, и он позвал нас войти, что мы и сделали.

И вот мы оказались внутри космического корабля. Я даже во сне не мог представить, что окажусь в самом настоящем корабле. Стал рассматривать его внутренность. Но было не до этого. Взволнованный Турас только и сказал:

– Платон, тебе не надо было сюда входить!

– Почему? – спросил он.

– Мы взлетаем! Они нас обнаружили! Теперь они включают автоматику! Мы пропали!

Это было последнее, что я услышал. Потерял сознание.

Часть вторая

На краю Вселенной

В плену

Открыл глаза. Лежал на полу. Но он не жесткий. У меня даже была подушка. От неё пахло свежими травами. Огляделся. Мои друзья по одному поднимались и молчали. Только не было среди нас Турса. Я попытался спросить у друзей, что это было с нами, но не мог произнести, ни слова. Мои друзья стали махать руками. Значит, и они лишены речи. Стояла такая тишина, что мне казалось, я слышал биение собственного сердца.

Стал ходить по небольшой комнате, если её можно было так назвать. Стены голые сделанные из сплошного материала бледно-зеленого цвета. На одной стороне маленькие и круглые абсолютно черного цвета окна. Только сейчас понял, что мы находимся на космическом корабле.

Дверей в трех стенах не было. Просто глухая квадратная камера без нар. Как говорится, космическая тюрьма.

Я и промычал эти слова, на что получил ответ на чистом русском языке.

– Ты прав. Вы находитесь в тюремной камере на космическом корабле. Вас сейчас накормят, двуногие звери гырзы. Не сорить, каналы. Туалет в левой стороне. Нажмите синюю кнопку. Принять душ, красная кнопка. Если вам нужно, подколодным змеям, задать вопрос, нажмите зеленую кнопку. Вы ведь так ругаетесь? Мы ещё поговорим с вами, гуси лапчатые.

Тут неожиданно у меня появился голос.

– Ты, убудок стоеросовый, крыса помоешная, а ну открывай дверь, мразь болотная!

Заревели и ребята. И опять тишина. Мы опять онемели. Снова появился голос.

– Вот и хорошо, облезлые собаки. Мы тоже начинаем с вами разговаривать на вашем языке. Такой у вас красивый язык, а вы портите его какими-то грубыми словами, подвальные крысы. Мы укрепили вашу камеру против ваших противных голосов. Теперь мы не слышим ваших мерзких и грубых голосов. Теперь мы вам возвращаем ваши голоса. Кричите хоть до упада, и мы его не боимся.

И действительно, голоса к нам вернулись. И тут я решил спросить.

– А какие у вас голоса? Может ваши голоса, похожи на змеиное шипение? И потом, как вы услышите наши вопросы, если стены законопатили?

– Услышим. Всё услышим. Ещё услышите.

– Слушай, ты змеиная шкура, куда нас везешь на своем дрондулете? – спросил Федя.

– Поговори нам, поговори. Ещё узнаете, куда везем, и у вас волосы встанут дыбом. Ваш Турас у нас тоже в плену. Отдыхайте.

– Слушай ты, куриный пупок, отправляй нас на место! – закричал Платон.

– Ух, ты, голос подал раб. Мы тебя поглубже отправим. Раб не должен повышать голос на своего хозяина. За это получишь наказание.

– Я тебе сейчас лекцию прочитаю! – закричал Петр Петрович. Тишина.

Как в тюрьме открылось окошечко, и в нашу камеру, я так буду её называть, стали нам подавать чашки. Вся эта еда напомнила мне тюрьму. Точно такая же баланда, и кусочек хлеба.

Пришлось есть. Нам нельзя терять силы. Они ещё пригодятся.

Мы потеряли время. Здесь всё время было светло. Где мы находимся, было не ясно. Почему так долго стоит корабль на одном месте? Видимо, решают нашу судьбу.

– Жалко Тураса, – сказал я. – Это он за нас пострадал.

– Он решил спасти ученого, – поправил меня Михаил.

– Какая разница, все мы попали в плен по-глупому, – ответил Федя.

– Я, конечно, извиняюсь, но этого, того самого, я молюсь за наше избавление, – ответил Виктор.

– Их молитвой не возьмешь, – ответил Юра. – Ну, хватит оправдываться. Хватит. Ну, чего вы прямо? Зачем? Они услышат наши оправдания. Не надо бы перед ними унижаться.

– Попробовать разбить окно, – сказал Платон. – Вот только нечем стучать.

И вдруг в мой мозг ворвались слова Турса. Я его голос сразу узнал. Конечно, он в каждого из нас отправил свои слова. И то, что я, да и мои друзья услышали, повергло нас в шок.

– Это стекло не разобьете. Это не стекло, а это особый сплав. Успокойтесь. Возьмите себя в руки. Вы находитесь в космосе. Этот корабль летит на планету гелиозов. Все мы здесь находимся в плену у клонов-фантомов. Потом поговорим. Сейчас вам не до моих разговоров.

Турас замолчал. Мы все смотрели друг на друга и молчали. Такая сцена мне напомнила сцену из пьесы Гоголя «Ревизор». Я не мог вымолвить ни слова. Испуг? Удивление? Разочарование? Конец? Все эти чувства сразу вместились в меня. Такого чувства в своей сложной и многогранной жизни ещё не испытывал. Значит, всему конец? Немного разбирался в космосе, в физическом отношении к организму человека в космическом пространстве на корабле. А ещё если лететь в дальний космос, то, сколько лет и веков пройдет на земле? Я пришел в ужас! Конечно, и мои друзья так подумали. Стоп! Но ведь я, как помню, вошел в сосну. Моё тело проникло сквозь дерево, или ещё через что-то. Если я, вот такой сотворен из каких-то энергетических материалов, схожих с моим организмом, то где моё родное тело? Где оно находится? И оно будет все века находиться в определенном месте? Тогда зачем и кому буду нужен через столько веков? Люди в будущем будут другие, намного умнее, да и язык наш изменится. На потеху мы туда попадем? И посадят нас в клетку, и будут, как обезьян возить по городам на показ. Вот, мол, какие мы были в древности, ограниченные и тупые. Мне стало страшно.

Мы все сели на пол. Видимо, наши ноги отказали держать. Мы долго молчали. Первым нарушил молчание самый образованный среди нас человек, бывший профессор Михаил.

– А что тут такого, друзья? Что? Разве человечество не мечтало попасть на космический корабль пришельцев, и побывать на других планетах? Вот мы и побываем на чужой планете. Что тут такого? Зачем паниковать? А ну, возьмите себя в руки.

– Но пройдет столько веков! – прохрипел Петр Петрович. – И кому будут нужны мои лекции?

– Сдались тебе твои лекции! – зло ответил Федя. – Мой охотничий участок кому-то отдадут. Вот что меня беспокоит. А то мне тут полез со своими глупыми лекциями. Через столько лет они вызовут тока смех, да и тока. Лекции. Помолчал бы уж с ними.

– Э, Федя, не скажи. Этого, того, они моим лекциям удивятся. Скажут, прозорливый я был и мечтатель. Они ведь уже будут жить при коммунизме.

– А ты о сияющих вершинах болтал, – не сдавался Федя.

– Да, болтал! – чуть не закричал лектор. – Предвидел. Всё предвидел, скажут они. Всё равно они оценят мои лекции, как предвестника коммунизма!

– И памятник тебе водрузят, – хихикнул Федя.

Петр Петрович замолчал. Он встал и стал ходить по камере. Возможно, стал мечтать о том, как ему поставят памятник из бронзы.

– Что вы все переполошились, – продолжил говорить Михаил. – Почему вы уперлись в то, что на земле пройдут века? Кто вам такое сказал?

– Ученые. Много читал об этом, – ответил я. А Михаил сказал:

– Всё так. С тобой согласен. За основу любого путешествия в космосе, взяли за единицу скорость света. К примеру, космический корабль, посланный, в дальний космос землянами летит к созвездию Андромеды, к какой-нибудь планете. Ученые предполагают, что там есть жизнь. Бродят там такие же придурки вроде нас. Мы ведь всё берем на собственный пуп. Там должны быть такие же люди, как и мы. А если там всё другое. Это раз. Скорость света. А вдруг в другом созвездии разумные существа достигли той скорости, которая нам и не снилась? Такое возможно? Да. Безусловно, возможно. А теперь хорошо и здраво подумайте. С какой скоростью и за какое время гелиозы прилетели к нам из

дальнего космоса? Ведь тогда и у них за это время пролетят века. А ведь они всё делают планомерно по отношению к другим мирам. И конечно, за более короткое время. О каких веках может тут идти речь? Это два. И ещё. Уже некоторые товарищи из нашего окружения побывали в космосе и хоть немного знают о его строении. Есть в космосе каналы. Они связывают все созвездия между собой. И если попасть в один из этих каналов, то можно попасть за весьма короткое время из одного созвездия в другое. Поэтому переживать не надо. Наоборот, надо настраиваться на оптимизм, каким обладают все мои друзья. Я давно пришел к выводу, что во все такие команды, как наша, подбирают настоящих оптимистов. Нытиков нет среди нас. Все мы придурки, и это ясно, но нытиков нет. Так что, друзья выше голову. Всем встать, и давайте двигаться.

Все стали подниматься. Как-то я даже описал строение космоса, когда на какое-то время побывал там. Космос состоит из невидимых каналов. И через них можно попасть в любое созвездие. Наша наука ещё такого не достигла. Мы находимся только в зародыше. Многие ученые даже не признают этих каналов. Мол, космос чист, и безжизненный. Странно. А как же тогда на метеоритах обнаруживают разные живые молекулы. На наших космических кораблях даже обнаруживают плесень. Что это? А ведь это тоже жизнь. Возможно, некоторые страшные болезни прибыли к нам из космоса. Выходит, что космос населен? А плазма? Некоторые её сгустки обнаруживают за сотни километров от земли. Что это? Ведь там тоже находится жизнь.

Я подошел к окошечку, приткнулся к нему и стал вглядываться в чернильную темноту. Мимо проплыло что-то маленькое яркое, и похожее на бакен на реке, который указывает фарватер. Возможно, это какая-нибудь звезда. Долго вглядывался в темноту. И вдруг увидел почти рядом мутноватую стену. Эта мутность похожая на утренний густой туман, который двигался из распадка. И эта мутность не двигалась, она плотно как бы стояла за окном. Мутность, естественно окружала нас. Возможно, это и есть один из космических каналов, по которому летел наш корабль. Я отошел от окна. Там была чернота. Было понятно, что, только прислонившись к окну, можно что-то разглядеть.

Интересно, за какое время мы пролетим от земли до другого созвездия?

Мои друзья ходили по камере. Молчали. Слова Турса и речь Михаила вроде успокоила всех. Появилась надежда благополучно и во время вернуться в наш мир.

– Теперь надо всё обдумать, – продолжал говорить Михаил. Мы не обсуждали кандидатуру старшего товарища. В той команде у нас был командир Подгузников. И это было ясно. Он был секретарем райкома партии, да и старше всех нас. А в новой команде мы стали всё больше прислушиваться к Михаилу. Он и старше нас, да и всё-таки в институте преподавал. Кандидат наук, профессор. Командир и старший в любой команде должен быть, особенно в наших необычных условиях. А иначе будет полный разброд. Хотя я и говорил, что все мы одинаковые, но был не прав. Должен быть старший в команде. – Главное, надо всем успокоиться. Как я понял, да и во все времена такое было, наше нервное состояние идет на пользу улыбочкам. Спокойствие и только спокойствие. Раз мы на космическом корабле, то должны успокоиться, потому что в данный момент мы отсюда не вырвемся. Поэтому ждать удобного случая. Наш друг Турс тоже в плену. Но, он что-нибудь придумает. Конечно, друзья мои, хотелось бы взглянуть на чужую планету. Какая она, и кто эти улыбочки в действительности? Разве это не интересно?

– Да ещё как интересно, – ответил я. – Надо ждать сигнала от Турса.

– А вдруг нас подслушивают? – вдруг спросил Юра. – А мы тут начали разглагольствовать. Ну, хватит уже. Довольно. А вдруг слушают?

– Не должно такое быть, – ответил Михаил. – Как я понял, Турс всё предусмотрел. Но, надо быть в этом вопросе осторожными. Тут Юра прав.

– Нам надо как-то убить время, а давайте я вам одну чудесную лекцию прочту, – предложил Петр Петрович. Мы все крикнули:

– Нет! Не надо! Очень просим, не надо!

– Не надо, так не надо.

Тут подал голос Платон.

– А что? А можно попробовать. Будешь говорить непонятно, но красиво. Давай отойдем в сторонку. Сядем в уголок, и ты мне начнешь читать лекцию.

Петр Петрович и Платон устроились в уголке камеры. Я слышал, как бубнил лектор, но слова было невозможно разобрать. Пусть читает. Мы старались обходить этот угол.

Нам подали еду. Петр Петрович подошел к окошечку, чтобы взять свою чашку с баландой. Платон тоже встал. На его лице плавала непонятная улыбочка, черные, как спелые вишни глаза округлились и почти не мигали. Это было что-то новое. У Платона, как я уже писал, были рыжие волосы, да и лицо было в конопушках, а вот глаза черные. Он медленно подошел к окошечку, продолжая улыбаться. Чашку взял, и тоже медленно, и даже покачиваясь, пошел в свой угол. Он сел, чашку поставил в сторону от себя.

– Как это? Чо это? Чо это? Чо это? – задавал он вопросы. Он очумело смотрел перед собой. Потом он неожиданно встал, и, продолжая странно улыбаться, подошел к лектору и схватил его за горло.

– Я тебе, сука заученная покажу обезьяну! Человеком она стала? Я тебе покажу сейчас высокие горы. Вы посмотрите, этот переучка призывал к каким-то горам! Я тебе покажу вершины и сияющие сопки!

Мы бросились отбирать лектора от сильных рук Платона.

Еле оттащили от бедного и задыхающегося лектора. Мы держали Платона. Он вырывался. В основном его держал Федя. Платон дико улыбался, даже можно сказать скалился.

– Сволочь, переученная! Он мне такого намолол, что у меня что-то в голове звянькнуло. Ничего не соображал, чо он болтал. И всё куда-то звал меня. Такие слова придумал, чо я ни черта не мог сообразить к чему они? Потом я не помню, чо со мной было. Дайте, я его хоть разок по его голове трахну, чтобы забыл все свои лекции...

– А ты не понял, что мы сразу отказались слушать лекцию? – сказал я.

– Понял, понял, но я как-то слушал одного лектора. Он болтал долго, непонятно и красиво. Вот я и хотел его послушать.

Платон медленно успокаивался. Наконец он перестал улыбаться. Потом спросил:

– Неужели его люди слушали?

– Слушали, Платон, слушали, – ответил я. – За все эти лекции, когда он их читал на предприятии, он отмечался и получал за них деньги.

– Да, получал, – ответил Петр Петрович, приводя себя в порядок. – Да я вам и не собирался читать лекции. Это Платон захотел послушать. Вот и послушал. Опять я виноват? До каких пор я буду виноват? Я ведь тренируюсь читать лекции, когда придется выступать перед улыбочками. Ну, раз захотелось Платону послушать, то я даже обрадовался.

– Ты меня чуть не уморил заковыристыми словами, – ответил Платон. – Я же чуть с ума не спятил. Красиво-то красиво говорил, но так закрутил, ажно внутри у меня всё заглодело. У тебя же в твоей голове ничего не холодеет?

– Не холодеет. А зачем холодеть? Я все свои лекции помню.

В это время перед нами появился Турас. Как и улыбочки он улыбался.

– Тебя улыбочки научили так лыбиться? – спросил Федя.

– Мы ведь тоже умеем улыбаться, – ответил Турас. – Дело не в этом. Ваш Петр Петрович настоящий герой.

– Как это? Он ведь меня, чуть с ума не свел! – воскликнул Платон.

– Повторяю. Петр Петрович спас нас всех.

Тут действительно тронешься умом. Но, Петр Петрович, видимо, что-то сообразил. Он преобразился, и стал пыхтеть и надуваться.

– Молодец, Петр Петрович. Молодец! Объясняю для непонятных. Гелиозы всё время вас прослушивали. Все ваши переговоры они слушали. Все. И вот, когда Петр Петрович стал читать умную лекцию Платону, они тоже стали слушать. Я же знал всё про такие лекции, и отключил слух. Подсказал ученому и пилоту, чтобы они тоже отключились. У нас был ещё один наш пилот, но он отказался отключаться. Стал слушать. Гелиозы все превратились в пыль.

– А что случилось с вашим товарищем?

Турас вздохнул и развел руками.

– Он просто потерял память, лишился дара речи. На вашем языке это называется...

– Спятил мужик, – вставил Митька Хвощ.

– Это так. Мы его поместили в капсулу. В ней человек может спать сутками. И за это время вылечивается от многих заразных болезней.

– Но ведь мои лекции не могут быть заразными! – воскликнул лектор. Он перестал пыхтеть и надуваться.

– Ваши лекции обладают огромной заразной эпидемией. Вы посмотрите, скольких гелиозов вы можете превратить в пыль! – ответил Турас. – И мы тоже боимся ваших лекций, ваших непонятных для нашего разума изречений.

– Извините, пожалуйста, гражданин Турас, но, как его, понимаете, этово, тово, как же тогда вы возитесь с нами? Какой в этом смысл? – спросил Виктор.

– Да, да, где ваша в этом выгода? – спросил Юра. – И бросьте оправдываться. Нехорошо. Хватит оправдываться. И хватит с нами играть в кошки-мышки. Хватит. Ну, что это такое? Мы люди взрослые, а вы с нами словно с детьми играете! Хватит безобразничать!

– Зачем вы обиделись? Не понимаю. Разве не понятно? Вы всегда боролись и боритесь с темной силой, – ответил Турас. Он уже не улыбался. Он был очень серьезный. – А разве гелиозы не темная сила? Вы и дома боритесь с темной силой. Вашу команду отправили в соседний мир для борьбы с ней. Это была наша просьба, чтобы хоть кто-то из разумных существ помог нам. И вот стали прибывать лихие команды, вроде вашей. Какая выгода? Не понимаю. Вы прибыли к нам на помощь. И в этом огромное вам спасибо. Но ведь эти гелиозы и в ваш мир проникают. Это выгода? Значит, вы и своему миру помогаете. В этом выгода?

– Всё ясно, – ответил Михаил. – Тема по выгоде закрыта. Теперь о вашем товарище. Как скоро он вылечится от сумасшествия?

– Вылечим. А в остальном Петр Петрович настоящий герой. Но, Петр Петрович неожиданно загрузил.

– Петр Петрович, ты, что это голову повесил? – спросил я. – Ты сделал великое дело. Ты спас нас. Всю команду Тураса спас. Гордись. Хватит голову вешать.

– Всё это так, – ответил лектор. – Оказывается мои лекции, в этом мире настоящая заразная эпидемия.

– Для гелиозов, да, – ответил я. – А народ Тураса научится защищаться от наших речей.

– Хоть бы улыбки не научились, – ответил Платон. – Хотя, вряд ли кто в этом мире научится нас слушать, особенно Петра Петровича. Он своими лекциями о сияющих вершинах, целую армию клонов, с ума сведет. Да, вот это лекция! До сих пор я не могу прийти в себя. Прямо перед глазами так и торчат обезьяны с лицами человека, да ещё эти вершины глаза от яркости режут. Кошмар! Но, поздравляю. Такого удара по своей дурной голове я ещё не ощущал. Занимаясь боксом, таких ударов, не получал. Молодец! Я уже не обижаюсь на тебя. Так улыбочкам и надо. Пусть знают наших, особенно Петра Петровича.

Лектор наконец-то улыбнулся, даже просиял.

– Всё восстановлено, – сказал Михаил. – Теперь что делать дальше?

– Мы приглашаем вас, осмотреть корабль. Увидите, как он управляется.

Раскрылась дверь. И мы увидели узкий коридор. Непонятно откуда горел свет. Мы шли, а по бокам коридора раскрывались двери в номера. Мы увидели в них топчаны, кресла. Значит, там, где мы были, это была настоящая камера для арестованных. Двери за нами закрывались. Турас говорил:

– Эти номера для гелиозов. А теперь в них будете вы и мы. Сейчас в этом корабле нет гелиозов.

Мы вошли в небольшое помещение, напичканное разными приборами. Впереди было черное окно в диаметре около двух метров.

– Это смотровое окно, на вашем языке, – сказал Турас. У окна было три кресла. В одном из них сидел человек. Конечно, это был дежурный пилот.

– Это наш главный пилот по имени Тин.

– А где ваш ученый? – спросил Михаил. – Мне бы хотелось с ним познакомиться.

– Сейчас он в отдельном отсеке. Нам надо всё рассчитать. Ведь гелиозы в том мире, откуда мы вылетели должны знать, что команда гелей-клонов жива.

– Но ведь нас будут встречать и там, на той планете. Как тогда? – спросил Михаил.

– И это надо рассчитать. Ведь и там не должны знать, что корабль захвачен их рабами.

В этом отсеке было несколько кресел. Турас пригласил сесть в них. Даже несколько кресел было свободны. Они были удобны, мягки.

– Теперь вам надо показать звездное небо, – сказал Турас. – Нажмите правую синюю кнопку.

Я нажал синюю кнопку. Тут же впереди меня появилась дельта похожая на портсигар. Он находился на конце блестящего стержня. Портсигар придвинулся к моим глазам, и я увидел звездное небо. Было такое ощущение, словно я попал в планетарий. Я оторопел. Наше звездное небо и сам млечный путь я знал с детства. Я мог часами вглядываться в родное небо. По квадратам умудрялся даже сосчитать видимые звезды, но так и не считал. Здесь же я увидел чужое небо. И звезд было мало.

Услышал голос Михаила.

– Как это понять? Где мы находимся?

То, что ответил Турас, меня привело в замешательство.

– Мы находимся на краю вселенной.

– Как это понять? На краю нашей галактики?

– Нет. Мы вашу галактику уже давно миновали. Миновали несколько галактик и разных созвездий. Как вам объяснить? Представьте все галактики, какие только есть во вселенной, после того, как все они образовались, в определенном порядке летят в космическом пространстве по строго определенному маршруту устроенному Всевышним разумом. Так вот вся эта вселенная с множеством галактик и созвездий имеет границу. В общем, место, где заканчивается последняя галактика, созвездие, и даже последняя планета. Конечно, все они завязаны в одну вселенную. И это понятно. Так вот, планета Тор, находится на

самом краю вселенной. Эта планета и есть гелиозов. Она немного больше вашей земли. Вы её увидите. Мы летим к ней. Таков маршрут корабля. Мы не можем изменить его полет. Почему? Да, потому что, ещё при старте его направили в данный канал. Из него невозможно вырваться, как невозможно вырваться из черной дыры. Мы прилетим на планету Тор. И ещё вот почему мы летим к ней. Всё ради нашего ученого. Они захватили его, и решили доставить на свою планету. Прихватили и вас для изучения. Ну и меня с вами взяли.

– Так мало звезд, – тихо сказал Михаил.

– Потому что мы находимся на самом краю всего звездного пространства. В этой огромной окружности, летящей по определенному маршруту в космическом пространстве две звезды, похожие на солнце находятся на самой границе. Планета Тор освещается и согревается двумя солнцами. Представьте, с одной стороны остались звездные галактики с разными созвездиями, с другой стороны совсем нет звезд и галактик.

– Там космическая пустота? – спросил Михаил. – За ней космическая бесконечность?

Турас некоторое время молчал, потом чуть улыбнулся и ответил тихо и загадочно:

– Это вы с Юрием до этого добрались. Знаю я вас. Мечтателей и фантазеров. Давайте так. Не всё сразу. А, в общем-то, нам и не надо бы знать, что там, за этой далью. Не для наших голов. Такой вопрос и ответ сложнее будет для головы, чем самая сложная лекция Петра Петровича.

– Опять моя лекция помешала? А если честно, то из вашего разговора я мало что понял, – сказал лектор.

– Все переучки так говорят, – ответил Федя. – Вы напомнили вопросы и ответы. На вас нет Октябрины Правдиной. Она бы быстро привела вас к понятному разговору.

– Не надо её сюда! – крикнули мы хором.

Михаил добавил:

– Мы находимся в замкнутом пространстве. Отсюда никуда не скроешься.

– Теперь и я боюсь, – ответил Платон. – Может, она задаст такие вопросы, что и не убежать от неё.

– Нам бы всё обдумать насчет всей канители, – сказал Федя.
– Как и чо делать-то, как сядем на эту самую Тору.

– Вот это правильно, – ответил Турас. – Мы приближаемся к планете. Сядем в глухом месте.

– Но, они нас заметят, – сказал Михаил.

– Правильно. Мы вам не сказали, да и всё равно бы вы не поняли, мы сейчас для них невидимы.

– Как можно стать невидимому такому кораблю?

– Наш ученый Вокрен многое что может. Этого не знают гелиозы. Любую вещь он может на какое-то время сделать невидимой.

– То, что вы исчезаете, и проникаете сквозь стены, это мы видели, но чтобы сделать такой корабль невидимым, то это что-то, – сказал Михаил.

Мы увидели, как медленно к нам приближалась планета. Похожа она на нашу землю, определить невозможно. Потом пойдем.

И вот мы сели. Раскрылась дверь, и мы увидели местность. Если здесь реки, озера и моря, мы пока не знали. Постараемся узнать. А пока надо ознакомиться.

– С кислородом вроде нормально, – сказал Михаил.

– Оно и понятно, – ответил Турас. – Здесь такой же воздух, как и у вас. Во многом это и привлекло первых разведчиков ваша планета. Да и не только это. Потом поймете.

– А где ученый Вокрен? – спросил Михаил.

– Он невидим для вас. Сейчас он обследует местность.

Перед нами гора, скалы. У её подножия густой лес. Вдали видна небольшая равнина, за ней снова горы. На вершинах снег. Деревья раскидистые. Трава зеленая и густая. Здесь должно быть хорошее пастбище для травоядных животных. Но пока я их не видел.

– Ложись! – приказал Турас. – Летят гетро.

Мы бросились в густую траву. Над нами пролетели летающие аппараты. Это не самолеты и не вертолеты. Крулые и блестящие бескрылые аппараты в диаметре около десяти метров. Они не шумели. Но, я слышал пиканье. Итак, мы оказались

на чужой планете, в незнакомом и чужом мире, где живут злобные завоеватели.

Знакомство с неизвестностью

Что делать дальше мы не знали. Одно я понял, что здесь надо быть осторожными. В чужом мире всякое может быть, тем более эти улыбочки могут быть невидимыми.

За большим кустом что-то промелькнуло. Какое-нибудь животное.

– Там что-то есть, – сказал Юра. – Немного разглядел. Похожее что-то на зайца. Но он ростом с собаку. Что это? Я, конечно, сомневаюсь, но, по-моему этот мир весь в загадках.

Юре можно верить. Он всегда сомневается, но говорит правду, и никогда не врет и ничего не придумывает.

Мы пошли за куст. Турас остановил нас.

– Только прошу никакой ягоды и фруктов с деревьев не рвать и не есть. Так нам сообщили гелиозы. Мы ещё не проверили их на вредность. Можете отравиться. Я вам сейчас пришло нашего человека. Мне надо исчезать. Дела. Вот он и будет вашим гидом.

Турас исчез, и тут же из воздуха втиснулся парень. Необычного в нем ничего не было. Перед нами стоял такой же человек, как и мы. Он был весьма серьёзный. Парень был темноволосый, с большими глазами под цвет спелых вишен.

Он тут же представился:

– Зовите меня Гале.

Митька хихикнул.

– Ты же мужик, а не девка. Чо такое имя-то? Галка, значит, Галя, Галина.

– Меня зовут Гале, а не Галя и Галина. Гале. Вы все здесь шутники, а я шуток не понимаю и не признаю.

– Турас и то понимает шутки. Мы такие вот, шутковать любим, – ответил Федя. – А как ты наш язык-то освоил?

– Вы меня на этом корабле не видели. Я был в техническом секторе. И там изучал ваш язык. Ваших грубых слов не собирался изучать и не запоминал.

- Ну и подсунули нам антилигена, – проворчал Федя.
- Это вас нам подсунули, – быстро ответил Гале. Тут тихонечко так приблизился Петр Петрович.
- Вы, товарищ Гале, не сердитесь на них. Они все здесь шутники, а вот Стрелов ещё и фантазер. На эту тему у меня есть лекция.
- Гале резко повернулся к лектору.
- Не надо. Чтобы потом меня лечили от безумия? У вас ещё будет время показать себя перед гелиозами. А теперь слушайте меня. Без моего разрешения ничего не трогать и не срывать для еды. Здесь другой мир, и он для вас может быть очень опасен.
- А ты чо это нам тут антимионию развел? – возмутился Федя. – Ты смотри, он ишо и кочевряжится? Постыдился бы. Чо выделяться-то? Вы на нас похожие. Посмотрите на Платона. У них и глаза похожие друг на друга.
- Это правда, – ответил Михаил. – Глаза большие и словно вишни. Только Гале черноволосый, а Платон рыжий.
- Будто мы из одного улова, – ответил Митька. – И не надо бы шибко выпендриваться тут перед нами.
- Здесь и мне пришлось заступиться за Гале.
- Вы что тут пузыритесь? Гале прав. Этот мир для нас совершенно чужой. На нашей планете мы попадали в параллельный мир, это ясно. Но, это наша планета. Изменения тоже были, и мы их быстро понимали. Бывали сказочные моменты. Но, поймите, это чужой нам мир. Всё здесь чужое, начиная от созвездия и до этой планеты. Что вы на него напали? Он наш гид. А как бороться с улыбочками, покажет обстановка.
- И то, правда, – ответил Михаил. – Надо внимательно слушать Гале. И прошу здесь некоторым горячим товарищам не бунтовать.
- Вот за этим кустом скрывается не заяц, а хищник. Но он для нас не опасен. Его зовут просто тута, – сообщил Гале.
- А где нам еду добывать? – спросил Федя.
- Первое то, что нам надо уходить от этого места, как можно дальше. Корабль они не увидят. Он ещё пригодится, – ответил Гале. – А вот приборы могут засечь ваши тела. Конечно, они уже

знают, что ваша группа наемников уже на планете. Но, конкретно, вас не определяют. Вы сойдете за местных жителей.

– Они тоже варварские завоеватели? – спросил Юра.

– Хорошее сравнение. Есть не варвары. Обыкновенные крестьяне. Но их мало. И они против завоевателей. Их дело заниматься туризмом и производством продуктов, одежды и другими хозяйственными делами.

– Извините, как его, того, этого, что такое заниматься туризмом? – спросил Виктор.

– У вас говорят, что надо заниматься земледелием, от названия планеты Земля. А на этой планете Тор, можно сказать так, надо заняться туризмом. Конечно, на их языке, это слово произносится по-другому. Но, я вам сказал, как говорится, популярно.

– Ясно, – ответил Михаил. – Идем туда, куда поведет нас наш гид Гале.

И мы пошли вдоль горы. Тут я почувствовал, как под моими ногами что-то загудело.

– Свернем влево, – сказал Гале. – Это небольшое землетрясение. А то с горы посыпятся камни.

Мы свернули влево. Здесь оказалась дорога. Мы и пошли по ней.

Мы увидели чудо. В метрах пятидесяти от нас через дорогу переходило непонятное животное. Не то лошадь, не то огромный баран.

– Вот это да! – воскликнул Митька. – Умереть не встать.

– Мама дорогая! – крикнул Платон. – Это чо за камуха такая?! Ядрена корень! Это уму непостижимо.

– Это гобетоус, – ответил Гале. – Мирное животное. Это та же лошадь. Вон ещё идут. Пасутся гобетоусы.

– Чуть не автобус, – засмеялся Митька.

Гобетоусы медленно переходили дорогу. Мы остановились. Людей не было видно.

– Сами себе пасутся. Дикие? – спросил Михаил?

– Домашние. За ними идут два пастуха. Вы их не видите. Это рабы. Среди местных жителей этой планеты есть тоже униженные и оскорбленные. Настоящие рабы. Я с ними переговорил.

Сообщил им, что вы им никакого вреда не сделаете. Наоборот, могут в чем-то помочь. Пусть думают. Они вас не выдадут, в том числе и меня не выдадут.

– А как бы нам пожарть? – спросил Митька.

– Я бы тоже не прочь с куском сала побаловаться, – сказал Платон.

– И про это я у них спросил. Вот за этим леском стоят несколько лачуг. В них и живут рабы-скотоводы. Они могут всех нас накормить.

– Вроде мобильников нет, а они уже о нас знают? – спросил Юра. – Сомнения прочь. Это другой мир. И надо привыкать к разным ситуациям.

Дорога шла к густому лесу. Неожиданно через дорогу спокойно переползали ящерицы. Одна из них вцепилась в сапог Михаила. Он пытался её сбросить, но она крепко держалась.

– Тварь ползучая! – громко сказал Михаил. – У нас таких ящериц нет! Они здесь хищные. Это гырза!? О ней говорили, что самый злой зверь на этой планете?

– Гырза не такая. Она похожая на гиен. А это ящеровидная гелиз. Кстати, вы не убивайте её. В этом народе гелиозов, священное животное, как в Индии коровы.

– Но, ведь она напала на меня! – возмущился Михаил.

– Она почувствовала чужака. Своих и местных жителей рабов она не кусает.

– А как она чувствует, что я чужак?

– Очень просто, а для вас сложно и непонятно. Потом узнаете, почему она на вас напала. Обходите этих тварей стороной.

Мы постояли, пока ящерицы не проползли дорогу. Ящерица отцепилась от сапога и неожиданно быстро побежала за своей хищной стаей.

Решили побежать, чтобы больше не встретиться с ящерицами. Лес здесь был похожий на тоннель. Его быстро прошли. Сразу за ним стояли лачуги. Иначе эти домики не назовешь. В основном они собраны из камня.

Пока мы бежали и вышли к лачугам, три раза качалась и гудела под ногами почва. Она меня не удивила. Похожая на нашу землю. Трава росла густая, и ярко-зеленая. Для травоядных жи-

вотных здесь был настоящий рай. Так что ящерицу, если она будет в траве, можно и не заметить. И ещё я заметил, скорее унюхал. Немного пахло гарью. Обо всем этом я и решил спросить Гале.

– Галь, послушай меня. Ящерицы понятны. Они и у нас зеленые. То, что хищные тоже ясно. Другой мир, и здесь всё возможно. Дымком пахнет, а вроде ничего не горит. И потом эти толчки и гул? Что это?

– Мы знали, что вы зададите эти вопросы. С гелизами понятно. Ещё кое-что узнаете, почему их нельзя трогать. А вот дымок и толчки с гулом это уже интересно. Планета стала бунтовать. Начались землетрясения, вулканы, гейзеры. Вот и стелется такой запах по всей планете. Из неё все ископаемые вычерпали. Планета постепенно, как бы выживает гелиозов. Они все знания пустили на технику и космос. Потом узнаете, кто эти гелиозы. И удивитесь. Уже несколько планет они завоевали, в том числе и нашу планету. Наша планета тоже бунтует. Гелиозы давно обнаружили в космосе эти каналы, и путешествуют по ним в другие галактики в поисках нормальных для жизни планет. Им ваша Земля понравилась. Сейчас они постепенно внедряются в ваших людей. Да вы уже это знаете. Гелиозы будут завоевывать удобные для них планеты, и заселять их.

– А зачем им рудники? И что они там добывают?

– Они любят золото и платину.

– Золото, наверное, все любят. Но я слышал, что они в рудниках добывают радиоактивный металл, – сказал я.

– Мы всё время тоже так думали. Недавно узнали, что это ложь. Зачем им радиация? Распространяют слух, что у них есть радиация. Всю энергию они берут от двух звезд. У вас одно солнце. Здесь их два. На этой планете нет ночи. Здесь всегда день. Они боятся темноты. Темнота для них дикость, страх, и даже смерть.

– Они боятся и наших голосов, – сказал Михаил.

– В основном, они не понимают ваших запутанных слов. У них язык математически точен. Вы ещё услышите их настоящие голоса, и увидите их самих. Много поймете.

– Корабли у них из сплава платины? – спросил Михаил.

– Этого я не знаю. Ученые знают. Они их конструируют.

Теперь надо описать лачуги. Такие у нас были в городе Бодайбо Иркутской области. Я в детстве там целый год жил. В бугре выкапывается землянка, внутренность забирается бревнышками. Вот такие лачуги и здесь оказались. Мне они напомнили окраину Бодайбо. Там этот поселок назывался Шанхай. Там жило много китайцев. Они выращивали лук и другие нужные на севере овощи. Разные народности в Шанхае жили. Там были свои неписанные законы. Власти туда не касались. Но странно было то, что, когда началась война, поселок опустел. Люди пошли на фронт добровольцами. Мой старший брат и дядя тоже были вольными людьми. Ушли добровольцами на войну. Вообще странный народ жил в этом Шанхае. Мой брат и дядя защищали Москву. Воевали на разных фронтах. Были артиллеристами, и дослужились до старших сержантов. Погибли в 1942 году. Имя моего брата Василия Стрелова выбито на общем памятнике под Можайском.

Собак, конечно, здесь не было.

– А какие, извиняюсь, эти люди? На кого они похожие? Православные? – спросил Виктор.

– Здесь нет этих вер. Гелиозы ничему не верят. А вот местные, простые люди верят во всевышнего Бога.

– Я потом попробую их приобщить к нашей вере.

– Сейчас, Виктор Иванович, не до этого, – остановил его Михаил.

Людей не видно.

– А все здесь люди одной расы? – спросил я.

– Раса одна, – ответил Гале. – А вот только, как и у вас, есть народ, на вашем языке, цивилизованный, а есть отсталый. Живут они на островах, в глуши. И вот сейчас вы их увидите. Но все они от нас и вас отличаются. У вас есть такие ящерицы, которых называют хамелеоны. Так вот они все такие. Так их создала природа.

– Вроде хамелеоны, а от природы получили разум, так ты хотел сказать? – спросил Михаил.

– Именно так. Видимо, так нужно было для кого-то. Ну, в общем, для природы. Вот этих не бойтесь. Они совершенно безобидны.

– А как мы с ними будем балакать? – спросил Митька.

– Я у вас кто? Буду переводить. Они быстро научатся говорить на вашем языке. Сейчас я их позову. У них здесь главный пастух.

– Они скотоводы? – спросил Федя.

– Вот эти скотоводы. Смотрите. Но не бойтесь.

Из крайней землянки вышел... Не знаю, как мои друзья, но я оторопел. Вот этого я не ожидал.

В метрах десяти от нас стоял, вернее, с меня ростом стояло животное зеленого цвета. И это животное улыбалось. Улыбчик. Представьте обыкновенную нашу ящерицу. Перед нами стояла ящерица на задних ногах. Даже можно сказать не ящерица, а что-то похожее на неё. Мордочка продолговатая, улыбчивая, глаза большие, как у животного лемура. Но он не голый. На нем легкая куртка, широкие брюки, сапоги. Одежда, почти, как у нас. Кстати, две руки. А вот хвоста, как у ящерицы нет.

– Опа! – воскликнул Митька. – Настоящий ящер, мать его за ногу.

Ящер мгновенно скрылся в лачуге. Так будем это подземелье называть. Это у нас есть землянки, от слова земля. Пусть будет лачуга. А то назову их торлянки. Смешное название.

Гале быстро ответил:

– Я забыл вас предупредить. Эти создания не любят, когда вы кричите. Надо говорить спокойно и тихо.

– Неженки чёртовы! – прошептал Платон. – Упыри подвальные.

– А я добавил:

– Это торлянки.

– Кто? – спросил Михаил.

– Очень просто, – ответил я. – Планету кличут Тор. У нас есть землянки. А пусть у них будут торлянки.

– Здорово придумано, – тихо ответил Юра. – Земледельцы. Тордельцы.

– Здесь нет земледельцев. У них нет хлеба.

Ящер снова появился.

– Я им сказал, что вы ничего плохого им не сделаете. Просто объяснил им, кто вы и что вы.

Ящер медленно подошел к нам. Одежда на нем шумела. Это он дрожал от испуга.

– Неменьжуйся, парень, – тихо сказал Митька. – Мы тебя кусать не будем.

– Мы люди мирные, но наш бронепоезд стоит на запасном пути, – тихо пропел Федя.

– Какой бронепоезд? – спросил Гале. – Как я им это переведу?

– А ты непонятное не переводи, – ответил я.

– У вас многое, что есть в ваших словах непонятного.

– А ты понятное ему впаривай, – ответил Митька.

Гале немного помолчал, потом сказал:

– А что выпаривать?

– Выпаривать, – повысил голос Митька. – Осел безмозглый.

Гале быстро отошел от нас, а ящер скрылся в торлянке.

– Дмитрий, тебе же русским языком говорили, чтобы ты говорил тихо и спокойно, а ты кричать начал, – сказал Михаил.

– Давайте так договоримся. С таким вот мирным населением, которые нам не желают зла, говорить спокойно и понятно, и без всяких срывов.

– Вот этим я не буду читать лекции, – ответил Петр Петрович.

– Слушай, Гале, ты извиняй нас олухов, – чуть не прошептал Федя. – Мы ведь привыкли орать. Мы здесь все подобрались голосистые. А ведь точно. Надо же. Как на подбор подобрали голосистых товарищей.

– У нас одни женщины чего стоят, – улыбнулся Михаил.

– Длиннохвостикова всех перекричит, – сказал я.

– О, это так! Как-то в садике она работала. Получилось так, что она как-то закричала на посудомойку. Так она от такого крика обсикалась, – улыбнулся Петр Петрович.

– Хватит об этом, – постражал Михаил.

Гале подошел к нам, а потом и пришел ящер.

– Я договорился с ним, чтобы вас накормить. Идемте.

– Мы пошли следом за Галем и ящером. Этот ящер шел впереди нас, и мы почти бежали за ним. Да, от такого не убежишь. Шаги широкие и чуть подпрыгивающие.

Ящер привел нас на край поселка. Здесь под навесом стоял длинный стол. Я вспомнил, вот такие навесы и столы стояли на колхозном поле. Там люди обедали, отдыхали перед работой.

– А что это никого не видно? – спросил Михаил.

– Они только что пообедали. Вас испугались. Прячутся.

Мы сели за стол. Стали ждать. На печке стояли котлы. Появилось два ящера. Они разложили перед нами глиняные чашки и деревянные ложки. Древность.

– Не будут они нас кормить мясом ящериц? – спросил Федя.

– Ящерицы, которые они называются гелизами, священные. Мясо у них от молодых животных. Они похожие на ваших коз. Их содержат в специальных загонах для мяса. Я же буду, есть с вами. А мы такие же люди, как и вы.

Мы ели мясо, и запивали похлебкой. Удивительное мясо.

– Как я понял, друзья, там, где есть вот такие разумные существа, пусть даже ящеры, еда одинаковая, – сообщил Михаил.

Мы вылезли из-за стола, и отошли на травку, чтобы полежать.

– Мы для этого сюда прибыли? – спросил я. – Через множество созвездий летели, чтобы нажраться козлятины? Мы так потеряем бдительность.

Кстати, через небольшие промежутки времени под нашими ногами шаталась и гудела планета Тора.

А реки-то хоть есть? – спросил Юра. – А то я что-то сомневаюсь насчет воды.

– Если была похлебка, значит, есть вода, – ответил я.

– Здесь всё есть. И реки есть и моря. Даже есть морские пираты. Они никому не подчиняются, – ответил Гале.

– Странно, весьма странно, – сказал Михаил. – Гелиозы-завоеватели захватили столько планет. Достигли такого прогресса, что нам и не снилось, и вдруг пираты? Да эти улыбочки вмиг могли бы уничтожить их. В чем дело?

– Для нас это тоже загадка. Эти пираты живут где-то на островах. Но они мгновенно скрываются в глубинах планеты. Я

их не видел. Но что-то слышал, что они не похожи на гелиозов. Они скорее, как мы, и как вы, люди. На нашей планете таких пиратов нет. Мы их назвали пиратами из-за вас. Это у вас были и есть пираты. Кстати, эти пираты на этой планете появились лет сто тому назад. Кто они и откуда, мы не знаем.

– Вот бы нам с ними познакомиться, – сказал я. – Чувствую, что-то в них есть родное нам. А как попасть на море?

– Сначала надо плыть по реке. Потом она впадает в море. Ну а там есть город гелиозов. Там стоят морские прогулочные корабли. Богатые гелиозы отдыхают на них в море.

– Тоже есть свои миллиардеры? – спросил я.

– Это любимые герои Стрелова, – сказал Михаил. – Конечно, не положительные герои, а резко отрицательные.

– Так что вы решили? – спросил Гале. – Я даже не знаю, что с вами делать, если вы пожелаете встретиться с морскими пиратами.

– С нами отправишься, – сказал я. – Ты ведь наш гид.

– Да, гид. Но я не знаю ничего про пиратов. Надо мне посоветоваться с Турасом. Сейчас я выйду с ним на переговоры.

Мы лежали на травке и смотрели в бледно-голубое небо неведомой нам планеты находящейся на краю вселенной.

И вот, что ответил Гале:

– Турас мне сказал, что, как я решу, так тому и быть. А я не знаю, как решать.

– Что тебе решать, чо? – прошептал Платон. – Езжай с нами. Ты ведь такой же гусь лапчатый, как и мы. Правда, ты можешь свободно исчезнуть. Слушай, Галя, а ты можешь нам пригодиться! Ты у нас станешь тайным разведчиком. А?

– Ай, да, Платон! – чуть не закричал Михаил. – Разведчик. Гале, подумай. Могут стать такие ситуации, что без тебя мы кое-что не узнаем. Соглашайся.

– Разве тебе не интересно испытать настоящие приключения с нами бедолагами и испытателями и путешественниками во времени? – сказал я.

– Это, как вы иногда говорите это слово, кочевряться. Так я для виду кочевряжился. Конечно, я согласен. Наслышан о вас.

И мне захотелось с вами поискать приключения. Это ведь я напросился гидом к вам.

– Гале, по крайней мере, я о себе скажу, я с детства живу в сплошных приключениях. А с самой молодости попадаю ещё в потусторонние миры. А там этих приключений хватает. Разве не интересно и тебе испытать вместе с нами новые и необычные для тебя приключения? – ответил я.

– Договорились, – ответил Гале и встал. Мы тоже поднялись.

– К реке. Будем искать морских пиратов, братьев по оружию, – сказал Михаил. – Вперед, друзья, за новыми приключениями.

В поисках морских пиратов

Мы пошли туда, куда нас повел Гале. На дорогу ящер выделил нам сухого мяса. Хлеба здесь не было.

Я спросил:

– Мы все забыли спросить, почему здесь нет хлеба?

– На этой планете ящеров зерновых культур нет. Они питаются только мясом, молоком, творогом. Есть разные травы. Они вам не понравятся. Вы не видели настоящих гелиозов. Здесь есть и клоны. Но, в основном они отправлены на другие планеты. На каждой планете, в том числе и на вашей есть и настоящие гелиозы. Вот они и внедряют в людей микроскопические элементы. Об этом вы уже знаете. Ваши люди меняются в худшую сторону. Даже внедряют в мозг ребенка. Всё это происходит во сне. Не больно. Вы называете это чипами. Во многих людях торчат эти чипы, и человек живет с этим чипом, и не ведает, что про него всё знают пришельцы.

– Скотины! – сказал Митька. – Их надо уничтожать, пока они бед не наделали.

– Уже наделали, – ответил я. – Многие дети становятся злыми, коварными. Всё больше девушек и женщин курят и пьют пиво прямо из бутылок на улице.

Обо всех этих безобразиях я написал в книге «Сон в тумане». Повторяться нет смысла. Там я подробно описал некоторые неприятные сценки.

Как-то Гале предложил нам отдохнуть у маленького ручья.

– Ночей нет, но организм требует сна, – ответил Михаил. Мы сели у ручья. Поели мясо. Запили водой. Она была немного соленой.

– А там мы пили нормальную воду, – сказал я.

– Они научились удалять соль из воды. Просто её выпаривают. Здесь все реки соленые.

– А в море, наверное, сплошная соль? – спросил Юра. – Я, конечно, в этом деле сомневаюсь.

– Обыкновенное море. Каким оно и должно быть. В меру соленое. На этой планете много соли, хотя я моря близко не видел, – ответил Гале.

Легли отдыхать. Дежурить напросился Гале. Я не знаю, бывает здесь ночь, или не бывает, но мы хорошо выспались. Конечно, наш организм привык ко сну. А когда спать, то организм подсказывает. Нам он подсказал спать в одно время, что мы и сделали.

Мы пошли дальше. И вот Гале остановился.

– Вот за этим холмом будет река. Она и впадает в море.

Поднялись на холм. А надо сказать, что за время пути мы несколько раз пересекались с домашними животными. Люди-ящеры прятались от нас.

И тут мне пришла одна довольно любопытная новость.

– Парни, а ведь мы ни разу не слышали голоса этих ящеров. Да и вообще не слышали голоса тех, кто встречался нам на пути, на нашей планете. Мало ли что они нам говорили. Но, они имели наш облик.

– А ведь ты, Юрка, точно подметил, – ответил Михаил. – Гале может ответить. Как они говорят. То, что вы умеете изъясняться, молча, то это ясно, а мы-то воспринимаем всё через голоса.

– Хорошо. Сейчас я приведу одного из пастухов. А голос у них у всех одинаковый.

Гале пошел туда, где спрятались пастухи. Животные остановились, и стали щипать сочную траву.

Гале привел ящера.

– Задавайте ему вопрос. Я ему сказал, что вы люди мирные, и ничего плохого не сделаете.

– Слушай ты, ящер не доделанный, – начал, было, Платон. Гале остановил его.

– Стой. Стой. Как так можно? Он ведь тебе ничего плохого не сделал. Это мирные пастухи. Михаил, вы задайте какой-нибудь легкий вопрос. Эти пастухи, да и все, кто живет в лачугах, абсолютно безграмотные существа. Это примитивные существа.

– Слушай меня, друг сердечный. У меня к тебе всего один вопрос. Когда ты спишь, если всё время день, а ночи нет? – спросил я.

– Он не поймет. Но я его просто спрошу. Когда он спит? Но он вам на этот вопрос не ответит. Они не спят. Они просто отдыхают. Они не ведают, что такое сон. Про отдых спрошу.

Я увидел, как чуть приоткрылась зеленая пасть, а иначе это не назовешь. Раздался тихий звук похожий на шипение змеи, с едва уловимым свистом.

– Вот это голос! – воскликнул Митька. – Ядрена корень, как же я с ними буду балакать? Мама дорогая, как с ними вести культурную беседу?

– Ой, меченьки! – крикнул Платон. – Камедь моей матушки, вот это голоса. Умереть не встать! Держите меня, чичас от смеха лопну!

Пастух согнулся, и побежал к своим товарищам.

– Вас не успокоить, – сказал Гале. – Вы должны понять, что вашими голосами можно уничтожить роту клонов, и гелиозов. Я забыл вам сказать, что от вашего голоса рассыпаются в прах не сами гелиозы, а клоны. Настоящие гелиозы могут получить разрыв мозгов и внутренностей. А тела останутся.

– Оживут? – спросил я.

– Конечно, нет. Если закричите, то роту гелиозов уложите в один миг.

За холмом мы увидели реку. Вокруг не было жилья. Мы попробовали воду. Противная. Но пришлось пить. Организм требовал воды, пусть даже такой. За поворотом реки мы увидели большую лодку. Три ящера, видимо, здесь рыбачили. От испуга они сели, и руками закрыли головы.

Гале что-то стал им говорить, и они успокоились.

– Они сообщили, что вон за тем холмом начинается море, – сказал Гале. – Там стоит морской корабль. В этом месте неболь-

шая бухта. Корабли здесь набирают воду, а жители приносят им мясо.

– А что здесь делают корабли? – спросил я.

– Это они не знают. Это рыбаки. Их дело снабжать гелиозов рыбой.

Мы отправились туда, где в бухте стоял морской корабль.

Нам пришлось прятаться за кустами с рысней ягодой. Нас Гале предупредил, что здесь ягоду и фрукты нельзя употреблять в пищу. Можно отравиться. Над нами пролетело несколько бескрылых дисков в сторону моря.

– Наверное, опять морские пираты напали на корабль гелиозов, – прошептал Гале.

– А были случаи, когда пиратов ловили? – спросил я.

– Как-то гелиозы уничтожили корабль пиратов. Двоих хотели взять в плен. Странно было то, что гелиозы, которые их окружили, вдруг замертво упали. Гелиозы всё это видели со своих кораблей. Загадка. Турас хотел узнать причину такой гибели гелиозов, но тайна осталась тайной. Поэтому был приказ из главного штаба армии, при встрече с пиратами, надо их сразу уничтожать. Поэтому в южные моря планеты торговые корабли гелиозов боятся входить. Больше ничего не известно о пиратах.

Митька засмеялся:

– Ядрена корень, да мы сами отменные пираты!

– Надо же, другие планеты завоевывают, а у себя дома такая вот камуха! – сказал Платон.

– Я, конечно, извиняюсь, но с этими пиратами надо бы познакомиться, – предложил Виктор.

– А мы что делаем? Идем знакомиться, – ответил я. – Ведь они тоже своими силами ведут борьбу с улыбочками.

Надо сказать, что все эти летающие аппараты не издают звука, какой звук издают наши самолеты и ракеты.

Мы поднялись, и стали спускаться с холма к морю.

Корабль в метрах пятидесяти от берега покачивался на легких волнах. Странно. Он такой легкий? Из чего он сделан? На что он похож? Трудно сказать. Конечно, парусов нет. Немного схожий с подводной лодкой. Около тридцати метров длины. Вот только есть сплошная палуба. Вокруг поручни, к ним прикре-

плены кресла. Труб нет. По бокам круглые и небольшие окна. И опять же этот зеленый цвет.

На палубе никого нет. Стояла абсолютная тишина. Над морем мы не увидели чаек.

– А птицы им, чем помешали? Я, конечно, сомневаюсь, но море должно быть морем. А здесь такая тишина, – сказал Юра.

– Говоришь, тишина? – спросил Михаил. – Возможно, после обеда у них культурный отдых. А вот нарушить оный отдых наша прямая задача. Это мы должны на оном корабле отдыхать и наслаждаться морем.

– Искать пиратов, – добавил Федя.

Мы отвязали от причала лодку и поплыли к кораблю. Нас никто не встречал. Гале был с нами. Я видел, как он был взволнован. И вдруг он признался.

– Я ведь никогда не был на море.

– Но, на вашей планете, неужели нет морей? – спросил Федя.

– Да, морей нет, – сказал Гале. – Реки есть, а морей нет. В нашем мире с водой дефицит. Тем более планета умирает. Она может в любой момент взорваться. Эти гелиозы всё выкачали из нашей планеты. И она, как живой организм, начинает бунтовать против нас. Она ведь не понимает, что мы здесь не причем. А ей от этого не легче. Вот нам и захотелось перебраться к вам. Мы бы вам помогли. Но выйти с вами на контакт весьма сложно. Военные начнут требовать насчет оружия. Но мы не производим оружия. Мы другие. А вот к гелиозам и ко всем темным силам ваши военные прислушиваются. Вы сами знаете, что творится на вашей планете, особенно в вашем мире. Чипы в головах многих военных, президентов, миллиардеров, и даже в простых людях действуют во всю силу. Вы сами замечаете, как меняются люди в худшую сторону.

– Да это и понятно, мне бы этим людям прочесть хотя бы по одной по лекции, – сказал Петр Петрович.

– Вот им надо, но только не нам, – ответил я.

Мы подплыли к кораблю. По лесенке поднялись на палубу. Тишина.

– А теперь нам надо проверить все каюты, – предложил Михаил.

– Подождите входить, – ответил Гале. – Только тихо. Ни звука. Сейчас я определю, где они находятся.

Мы сели в кресла и стали ждать, что скажет Гале.

И вот он подошел к нам. Он улыбался. Это что-то новое.

– Они отдыхают. Кто чем занимается. Некоторые смотрят лиги. По-вашему называется телевизор. Играют в какие-то игры. Кто-то обедает.

– Мы им устроим отдых, мать их за ногу, – ответил Платон.

– Мама дорогая, даже посты не выставили. Вот черти зеленые ящерицы, как они на этот раз опростоволосились. Мы им чичас вечную ночь устроим! – прохрипел Митька.

Мы спустились в длинный коридор. Гале подсказал нам, где находится кают-компания. Конечно, Гале не пошел с нами. Он быстро скрылся из наших глаз. Теперь мы будем такими, какие мы есть на самом деле.

Мы раскрыли дверь, и ворвались в это помещение с криком и отборным матом. Я не буду описывать, что мы кричали, единственное, что я услышал, как рядом со мной кричал Петр Петрович что-то о гранитном фундаменте, и что все они не достойны этого фундамента.

Все улыбочки были мертвы. Были здесь и клоны, которые обслуживали их. Клоны рассыпались в прах. Наступила тишина, и только было слышно тяжелое дыхание моих товарищей.

Петр Петрович тяжело вздохнул.

– Всё это нормально. Плохо то, что они все упали, и не слушали мою лекцию.

– Здорово мы их окучили! – громко отозвался Митька.

– Хорошую вздрючку мы им дали, – засмеялся Платон.

– Я, конечно, извиняюсь, даже я их матом послал, – вздохнул Виктор и неистово перекрестился.

– В общем-то, это наш настоящий первый бой на этой планете, – сказал Михаил.

– До этого мы просто осваивались с этой планетой, – ответил я.

– Всё это так. Но надо куда-то девать этих ящероподобных тварей, – сказал Юра.

– За борт, и вся канитель, – ответил Платон.

Мы вытащили этих ящеров на палубу и сбросили в море.

– Пусть их акулы сожрут, – сказал Федя.

Тут и появился Гале. С ним было несколько таких же товарищей, как и он. Гале сказал:

– Сейчас они займутся уборкой. Наведут порядок. Они могли бы вытащить гелиозов. Но мои люди даже мертвых боятся.

– Да, мы понимаем, – ответил Михаил. – Мы сами управлялись. Пусть их акулы съедят.

– Как я слышал от Тураса, что в этих морях нет акул, а есть морские гырзы. Он страшнее акул. Они их вмиг проглотят. Есть ещё сухопутные гырзы. Они водятся в горах. Но их мало. В основном они находятся в клетках. Как когда-то в древности в Риме у вас были амфитеатры, где на гладиаторов выпускали тигров. Так и на этой планете. На пленных и неугодных рабов выпускают гырзу. Пересказывать не буду. Это мерзко.

Люди Гале быстро навели порядок, и тут же исчезли.

Гале сказал:

– Видимо, они собрались в какой-то дальний поход. У них в достатке очищенная от соли вода, много сухого и копченого мяса, сыры. Турас передал мне, чтобы я остался с вами. Возможно, понадобится переводчик.

– А вы с Турасом не подумали, что мы не знаем об управлении кораблем. Как мы поплывем? – спросил Михаил.

– Немного подождите. Турас что-то там придумал.

– Галя, а твой Турас раз такой ловкий, везде летает, чо он морских пиратов не видел? – спросил Митька. Молодец Митька! И мне не приходила в голову такая мысль. И то, правда. Почему Турас не видел пиратов? Может, видел, а нам не признался. И отпускает нас в такое путешествие, мог бы и предупредить.

– А чего он сам не появляется? – спросил я.

– У него много работы.

– Какая у него может быть здесь работа на чужой планете? – спросил Михаил.

– Нашему ученому Вокрену нужна помощь.

– Надо было бы сразу нам об этом сказать. Если так, то понятно, – добавил Михаил.

Неожиданно наш корабль сдвинулся с места. Гале по лестнице спустился вниз.

– Интересно, весьма интересно, как же корабль без матросов пошел? – спросил Михаил.

– Мама дорогая, а мы поехали в открытое море! – воскликнул Митька, – Ядрена корень, а где же матросня?

– Получается, какая дребедень и полная камуха! – крикнул Платон.

Мы тоже решили спуститься вниз. В каютах людей не было. Но в передний отсек дверь была закрыта.

– Всё ясно, – сказал Федя. – Здесь и есть рубка управления. Там есть матросы.

– А с ними Гале – сказал я.

Я только произнес это имя, он тут же проявился.

– Каналья чёртова! – воскликнул Митька. – Чо так пугать-то! Где твои матросы? Чо ты их от нас прячешь.

– От вас их надо прятать, – ответил Гале. – Они есть представители этого мира. И вашего голоса не перенесут.

– За то они сквозь дверь слышат, – сказал я.

– Не слышат. Здесь всё сделано из такого материала, что ничего вы не услышите. Даже, когда в море ревет морская гырза, то они её не слышат.

– А мы, молча, посмотрим на них, – не сдавался Митька.

– Подойдите сюда, – сказал Гале. Мы подошли к тому месту, куда указал Гале. В дверь было вмонтировано крошечное отверстие из стекла. Первым стал смотреть Платон. Он воскликнул:

– Умереть, не встать. Ящерицы управляют кораблем! Они направляют, мать их за ногу! Смотри, Митька, Федя полюбуйтесь.

Митька стал смотреть. Потом отошел. В глазах удивление. Федя прошептал:

– Но там, же ящеры! Они ведь враги наши. Улыбчики чёртвы!

Гале успокоил нас. Я понял, что он отключил слух, но понимал парней.

– Перестаньте кричать, – сказал Михаил. – Гале отключил слух, не то бы упал. Пусть выскажется. Что это на самом деле?

Он тоже подошел к окошечку. Потом взглянул на Гале и сказал:

– Они не будут шуметь. Что это?

– Вы удивительный народ. Никогда не разберетесь, а сразу шуметь, – сказал Гале. – Эти гелиозы не враги ваши. На этой планете тоже жили такие же ящеры. Их завоевали гелиозы-завоеватели. Представьте ваш мир. У вас был Гитлер. Он, как и Наполеон хотел захватить ваш мир. Но, люди-то у вас все были людьми. Так и на этой планете. Когда-то к власти пришел злодей, как ваш Гитлер. Звали его Гол. Он собрал таких же гелиозов, как он сам, и объявил всем войну. Завоевали планету Мало им одной планеты. Стали завоевывать и другие планеты. Вот и до вашей Земли добрались. А виноваты, в общем-то, сами люди.

– Как это? – спросил Михаил. – Что-то всё темнишь, Гале. Что-то ты не договариваешь насчет улыбочков. Кто они? И почему виноваты люди?

– Не все люди, а отдельные типы. Потом узнаете. Всё потом.

– Как я понял, если он всем гол поставил, то у нас он зарабатывает окончательный одиннадцати метровый гол в чистую, – ответил Митька.

Корабль несся с огромной скоростью. Уже и земля скрылась.

– Гале, ответь мне, из чего сделан корабль? – спросил Федя.

– Знаем, что там замешан вольфрам, платина. Ученые много чего достигли. Есть планета, а возле неё находится спутник. Там много вольфрама. Рабы добывают его. На другом спутнике много платины. Там тоже трудятся рабы. Из вашего мира берут людей в рабство. Делают из них фантомов. А они не боятся никакой радиации и любой температуры. Много было доставлено в рабство во времена вашей великой войны, как из вашей страны, так и из других стран. Какая разница? Лишь бы были рабы.

– Сволочи, – прошептал в злобе Михаил. – Мой дед пропал без вести. Возможно, попал к ним в рабство.

– Надо всё сделать, чтобы этих сволочней не пустить в наш мир, – сказал я. – Уже идет борьба. Но, чувствуя, она будет по-

следней. И мы с вами ведем активную борьбу с темными силами. Поможем всеми силами светлым силам.

– Мы и так уже помогаем, – ответил Михаил. – Все наши путешествия, это борьба с темными силами.

– Мы им устроим ледовое побоище, – ответил Федя.

– Я их лекциями уничтожу. У меня их много, – ответил Петр Петрович.

– Ядрена корень, да я готов их всех передушить! – повысил голос Платон.

– Упыри узкозады! Да мы их, как тараканов перебьем! – сказал Митька.

В это время Гале то появлялся, то исчезал. А вот когда мы притихли, он подал голос.

– Вы когда успокоитесь? Вы ведь не на земле, и нет здесь ге-лиозов. Я бы вас провел в управление, но боюсь за своих товарищей. Мне придется отключить ваши голоса.

– Не надо! – повысил голос Митька, и тут же зажал рот рукой. – Не буду больше. Как же не говорить? Мы не можем без этого.

Раскрылась дверь, и мы вошли в рубку управления кораблем. Я хотел что-то сказать, но не мог вымолвить, ни слова.

Приборов не было. На белом стенде были черные кнопки. В креслах сидело пять ящеров. Когда мы вошли, они вскочили. Но не это главное. Мы увидели море. Корабль двигался, как и все наши подводные лодки на глубине. Вот мимо нас проплыли страшные на вид чудовища. Пасти раскрыты, и в них видны белые зубы загнутые внутрь.

Гале сказал:

– Это гырзы. Морские гырзы.

Вскоре проплыло что-то бесформенное со щупальцами.

– Эти животные похожи на ваши спруты. Здесь почти ничего нет похожее на ваших морских животных. Здесь всё другое. Я понял ваш вопрос. Если в море съедобная рыба? Конечно, есть. И её много. Есть свои морские рыбаки.

Ящеры, молча, пригласили нас занять кресла.

– Они вас просят полюбоваться морем, – сказал Гале.

– Ты нам болтаешь о море, а сам в нем не был. Как понять? – спросил Михаил.

– А как у вас. Вы никогда не были, например, на Антарктиде, а почти всё знаете о ней. Так и я. Мы ведь тоже кое-что изучаем.

Мы расселись по креслам. Всем хватило места. Любовались красотами морских глубин. Молчали. Только иногда я видел, как махали руками мои друзья, когда на экране появлялось неведомое нам животное.

Через какое-то время на меня навалилась усталость, глаза начали закрываться, и я уснул.

Проснулся, и не понял, где нахожусь. Потом сообразил. Это каюта. Мягкий диван, столик, шкаф для одежды, раковина для мытья. Всё, как у нас. В угол каюты вмонтирован телевизор. У них он называется лига. Интересно, что там могут показать. А вот и две кнопки, и какой-то рычажок. Нажал зеленую. Да это не телевизор! Это экран. Я четко видел, что происходит впереди корабля. Значит, эти ящеры могут здесь отдыхать и знать движение корабля. Тронул рычажок. И тут увидел ужасную картину. Ящеры сражались с какими-то зверями. И эти звери были похожие на людей, но только они были в шкурах, и обросшие. Не интересно. Возможно, какую-то планету завоевывали. Стал этот рычажок дергать туда-сюда. Менялись разные картины. И эти картины словно живые. Понял, что это действительно телевизор. А все эти картины, настоящие фильмы. Один раз увидел, как один ящер ухаживал за другим ящером. Возможно, это была девушка. Она кокетничала, и лапкой закрывала мордочку. Тьфу! Противно! Значит, у них тоже есть театры, и создаются фильмы. Интересно, а книги есть? И о чем они написаны? Интересно, а кто меня сюда перетащил? Надо спросить Гале. Продолжал дергать рычажок, и на экране мелькали разные картины. И вдруг показали какой-то корабль. Как понял, оператор был в летающем аппарате, который здесь называют гетро. Корабль всё приближался. Он был таким же, как этот. На палубе увидел... настоящих людей, похожих на нас. Возможно, это и есть морские пираты. Они быстро скрылись внутрь, и корабль ушел на глуби-

ну. Так вот они, какие пираты? Интересно, что это за народ? Мне вдруг захотелось увидеть их и пообщаться с ними.

Вышел из каюты. В коридоре мне встретился Михаил. Он был в растерянности. Возможно, он и во мне увидел растерянность. Он спросил:

– Видел людей? У них такой же корабль. Интересно, кто они? Мне пришла в голову дикая мысль. А вдруг население этой планеты были настоящие люди, как и мы? У нас ученые всё что-нибудь придумают. Всё экспериментируют на животных. Видел, у них здесь есть разные животные. У нас есть обезьяны, а у них большие ящеры. Загнали их в резервации, и стали делать над ними опыты. Загоняли чипы в головы, чтобы стали думать. Шло время, и ящеры взбунтовались. Уничтожили людей. И среди ящеров появились разумные существа. Шло время, и они покорили планету. Могло такое быть? Могло.

– И стали у них маленькие ящерицы неприкасаемые, – добавил я. – в это мне плохо верится. Не должно такое произойти. Хотя всё может быть. Надо спросить Гале.

Мы пошли искать нашего гида. Он был в рубке. Здесь собрались все мои друзья. У всех тоже один вопрос. Почему морские пираты похожи на нашего человека. Тут Михаил стал объяснять Гале о возникновении разумных ящеров.

– Хорошо, что наших товарищей здесь нет. Обиделись бы, – ответил Гале. – Как такое могло придти в ваши головы? Обидятся ведь. Рано вам знать обо всем этом. Всё потом узнаете. А вот морские пираты неожиданно появились откуда-то. Вот о чем думайте. Вот это для вас любопытно.

– Слушай, Гале, а откуда ты знаешь, что улыбочки всегда были здесь?

– Наши старики рассказывали, что они ещё в их юности уже завоевали нашу планету. Может вот эти пираты с нашей планеты? Привезли их в рабство, а они сбежали. Ведь и на других планетах есть такие же люди, как мы с вами. А почему они здесь не могут быть? Загадка.

– Да, загадка, – задумчиво ответил Михаил.

– А я всякого навиделся, потому что с молодости путешествовую в другие миры, а с ящерами ещё не встречался, – сказал я.

Остальные парни молчали. Для них это настоящая загадка. Они, молча, смотрели в экран, где появлялись разные животные. Были и похожие на наших. Вот проплыли: звезда, морской ёрш, косяк настоящей рыбы, и ещё какие-то животные и рыбы, какие я видел в телепередаче «В мире животных».

– Лучше пойдёмте отдыхать, – предложил Михаил. И мы все разбрелись по каютам.

Я задремал, когда почувствовал, как наш корабль вздрогнул. Выскочил в коридор. У раскрытой двери в рубку стоял Гале. Парни выскакивали из своих кают.

– Гале, что случилось? – спросил Михаил.

– Не понимаю. Вдруг что-то дернуло. Будто нас кто-то подцепил. Мы не можем вырваться.

Мы вошли в рубку управления. Ящеры были встревожены. У Гале даже голос перехватило. Он прошептал:

– Они говорят, что корабль не может двигаться ни вперед, ни назад. Пока ещё непонятно. И Турас молчит. Мои сигналы бедствия кто-то глушит.

– Может, морские пираты нас захватили? – спросил я.

– Этого не может быть. Они долго не разговаривают. Они сразу всех уничтожают, – ответил Гале. Ящеры бросились в коридор. Сейчас они спрячутся по своим каютам.

За бортом было тихо. Потом наш корабль стал подниматься на поверхность моря. Кто-то его поднимал.

– Ядрена корень, мама дорогая, какая-то комедь моей матушки получается! – воскликнул Платон. – Эй, вы, поносники зеленого цвета, а ну покажитесь перед нами!

– Черти полосатые! Ублюдки стоеросовые! Да мы вас сторонников самого Сатаны быстро окучим! Выходите на бой с нами! Трусые! – кричал Митька.

– Да я их тварей одной рукой в баранку сверну! – кричал Федя.

Когда начали кричать наши друзья, Гале упал в кресло, и закрыл глаза.

Корабль всплыл, и теперь покачивался на легких волнах.

– Парни, нам надо выйти на палубу. Не надо бы нам показывать, что кого-то мы испугались, – предложил Михаил. – Свистать всех наверх!

И Михаил громко засвистел.

Митька запел:

– Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!

Мы выбрались на палубу. Странно. Стояла подозрительная тишина. Вокруг никого не было. Море было чистое.

– Чо за камуха такая? – спросил Платон.

За нами выбрался и Гале. Он был бледен.

– Догадываюсь, в чьих мы руках, – сообщил он.

– Ну и зачем секретничать? – спросил я. – Говори начистоту.

– Это специальный отряд морских сторожевых гелиозов. Они охотятся и воюют с морскими пиратами и беглецами.

– Вот те раз! – воскликнул я. – Опять в плен? А кто эти беглецы?

– Есть тайно, собираются те, кто против власти сторонников Гола. И они стремятся бежать к морским пиратам.

– Ясно. Мы для них беглецы, – сказал Михаил.

– Необычные беглецы, – ответил я. – Им надо нас не уничтожать, а взять в плен. Интересно, для чего мы им нужны живые?

– Переманить на свою сторону, – тихо ответил Гале.

– Они не изучили наши биографии? – спросил я.

– Возможно, надеются нас перевербовать, – ответил Михаил.

– Мы им устроим вербовку, – ответил Федя.

– Клянусь лаптем своей прабабушки, мы им кузькину мать покажем, – засмеялся Платон.

– А я им удивительную лекцию прочитаю о политических отношениях разных категориях людей внутри государства, – обещал Петр Петрович.

– У меня, извините, оказывается, тоже есть лекция об отношениях разных религий к Богу, – сказал Виктор.

– Ну, хватит безобразничать. Ну, чего вы распались? Я, конечно, сомневаюсь, но что-то есть в этой тишине подозрительное. И нам надо быть на чеку, – сказал Юра.

Мы встали в круг спина к спине. И Гале неожиданно подошел к нам, и вошел в наш круг.

И тут мы увидели настоящего человека. Он сидел в кресле на носу корабля. Вся одежда на нем была парадной. Даже галстук красовался на тонкой шее. Мне он напомнил райкомовских товарищей. Они все вот такие были. Серьезные и парадные, с лицами, напоминающими манекены. Прошло время, но я помню их фигуры, ходившие чуть на полусогнутых ножках, деловых и суетливых. И мне было всегда смешно смотреть на них. Я их навиделся, потому что какое-то время работал в редакции. А она была на одном этаже с райкомом партии. Да и наша редакция относилась к райкому партии и райисполкому. Они все были в галстуках, и только я один не носил его. И вот перед нами сидел товарищ, напомнивший мне одного из членов райкома партии. Вот только лицо у него было зеленоватое. Он улыбался. Конечно, это был улыбочик.

Человек встал, и немного на полусогнутых ножках прошелся по палубе. Он неожиданно засмеялся.

– Так одевались и ходили ваши райкомовские товарищи?

Мы промолчали. Тут же на нем одежда сменилась на спортивную.

– Бедные товарищи. Как же они весь день ходили опутанные галстуком и такой одеждой? Кошмар! Ножки мои выпрямились. А ведь на своих дачах и на рыбалке они становились другими. Так гражданин Стрелов? Так. Что молчишь? Ведь я прав? Прав. Отряд наемников? Так. За свои подвиги никаких поощрений? Так. Дома, вы почти все никому не нужны. А ведь вы и дома делаете огромную работу. Так. Вы в постоянной борьбе за нормального человека? Воспитываете людей. И что? А ничего. Так. Никто этого в вас не замечает. И нет вам никаких поощрений. Все вы бедны. Возле начальства вы не шустрите. А кто шустрит и лезет на глаза начальству, тому и честь и хвала. Всё вы это знаете. У меня к вам предложение. Нет, нет, я не буду вас агитировать переходить на мою сторону. У меня другое предложение. Вы считаете,

что наш народ бедно живет. Мы, мол, захватчики. Неправда. Мы хотим объединить все разумные существа во вселенной. Устранить бедность, болезни, разные войны и раздоры.

Михаил прошептал:

– Умоляю, только молчите и не спорьте. Так будет лучше. Потом посмотрим. Надо до конца узнать, что ему надо от нас?

Человек продолжал говорить:

– И наступит вселенское благоденствие. Вы все верите в Бога. Пусть будет так. Я тоже верю в Бога. Это вам говорят мои недруги, что мы никому не верим. Верим. Кто-то же нас всех создал. Кто-то же создал всю вселенную до самой границы, где находится наша планета. То, что находится за ней, это не наше дело. Это дело самого Бога, нашего создателя. И, объединившись всем разумам, мы поклонимся Всевышнему за его понимание. А теперь я вас приглашаю посетить один из приморских городов. Вы посмотрите, как живут настоящие люди. Ну и как? Старший у вас Михаил Бутаков?

– Он самый, – ответил я. Человек улыбнулся, и подмигнул мне.

– Знаю. Юрий Стрелов. Судьба у тебя отменная. Любые власти тебя не уважают. Многие люди смеются над тобой. Ты создаешь книги. Похвально.

– Откуда знаете? – спросил я.

– Мне многое, что обо всех вас известно. И все вы ничего не заслужили от своего народа, кроме насмешек. А ведь именно вы заслуживаете высших похвал. Перечислять ваши подвиги не буду. А теперь мы с вами отправимся к месту назначения.

– У нас просьба, – вышел вперед Михаил. – У нас есть гид Гале. Он будет с нами. И ещё. Там внизу есть ваши соплеменники. Просим их не трогать.

– Обещаю не трогать. Я всегда держу слово. Как же можно обижать ваших товарищей? Да ни за что! С них даже пылинки, и волосинки не упадут. Как же так можно? Конечно, не тронем.

– И ещё вот какая просьба. Потом мы вернемся на этот прекрасный корабль. Мы желаем на нем прогуляться. А для страховки чтобы мы не сбежали, можете поставить охрану, хоть целую роту.

Нас подхватила неведомая сила и понесла по воздуху. Скорость была приличной. Кто нас нес, мы не видели. С нами был и Гале. А вот, что будет с ящерами на корабле, мы не знали.

Впереди показался приморский город. Мы летели над ним. Удивительные дома! Высотных зданий нет. Самые высокие дома в три этажа. Кругом зелень, фонтаны, цветастые и блестящие дорожки. В основном дома выкрашены в зеленый цвет. Мы попали, словно в сказочный город. Такой красоты я нигде не видел, даже в кино.

Нас плавно опустили у огромного фонтана. Странно. Гале нам говорил, что на этой планете дефицит с водой. А тут везде фонтаны.

К нам подбежали люди, такие же, как мы. Отличие от нас, они улыбались. Конечно, это были улыбки. Да, подумал я, искали морских пиратов, а попали в плен к самому Голу, вождю гелиозов, захватчику многих народов. Надо терпеть. Что будет дальше?

По мраморной лестнице окруженной разными цветами, мы поднялись на второй этаж. Сказка продолжалась. Люди, но не ящеры, одеты в богатые одежды из времен Екатерины второй, кланялись нам. От разноцветья даже в глазах зарябило. Пол сделан из прозрачного материала. На нем рисунки. И в основном, зеленые ящеры и ящерицы. В стороне я заметил, был рисунок, который соответствовал этим ящерам. Это они перед нами здесь превратились в людей. Каменоломня. Люди что-то здесь добывали, а ящеры стегали их кнутами.

Я видел, как Митька, Федя и Платон, среди нас самые не выдержанные, сжимали кулаки, мычали, но не могли слова произнести. Я тоже что-то хотел сказать, но не смог. Молодец Гале. Это он постарался. Хорошо, что мы взяли его с собой.

Впереди нас шел Гол. Он то и дело поворачивался к нам, и занимался хвальбой. Конечно, я ему не верил. Я уже знал, по словам Турса, что эти гелиозы, да и сам Гол, патологические лгуны.

Он провел нас в ещё один зал. Видимо, здесь шли совещания, и разные встречи. Были здесь столы, накрытые зелеными скатертями, кресла, а в торце главного стола огромное зеленое

кресло с золотой оправой. Кстати, я сразу заметил, в одежде Гола и других вельмож много золота. Разные ожерелья, кольца на руках, браслеты из золота. За креслом странная стена. Что она обозначала, не знаю. Во всю стену нарисована сетка, и она будто находится в тумане или в воде. Гол, а это был нарисован именно Гол, рвал эту сетку. Странная картина. Мы все остановились и смотрели на неё.

Гол тоже посмотрел на картину, небрежно махнул рукой и ответил:

– Не обращайтесь внимание. Это просто символ.

Картина тут же покрылась туманом, и вместо её появилась картина удивительной природы.

– Прошу за стол, – пригласил Гол. – Я приготовил для вас скромный обед. Я человек весьма гостеприимный. Уважаю гостей. Здесь, за этим столом у меня сидели многие министры, вожди, цари и короли от других народов некоторых планет. Сегодня вот вы, представители от планеты Земля Солнечной системы. Уважаемые гости. Хотя вы и наемники, но я вас уважаю за то, что вы вступили в войну с военной громадиной. Я уважаю достойных противников. Могу вам честно признаться, вы никогда не победите меня. Мы уже давно гуляем на вашей планете. Давайте обедать.

На столе появились чашки из золота. В них лежали куски душистого мяса. В золотых вазах лежали разные фрукты, ягоды. Я вспомнил слова Гале, что в этом мире нельзя употреблять фрукты и ягоды.

– Знаю. Вам противопоказаны фрукты и ягоды. Яд для вас. Вот видите, как я с вами откровенен.

Мы стали есть мясо. Запивали похлебкой. Маленькими глотками Гол пил вино зеленого цвета.

– Вам тоже нельзя пить вино.

После обеда со стола всё исчезло.

– Вы заметили, что у меня вся посуда из чистого золота.

– А деньги у вас есть? – спросил Михаил. Значит, появился голос.

– Есть. У нас, как и у вас есть базары. Потом увидите. Есть торговцы. Крестьяне привозят на базар рыбу, мясо, молоко,

творог, фрукты, ну и разные целебные травы, и настои из трав. У нас всё есть. Как говорится, каждому своё. Если бы кто-то из вас согласился бы здесь у меня на планете остаться, ему бы был предоставлен шикарный дом. Могли бы устроить маленький гарем. Он бы купался в золоте и деньгах. Я всё знаю о вас. Например, Стрелов не заслужил добротной квартиры. Одна комната. Иногда его одолевают тараканы и клопы. Никакого уважения к тебе. Бедно живешь от пенсии до пенсии. Ради чего ты воюешь со мной? Ты защищаешь богатых, миллиардеров, чтобы они ещё богаче стали, а ты и другие, как ты, ещё беднее. Ты вот не знаешь, ничего никто из вас бедных не знает, что все эти миллиардеры давно предали вас. Они с нами. Они сразу переметнутся ко мне, если мои воины появятся перед вами в открытую. Ваши богачи, благодаря меня, станут ещё богаче. Почему? Больше всего они любят много денег. А я, как признанный император части вселенной их озолочу. У них ещё больше будет власти. А вы все, беднота и неудачники станут у меня рабами по добыванию золота, платины, вольфрама. На рудниках и спутниках много работы. Вам не обидно защищать этих богатых миллиардеров, депутатов, министров и президентов. Они меня послушают, и останутся со мной. Среди бедных тоже могут стать богатыми, если полностью перейдут на мою сторону, и будут преданы мне.

Неожиданно встал Митька. Подошел к креслу императора, плюнул в свою правую ладонь, и изобразил кукиш. И этот кукиш сунул под нос Голу. Митька, как ни странно говорил тихо и весьма убедительно.

– А вот видел, узкозадая зелень болотная! Лягушка из трясины. Император он. Вонючка ты и слизняк, а не император. Меня благовать на предательство?! Да мне плевать на твоих оборотней-миллиардеров, на всех депутатов продажных и оторванных от народа. Плевать на министров и президентов. На всех мне плевать. Мне надо спасти мою планету от тебя дохлая ящерица, и твоих пустышек-клонов. Плевать на всех перечисленных мною оборотней, стоящих у власти. Плевать. Хотя сейчас всех их забирай. Ты, император зеленых злыдней, зачем вставляешь детям чипы? Вонючка улыбочивая! Мразь трясинная. Император над лягушками и ящерицами. Постыдился бы. Ты,

тварь скалозубая, не ведаешь судьбу Наполеона и Гитлера. Они зубы обломали об Россию. Тоже мечтали владеть миром. И что? Прах. И тебя, император над крысами, и лягушками, ждет прах и бесчестие. Поверь мне, Дмитрию Хвостову, потомственному бродяге, нищему, а сейчас наемнику от планеты Земля. Нанялся я на службу к светлым силам, чтобы уничтожить вашу зеленую ящерицеподобную и клоповную плесень. Я всё сказал.

Вот это Митька! Такого я не ожидал от нашего товарища и друга. Вот это речь! Как он так складно говорил! Ну, настоящий лектор!

А что император Гол? Он был спокоен, и нежно улыбался. И вдруг спокойно начал говорить.

– Вот и весь Дмитрий Хвостов. Молодец. Хвалю. Поздравляю тебя с зажигательной речью. Вот соберутся наши министры, и ты им повтори свою обвинительную речь. Все твои слова ясны, как вечный день. Ты думал, вот я ему выдал по первое число. Дмитрий, лектор из народа и бомжей, меня нисколько не тронули твои слова. Они даже меня позабавили. Твоя речь, это детский лепет.

Митька пошел к своему креслу. Сел. И начал с аппетитом уплетать мясо. Есть такие люди, как Митька. От нервного потрясения у них появляется здоровый аппетит. У меня же всё наоборот. Меня успокаивает кружечка кофе, после которого я тут же засыпаю. Кофе, как правило, меня успокаивает и клонит ко сну. А говорят, что кофе человека бодрит, и он не может заснуть. Куда не сунься, я всюду какой-то странный человек. Возможно, от этой странности у меня ничего нет, и живу в старой клоповно-тараканной однокомнатной квартире. А все мои товарищи и друзья в нашем городке имеют квартиры в три и четыре комнаты. Странно, но мне нравится так жить. Я ведь писал в своей книге «Зона», как мне предлагали и коттеджи и отменные квартиры, а я отказывался. Я постоянно берег свою независимость. Как собака охраняет свою кость, так и я охраняю от всяких добрых посягательств, свою независимость. И ничего не могу с собой поделаться.

А в это время император Гол изощрялся в словоблудии.

– Ты, наверное, подумал, вот я его уел? Нисколючко. Меня твои слова развеселили. Другой бы на моем месте, я говорю о разных вождях, в один миг тебя бы уничтожили. Я добрый. Я другой. Я даю вам возможность обогатиться, пусть даже в вашей обворованной вашими миллиардерами, стране. Вы даете мне слово быть на моей стороне, и с миром вас быстро доставят в ваш мир. Вам во всем повезет. Вы будете купаться в деньгах и в золоте. Всё у вас будет. Единственное, что вы потеряете, вашу феноменальную и глупую совесть. Зачем она вам? Она вам только мешает. В этом деле я вам помогу. Такие люди мне нужны в вашем мире. Когда я завоюю вашу планету, вы все мне пригодитесь.

– Хорошо. Мы дадим слово. А если мы обманем? – спросил Михаил. – Слово, это для вас понятие относительное. Нас здесь и подобрали вот таких странных товарищей. Если мы дали слово, то мы его выполняем, чтобы нам это ни стоило. Как вы на это смотрите?

Он даже засмеялся.

– В общем-то, в жизненных вопросах ваша команда наивная. Я знаю. Вы мне слово не дадите. Это ясно. Я и не надеялся, что вы согласитесь. Там я буду всё решать. Это не важно. Теперь ответ Дмитрию. Я не рассердился на его уникальную речь. Да и не очень-то она и уникальная. Вам и не снилось то, что мне здесь говорили некоторые вожди, президенты, министры с других планет. Ничего. Усмирил. Почти все они за меня. А не поддающихся товарищей и господ моим ласковым уговорам подчиниться мне, отправлял на рудники. Много разных подходов к тому, чтобы заставить, обольстить, обмануть, запугать разумное существо служить мне.

– Ну, хорошо, ты есть представитель темных сил, но ты, извини меня, служишь самому Сатане. Ты у него, извини, служишь на посылках, – тихо сказал Виктор. Вот здесь что-то произошло с императором. На какое-то мгновение, возможно, на долю секунды, показалось его истинная сущность. Я увидел оскаленную морду зеленого ящера. И снова перед нами был нежно улыбающийся человек. Заметили это мои друзья или нет, не знаю. Но такая рожа промелькнула. Гол ответил.

– Дорогой Виктор, непризнанный иеромонах, я ни у кого не служу на посылках. По этому вопросу я бы вас всех попросил помолчать. Почему? У каждого из вас есть такое, которое не всякому надо знать. Я такой же, как вы человек. Я его знаю на столько, на сколько и вы знаете его. А теперь я вас прошу пройти в ваши покои. Вам пора отдохнуть. А у меня дела.

– А вы мне разрешите вам прочесть лучшую мою лекцию? – спросил Петр Петрович. Гол засмеялся.

– Вы и здесь, товарищ лектор не успокойтесь? Да нет, мне не нужна ваша мудрая лекция. Не до неё.

– Да брось кочевряжиться, – сказал Платон. – Ядрена корень, он ещё и выпендривается. Лектор предложил ему лекцию, а он в кусты.

Гол немного помолчал, видимо, переваривая непонятные для него слова, и потом ответил:

– Вам дорогу покажет мой слуга. Всё я исчезаю. Мы ещё поговорим.

– Не стыдно, господин президент? Ну, хватит перед нами изображать из себя артиста, – сказал Юра. – Что ты из себя корчишь народного артиста?

Гол исчез. Видимо, это был слуга, он подошел к нам.

– Прошу, дорогие гости пройти в ваши покои. Если будете кочевряжиться, силой поведем.

– Опа! – сказал Михаил, – ты заговорил на нашем лексиконе. Это что-то новое. Это по-нашему. Что ещё знаешь? Валяй.

Слуга, как я заметил, напрягся и выдал:

– Корчишь народного артиста. У меня вопрос. Почему корчишь артиста?

– А потому что ты из ящера превратился в человека, – ответил я.

– Я могу и стать тем, чем вы хотите, – ответил слуга, и тут же превратился в ящера.

– Вот это твоё родное, – сказал я. – Вот и ходи таким.

– Вам нравится такой облик? – спросил он и вроде даже напыжился. – Но наш хозяин велел нам быть похожими на вас.

– Вот и ходи таким ящером. А то, что ты говоришь на нашем языке, тоже приказал хозяин? – спросил Михаил.

– Да. Мы можем говорить на любом человеческом языке.

– И куда мы направляемся, болотная лягушка? – спросил Митька.

– Я не лягушка, – быстро и зло ответил слуга. – Я могу и уку-
сить за оскорбление.

– А я тебе все зубы выбью, болотная тряси́на, – ответил Митька. Слуга остановился, и весь напрягся для прыжка. И вдруг этот ящер заговорил на своем языке. Шипение да легкий свист. – Молодец. Вот ты и стал самим собой, а то по телу и голу-
су нас изображаешь. Артист.

Слуга стал успокаиваться. Он перестал шипеть и свистеть, а потом и вообще превратился в человека.

– Хватит его дразнить, – пронеслись в голове слова Гале.

– Ладно, парень, мы пошутили, веди нас в покои, – сказал Михаил.

– Пошутили? Пошутили. А. понятно. Я не понимаю шуток, и не люблю их. Мы не любим этот человеческий недостаток. Наш император обещал вытравить из вашего народа этот недоста-
ток.

– Что ещё он обещал? – спросил я.

– Вашему человеку нельзя учиться. Безграмотными легче управлять. Учиться может только наш великий народ гелиозы.

– Вот выдра, – прошептал Платон. – А чему они учатся? Пере-
учки настоящие.

Мы шли по улице. Куда нашим дорогам до вот этой дороге. Вокруг её фруктовые деревья, цветы, густая трава, похожая на траву на центральном стадионе. Под блестящей дорогой разные рисунки, и в основном природа и ящеры, гуляющие по аллеям. Часто попадаются статуи ящера. Наверное, это и есть в своем обличии император Гол. И здесь, в этом мире, есть культ лич-
ности.

– А почему в городе мы никого не видим? – спросил я.

– Когда в городе появляется наш император, все уходят в дома.

– И у него охраны нет? – спросил Михаил.

– Есть охрана. Просто их никто не видит. А вдруг недруги готовят покушение.

– Мы это прошли, – сказал я. – У вас и своих бросают на рудники?

– А как же! Много у нас ещё внутренних врагов. Но мы их раскроим.

– Чуден мир. Везде одинаково, – сказал я. – Концлагеря, тюрьмы. Политические заключенные. Как я понял, он у вас больной.

– Шизик он, вот и весь сказ, – сказал Федя.

– Почему он больной? Он самый здоровый император. А что это шизик?

– Хороший человек, – ответил Платон.

– Я, конечно, извиняюсь, но ему надо исповедоваться, – сказал Виктор.

– Ты тоже спятил? – спросил Юра. – Кого исповедовать? Он ничему не верит. Это он нам мозги пудрит о добре. Это патологический лгун. Я сомневаюсь, что он нас просто так выпустит. Этот чума со вселенским размахом, что-то для нас готовит.

Слуга остановился, стал шататься, и сел на лавочку.

– В чем дело, парень? – спросил его Михаил.

У слуги голос совершенно ослаб. Гале подхватил слугу.

– Сколько вам надо говорить, чтобы вы говорили понятно и тихо.

Слуга прошептал:

– Я не пойму ваши слова. Говорите ясно и четко и без шуток.

– А я императору подпущу свою лекцию, – потер ладонь о ладонь Петр Петрович. – Я ему такое про Гитлера сварганю, что он про все свои пакости вмиг забудет.

– У тебя есть лекция и про Гитлера? – удивился Митька.

– Ты спроси, о чем у меня нет лекции, – с гордостью ответил лектор.

– Вот это голова! – воскликнул Платон. Слуга совершенно свалился. А я подумал, сейчас Гале отключит наши голоса. И это случилось. Я попытался оправдать своих друзей, но не мог проинести слова. Все мы онемели.

Улица оставалась пустой. И только один раз я увидел в окне зеленую мордочку ящера.

Мы сели на лавочку, и стали ждать, когда слуга придет в норму.

Иногда над городом пролетали бесшумные круглые аппараты. Надо сказать, что город большой. А вот транспорта я не видел. Ящеры пешком ходят? Странно.

Мы сидели и молчали. Потом слуга встал. Он что-то стал говорить Гале. Голосов я не слышал. Они переговаривались мысленно.

– Встали, товарищи, и пошли дальше, – сказал Гале.

Я почувствовал, что у меня снова появился голос.

– Гале, спроси у слуги, почему нет транспорта? Город, наверное, будет такой, как у нас Иркутск, Красноярск, а на чем люди ездят?

Слуга ответил:

– Многие летают, как птицы. Есть у нас транспорт. Когда в какой-то город прибывает наш император, транспорт находится в тоннелях. А вдруг на этом транспорте произойдет покушение на нашего любимого императора.

– Кошмар! – ответил Митька, и ладонью закрыл рот.

– Похоже. Везде одинаково, – тихо ответил я. – Даже на краю вселенной одно и то же.

И вот мы вышли на окраину города.

– Ты говоришь, что на императора могут наслать врагов, но я не вижу императора, – сказал я. – И потом, если кто-то желает его погубить, и, как ты говоришь, что кто-то найдет на него врагов, то где эти враги? Хотелось бы на них полюбоваться. А может, это выдумки? У нас такое было. У нас был вождь Сталин. Ему везде казались враги, и постоянно боялся покушения.

– Он у вас, как и Гитлер, был вашим вождем. Мы многое знаем о вашем мире. В наших школах тоже есть история. И мы должны знать не только историю нашего мира, но историю других миров.

– Здравствуйте, – сказал Виктор. – Но сами говорили, что учиться не надо. Безграмотными людьми легче, мол, управлять. Что это? Где логика? Извините, но это мне лично не очень понятно.

– У нас учатся в школах только дети из богатых семей. Бедному населению учиться только во вред. Как говорит наш император, начнут задумываться. А это вредно для бедного.

– А ты, как слуга, тоже ведь бедный, – сказал Петр Петрович.
– Тебе нельзя учиться?

– Я до сих пор учусь. У вас школа, а потом институты. У нас школа. И тут же начинается другая школа, без всяких экзаменов.

– А если поступил в школу дебил или полудебил, как тогда?
– спросил я.

– Таких детей в школу не принимают. Их отправляют пасти гобетоусов, или по-вашему лошадей. На разные хозяйственные дела отправляют. А, понял. Это у вас такие рождаются дети с больной психикой? Ясно. Теперь понял. У нас такие дети не рождаются.

– А что это вдруг? – спросил Митька. – Вот это у вас мир. Даже дебилу нельзя нормально родиться. Как же так? У нас в деревне был дебил. Он был отменным пастухом. Какая корова чуть заболела, он это чувствовал, и передавал об этом хозяйке. Как же без дебилов? Порой мне, кажется, в наши думы попадают полудебилы и шизофреники. Они порой такого наколбасят, что бы люди полуграмотные и то, соображаем, что они натворили. Зато про свои оклады не забывают. Повышают постоянно. И сделали себе неприкосновенность. У меня мой друг Кольша Бесков прикоснулся к роже одного депутата. И этому Кольше впяли восемь лет. А чо сделал Кольша? Только прикоснулся. А этот депутат не тока оклад себе отменный наздрючил, но и наворовал прилично. Дворец себе отгрохал под Москвой. Кольша государство не обворовывал, он правильный мужик. А депутат государство обворовывает. И ничего. Ишо и на грудь награды вешают, хвалят. В другой раз подумаю вот об чем. Отправили бы такого депутата с нами. А ведь их не отправляют. А всё нароят турнуть в другие миры, таких придурков, как мы. Так чо дети-то у вас дебилами и шизофрениками не рождаются?

Мы шли по обыкновенной дороге вдоль маленького ручья. Слуга долго думал над словами нашего друга. Он даже останавливался, потому что его начинало качать. Наконец-то он ответил:

– Понял. У нас ещё в зародыше его убивают. Нет у нас таких детей.

– А вот шизики проскальзывают в ваш мир, – ответил я.

– Что это такое? – тихо спросил слуга.

– Это скрытная болезнь, – ответил Михаил. – У нас этой болезнью болели Гитлер и Сталин. И сейчас в нашем мире есть шизофреники. Только больной человек, когда приходит к власти и мечтает вооружаться. Это больные люди. Они постоянно увеличивают армии, вооружение. Развязывают войны. У нас у власти тоже стоят скрытные шизофреники. Миллиарды долларов и рублей отпускают на военную технику. А ведь всё это против человечества. Самому народу война и это вооружение не нужны. Войны нужны больным правителям. А ещё додумались женщинам доверять ключевые должности в министерстве обороны, как в России. Украли миллиарды рублей. Женщинам нельзя доверять те должности, где есть большие деньги.

Вот здесь слуга всё понял и сообразил. Он остановился, и оглядел нас.

– У вас женщинам такое доверяют? – удивился слуга. Ишь ты, быстро сообразил. А что тут не понятного? Михаил сказал простым и доступным языком.

– Доверяют, – ответил я. – Везде, где много денег, там наши женщины.

– У нас женщина знает своё место. Дом. Дети. Хозяйство.

– Где мы только не бываем, везде так, – ответил я. – А в нашей стране не только они к денежной власти рвутся, но и в жизни они пытаются главенствовать. Наступает полный матриархат. Главные фразы у наших женщин такие: я, всё-таки, женщина, мужчины, а вы не заметили, что среди вас женщина, никакого уважения к женщине, надо больше доверять власть женщине. И потом, по телевизору всё больше телеведущих появляются женщины. Какой бы фильм не стали смотреть, где всего три героя, то обязательно там есть женщина. А вот в нашей команде нет женщин. Ещё в первой команде мы постановили, чтобы среди нас не было женщин. Мы не желаем раздора. Пусть они сами организывают свою женскую команду. Вот так в нашем мире в вопросе половых отношений. У нас женщина, а не мужчина главенствует во всем. И мне никто не докажет обратное.

– У нас такого нет. А мы уже знаем, что у вас такое творится,
– ответил слуга.

– А у вас есть холостячки? – спросил Митька. – Но только с человеческой фигурой.

– Нет таких. Вы не сможете быть рядом с нашими женщинами. Они не такие, как ваши женщины. У вас женщины в основном развратные. Это мы знаем по вашей истории. Нам ведь преподают о вас историю учителя, которые побывали у вас, и всё изучили. Мы всё знаем о вас.

– Надо же, мама дорогая, – ответил Платон. – Комедь моей матушки. Получается какая-то дребедень с вашими женщинами. Одинокая баба, и вдруг сидит без мужика одна?

– Почему одна? Например, муж погиб, и она осталась с детьми. Вот и живет. У нас ведь от болезней никто не умирает. Наши ученые все болезни знают. Ещё в раннем детстве уничтожают их.

– В этом вы думаки. Молодцы, – сказал Митька. – А вот с бабами не порядок. Хотя и у нас тоже не порядок.

Мы шли по едва заметной дороге в сторону степи.

– И куда нас теперь? – спросил Михаил. Вдруг крикнул Платон:

– Что это за канитель такая! Что это такое?

Мы оглянулись. Наш рыжий богатырь сидел на пыльной дороге.

– Что с тобой? – спросил я.

– Откуда мне знать? Я хотел ступить в сторону от дороги, а меня кто-то оттолкнул.

– Что ты там хотел? – спросил Федя.

– Мне показался в стороне человек. На миг показался. Он был в колодках, весь в коростах и лохмотьях. И тут же испарился. Я хотел шагнуть к нему, чтобы разорвать его путы, а он тут же исчез, а меня с силой толкнули.

Я решил тоже шагнуть от дороги, но наткнулся на невидимую холодную стену.

Мои друзья тоже пытались сойти с дороги, но не смогли.

Тогда я решил перепрыгнуть ручей. Меня кто-то отбросил от ручья.

– Так, – такнул Михаил. – Гале, что это? Объясни?

– Да, да, объясни, – сказал Митька. – Не то мы здесь такое устроим, что весь этот город вздрогнет!

– Да я этих сморчков длиннорожих в узел замотаю! – заревел Платон. Гале пошатнулся и упал на колено. Но успел сообщить:

– Я не знаю Мне ничего неведомо. Турас о вас беспокоится. Он хотел вас сделать невидимыми, чтобы спрятать, но это ему не удастся. Я пока исчезаю. Знаю, что вы начнете сейчас кричать. Вы, я смотрю, устали быть в тишине и спокойствии. Ваши организмы рвутся наружу. Мы можем только разговаривать с вами тогда, когда мы невидимые.

– Канальи зеленозадые! – заревел Митька и стал бить кулаками невидимую стену. Она была мягкой и податливой. – Я вас, вонючки болотные на кулак намотаю и в болоте утоплю! Ишь, спокойствия они захотели здесь? Чтобы мы с вами культурно и тихо вели беседы? А сами чо делаете? С оружием в руках и по мозгам людей захватываете другие народы и планеты? Ты мне царь болотный, гол футбольный, я тебе переучка болотная больше не попадайся мне на глаза и на мой кулак.

Кричали Платон и Федя. У Платона голос был похож на голос судьбы, который на стадионе кричал в рупор.

– Плесенные упыри! Заморочки болотные! Лягушки труховные! Вылась тварь пучеглазая, и я твою харю ублюжью двумя пальцами превращу в задавленного клопа! Показал он нам свои хоромы! На крови города твои построены! А народ-то бедствует. Ты что нам здесь показал? Упырь не дорезанный!

Удивительное дело. Мягкая стена не то отступила, не то исчезла. Мы свернули с дороги, и пошли по полю. Митька раздавил ящерицу.

– Я тебе покажу голый король зеленорожих подлецов, как я расправляюсь с твоими недотрогами! – кричал Митька. – А вон ещё одна ползет! Платошка, дави их! Пусть знают наших.

– Парни, но это, всё-таки, животные, – сказал я. – Жалко как-то.

– А они нас жалеют! – кричал Федя. Было удивительно то, что несколько ящериц, которых здесь зовут гельзы, набросились на

нас. У меня рука не поднялась бить их. А мои товарищи быстро уничтожили ящериц..

Мы шли дальше. Странно было то, что эти гельзы стали убежать от нас.

Митька мне сказал:

– У нас Юрка антилигенность проявил к этим ползучим хищникам.

– Не в этом дело, – ответил я. – Я безоружных не могу трогать. Да ещё эти животные. Просто не поднялась рука.

– А мне, кажется, они разумные твари, – ответил Михаил.

– Точно! – воскликнул Митька. – От чего они вдруг разбежались? Друг другу передали сигнал бедствия.

– Я одну тоже того, прихлопнул, – ответил Петр Петрович. – Она мне в ногу вцепилась.

– Извините, но я тоже этого, как его, не тронул ящериц, – признался Виктор. – Я просто бегал и пугал их. Всё-таки, это тварь Божья. Постеснялся тронуть.

– А своей молитвой улыбочков укладывал в прах, не стеснялся! И сомневаться тут нечего. Бить их всех надо. И тех и других, – ответил Юра.

– А ишо не ясно, кто их здесь сотворил, – сказал Митька.

Шли мы по степи и вели разговор.

– Нам, парни, надо как-то к морю попасть, – сказал я. – Нам надо не забывать, что нам надо найти морских пиратов.

– У Турса и Гале, пока невозможно спрашивать. Они от наших голосов где-то далеко, – сказал Михаил. – И ещё. Мне кажется, что этот зловредный царь вечного дня просто так не опустит нас. Надо быть ко всему готовыми.

– Я тоже так думаю, – ответил я. – Конечно, он мог бы нас уничтожить, но ему что-то надо от нас.

– Да, это так, – сказал Митька. – То, что мы стену разрушили и хипиш подняли, для него это игрушки.

– От врагов своих на других планетах он, и не такого наслушался. А вот интересно, где-то ему читали лекции? – задумчиво спросил Петр Петрович. – Я бы ему такую лекцию приготовил, пальчики оближешь.

Некоторое время мы шли молча. Наконец-то, проявился Гале.

– Там, где кружились наши воины над вами, все улетели. На многие километры была пустота. Ваши крики слышали гелиозы и разбежались. Вот это голоса и много непонятных нашему уху слов.

– Какие-то вы все неженки, – сказал я. – Бывал я и в других мирах, но таких неженков в этом вопросе, как улыбки и вы не встречал.

– Удивительно то, что эти улыбки настоящие варвары, а боятся темноты и крепких голосов, – сказал Михаил. – По всем правилам, должно быть всё наоборот.

– Возможно то, что они ящерицы. Такой у них голос. А непонятность оттого, что они ящерицы, – ответил я и засмеялся.

– Надо же, какие-то ползучие, и захватили столько планет, и свободно летают по космическим каналам, – сказал Михаил.

– Я, конечно, сомневаюсь, но как ящерица могла такого достичь? – спросил Юра. – Настоящий человек не смог такое сделать. А они вот чего достигли. Вот это настоящая задача с множеством неизвестных. Мне, кажется, что-то кроется за этим. Всю эту технику, так мне кажется, сделали люди.

– Да, это задача, – ответил Гале, и чуть заметно улыбнулся. – Наши ученые достигли много. Мы ведь тоже летаем по каналам космоса. Уже давно посещаем вашу планету. И вдруг эти гелиозы, как ящерицы-гелизы свалились на нашу планету, и покорили её. А потом появилось много рабов клонов, и стали они всё выкачивать из планеты. Стали они из нашего народа делать фантомов. Правда, некоторые наши великие ученые спрятались в горах. Турас вам уже говорил, что сейчас они работают над тем, чтобы вернуть фантомов в нормальное состояние.

– Хорошо, эти гелиозы, по-нашему улыбки неожиданно ворвались на вашу планету. Хорошо, но как так быстро получилось, что они так быстро и неожиданно образовались в таких варваров, и столько успели завоевать? – спросил Федя.

– И мы не можем понять. Значит, природа им помогла.

– Странно, а что это природа не может нам помочь избавиться от негативности в людях? – спросил я. – Ведь многие даже деградируют.

– Это тоже задача, – ответил Михаил. – А тут ещё какие-то чипы в головы внедряют.

– Мы вам давно хотели помочь, но тут появились эти завоеватели, – ответил Гале.

– Мне, кажется, может, я сомневаюсь, но вы что-то скрываете от нас. И на ходу придумываете не понятное для нас. Головы морочите. Прямо бы ответили, кто на самом деле эти улыбки? И почему они завоевали столько планет?

– Где Турас? Извините меня, но почему нет Тураса? – спросил Виктор.

– Я уже вам говорил, что у него встреча с нашими учеными. Работы много. Предстоит борьба. И эта борьба вас не касается.

– Там, где начинается борьба светлых сил с темной силой, мы и должны там появляться, – ответил я. – И Юра в чем-то прав.

– Здесь всё другое. Вы не будете видеть воинов. А мы друг друга будем видеть. Эта битва будет страшной.

– Как я думаю, что и в нашем мире сойдутся эти две космические силы, – сказал Михаил.

– Битва будет везде на всех обитаемых планетах, – ответил Гале.

– Ну, наконец-то, хоть, немного, открылся занавес загадки, – сказал я.

– Мы в стороне не останемся, – сказал Митька.

– Я их лекциями замордую, – ответил Петр Петрович.

– Я, конечно, извиняюсь, но надо подумать об этом. Конечно, мы не останемся в стороне, – сказал Виктор.

– Я не сомневаюсь, светлые силы победят, – ответил Юра. – И мы узнаем вашу тайну насчет улыбочиков.

– У нас добрая команда подобралась, – сказал Платон. – Мы им всем этим лягушкам устроим ледовое побоище.

– Парни, а ведь таких команд уже много, как наша команда. Даже женские отряды добровольцев есть, – ответил я.

– Мы видим, что вы полны решимости, сражаться с темной силой, – подал голос Гале.

– Всё это так, но нам надо выйти к морю, – сказал Михаил.

– Мне, кажется, что он вас не отпустит, – ответил Гале.

– А мы ему здесь такое устроим, что он до самой зеленой кончины будет помнить, тварь скалозубая, – сказал Федя.

– Кажется, сейчас что-то начнется, – сообщил Гале. – Мне надо исчезнуть. Приказ Тураса. Но, мы будем за вами наблюдать. Этот канал он не знает.

И тут мы увидели, как по степи к нам приближались три механизма зеленого цвета. Низкая посадка. И похожие они на автобусы, но приплюснутые и похожие на домашние тапочки. В длину они были до двадцати метров.

– О, тапочки прибыли! – воскликнул Митька. – Надо же, как они похожи на наши тапочки.

Тапочки, я буду теперь их так называть, остановились в десяти метрах от нас. Было удивительно то, я не слышал никакого звука. Над полем стояла абсолютная тишина. Из тапочек никто не выходил. Мы стояли, и ждали, что будет дальше.

– Конечно, в них кто-то есть, – сказал Михаил. – От этих зеленых ящеров всё можно ожидать.

Мы ждали любого подвоха. И вот раскрылась боковая дверь. Из неё вышел такой же человек, как и мы. Это они умеют. Как? Этого мы не знаем. Вселенная велика. И где ещё и в каком краю возможны и другие разумные существа. Но, чтобы вот так из ящера превращаться в человека, это что-то. И всё-таки, Юра прав, эти ящеры не могли додуматься до того, чтобы летать в космос, строить корабли, и другую нужную технику. Здесь что-то не то. Вот это и есть настоящая загадка.

Он подошел к нам. Как и должно быть, он улыбался.

– Чо лыбишься зеленый улыбочик? – спросил Митька. – Говори чо надо, и мотай по своим делам.

Человек, немного погодя, ответил на чистом русском языке:

– Понимаю. Вы нас называете улыбочиками. Это и понятно. А мы вас называем хмурые.

– Что вам надо? – спросил я.

– Вы разрушили коридор. Мы вас направили в другое место, где вы бы многое узнали о нашем мире. Но вы всё разрушили.

– А разве вы ничего не разрушаете? – спросил я. – Зачем же вы врете? Вы разрушаете другие миры, силой захватываете другие планеты. Вам значит ничего? Можно? А мы разрушили вашу невидимую пленку, и вы уже взвыли.

– Ладно. Успокойтесь. Да, мы берем другие планеты. Вам говорил наш император. Все разумные существа должны жить в едином доме.

– А над всеми будет хозяйничать ваш император Гол?

– Хотя бы и так. Кто-то же должен привести все народы в единое общество, – ответил человек. Я почувствовал, что он начал злиться. Я решил изменить наш разговор в нужное русло.

– Так куда вы, господа едите? Нам с вами не по пути.

– Наш император просил вас посетить наш научный городок, – сказал человек.

– Надо нам посоветоваться, – сказал Михаил.

– Зачем советоваться, когда сам император просил доставить вас в городок.

– Но у нас так не принято, – возразил Михаил. – Мы пока не посоветуемся, не сдвинемся с места.

– Вы упрямые люди. А у нас принято так, если что говорит император, мы тут же подчиняемся ему.

– А вот мы будем советоваться, потому что мы другая цивилизация. И здесь, в вашем мире мы представляем свой мир, – сказал Михаил. – Мы есть дипломатическая миссия, и вы обязаны подчиняться международным правилам этикета.

На какое-то мгновение, я увидел голову ящера, и снова появился человек.

– Ах, вы вот как,- почти прошипел он. – Ослушаться самого нашего любимого императора? Приказываю идти за мной.

– Слушай ты, баранья твоя башка, ты чо нам приказывашь, мыльный обмылок! – крикнул Митька. – Зеленопупая тля болотная! Пошел отседа, пока мы тебе мордочку твою лигушачью не пропасынквали.

Человек зашатался и стал падать. Выбежало четверо ящеров, и подхватили своего начальника. Видимо, эти солдаты не успели принять облик человека. Они понесли человека к тапочкам. Скрылись в первой от нас.

– Идемте, парни, туда, откуда подул ветер, возможно, там и есть море, – предложил Михаил.

Успели мы пройти немного, как за нами двинули тапочки. Они следовали за нами некоторое время. Потом неожиданно взлетели, и скрылись из виду.

– Ну, парни, они нас так просто не оставят в покое, – сказал Михаил. – Чувствую, что придется нам принять бой.

– Надо идти быстрее, – сказал я. Тоже кое-что чувствую. Морем запахло. Вон видите небольшие горы. За ними море.

Мы ускорили шаги, а потом и побежали. Нас никто не догонял.

Через какое-то время мы достигли небольшой горы. За ней мы увидели море. Может, морских пиратов увидим? Чем ближе мы приближались к морю, тем больше во мне появлялось желание встретиться с пиратами.

Ящериц, людей, кораблей и даже лодок не было видно. Правда, какие-то уродливые птицы летали над морем, но не красавицы чайки и другие наши птицы.

– Какие-то на чертей похожие эти птицы, – сказал Федя.

– На нашей планете таких птиц нет, – ответил Гале. – Наша планета похожая на вашу Землю, будто две сестры. И вообще, история нашей планеты схожая с вами. Только мы пошли другим путем. Резко разминувшись. Вы ударились в войны, в накопление богатств, иметь рабов, появились разные веры. Мы пошли по изучению самих себя, своего внутреннего мира. Наш технический прогресс пошел во благо человека. У вас всё вышло наоборот. Ваше человечество пришло в тупик. А тут и нагрянули на нас эти гелиозы. Мы к войне не были готовы. Они наш мир быстро завоевали.

– Гитлер тоже на нас напал неожиданно, – сказал Михаил. – Хотя многие знали, что это произойдет. Мы не были готовы. Так вот и вы не были готовы.

– Хотя некоторые ученые предупреждали центральную обшину, что есть агрессивная планета. А не дальновидные наши правители успокаивали нас, что не надо паниковать. Мы, мол, никому вреда не сделали. Живем себе, и никому не мешаем. Вот так и взяли нас.

- У вас никакого оружия не было? – удивился я.
- Ничего у нас не было. Мы были и на вашей планете и на других. Почти на всех планетах, кроме ваших людей, жили мирно и счастливо.
- У нас с древности идут войны друг с другом, – сказал я.
- Я, конечно, извиняюсь, церковь всегда примиряла людей не воевать друг с другом, – сказал Виктор.
- Вот здесь, Виктор Иванович, вы бы постеснялись говорить об этом. Как вспомню инквизицию, так мурашки по коже чешутся. Столько эта церковь бед натворила! – ответил Михаил.
- Когда это было! – воздел руки Виктор. – Пора бы уж забыть.
- Пылающие костры, и на них люди, которые несли истину в народ, и заживо сгорали, забыть? И эту правду не стереть из памяти истории.
- Виктор стал молиться и креститься.
- Мы спустились к морю. И вдруг недалеко от нас, в горе, появилось отверстие. Оттуда вышло два человека в спортивных одеждах. Они подошли к нам.
- Вы пришли в назначенное место. Здесь находится место для отдыха нашего императора. И он просит вас отдохнуть вместе с ним. Просим пройти. Не бойтесь. Мы вас не тронем.
- Это кого я испугался, лягушка болотная, – повысил голос Митька. – Это я вас могу тронуть. Мы с Федей и Платошкой так вас тронем, чо и вашего вождя не успеете призвать на помощь. Обратился бы ты к нам культурно, вежливо, а то пугать нас начал. Мы ещё вас по-настоящему и не тронули. А если хорошо троним? Чо из вас останется? Пшик один. Так чо с нами надо культурно разговаривать. В общем-то, мы люди культурные, можно сказать даже антилигены. Так чо не пузыришься, и не пужай нас, лягушачий пупок.
- Два человека молчали. «Переваривали» Митькины слова.
- Потом ответили:
- Нам приказали, мы вам сказали. Надо вам идти.
- А что будет? – спросил Платон.
- Император просит придти. Он вам много что хорошего покажет.

– В таких подземельях грешники таскают тачки с грехами, потому что это ад. В ад приглашаешь? – спросил Федя.

Они опять задумались. Потом один из них ответил:

– Это не ад. Это подземелье для отдыха императора.

– Парни, – обратился к нам Михаил, – делать нечего. Не останут. Он здесь прячется от покушений от врагов. Посмотрим. Да и море рядом. Глядишь, и с пиратами встретимся. Надо идти. А ты, Гале, лети к Турасу, и передай от нас привет.

– Пламенный привет! – засмеялся Митька.

– У нас всё будет хорошо и нормально, – ответил Михаил.

И мы пошли к подземелью.

Прежде чем войти под своды пещеры, Виктор перекрестил нас, и себя не забыл перекрестить. Я только сейчас обнаружил, что эта гора похожая на гору в Крыму, которую называют горамедведь. Будто копия. Недалеко от нас, прямо из воды, у самого подножья горы, вылетело два воздушных корабля, которых здесь называют гетры. Они мгновенно и бесшумно скрылись в воздухе.

Мы вошли под своды подземелья, и очутились, словно в сказке. Кругом всё в цветах. Как всё-таки император Гол любит цветы. Кругом фонтаны, скамеечки, домики, что сказочные теремочки. Своды пещеры разрисованы причудливыми рисунками. Здесь и летающие гетры, и ящеры. Показаны сражения с такими же людьми, как и мы. Много разных рисунков. И опять чуть виден огромный глаз человека в тумане. И видна чуть заметная во весь свод решетка. Конечно, если хорошо приглядеться, то можно увидеть глаз и решетку. Машинально смотреть, эти два таинственных вида и не заметишь.

– Мы попали в сказку? – спросил Юра. – Я почему-то сомневаюсь, что это всё реально. Оно может вмиг исчезнуть, и мы окажемся в обыкновенной пещере.

Мы не стали спорить, потому что выглядело всё естественно. Я даже унюхал запах нежных цветов. В пещере другие запахи.

Конечно, Гале с нами не пошел, он просто исчез. Два человека вели нас к большому фонтану. Я заметил, что эти ящеры любят не только цветы, сказочные домики, но и фонтаны. По идее, это

должны быть интеллигентные, культурные, образованные люди. Всё наоборот. Читатель уже знает, кто такие гелиозы-улыбчики.

Мы подходили к огромной беседке. Она увешена цветами. Два человека мгновенно исчезли, а мы вошли внутрь. По окружности были мягкие скамеечки. Посредине бил фонтан. По-моему отделка кругом золотая. Гол сидел в золоченом кресле. Напротив его круглый стол.

– Проходите, гости дорогие, – сказал он нежным голоском. – Какие же вы непослушные. Моих людей обидели, не пожелали ехать сюда на транспорте.

– Нужны нам ваши тапочки, – засмеялся Митька.

– Какие же это тапочки? – тоже засмеялся Гол. – Это лучший наш транспорт. Эти самые тапочки, как вы изволили их назвать, ходят по дорогам, в степи, свободно преодолевают горы, летают со скоростью ваших самолетов, бегают по морю, нужно, если уйти под воду, ныряют. И могут идти по дну реки или моря. Вот такие тапочки. Мне бы хотелось, чтобы вы узнали ближе нашу жизнь. И вот, когда вы хорошо её узнаете, ваша жизнь на вашей планете покажется вам серой и нудной. И тогда вы поймете, что не стоило бы вам так усердно воевать с нами, и защищать ваших богатых господ. А беднота к нам перейдет. Так что ваша планета уже готовится перейти ко мне. А вот вы упрямы больше всего интересуете меня. Я хочу узнать ваш секрет упрямства. Ради чего вы боритесь со мной?

– Мы не с тобой боремся, – ответил Михаил. – Мы боремся с темной силой. А ты, Гол, относишься именно к этой темной силе. Значит, мы боремся и с тобой.

– Не пойму, – чуть повысил голос Гол, и даже, как в тумане, мгновенно промелькнул злой оскал ящера. – Ну, никак не пойму! Я многое, что могу понять. И на других планетах быстро понимал своих врагов. Я вас не могу понять. Зачем вам защищать ваших миллиардеров, депутатов, и вообще богатых людей?! Не пойму. Зачем вам лезть, бедным и бомжам в другие миры, и помогать в их борьбе, как вы говорите, с темными силами. Не пойму. И чем больше я вас не понимаю, тем больше я хочу познать вас. Ведь ваши богачи и любые власти вам не помогают, даже смеются над вами. Стрелов, ты уже издал несколько книг. Жи-

вешь бедно. От каждой пенсии откладываешь денежки на издание своих книг. На свои кровные ты издаешь книги. Районные власти тебе не помогают, и даже подсмеиваются над тобой. Да и светлые силы, которым ты помогаешь бороться с темными силами, тебе тоже не помогают. Вот видишь, я всё знаю о тебе. Я знаю всё о каждом из вас. Все вы несчастны. Ничего вы от властей не заслужили, только насмешки и упреки. В своем мире вы все пытаетесь тоже хоть как-то морально, словом помочь людям в их тяжелой жизни. Но почему вы не уважаете себя? Почему не жалеете себя?

– Мы не богатых защищаем, – ответил я. – Мы защищаем нашу планету от темных сил. А на Земле ещё много хороших людей. И вот именно этих людей мы и защищаем. Многие нас не понимают, и даже смеются над нами. Это их дело. Каждому из них не объяснишь, что мы делаем. А на всех этих великих грешников миллиардеров, депутатов и разных министров нам плевать. Они несчастны уже тем, что над ними будет особый суд, о котором нам не дано знать. Нам жалко детей, в которых вы внедрились чипы. Нам жалко многих молодых людей, в которых вы тоже внедрились. Порой мы просто не узнаем их. Светлые силы должны победить темную силу, и ваш подлый мир грязи и гнилого болота. И вот мы, и такие группы, как мы, как можем, помогаем бороться с объединенными силами негодяев.

Гол не прерывал меня. Он был спокоен и нежно улыбался. Возможно, это только мишура. Конечно, я понимал, что в нем кипит злоба. Он готов в любое время стереть нас в порошок. Но, ему мы зачем-то нужны. Неужели он не понимает, что мы не поддадимся на его уговоры. По крайней мере, меня ничем не сломить. Я такого в жизни насмотрелся и пережил, что никакой сладкой жизнью меня не купить. Неужели он не понимает? Возможно, на что-то надеется. Это его право.

– Хватит речей, а то мы превратимся в толкового лектора, каким является знаменитый лектор Петр Петрович Длиннохвостиков, – встал с кресла Гол. – Мне хочется показать прелести нашего мира.

– Вам понравились мои лекции? – удивился Петр Петрович.

– Наслышан. Видите ли, Петр Петрович, фантомы и мои клоны не в состоянии переварить ваши лекции. Их содержание для клонов слишком мудрено. Да и в них много непонятных слов и выражений. А ведь, когда слушатель, пусть даже клон и фантом, слушает, то он начинает и вникать в ваши слова. Вы понимаете меня? Вот и весь смысл. Да и мы тоже не готовые выслушивать ваши заумные предложения. Наш обыкновенный слушатель тоже слушает вас. И всё ваше необычное для нашего слуха не может вместиться в наши головы. Мозг такой нагрузки не выдерживает. У нас ведь тоже есть ученые. Но они не так говорят, как вы. У нас другой язык, другие выражения, другие слова. Мы не понимаем ваших слов в лекциях. А мозг-то улавливает эти слова, а понять не может. Идет перегрузка от непонятности. И вот плачевный результат. Вот вы заметили, что я говорю на простом вашем русском языке. И все вы иногда говорите так же, как я сейчас с вами. И Бутаков и Стрелов вот сейчас тоже говорили нормально. И мы все ваши слова и выражения понимаем. А вот ваши лекции настоящие заморочки для наших голов. И сами вы все иногда так начинаете говорить, что мы ничего не можем понять. А вы сидите, сидите. Просто устал сидеть в этом кресле. Знаете, как хорошо постоять рядом с фонтаном. Его невидимые брызги благоприятно действуют на организм, придают бодрость духа, и приходят разные и полезные мысли.

– А ты, Гол, оказывается, философ, – сказал Михаил.

– Возможно. Просто иногда хочется поговорить с оригинальными людьми, а не с подхалимами. Порой я устаю от них. Они ведь все меня окружают. Порой мне, кажется, они готовы меня в болоте утопить. Кругом меня враги и недруги.

– И своих внутренних врагов бросаешь в лагерь? – спросил я.

Он быстро ответил:

– В твоём вопросе чувствуется подвох, да? Это и понятно. У вас таким был ваш вождь Сталин. Порой мне, кажется, я на него похожий. Враги и завистники меня окружают. Нет от них спасения. Вот поговорил с вами, и мне легче стало. Нет в вас подхалимства, угодничества и лести. Вы откровенные до безобразия. И это в вас меня и привлекает.

– Слушай, голик, а ты брось всю эту дребедень, да и будь, как все, – предложил Митька.

– Я тоже так думаю, – ответил Платон. – А то получается комедь моей матушки, одно расстройство у тебя от такой никчемной жизни.

– Я бы тебе лекцию о добре прочитал, – сказал Петр Петрович. – Душой бы ты отмяк и не лез бы для захвата других планет.

– И то, правда, а на хрена тебе сдалась такая жизнь? – развел руками Митька.

– Жил бы себе вот под этой горой, и в ус бы не дул, – сказал Федя.

– Я, конечно, извиняюсь, вам бы покаяться за свои проделки. А я бы вам грехи ваши отпустил, – предложил Виктор. Только на мгновение опять показался злой оскал ящера. Не знаю почему, я совсем не верил в искренность этого чудовища. Неужели мои парни этого не чувствуют? Неужели они поверили ему? Я и в нашем мире всегда чувствовал в человеке фальшь.

– Ну, хватит здесь лясы молоть, – сказал Юра. – Пора и честь знать. Поиграли друг перед другом, пора и что-то делать. Не для пустой болтовни мы сюда пришли. Зачем нас, господин Гол пригласил в эту пещеру? Не для болтовни ведь.

– Вот это правильно сказал Юрий Вычегжанин. Пора и честь знать, – ответил Гол.

Несколько слуг принесли нам по чашке душистого мяса с бульоном. И вдруг на столе появился нарезанный на чашках стоящий хлеб.

– А это чудо, откуда? – спросил Михаил. – Вы ведь хлеб не идите. Откуда?

– Да, мы хлеб не едим. Мы даже не выращиваем любое зерно. Есть небольшой народ. Он живет на юге планеты. С ними ведут торговлю насчет зерновых морские пираты. И вот ради вас, и таких вот людей, которые есть у нас на рудниках, мы закупаем у этого народа хлеб.

– Вы шагаете по космосу, даже до нас добрались. А почему этот народ не завоюете? – спросил Платон.

– Зачем? Мы их не трогаем. Пусть себе выращивают зерновые. У них вроде ваших бывших колхозов. Они нам не мешают, не выступают с лозунгами. Им нужен мир от нас, а нам нужен хлеб для ваших людей. Вы ведь не можете жить без хлеба.

– У вас мясо, потому что вы есть настоящие хищники. Вот вы и не любите хлеб! – засмеялся Митька. – А ещё какую-то травку жуете, что коровы.

Опять на миг промелькнул звериный оскал. И снова улыбка.

– Все мы разные, – ответил Гол. – Вы здесь угощайтесь, а меня дела ждут. Мы ещё поговорим.

И он тут же исчез. Мы ели вкусное и свежее мясо, запивали бульоном. И с удовольствием ели хлеб. Как я соскучился по хлебу. Как он вкусно пахнет! Кажется, что лучшего запаха нет на свете.

После еды, мы надежнее устроились на мягкой лавочке. Перед глазами поплыл туман. Сквозь него я услышал голос Митьки:

– Теперь после сытного обеда не мешало бы тово, как ево... Чо это? Надо же, всё поплыло...

Я потерял сознание. Может, это сон, а может и наяву. Я шел по аллее. Кругом цветы, неведомые мне птицы пели, играла удивительная музыка. И чей-то очаровательный женский голос исполнял песню на непонятном мне языке. Рядом со мной шли слуги. Один из них говорил мне:

– Мой господин, вас ждут.

Меня сопроводили в красивое здание. Там я подошел к стенке с множеством дверей. Открылась одна, и я увидел пачки денег. Конечно, это были деньги, но только мне незнакомые. Я вынул из кармана камзола несколько пачек денег и положил их рядом со всеми. Здесь же в коробках лежали разные драгоценности. Потом дверка закрылась. Я повернулся, и в огромном зеркале увидел себя в непонятной одежде и в шляпе. Да, это был я, но одежда на мне такая, какую я никогда не носил. Длиннопольный камзол с глубокими карманами, с пуговицами из золота. Как я понял, меня окружали слуги. Но это были люди. Я вышел из здания. Меня подвели к какому-то круглому аппарату. Я вошел в него, и он бесшумно и быстро взлетел. Он летел низко, и были видны поля, реки, чистые и аккуратные домики небольшой де-

ревни. А вот появился настоящий дворец. Аппарат сел недалеко от него. Я вышел и в сопровождении слуг пошел к дворцу. Внутренность этого дворца просто невозможно описать. Всё сверкало в драгоценностях и золоте. Я разделся и пошел к огромной ванне наполненной водой. В ней плавали девушки удивительной красоты. Пышные формы меня привлекли. Хоть любую выбирай для утех. Одна из них, самая красивая и желанная приблизилась ко мне. Она обдала меня жаром своего удивительного тела. Удержаться нет сил.

И вдруг она прошептала на непонятном мне музыкальном языке, но я его понял.

– Возьми меня, друг сердечный. Я так по тебе тосковала. Ты почему так долго не шел ко мне. Пойдем в мой номер.

И в этот момент, словно где-то внутри меня почти прошептал голос Гале. Я его сразу узнал.

– Тебя чарами опутывает Гол. Он показывает прелести будущей твоей жизни, если ты согласишься на него работать. Всё вот это реально. И девушки тоже реальные. Всё это находится на соседней планете. Эта планета завоевана гелиозами. Вы нужны им. Пока ещё не знаю зачем. Но узнаем. Он показывает всем вам, как вы будете жить в богатстве и роскоши, если подчинитесь ему. Выбирай, Юрий. Сладкая жизнь ждет тебя.

Я с силой оттолкнул девушку, и сказал ей:

– Ты хорошая девочка, но я свою душу не могу продать слуге Сатаны.

И я тут же очнулся. Вскочил со скамейки. Закричал:

– Лягушка болотная! Ты кого решил на свою сторону сманить?! Меня?! Я никогда не гнул спину ни перед кем. И перед тобой не буду стоять на полусогнутых ножках!

Мои парни тоже вскакивали, и от возмущения кричали и матерились.

– Ты, смотри, показывал он нам его рай, – говорил Михаил. – Да я лучше буду трудиться для себя на свалке, но не буду гнуть спину на этого выродка.

Я не буду здесь описывать, что говорили и обещали, и куда посылали Гола и его ящеров. Вокруг нас никого не было. Мы кричали и плевались, и шли к морю. Мы договорились не

молчать. Так можно как-то спастись от Гола. Мы шли по берегу моря очень долго. Умудрились захватить морской корабль и уйти в море, лишь бы не видеть и не слышать Гола с его плутовской речью, в какую я совсем не верил. Команда корабля сразу же подчинилась нам. А куда денешься? Эти ящеры уже наслышаны о непонятных для них пришельцах. Своим друзьям я сообщил о том, что Голу нельзя доверять ни единому слову. Они должны знать, что это патологический лгун. Иногда над нами пролетали летающие аппараты, но мы махали им руками, показывали кукиши и что есть силы, изрыгали непонятные для них слова. Даже Виктор умудрился показать нам всем, что он тоже может выдать некоторые слова не литературного содержания. И от этого нам было даже смешно. Мы неистово смеялись, веселились, плясали, пели песни. В общем, мы такой устроили концерт сумасбродства, что я с детства и до сегодняшнего дня не видел и не слышал. Какой только есть в нашей России мат, Митька, Федя и Платон выдали его сполна и с блеском. Такие же горланили частушки, а мы, как могли, подпевали.

Уже не было видно земли, а мы всё веселились. И вдруг, словно из воды возник перед нашим носом корабля, неведомый нам корабль.

Морские пираты

Я сразу понял, что перед нами морские пираты. Они взяли наш корабль на абордаж. Матросы перебрались к нам. Мы встали в круг. Матросы стояли напротив нас и молчали. Это были такие же люди, как и мы. У всех, как у клонов, единая спортивная одежда. Все, как на подбор крепкие, спортивного вида парни, но не зеленые. И не улыбались. И это вселяло надежду. Первым заговорил Митька.

– Здорово, братва! Мы к вам пробивались. Надо как-то сообща накостылять этому подонку из породы мерзких ящеров.

Матросы молчали.

– Они немые, – ответил Платон. – Комедь моей матушки, куда бы мы ни сунулись, везде одни непонятки.

– По кумполу стукнуть, и сразу всё поймут, – сказал Федя.

И тут с пиратского корабля на наш корабль через борт перепрыгнул крепкий парень.

– Ну и шумнули вы на всё море, – сказал на чистом русском языке парень. – Мои матросы ваших слов не понимают. Мы от вашего мата и крика рассыпаться и погибать не будем. Мы тоже можем горлопанить на всю ивановскую.

– Слушайте, а кто вы такие? – спросил Михаил. – Почему говоришь на нашем языке?

– Долго объяснять. Всё потом. Сейчас нам надо уносить ноги, а то головцы бросят целую армаду летучих мух. Мы так называем их летательные аппараты. Сейчас переходите на наш корабль,

– А как же этот корабль?

– Они сами сейчас убегут к своему берегу, – ответил парень. – Все вниз.

Матросы быстро перешли на свой корабль, и мы с парнем пошли за ними.

И вот пиратский корабль быстро погрузился в воду.

– Теперь они нас не догонят. Наше судно быстрее ходит в три раза.

– Теперь куда нас? – спросил Михаил. – Теперь ещё есть у нас вопросы. Кто вы? Ящеры, бежавшие из-под гнета Гола? Местные жители? Почему не ящеры? Откуда знаете наш язык?

– Вопросов много, – ответил парень. – Это я должен бы у вас спросить, кто вы, откуда явились и с какой целью? Вы ведь в нашем плену. Хотя это не так. Вы наши гости.

– Гол тоже говорил, что мы его гости. А нам такое устроил, даже во сне мне не снилось, – сказал я.

– Это он вас развращал и переманивал. Хорошо. Я думаю, что вам надо рассказать о нас. Вот, оказывается вы какие? Не изменились.

– Откуда ты нас знаешь? – спросил Платон. – Как я понял, наши здесь были?

– Ваших людей здесь не было.

– Тогда чо спрашиваешь? – громко спросил Митька.

Парень и стоящие рядом с ним пираты на Митькин голос не обратили внимание. Парень спокойно ответил:

– Ваших людей с планеты Земля здесь не было. Но, говорят, что почти одновременно с вами сюда прибыл ещё один отряд отчаянных парней.

– Где они? – спросил я.

– Нам неизвестно.

– Весьма странно, про нас узнали, а про тот отряд говорили, что вам неизвестно, – сказал Михаил.

– В другом месте его высадили. Они тоже захватили корабль и где-то опустились на той стороне океана. Что с ними нам неизвестно. По-моему вас следует накормить, тем, что вы хорошо знаете.

Он что-то сказал на непонятном мне языке. Двое парней побежали.

– Прошу перейти в главное управление, – сказал он.

Он шел впереди, а мы за ним. То и дело мимо нас пробежали матросы. Женщин мы не видели. Оно и ясно, это ведь морское судно. В далекие времена женщин на судно не брали. Видимо, и здесь их не брали в море. Некому требовать к себе уважения, и говорить избитые слова «я всё-таки женщина».

Мы пришли в переднюю рубку. Как и на том корабле, в носовой части огромное стекло. Мелькали разные рыбы, и неизвестные нам морские животные.

Мы сели в кресла. Перед нами матросы поставили столики. Отличие было. Они из воздуха не появились, и матросы не исчезали. Они принесли нам в глиняных чашках настоящие пельмени.

– Пельмешки, – радостно сообщил Митька. – Вот это по-нашему. А если бы ещё по бабушке пропустить за встречу, было бы совсем по-русски.

Матросы принесли кувшин и стаканчики из глины. Древность.

Матросы из кувшина в стаканчики разлили водку. Я запах водки сразу учуял.

Платон, Федя и Митька с хрустом потеряли руки.

– Вот это по-нашему, – сказал Платон. – Уважаем.

– Русские, – засмеялся парень.

– Да это ясно, что мы русские, – сказал я.

– Не в этом дело. Извечное русское слово об уважении.

– А теперь вздрогнем, – сказал Митька.

– За встречу, – сказал парень.

Мы выпили, и стали есть пельмени. Митька хотел ещё налить водки, но кувшин унесли матросы.

– А чо это вдруг? – спросил Митька. – Как-то не так всё получается. Значит, не уважаете нас.

– У нас не принято пьянствовать, – ответил парень. – По второй и по третьей, вот вам и пьянство. Начинается разговор об уважении, а потом драки.

– Так мы хотели, как лучше. У нас так не принято, – сообщил Платон.

– Вы у нас в гостях. И давайте не будем настаивать.

– Значит, вы нас не уважаете? – зло спросил Федя.

– Началось про уважение, – улыбнулся парень. – У нас такой закон введен ещё нашими предками. И мы строго его соблюдаем. А если кто нарушил этот закон, то его отправляют на специальный остров для исправления. Значит, Федя и Митька алкоголики.

Митька закричал:

– Значит, и меня туда же? Ах ты, морская свинка, меня на остров? Ах ты, свинячье ухо! Гусь лапчатый, оскорблять меня?! Не уважать меня?! Да я тя, мозгляк труховный, одним щелчком раздавлю, и акулам брошу.

– Первое, мы вас уважаем. Второе. Акул в океане нет. И третье. Хватит ругаться!

– И действительно, Дмитрий, ты чего это раздухарился? – сказал я. – С наперсток выпил, и стал выпендриваться. Не стыдно? Мы ведь у людей в гостях. Они приняли нас от всей души, а ты после наперстка начал выкабениваться.

Митька стал успокаиваться.

– А чо он мне островом грозит.

– У них такой закон, извините, Дмитрий, и это правильно, – сказал Виктор.

– Ну, хватит здесь вылупаться, ну чего вы прямо, – повысил голос Юра.

– А можно вам лекцию прочесть о дружбе народов? – нежно спросил Петр Петрович.

– Пошел ты знаешь, куда со своей вонючей лекцией! – крикнул Митька.

– Но у меня лекция не вонючая. Да и как она может пахнуть? Вы, Дмитрий, подбирайте слова. Здесь, все-таки есть интеллигентные и культурные люди.

– Это ты антилиген? Не смейся. Я тоже слышал, как ты улыбочкам читал лекцию, и отменно матерился. Антилиген не должен материться.

– А это прием против врага. Все матерились, даже уважаемый мною поп и то матерился.

– Извините, уважаемый Петр Петрович, но я не поп, а иеромонах. Поп, это простонародное слово для всех служителей церкви. И вы должны уважать...

Парень крепко прихлопнул ладонью по столику и встал.

– Всё. Хватит про уважение. Здесь вам не гелиозы. И мы от ваших слов не уйдем в прах и не умрем. Хватит. Больше водки не получите. В вас так и сидит эта извечная зараза под названием «уважаемый». Всё. На этом давайте на время закругляться. Сейчас вам покажут ваши каюты, и вы там отдохнете. И во сне можете сколько угодно друг друга уважать. У нас это слово не произносится. Вы мне напомнили Россию, которую я не видел, хотя я чисто русский.

– Ты русский, и это понятно, но почему не видел? – спросил Михаил.

– Идите отдыхать. Всё потом. Сейчас вы не в форме. Идите. И мы пошли.

– Сдалось тебе, Дмитрий, это уважение, – проворчал Юра.

– А я тут причем? Мы всегда так говорим, – развел руками Митька.

– В общем-то, мы сами виноваты, – ответил Федя. – Чуть подопьем, и давай уважать друг друга. Другой раз так науважаемся, что домой с синяками приходим.

– Это правда, – тяжело вздохнул Митька. – Обидели парня. Мы ведь хотели, как лучше. Мы ведь его уваж... Тьфу, мать её за ногу! Какое-то наваждение с этим словом. Теперь буду следить

за этим словом. Надо же! У них этого слова нет! Здорово! У нас это слово, у пьющих, главное.

Нас развели по каютам. Я сразу упал на топчан и тут же уснул. Спал без всяких сновидений.

Проснулся бодрым и веселым. Вышел из каюты. Стали мы собираться в носовой части корабля. Когда мы расселись по креслам, пришел парень.

– Все, значит, собрались? Это хорошо.

Он подошел к трем парням, которые, сидели за пультом корабля, и стал с ними беседовать. Парень, как я понял, был капитаном судна. Парень был ростом с меня, стройный, держался прямо, голова откинута. Такие люди обычно бывают гордые, независимые. Волосы светлые, лицо и нос крупные, глаза большие под цвет нашего неба, какое обычно бывает весной, но не местного. Оно было какое-то серо-голубое.

Отдав указания, он подошел к нам.

– Теперь я свободен на некоторое время. У вас вопросов много. Главный вопрос, почему я русский, и кто такие морские пираты. Таковыми нас назвали гелиозы. Мы живем в южной части планеты Тор, на самом её южном полюсе. Как и на Земле есть Антарктида, на этой планете тоже материк. Вот на нем мы и живем. Вокруг нас омывает океан. Наш народ тоже имеет общее название Слагер. Потом объясню его название. Соседями с нами живут местные люди. Мы их назвали Ведами. Веды. Здесь они живут с незапамятных времен. Они занимаются земледелием, скотоводством. Мы тоже выращиваем разные культуры, но мало. Мы живем с ними в дружбе и согласии. Ведем с ними обмен. Мы им доставляем рыбу, и все то, что добываем в морских глубинах. Они нам поставляют хлеб, овощи, молочные продукты, одежду и обувь. Веды ведут торговлю и с гелиозами. И в торговле с ними мы не мешаем. К нашему матерiku подходят торговые суда гелиозов. Мы их уже всех знаем, и пропускаем свободно. Гелиозы не могут нас покорить, потому что основное наше занятие, охранять наш материк от нашествия головцев. Значит, мы должны уметь воевать. У нас есть свои ученые, которые производят разное и совершенное против врага оружие. Наши корабли быстрее ходят по морю, быстрее летают по воз-

духу. Ученые сделали над нашим материком невидимый щит, который отражает любой летательный аппарат врага.

– Здорово вы здесь окопались! – воскликнул Платон. – Но эти твари могут быть невидимыми.

– Ну и что, Это вы их не видите. А наши приборы всё видят на многие километры от нашего материка.

– Если ты русский, то могли бы тоже сделать корабль, чтобы попасть в канал, и прилететь на свою исконную родину, – сказал Михаил.

– А зачем? Нам здесь славно. Здесь наша общая родина. У нас есть свои семьи, есть свои города, села, деревни. В школах наши дети учатся грамоте. Есть институты. Есть свои профессора. Но, каждый из наших людей умеет постоять за себя. Военное искусство против гелиозов наши люди владеют в совершенстве. Каждый человек у нас проходит военную подготовку...

– Брось хвастаться, не люблю, – прервал парня Митька. – Наш Платон любого из вас на этом корабле уложит в два счета.

Платон от такой похвалы даже надулся, выпятил мощную грудь, сжал кулаки, чуть не величиной в собственную голову.

– Да уж, уж, этово, тово, – сказал Платон.

– Зачем хвастаться? У нас не принято хвастаться, – ответил парень.

Он что-то сказал матросам, и те выстроились перед нами. Я бы не сказал, что они здоровые парни. Такие же, как мы. Одно я заметил, они все спортивного вида.

– Вот перед вами восемь парней. Платон, выбирай любого на тренировочную борьбу. Каким видом ты владеешь? Бокс, борьба, стрельба, фехтование. Выбирай.

– Всё это я умею по первому разряду, – ответил Платон. – Вон тот товарищ вроде поздоровше. Попробуем самбо.

Они встали напротив друг друга. Платон недоверчиво улыбнулся и небрежно хотел схватить парня за руки, но тут, же оказался на полу. Я даже не заметил движения парня. Платон встал. Теперь он растерянно улыбался, но напрягся.

– Ты сам выбирай парня покрепче. А вот с краю стоит паренек похудее. Попробуй его свалить.

– Да я его в одну минуту, – прохрипел Платон. Паренек встал напротив Платона. Теперь уже наш друг был готов к борьбе. Он широко расставил ноги, а руки с растопыренными пальцами готовы сцапать паренька. Он заревел и бросился на противника. На этот раз я заметил молниеносное незнакомое мне движение, и наш богатырь снова оказался на полу.

– Хватит испытывать судьбу, – поднял руки командир и капитан судна. – И в боксе вы проиграете, и в других видах. Хватит.

– В боксе? – заревел Платон. – Да у меня по боксу есть звание мастера спорта Советского Союза!

Вперед вышел ещё один паренек. Я не понял его. Он не стоял в привычной для нас стойке боксера. Он просто стоял, и ждал нападения нашего друга. Наученный опытом полного поражения в борьбе, Платон начал знакомые движения боксера. Подпрыгивал, двигал руками. И вот он решил нанести свой мгновенный удар в челюсть противника, и тут же в секунду получил встречный удар в челюсть. Платон зашатался и рухнул на пол. Он лежал на полу без сознания. Полный нокаут. Юра подошел к нему и открыл счет.

Потом выпрямился и развел руки.

– Первокласный нокаут. Мужики, ну, хватит уже выпендриваться, – сказал Юра. – Надо признаться, что и в других видах они нам поставят первокласное очко в их пользу. Так зачем кочевряжиться? Ну, хватит уже. Ну, чего вы? Криком, матом, и лекциями их тоже не прошибешь? Так зачем надсажаться и наддуваться? Имейте совесть признаться, что этот народ острова ловчее и сильнее нас. Мы можем бороться только с улыбочками.

Михаил захлопал в ладоши.

– Bravo, Юра, bravo, настоящий философ. Чётко и точно поставил всё на место. Всё правильно сказал.

Платон приходил в себя. Сел, потрогал челюсть, и неожиданно улыбнулся. У таких людей, как Платон, быстро проходит злоба.

– Вот это удар. Сдаюсь. Молодец. Я так не смогу. Я настоящий увалень против вас.

Он поднялся. Парни подошли к нему, хлопали его по его могучим плечам, и что-то лопотали на своем языке. Стоп! Некоторые слова я стал понимать. Хотя я иностранных слов не понимал, потому что мне не дано знать их, но какие-то немецкие словечки появлялись. Возможно, они говорили по-немецки.

Михаил тоже им ответил, а потом сообщил нам новость:

– Они говорят на немецком языке. Я думаю, что нам кое-кто объяснит, в чем дело? Один говорит на русском, хотя он не понимает современный русский язык, язык простого народа, его словечки. И немцы, если они настоящие немцы, немного не так говорят. Тоже не современный немецкий язык. Вы кто на самом деле, уважаемый командир и капитан этого судна?

Командир снова пригласил нас сесть в кресла, и рассказать о себе и о своем народе.

– Меня зовут Сергей Мосальский. Я русский из древнего рода русских князей, – начал он рассказ. И то, что он поведал нам, поразило нас. Такого мы не ожидали. Всё рассказанное было интересно, необычно, и трагично. Вот эта история островного народа под названием Слагеры.

Начало этой сложной истории началось почти сто лет назад. Шла первая мировая война. Шел 1915 год. Русские войска стояли против немецких войск. Когда был перерыв, то русские и немецкие солдаты подбирали убитых и раненых. Иногда угощали друг друга куревом. Если кто умел разговаривать на русском или немецком, то переговаривались. Вот такая была первая мировая война. Потом вышестоящие командиры приказывали открывать огонь. И снова лилась кровь. Санитар Иван Мосальский, потомок русских князей, добровольцем пошел на войну. Многие такие вот люди шли добровольцами в санитары, чтобы как-то помочь русской армии. Как-то раз Иван ползком решил добраться до воронки, в которой, как он видел ещё во время атаки, упал его друг. Теперь это было нейтральное поле. И как он понял немцы снова пойдут в атаку. Им надо было выбить русских с этой высоты. Иван достиг воронки. Со стороны немцев в него не стреляли. Первая мировая война, это не вторая мировая война, когда в таких случаях стреляли всех подряд. Даже если бы полз ребенок, и его бы убили. Правильно некоторые историки

пишут, что это была непонятная война. В воронке был санитар и от немцев. Он перевязывал раны двум немцам и русскому солдату. Иван стал перевязывать рану своему товарищу. У немецкого санитара кончились бинты, и он попросил у Ивана. И тогда они вместе перевязали немецкого офицера. И тут начался новый обстрел. Русские и немцы уткнулись в землю, и стали ждать смерти. И вот наступила тишина. Иван не мог открыть глаза. Будто кто его ослепил. Потом, всё-таки, прозрел. Первое, что он увидел, это рядом с ним сидел живехонький его друг прапорщик Сергей Вязьмин. Это удивило Ивана. Никаких бинтов на нем не было. Какое-то наваждение. Тут же он увидел тех немцев, которые лежали с ним в воронке. И ещё вот что удивило Ивана. На всех была странная одежда из зеленого цвета. Брюки, как брюки, легкие, какие-то шелковистые куртки, тонкий свитер. Но главное поразило Ивана то, что они оказались в каком-то непонятном помещении с маленькими и круглыми окошками по бокам стенок. Пол под ними сплошной и мягкий. Один немец постучал по стенке и сказал: «Мягкие стенки. Куда мы попали? В плен? Тогда к кому? К французам или ещё к кому?» Все стали изучать помещение, но к общему мнению не пришли. Потом раскрылась дверь, и несколько молчаливых людей внесли им еду из одного мяса. Слуги тут же вышли? Иван крикнул: «Хлеба давайте!» И тут же раздался голос: «В нашем мире мы не выращиваем хлеб». Сергей спросил: «А что это за мир такой, где нет хлеба? Тогда подавай фрукты и бананы, если ты из Индии». Через некоторое время ответили: «Если вы попробуете наши фрукты, то вы умрете». Тут действительно была загадка. Все стали обсуждать случившееся. Один немецкий офицер сказал: «Во всем, мужики, загадка. Где мы столько находились, что нас вылечили от ран, и приодели в странную одежду? Не задумывались? А, в общем-то, надо как-то выбираться отсюда. И потом, у кого мы в плену? И почему фрукты для нас яд? Что это? Смеются над нами?» И он подошел к тому месту, где должна быть дверь, но там даже и следов не было, что здесь должна быть дверь. Немец опять сказал: «Здесь всё странно и настораживает. Щелей не видно. У меня такое ощущение, будто мы попали на какой-то корабль пришельцев из космоса». Ответ всех сразил наповал. «Вы, люди зем-

ли, находитесь на космическом корабле. Сейчас мы летим к нашей планете под названием Тор. Вы наши пленники. Мы для вас невидимы. Вы, люди, отсталые экземпляры. Иначе мы вас не называем. Все те, кто находится здесь, немного отличается от тех, кто был рядом с вами в окопах. Они настоящие, как вы выражаетесь, настоящие быдла. Наш император, великий и мудрый Гол решил подобрать хорошую команду из вашего народа. Нам безразлично, какой вы национальности. Это вы на вашей Земле придумали разные национальности и верования. У нас одна на планете национальность гелиозы. У нас одна вера. Вера в мудрого нашего учителя Гола». Тогда только люди поняли, что они куда-то попали не туда. Спали? Но на них нет ран. Они окончательно убедились, когда неожиданно перед ними появился, словно из воздуха человек. Он был одет в зеленый костюм. И сам он был зеленоватого цвета. «Свят,свят, свят», – взмолился прапорщик Сергей Вязьмин. Конечно, все были в ударе. Немецкий офицер Вильгельм сказал: «Мы, кажется, попали в настоящий фантастический мир. Но это не фантастика, друзья мои, реальность, и это надо признать. Мы находимся на летательном аппарате. Нас подобрали в процессе боя. Это реальность, господа, реальность». Они летели недолго. И вот, наконец-то, они прибыли на планету Тор. Им сказали, что эта планета находится на краю вселенной. Объяснили строение космоса. И чтобы попасть на родину, они должны забыть. Потом их везли по океану к огромному острову, омываемому этим океаном. Им сказали, что здесь находится резервация для представителей других планет. Здесь они пройдут карантин, знание современного гелиозкого языка. Из них будут готовить ученых, воинов для захвата других планет. А ещё люди поняли, что из них будут делать воинствующих фантомов-клонов. Им показывали и рассказывали о прелестях жизни на этой планете, если они согласятся сотрудничать с ними. Но эти гелиозы пока ещё не знали некоторых представителей человечества, тем более офицеров. А они затаились. Стали тайно собираться в глухих пещерах. А здесь, на этом острове их было множество. Но сначала, и в первую очередь им надо было познать гелиозкий язык. И вот, как-то они собрались в пещере, как перед ними возник человек. Но он не улыбался и

не был зеленым. Он сразу сказал: «Я не гелиоз. Нашу планету завоевали гелиозы. Многих превратили в фантомов, что и вас ожидает. Моё имя Ролс. Для них вы рабы. Не всех сюда, на этот остров прислали. В основном пленников отправляют на рудники. Вас выбрали, как самых образованных, понимающих толк в медицине и технике. Пока для нас это загадка. Они и у нас крадут ученых разных профессий. Кстати, они настоящие животные, одновременно хищники и травоядные. Мы надеемся на вас. Победить их сейчас невозможно. Они коварны и злы. И не верьте улыбкам, обещаниям, и сладким речам. Но не подавайте вида, что вы всё знаете. Они весьма хитрые, изворотливые, как настоящие ящеры. Вы потом узнаете их настоящие морды и тела. Но, пока вы всему учитесь, слушайте их и слушайтесь. Я буду ваш посредник с моим народом. Возможно, наши дети и внуки восстанут против этой темной силы. Справедливость должна восторжествовать». Так началась новая жизнь затворников в чужом мире. Они построили себе лачуги. Где-то надо было жить. Потом прибыла партия молодых женщин. Люди поняли, что им отсюда не вырваться, то стали обживать, заводить семьи. Гелиозы заставили ученых строить такие корабли, чтобы они могли ходить по морю, уходить под воду, и летать в космос. У гелиозов такие корабли были. Но им надо было ещё больше. И ученые Земли стали работать над такими кораблями. А тайно готовили для себя другие корабли, но в несколько раз мощнее. На общем совещании выбрали председателя. Им стал ученый из России Попов. Вот тогда-то и при общем голосовании и назвали себя народом под именем Слагер. Слагерцы. Так, как здесь в основном поселились славяне и германцы, вот и получилось словосочетание Слагер. Славяне и Германцы. Конечно, кроме русских, украинцев и белорусов были и другие национальности. Но их было по одному или по два человека. Так что о таком названии никто не возражал. И остров все называли Слагерия. Надо было как-то надежнее устраиваться. Стали строить города. Население разрасталось. Люди обнаружили на острове пещеры, уходящие под островом на многие километры. Были и своды, где была морская вода. Туда свободно входили корабли. Там и начали готовить людей к будущей схватке с гелиозами. С малолетства

дети учились не только в школе, но и военному искусству. А рядом с ними жили коренные островитяне. Это были мирные люди. Они занимались земледелием и скотоводством. Они рассказывали, что эти гелиозы прибыли на эту планету в незапамятные времена и стали уничтожать народ. Откуда прибыли гелиозы, так никто и не узнал. Остатки людей они выслали вот на этот остров. Слагеры сразу установили с местным населением дружеские отношения. Они снабжали слагеров продуктами, а те помогали им в обработке почвы для зерновых и овощей. И вот, когда слагеры окрепли, то они дали гелиозам первый бой, и выиграли его, как на суше, так и в море. И тогда-то и назвали слагеров морскими пиратами. Несколько раз гелиозы пытались уничтожить этот мужественный народ, но каждый раз проигрывали. Торговые суда слагеры не трогали. Они вели торговлю с местным населением. Но, никогда не вмешивались в дела слагеров. Это всех устраивало. Бывали случаи, когда среди торговцев проникали на остров разведчики, но по поведению торговцев они понимали, что среди них есть враг. Торговцы никогда не выдавали шпионов, но молча, давали понять, что среди них есть разведчик. Торговцев можно было понять. Вернувшись на родину, они могут быть уничтожены. Слагеры обследовали все подводные лабиринты острова. Они обнаружили, что почти под всем островом много таких мест, где можно строить поселения на суше. И тут же есть тихие бухты. Люди построили две гидростанции, и у них появилась своя электрическая энергия. Ею снабжали не только всех жителей острова, но энергия была по всем лабиринтам. Потом двое ученых обнаружили, что можно брать энергию из космоса. Отказались от гидростанций. Уничтожили их. А на этом месте построили дома отдыха. Красивая природа, недалеко два водопада. Здесь нашли целебные воды и грязи. Стали искать лекарственные растения против многих болезней. К этому времени все первые поселенцы умерли. И вот их дети и внуки нашли такие целебные растения. Сейчас по меркам земных лет, люди должны жить до трехсот лет. Но на этой планете другое исчисление. Они взяли его у местных жителей. И ещё, люди привыкли спать. Так уж устроен человеческий организм. Если гелиозы не спят, а только бодрствуют, то земляне

установили время обеда и сна. И что оказалось удивительно, местные люди тоже ложатся спать в определенное время. И эти люди ничем не отличаются от землян. Казалось бы, и цвет кожи должен быть зеленым, или как у жителей Африки. Но они такие же, как люди. И не улыбаются, как улыбаются гелиозы. Вот такое вот поведал нам Сергей Мосальский.

– И вы не интересовались, откуда взялись эти гелиозы? – спросил Михаил?

– Тайна, покрытая мраком. Это они только болтают, что их ученые разрабатывают новые корабли. Лгут. В технике и в медицине они не разбираются. Таких ученых у них пока нет. А вот насчет клонов и фантомов они нас превзошли. У нас сложилось общее мнение, у них есть какие-то ученые по этому вопросу. Вот они и клепают вечных клонов и фантомов для рабства. Давно научились воровать людей в других мирах. Это их тоже кто-то научил. Я повторюсь. У наших ученых, да и у ученых, к которым относится Турас, а мы с ними в контакте, сложилось твердое мнение, что эти гелиозы ничего никогда не создавали.

Вместе с Михаилом мы воскликнули:

– Как ничего не создавали?

– Это не я сказал, а наши ученые подтвердили такую догадку. Гелиозы воинственный народ, если его можно так назвать. А возможно, это, скорее всего не народ.

– А чо это за камуха такая? – спросил Митька.

– Действительно, камуха, – засмеялся Сергей. – Прежде всего, это ящеры. Ящерица, в общем-то, по земным меркам, и вы это хорошо знаете, миролюбивое пресмыкающееся. А здесь эти ящерицы, настоящие хищники. Они у гелиозов, считаются неприкасаемые. Кстати, что удивительно, эти ящерицы не набрасываются на своих хозяев, пусть даже они приняли человеческий образ. Возможно, а скорее всего это факт, эти гелиозы вместе с собой доставили и ящериц. Этих зеленых тварей объединяет одно, они настоящие хищные животные.

– Но они и траву едят, – сказал я.

– Правильно. Едят. Но какую траву? Скот не ест эту траву. Ею питаются только ящеры и ящерицы.

– А может ящерицы имеют разум, извините, за такое сравнение, – сказал Виктор. – Тогда я не могу понять. Бог создал человека по своему облику. Это что? Значит, эти гелиозы не люди?

– Тогда кто они? Я тогда тоже сомневаюсь в их предназначении к облику человека, – сообщил Юра. – Я ведь давал вам понять, друзья, что с этими улыбочками надо разобраться. Не могли они всё это делать.

– Да, Юра, ты прав, – сказал я. – Мне такое тоже приходило в голову, но ты чётко об этом нам говорил. Да и Гале и Турас говорили про это загадками. Мол, потом всё узнаете.

– Видимо, сразу нельзя было вам говорить, могли бы дров наломать, – ответил Сергей. – Понемногу догадывались. А теперь вот мне пришлось вам признаться, кто на самом деле эти ящеры.

Виктор перекрестился.

– Свят, свят, свят! Тогда что? Мы были приняты в хоромы к животным? Господи, прости нас неразумных! Но откуда мы знали, что это не люди? Но ведь они были людьми!

– А я им лекцию засобачу, – подал голос Петр Петрович.

– Молодец, Петр Петрович! – воскликнул Платон. – Наконец-то ты заговорил на простом языке. Засобачу! Точно подмечено. Засобачь этим лягушатникам.

– Как же так получилось, что они захватили столько планет?! – возмутился Михаил. – Как такое возможно?

– А вы забыли про темные силы? – спросил Сергей. – Им сам Сатана помогает. Единственное нас всех беспокоит вот что. Кто эти ученые, что сподобились помогать этим зеленым тварям? Вот вопрос вопросов. А ответа пока мы не можем найти.

– Как я понял, эти улыбочки, мы их так называли, ничего сами не умеют делать? – спросил я. – Но тогда позвольте вам возразить вот по какому вопросу. В нашем мире они вставляют в людей, даже в ребенка микроскопические чипы. И направляют отдельных людей на отрицательные подвиги. Это раз. Мы сами видели, как они мгновенно непонятно из ничего возникают селения, фонтаны, ну и прочая дребедень, как выражается Платон.

– Да, да, мы видели, – громко ответил Платон.

– Это два, – сказал я. – Ну и последнее. У них есть свои пилоты. И они управляли космическим кораблем. Как это понять?

– Ответ и простой и сложен, – ответил Сергей. – А вы уверены, что за их спинами, да и разумом следят и управляют ими неведомые нам силы. Это хоть можете уразуметь? И эти ящеры этим невидимкам нужны.

– Чёрт ногу ломает от таких выводов, – сказал Михаил.

– Вот. А мы постоянно об этом думаем. Вот поэтому мы так тренируемся. Ставим защиту над островом. Плохо то, что тот невидимый враг намного опаснее гелиозов. Но мы его не только не видим, но и не знаем откуда, и, как и с чем он появится. Порой у нас бывает такое ощущение, будто они следят за нами. Кое-что мы тоже знаем, но не про гелиозов и неведомого нам врага. И нам кажется, что наши враги тоже об этом догадываются. Ведь мы находимся на краю вселенной. Что там за этой вселенной и вечностью нам неведомо.

– Возможно, там, в глубинах далекого космоса, находится другая вселенная, – сказал я. – Как-то я написал об этом в своей книге.

Сергей посмотрел на меня с любопытством. Хитро улыбнулся.

– Это ты хорошо придумал. Фантастика.

– Она самая. Страшно люблю фантазировать, – быстро ответил я.

– Как-то наши ученые, благодаря тайному разведчику, засняли некоторые картины в главной резиденции Гола. У них есть странная картина. Но не надо говорить о том, что оттуда помогают. Нет. Там всё другое. Оттуда идет тепло и успокоение. Помогает им темная сила в виде самого Сатаны. Вот это вернее.

– Я вставил:

– Природа природой, но в космическом пространстве, есть сетка. Я не понял смысла этой картины. А за сеткой вроде тумана, а в нем едва заметный огромный глаз.

Сергей довольно долго молчал.

– Именно эту картину наш разведчик и заснял. Успел нам передать. Его обнаружили и казнили. Что обозначает картина, и кто написал её, мы не знаем. В мире много тайн. Ни один ученый

не ответил. Здесь заложена какая-то тайна. Как один наш художник сказал, что это просто абстракция и всерьез её не надо принимать. Мало ли что в голову придет художнику. Но, странное в этой картине есть. Я уже вам сказал. От неё идет тепло. Я примерно догадываюсь, что это, но пусть это останется загадкой. Но только не оттуда приходит к нам плохое. Оттуда может к нам придти добро. Давайте не будем больше об этом говорить.

– Гол тоже сказал нам насчет этой картины с таинственной недосказанностью, – сказал Михаил.

– Наши разведчики передавали, что Гол приказал сжечь картину, но у них ничего не вышло. Она не горит. Это удивило Гола. И больше он не делал попыток сжечь картину.

– У меня вопрос. На этом корабле только вы говорите на русском языке? – спросил я. Решил сменить тему разговора.

– У нас на острове все, даже дети, говорят на двух языках, на русском и немецком языках. И в школе оба языка главные.

– А теперь расскажите и вы о себе, и о нашей России.

Каждый из нас представился. Потом мы начали рассказывать о нашем времени. Сергей, молча, выслушал. Потом ответил:

– Печальная страна.

– Почему печальная? – спросил Петр Петрович.

– Ей всех больше достается. А тут ещё эти гелиозы к вам присосались, – ответил Сергей. – Ну вот, через час мы прибудем на остров.

Корабль всплыл. Вдали мы увидели остров.

– У вас хоть зима-то есть? – спросил Юра.

– Зимы у нас нет. Два солнца отменно согревают нашу планету.

Корабль приближался к острову. Вот и порт. Мы увидели дома, такие же, как у нас. Но не было высотных зданий. В порту стояло несколько кораблей.

И тут Виктор спросил:

– У вас, извините, тоже есть корабли, которые могут лететь в космическом пространстве по каналам?

– Есть один. Но мы не хотим пользоваться полетом в космосе. Я уже вам отвечал, что нам и здесь хорошо. Здесь наша родина. Но нашу планету периодически трясет. Заработали вулканы. По

планете гуляет дым от них. Конечно, мы тревожимся. Ведь все ископаемые планеты исчерпаны. Планета взбунтовалась против насилия над ней. Сейчас наши ученые конструируют несколько космических кораблей, чтобы можно было покинуть эту планету. Но, мы не знаем, в какой край нам податься. В этом деле нам помогают ученые Тураса. Люди, которые у них выжили, селятся и осваиваются на планете Земля, но в другом измерении. Есть на планете Земля один параллельный мир, в котором живут только животные. Может, там поселимся. Есть ещё один параллельный мир, где есть там примитивные животные, которые похожи на людей. Но они покрытые шерстью. Сильные, крепкие животные. Даже немного разумные. Поэтому наши ученые, которые на какое-то время попадали в тот мир, называют их первобытными людьми. Они обладают огромной внутренней энергией и гипнозом. Бывают случаи, когда они попадают во временные точки, и неожиданно для них проникают в ваш мир. Вы их называете снежным человеком. Как и все дикие животные, и звери, боятся человека, так и они вас боятся. Они запоминают место, где они переместились в ваш мир, и возвращаются домой. Иногда они крадут женщин и девушек, чтобы она родила для них ребенка. Порой они совсем уносят в свой мир женщин.

– У нас иногда по телевизору показывают кадры со снежным человеком, – ответил я. – Значит, у них есть разум. Ведь они хотят переделать свой род к лучшему. Они видят и знают о нашей цивилизации. А в своем мире они только и знают окружающих их разных животных. Странно, а почему они так здорово отстали от нас, да и всех цивилизаций, о которых мы уже кое-что знаем?

– Возможно, они и не отставали? – ответил Михаил. – Они просто были когда-то известными нашей науке неандертальцами. Жили в нашем мире. Ведь на Земле, как нам немного известно, случилась какая-то трагедия, и некоторые из них, просто случайно, попали во временную точку между параллельными мирами. А тот мир населяли только животные. Это неандертальцев устраивало. И стали они жить с животными. Зачем им меняться? Им и так хорошо. Ведь науке известно, но непонятно, эти самые неандертальцы вдруг куда-то исчезли. Некоторые уче-

ные доказывают, что они просто вымерли, а на смену им пришли человекообразные обезьяны под названием кроманьонцы, от которых и пошел современный человек. Мол, они вытеснили неандертальцев. Ничего подобного. Просто они случайно, а может и не случайно попали в другой мир. Кто теперь ответит? Никто.

А я вдруг подумал, вот бы побывать в том мире, где царствуют только одни животные. А потом попасть в другой параллельный мир, где живут волосатые неандертальцы, и другие огромные животные, как хищные, так и травоядные. Возможно, мы ещё побываем там? Я только боюсь, что туда могут проникнуть эти ящеры под названием гелиозы, а по-нашему просто улыбочки. И я не завидую тем животным и косматым неандертальцам. Надо будет и их спасать. Всё может быть. Надо бы ещё кое о чем спросить. И я задал вопрос:

– Тогда кто сделал космические корабли для гелиозов?

– Скрытые ученые. Мы не можем их определить места, – ответил Сергей. – Могу только сказать, что эти корабли построили не гелиозы. У них на такое мозгов не хватит.

– Тогда кто они, эти улыбочки? – тихо спросил Юра. – У меня вкрадывается сомнение в том, что они просто люди. Что-то там есть другое.

– Обыкновенные ящеры, какие у нас были в далекой древности, – засмеялся Митька. – Какие могут быть мозги у ящеров? Не смешите меня.

Сергей посмотрел на Митьку, улыбнулся и ничего не ответил.

Корабль причалил вплотную к причалу.

– Просим пройти на остров, – пригласил Сергей.

Мы ступили на неведомый нам мир. Удивительно, что здесь уже давно живут наши земляне.

Нас встречал народ. Это ещё неизвестно, кого встречали люди. Корабль пришел из похода по океану. Мы ведь не знаем, сколько он на это потратил время.

Мы прошли сквозь строй. У нас любят бросать к ногам или дарить цветы. Здесь этого не произошло. Просто нас приветствовали громко и радостно на двух коренных языках. Я уже писал о цветах. Они должны радовать глаз в степи, на полянках в тайге,

на дачах. Цветы должны прожить свою короткую жизнь от весны до осени. Не надо прерывать жизнь цветов. Пусть растут для них отведенное природой время. Когда я смотрю на букет цветов, мне становится не по себе. Поэтому многие в этом вопросе с цветами, меня не понимают, и называют странным человеком. И ещё я узнал, что все мои друзья в тех командах, с которыми я путешествовал, в вопросе о цветах, были такого же мнения, как и я. И вот эти мои друзья тоже были странными людьми. Мы все, вообще-то, были во всей нашей жизни непонятными для людей и странными. А ещё к этому я добавил ёмкое для нас слово придурки. Я даже пятую книгу так и назвал «Придурки». Для более серьезных людей мы именно такими и являемся.

Мы пришли на площадь, где было много народу. А вот и любопытная трибуна. Всё это мне напомнило время раннего и позднего застоя, когда вот с таких трибун произносились зажигательные речи о светлом будущем. Правда, знамен, портретов и плакатов здесь не было. Да и трибуна вовсе не трибуна, а какая-то низкая машина. На неё встал капитан корабля Сергей Мосальский, и каких-то два мужика. Кстати, как и в царское время, все мужчины носили короткие бороды и усы. Одни мы были безбородые и без усов, и гладко выбритые. Только этим мы и отличались от всех присутствующих здесь мужчин.

Один из мужчин говорил на русском языке о сторожевом корабле, о его команде, которая с честью выполнила задание по охране этого острова. Этот корабль потопил два вражеских корабля, и сбил восемь летающих аппаратов. Честь, мол, и слава настоящим героям дружного народа слагер. Другой мужчина говорил на немецком языке. Хотя я его не понимал, но понял, он говорил именно это, что и первый мужчина. В сторонке стояло несколько мужиков в крестьянских одеждах. Веды отличались от городских людей своей убогостью. Конечно, веды были коренные жители острова. Видимо, привозили в город муку, и другие продукты. Недалеко стояли животные немного похожие не то на лошадей и козлов. Непонятные животные, которых на этой планете называли гобетоусы.

Несколько слов сказал и Сергей Мосальский. Он сразу говорил на русском и немецком. Как я понял, здесь один язык не гла-

венствовал над другим языком. Такое уж общество возникло на этом острове. Хорошая традиция у островитян.

Потом нас пригласили сесть в машину. Кузов открытый. Мягкие сиденья. Водитель был один, потому что место за управлением было только для одного человека. Баранки не было. На переднем стенде были только кнопки. Машина тронулась без шума и тряски. Мы словно плыли по дороге. Я бы не сказал, что город красивый, каким мы видели, был город у гелиозов. Скромные одноэтажные дома. И тоже не было многоэтажных небоскребов. Улицы вымощены камнем. Вдоль улицы росли деревья, похожие на наши сосны, но очень раскидистые. Трава похожая на нашу траву. Всё выглядело скромно, и не бросалось в глаза показным изыщством. Фонтанов не видел. Здесь, как я понял, берегли воду.

– У вас и фонтанов нет, – сказал я.

– Вода на планете есть, но она находится глубоко. Достать её целая проблема. Но мы немного достаём. Есть реки, но на острове их мало. Берём оттуда воду. В общем-то, воды нам вполне хватает, – ответил Сергей. Видимо, руководство города направило его с нами, так как он уже хорошо знал нас. – Но мы привыкли щадить природу.

– За то, улыбки, извините меня, тратят её без зазрения совести, – сказал Виктор.

– Мы сообщали им уже несколько раз, чтобы они умерили свои желания на нещадную потребность воды, – ответил Сергей. – Даже отправляли посыльных для переговоров, насчёт воды. А они в ярости казнили наших людей. Они называют нас морскими пиратами. Это они настоящие пираты для этой планеты.

– Я бы их назвал так, планетарные пираты, – сказал Михаил.

– Для них это точно подходит, – сказал я.

– У меня есть лекция на тему «экономика должна быть экономной». Я бы им эту лекцию закатил, – потер руки Петр Петрович.

– Подожди, Петр Петрович, – сказал я. – Придет ещё твой коронный час, и ты своими лекциями уложишь их.

– Он их в один присест ухайдакает, – засмеялся Митька.

Мы выехали за город.

– И куда мы теперь? – спросил Юра. – И здесь секреты? До каких пор везде секреты? Ну, хватит секретничать.

– У нас от вас нет секретов. Сейчас мы войдем в тоннель. Там многое, что для вас интересного.

– Турас и Гале и другие эти товарищи здесь бывают? – спросил я.

– Конечно, бывают. Сейчас у них много работы. Я думаю, что они должны появиться.

Иногда и здесь почву трясло.

– У вас так часто происходят землетрясения? – спросил Михаил.

– Постоянно трясет. Планета бунтует против нас. Но мы не виноваты. Это всё творят гелиозы. Им плевать на эту планету. Они всё равно покинут её. Вот они и ничего не жалеют.

– Паскуды, – проворчал Федя. – Как же их всех враз уничтожить?

– Это может сделать только высший разум над всеми нами, – ответил Сергей. – И потом, на стороне ящеров стоит темная сила.

– Как я посмотрю, куда бы я ни проник в другие параллельные миры, и вот теперь я на краю вселенной, везде идет борьба светлых сил с темной силой. Идет вселенская борьба, – сказал я.

– Да, это так, Юрий, – ответил Сергей.

Мы увидели перед собой расщелину в горе. Её даже нельзя назвать горой, это пологий холм. И насколько хватало моё зрение, скал я не видел.

– Здесь нет скал, – сказал Михаил.

– Это устоявшийся и самый древний материк на планете. Здесь меньше всего трясет, и нет вулканов. Если взять планету Земля и два полюса на ней, то вот этот наш материк, как Антарктида на Земле.

Мы въехали в расщелину. Было здесь светло, как днем. Дорога шла вниз, потом выпрямилась. И вот мы увидели такие же, как в городе скромные дома. Здесь росли сосны, и какие-то ещё незнакомые мне деревья. Над нами гладкий свод. Везде стояли столбы из блестящего материала, и они упирались в свод. Это

была большая деревня по обеим сторонам дороги. За домами протекала небольшая речка.

– Тоже вода соленая? – спросил Митька. – И попить негде водицы.

– Вот эта речка с пресной водой, какая есть у вас.

– А отчего у этих ящериц соленая и противная? – спросил Платон.

– По всей планете верхняя вода соленая. И она гелиозов устраивает. Они могут и морскую воду пить, и ничего им не делается, – ответил Сергей. – А вот в глубине планеты протекают пресные воды. Это единственная речка под огромным сводом. Отсюда мы качаем воду в город. Есть у нас на острове глубинные насосные, но их мало. Скважину надо бурить до пяти километров. И у нас складывается такое ощущение, будто планета не желает нас поить водой. Работает насос, а потом вдруг вода прекращается. Всё. Нет воды. Бурим в другом месте. Там такое же наказание.

– Упыри несчастные! – проворчал Платон. – Этим бы улыбочков загнать в огромный каменный погреб. А Петр Петрович им лекцию бы сварганил.

– Я бы их в один счет уморил бы, – опять потер руки лектор.

– Взрывчатку на них сбросить бы, – подсказал Федя.

– А теперь мы ещё углубимся, – сказал Сергей. И наша машина побежала вниз. Потом она остановилась. Сергей первым покинул машину.

– Пройдемте, друзья. Я вам кое-что покажу.

Юра недоверчиво улыбался.

– Я сомневаюсь в том, что меня уже ничем не удивить. Зря, господин Мосальский стараешься.

Мы свернули с дороги.

– А куда эта дорога пошла? – спросил я.

– Это окружная дорога. От неё есть вот такие ответвления. Потом поймете они для чего. Эти ответвления мы не делали. Это сделала природа. На этом острове везде тоннели и вот такие ответвления. В этих лабиринтах можно заблудиться, и никогда не выйти. Вот такие здесь лабиринты. А теперь смотрите и не падайте в обморок.

Мы вошли в высокий лабиринт. Свет здесь падал на стены и отсвечивался желтоватым светом. Мы вошли в объемную пещеру. Здесь пол, стены и потолок поблескивали желтизной.

– Странная порода, – сказал я.

– Да, странная, – ответил Сергей. – Мы сюда мальчишками бегали прятаться. Здесь есть углубления. Потом поймете, зачем они.

– И зачем эти углубления? – спросил Юра. – Опять секретничать? До каких пор?

– Мы не любим секретов, а то, что вы не можете догадаться, то я не виноват. Так что здесь нет никаких секретов.

И тут только я сообразил, что это за металл. Мои друзья притихли. У Митьки раскрылся рот. Он подошел к стене, и погладил её, и даже ногтями поскреб её. Потом тихо сообщил:

– Так это тово, этово, как ево, золото.

– Золото, – прошептал Платон. Мы тоже подошли к стене. Я попробовал стену ногтем. Чувствуется его мягкость. В золоте я знал толк. Меня не надуешь. Вся пещера состояла из золота. А вот эти ниши стали понятны. Здесь люди добывают ценный металл.

– Так вы можете этово, как ево, стать миллиардерами в один присест, – сказал Митька.

– Зачем нам это? Мы добываем это золото для лекарства. Ученые что-то там делают с ним. На этой планете золотом не с кем торговать и меняться. У гелиозов его тоже много. И у нас оно есть в нескольких пещерах. И пласты золота уходят далеко в глубину планеты.

– Ну, что, парни, вы и опешили, – сказал я. – С собой возьмете? На корабле можно вывезти. Станете дома миллиардерами.

Митька похлопал по стене, погладил её, и ответил:

– Это я просто удивился. Зачем оно мне? Куда я его повезу? Нет уж, какой Митька был, таким Митька и останется.

– На миг обрадовался. Мама дорогая! Вот это настоящая ко-медь моей матушки! Золота горы, а с собой не возьмешь! – воскликнул Платон.

– У нас сразу возьмут в оборот, – ответил я. – Где взял, как украл.

– Целая канитель будет, – вздохнул Митька. – А интересно, чтобы делали наши миллиардеры?

– Как-то в параллельный мир попали крупные руководители-нефтяники, и они стали просить у отправителей, чтобы они помогли провести трубы из параллельного мира в наш, – сказал я. – Так вот этих господ сначала через тачки с грехами пропустили, а потом отправили домой. И больше богатых господ не стали отправлять в другие миры. Они все на одну колодку. А мы, как были бедными, так бедными и вернемся в наш мир. Нас таких вот и подбирают. Конечно, ты нас, Сергей удивил таким богатством. Хотя, что я болтаю? Для вас золото, просто нужное для вас лекарство.

– У нас на планете много вольфрама, платины, и многих других нужных ископаемых. Но мы берем только для дела. А вы уже видели, что с золотом вытворяют гелиозы. У них бассейны из золота. Да что бассейны, у них туалеты из золота. Вот они настоящие на планете временщики-варвары.

Мы вышли из золотого лабиринта.

– Сейчас посетим ещё одно удивительное место, думаю, что вам оно понравится.

Юра недоверчиво улыбнулся.

Мы довольно долго ехали. Я успел подремать. Да и мои друзья, видимо, тоже подремали. Сергей сказал:

– Подремали немного. Можно было, и пролететь по воздуху это расстояние, но мы не поставили летательный аппарат.

Мы миновали холм, и перед нами открылась удивительная картина. Насколько хватало моё зрение, простиралась зеленая лесостепь. Богатое пастбище, раскидистые деревья. Вдали виднелось озеро.

– А вон и вода! – воскликнул Митька.

– Конечно, это озеро. Туда ходят все животные на водопой. Озеро наполняется подземными водами, – сообщил Сергей.

Удивительно было то, что здесь ходили табуны разных животных.

– Что твой зоопарк, – громко заявил Платон.

– Нет здесь никаких зоопарков. Здесь все животные ходят спокойно. Кстати, весь этот материк богат разными животны-

ми. А вот тех хищных ящериц, которых гелиозы называют гелизами, здесь нет.

– Гырзы есть? – спросил Юра. Он уже недоверчиво не улыбался. Он серьезно смотрел на потрясающий дикий мир.

– Гырзы есть. Они вроде тигра и леопарда. Лежат себе в тенечке и выслеживают неповоротливую и больную живность, и потом нападают на неё. Так что в этом диком мире идет естественный отбор.

– Мясо здесь берете? – спросил Федя.

– Бывает и здесь, и в других местах много разных животных.

Мы видели, как свободно здесь ходили местные лошади под названием гобетоусы. Были и здоровые животные похожие на слонов, но с горбами. Конечно, это не верблюды. Много было животных неведомых нами.

– У вас, наверное, тоже есть эти самые, как их этого, лошади? – спросил Петр Петрович.

– Конечно, есть. Мы на них устраиваем гонки, ездим на прогулку, на рыбалку. А крестьяне, веды, вообще без лошади не могут.

– У вас ведь есть коровы? – спросил я.

– Вон они ходят. Потом их пастухи загоняют в загоны для дойки.

Вдали мы увидели большое стадо животных, мало похожих на коров. Толстые и похожие на бегемотов животные, с почти незаметным шерстяным покровом.

– Тю. Так это настоящие бегемоты! – воскликнул Митька.

– Мама дорогая, настоящая комедь моей матушки, – засмеялся Платон. – Точно это настоящие бегемоты.

– Бегемоты говорите? Каждый такой бегемот за один раз дает два ведра молока. Вот вам и бегемот, – ответил Сергей. – Я думаю, что нам пора ехать в город. Там уже для вас приготовили номера в гостинице.

Мы снова в дороге.

А вот и город. Нас пригласили в большой дом в один этаж. Нас расселили по номерам. Каждому достался отдельный номер. Скромная обстановка. Мне она напомнила гостиницы где-

нибудь в маленьком городишке. Грешным делом я подумал, вот люди сидят на золоте, а так серенько живут.

Потом нас пригласили в столовую. Всё, как у нас. Гуляш с картофельным гарниром, в стакане сметана. Попробовал. Не кислая. Душистый борщ с кусками мяса. Компот. Славный обед.

Митька спросил у разносчика:

– У вас подгузница есть?

– Что? – не понял парень.

– Вино, парень, вино, – ответил Платон.

– Вино? – удивился парень. – У нас в столовой нет вина. У нас есть на краю города ресторан. Там играют в бильярд, там можно немного заказать хорошего вина. А в столовой вина нет, да ещё какой-то подруги? Или как её?

– Ладно, парень, успокойся, всё равно ты не поймешь, что это за вино такое, – ответил я. – Иди, а то тебя люди ждут.

– Нам был дан приказ обслужить вас по всем правилам этикета, – ответил парень, продолжая стоять.

– Слушай, парень, – тихо обратился я к нему. – Мы из той породы людей, которые не любят сюсюканья. Разрешаем идти.

– Мы разрешаем, – набычился Митька. – Тебе сказали на русском языке, пошел отседа. У вас все такие беспонятные?

– Мы чётко исполняем приказы своих командиров, – ответил парень.

– Ты ведь не в армии, ну и пошел бы по холодку туда, где ты сейчас нужен, – ответил Платон.

– У нас нет холода. Да, я в армии. Мы здесь все в армии.

– Парень, – обратился я к нему, – если ты армейский робот, то мы обыкновенные люди. И потом, мы своеобразные люди. Мы свободные личности. И там, где нам начинают навязывать свою волю, мы всегда начинаем бунтовать. Такая уж у нас порода. Вот таких нас и подобрали в наемники. Мы, парень, обыкновенные наемники против темной силы. Ты ведь, парень не от темной силы, или как?

Парень ответил быстро:

– Нет, мы не от темной силы. Мы есть армия.

– Всё ясно с тобой. Парни, пусть себе стоит и глазеет, как мы едим. Ничего не поделаешь, такой у них закон, – сказал Михаил.

Тут подал голос наш лектор.

– А что, товарищи, а давайте кое-что испробуем? Я ему сейчас закаю лекцию о дисциплине.

Парень ответил мгновенно.

– Не надо лекцию. Ваши лекции сумасбродные. Они бьют наповал клонов гелиозов, а настоящих гелиозов умертвляют. Они могут довести до психического состояния некоторых ваших людей слабых на голову. Я могу отключить свой слух.

– Ты робот? – спросил Юра. – Сомневаюсь, что ты человек.

– Я есть энергетический элемент-человек. Я стою на охране наших границ от вторжения на наш материк гелиозов.

– Я так и думал, что это робот, – сказал я, доедая гуляш.

– Я не робот, а энергетический элемент. А по-простому я Ээч, что значит в переводе для непонятных людей энергетический элемент-человек.

– Слушай ты, элемент, а не пошел бы ты куда-нибудь, – отставил пустую чашку Федя.

– Зовите меня Ээч. Цифру я вам говорить не буду. Это наш секрет.

– Тьфу, – плюнул под стол Юра. – А я что говорил? Все они здесь под секретом. Слушай, ты, Ээч двухсотый, или какой там, иди на свой пост на границу. Мы ведь тебе не граница. Мотай отсюда, секретчик двухсотый.

– Я выполняю приказ. Здесь мой пост. Я не Ээч двухсотый, а намного больше. Если вы начнете бунтовать, то я вынужден буду успокоить вас.

– Всё ясно, парни, уходим, – сказал я и встал. Все поднялись. – Ээч прав. Он в армии. И у них в армии железная дисциплина.

Мы вышли на улицу. Ээч следовал за нами.

– Он напоминает мне наших собак. Такой же преданный хозяину пес, – сказал Михаил.

Ээч услышал эти слова.

– У нас есть собаки. У гелиозов собак нет. У них вместо собак есть гелизы, маленькие и хищные ящерицы. Я не могу быть собакой и псом. Я есть Ээч.

– До каких пор ты будешь таскаться за нами? – спросил Петр Петрович. – Давай я тебе засобачу лекцию о дисциплине? Чудная лекция.

– Ты, Петр Петрович, культурный, образованный человек, а пытаешься говорить на языке малограмотного и не культурного человека Митьки и Платона, хотя он когда-то случайно окончил техникум, – сообщил Ээч.

– Почему это случайно? – подозрительно спросил Платон.

– Ах ты, железяка переученная! – крикнул Митька. – Я тебе покажу, мать тебя за ногу, как оскорблять честного труженика, да я тя...

Митька замолчал. Он махал руками, а не мог произнести ни слова. А Платон немного помялся, улыбнулся и ответил:

– Техникум-то я окончил и, правда, наверное, по ошибке. Диплом выдали. А я на радостях неделю пил. Среди мужиков делал для хохмы так. Рукой закрою значок на груди, и смеюсь, глупости говорю. Уберу руку, сразу нахмурюсь и делаю рожу деловой, как делали райкомовские товарищи, когда приходили читать нам политзанятия. Мужики тогда надо мной угорали от смеха. А для пущей важности, начинал говорить о сияющих вершинах и гранитном фундаменте. Грохот от смеха стоял на всю мастерскую. Тут Ээч прав. И нечего, Митька сердиться на робота.

– Я не робот. Сколько можно вам говорить, что я энергетический элемент-человек.

– Ты хоть Митьку оживи, дай ему нежный голосок, – попросил Юра. – Я, конечно, человек, сомневающийся и недоверчивый, но ты будь человеком, Ээч, не лишай нас голоса. Ведь это наш инструмент против улыбочиков.

У Митьки вернулся голос. Он уже не кричал. А тихо сказал:

– Электрическая переучка чёртова.

Мы пошли за город. И тут нас догнала машина. В ней сидел Сергей и два парня. Ээч быстро удалился.

– Уже успели поспорить с нашим пограничником? – засмеялся Сергей. – Я забыл вам сказать, что у нас есть пограничные

войска. Кто-то же должен охранять границу нашего материка, чтобы к нам не проникли гелиозы. Рядовые пограничники все роботы. Их невозможно отличить от нас и вас. Но, вы это обнаружили. Их поведение. Ну да ладно. А вот командиры у них наши люди. Офицеры.

– А чо это нам его подсунули? – спросил Митька.

– Вы, как мы поняли, народ непредсказуемый. Уже и подгузницы вам захотелось. Дальше, больше, ещё кого-нибудь потребуете. А он вас успокоит.

– И Платона успокоит?

– Да я этого робота в порошок сотру, – ответил Платон.

– Не сотрешь. Они у нас все невероятной силы. Он бы вас всех сразу успокоил. У них невероятное зрение и слух. За десятки километров он услышит шаги человека. И определит по шагам враг это или наш человек.

– Слушай, Сергей, а вы не боитесь, что такие вот Ээчи могут восстать. Мы как-то были в параллельном мире у волосатиков. Там были роботы, и мы с ними воевали. Не боитесь?

– У нас есть главный пункт, и там каждый энергоблок, так они у нас отмечены, на полном учете.

– Ну, наше дело предупредить вас, – ответил Михаил. – У них сила, энергия. Кое-что прибавится в головках, и вы станете их рабами. Вообще опасно плодить роботов. Механический разум, это опасно.

Сергей немного помолчал, потом ответил:

– В общем-то, они у нас на строгом учете.

– Учет, это хорошо, – ответил я. – А вот найдется среди вашего брата этаким умник, в виде Гитлера, сработает на роботов, и пошло-поехало. Опасно.

– Наш народ не способен родить таких, как ваш Гитлер.

– Всякое бывает. Ведь все мы люди. А робот подчиняется хозяину, – ответил Михаил. – Это ваше дело, это ваш материк. Нам нужны улыбки. Теперь мы немного знаем, кто они и откуда. Гнездовье его знаем.

– Не всё гнездовье. Загадка. У нас давно сложилось мнение, что эти гелиозы ничего не умеют делать и творить. Наши ученые сейчас бьются над этой загадкой. Так что, кто они на самом

деле, мы не знаем. У наших ученых бывает такое ощущение, будто кто-то их направляет. Да и за нами следят. И в тоже время нас будто кто-то защищает. Так что сходятся две противоположные силы. Мы их не видим, и ничего не знаем о них. Так что это гнездовье мы тоже не знаем. Конечно, воевать с этими гелиозами надо и нам и вам. И необходимо бить их всё больше и больше. Всё их меньше станет. А попробуй других наделаи. Человеческих матерей для них не хватит. Их тоже кто-то от гелиозов охраняет.

– Вот мир сложен, так сложен! – воскликнул Платон. – Клянись тухтовым дипломом, мать его за ногу! А то мы заткнулись и сидим в своем мирку. А начнешь выступать, что я такого навидался в соседнем мире, дурачком назовут, да ещё и в психушку отправят. Вот, что обидно. Мы бьем улыбочков. Как говорится, воюем с темной силой, а многие люди у нас сейчас чай пьют, и пузо чешут. Смеются над нами над придурками.

– А ты откажись, – сказал я. – Я, например, с молодости путешествоваю и в прошлое и в будущее, и в другие параллельные миры, и ничего. Не брошу это дело. Это моё хобби? Может, наоборот? Это моя жизнь и моя судьба, а жизнь в нашем мире хобби? Кто теперь ответит? Откажись.

– Как это откажись? Ну, Стрелов, насмешил! Никогда не откажусь. Мне в мой мир, скорее это в ваш мир, я не вернусь. Я наметил, куда вернусь после этого путешествия. Турас мне поможет найти бабенку. Женюсь, и наплодю детей. Думаю, что на этот раз он разрешит мне найти мне пару. Я ведь настоящий человек.

– А мы чо? Не настоящие? – возмутился Митька.

– Извините, Дмитрий, но Платон прав. И ты это знаешь, – сказал Петр Петрович. – Не надо на него обижаться. Нас всё равно возьмут в наш мир, а он навсегда останется в том мире, где есть Турас. Всё равно на нашей планете. Какая разница? Никакой.

– Да я так, не подумал, – неожиданно спокойно ответил Митька.

Мы уселись в машину и поехали. Долго ехали. Начались холмы. Дорога петляла между ними. Выехали к берегу моря. Остановились.

– Мы вроде всё, что нужно показали вам, – сказал Сергей. – Как я понял, вы прибыли сюда не для развлечения.

– Это факт, – сказал я. – Скучновато, что-то стало. Давно мы не встречались носом к носу с улыбочками.

– Руки чешутся, – ответил Митька.

– Поразмяться бы, – добавил Платон.

– Морды бы кому начистить, – сказал Федя.

– Я бы им, извините, кое-что бы сказал, – тихо сообщил Виктор и перекрестился.

– Конечно, все мы застоялись, как лошади в конюшне, – сказал Михаил.

– У меня на этот случай, пока мы тут ездили и ходили, у меня родилась новая лекция. Я бы этой лекцией устроил бы им вечную ночь, – сообщил Петр Петрович.

– Я, весьма сомневаюсь, что мы порядком их накрошим, но хотелось бы покрошить этих улыбочиков на славу, – сказал Юра.

– Вот видите рядом с морем расщелина?

– Опять в подземелье? – спросил Михаил.

– Немного. Потом вот этот корабль нырнет в воду.

– Здорово были, я ваш племянник! – воскликнул Федя. – А мы здесь причем? Ныряйте на здоровье.

– Вот эта машина может стать, как подводная лодка. И я думаю, что вы согласитесь на этом корабле переплыть океан.

– Ты знаешь, мне порой нравится шутить, но здесь не смешно, – сказал я. – А как я заметил, вы все здесь не только не любите шутить, но и не понимаете шуток.

– Возможно, нашим предкам было не до шуток. И такое перешло к нам.

– Так где, правда? – спросил Михаил.

– Сейчас, – сказал Сергей. Один парень вышел из машины, а второй остался. И тут мы увидели, как с заднего кузова стала выползать полукруглая светло-голубая крыша. Получилась настоящая маленькая подводная лодка.

– Теперь вот о чем я бы хотел сказать. Вас будут сопровождать два наших пограничника, – сообщил Сергей. – Возможно, мы больше не увидимся. А эти двое будут с вами.

– Так они эти, как этих они? – спросил Платон.

– Они, – ответил Сергей.

– Зачем они нам? – резко спросил Митька. – О чем можно с ними разговаривать?

– Я бы им рассказал о наших машинах. Я ведь на многих машинах работал, – сказал Федя.

– Обо всем можно с ними вести беседы, – ответил Сергей. – В них столько всего заложено, что вы даже удивитесь. А вот шуток, ваших отдельных слов, и лекций Петра Петровича они не понимают, да и не поймут.

– Зачем вы их, извините, так напичкали? Это ведь не человек. Это механизм. Великий грех вы совершили, создав такой механизм, – сказал Виктор.

– Нам нужны пограничники. Это совершенные солдаты. Таких пограничников нигде нет.

– Хорошо, хорошо, конечно, нужны пограничники, я согласен. Но зачем механизм забивать другими человеческими вещами. Я, извиняюсь, но я с вами совершенно не согласен, – заупрямился Виктор.

– Это ваше дело. А нам нужны такие механизмы. Между прочим, вы ведь тоже, кроме Платона, сотворены из непонятно чего.

– Сравнил вилку с бутылкой, – резко ответил Юра. – Тут уж я не сомневаюсь в том, что мы сотворены из плоти и крови. Не надо нас путать.

– Хватит об этом спорить, – вступил я в бесполезный спор. – Хватит. Мы здесь находимся не для глупых споров. Сергей, что нам делать дальше?

– Сядете в корабль, и он вас доставит через океан на главный материк, где и находятся гелиозы. Там делаете то, что вам необходимо. Ещё раз повторяю. С вами будут два наших лучших пограничника: Ээч триста первый и Ээч восемьсот седьмой. Они вам во всем помогут. Потом узнаете ещё, в чем они помогут. Идите на корабль.

Часть третья

Новые столкновения

Роботы Бан и Вен

Мы прошли на корабль. Там мы уселись в мягкие кресла. Когда мы были снаружи, мы ничего не видели внутри корабля, а теперь мы даже испугались.

– Ядрена корень, комедь моей матушкой, всё видно! Это какой такой металл у вас, что даже сквозь его всё видно?! – спросил Платон.

– Из чего эта штуkenция сделана? – спросил Федя.

Мы видели всё, что окружало нас! Такое было ощущение, будто мы сидели в стеклянном сосуде. Стекло. Конечно, это не стекло, а что-то другое. Чуть-чуть желтоватое, с примесью в строгом порядке темных точек.

И вот наша лодка вошла в воду и погрузилась. Она двигалась быстро почти над самым дном, огибая холмы.

Ответил один из роботов:

– Комедь мне не ясно, что это за предмет? Корабль сделан из состава стекловидного волокна, с добавлением разжиженного при большой температуре вольфрама, золота и платины. Пропорции знать вам не обязательны. Всё равно вы ничего не поймете. Стенки этого подводного сооружения не боятся никаких столкновений с другими кораблями, и других видов оружия.

– Слушай, Ээч триста первый, а долго мы будем плыть до главного материка? – спросил Михаил.

– Я не Ээч триста первый, а Ээч восемьсот седьмой.

– Какая разница? Чо в лоб, чо по лбу, – засмеялся Митька. – Раз вы роботы, то вы все одинаковые.

– Не правда. Мы все разные. У каждого есть особое задание, особые знания. Мы не просто роботы, мы умные ЭЭчи.

– Дорогие и умные Ээчи, ну не будем же мы вас называть при обращении цифрами. Мы вам можем дать имена, – сказал я. – Вы ведь друг к другу не обращаетесь по именам, это ясно. Какие ваши имена между собой? И мы вас будем тоже называть по именам.

– Хорошо. Слушайте. Меня Ээча триста первого зовут Банбаротисваростанобол. А вот Ээча восемьсот седьмого зовут Венноерофентакуфероваша. Вы всё равно не запомните наши имена.

Михаил улыбнулся и ответил:

– Очень просто. Только вы опять не обижайтесь. И действительно, мы ваши имена не сможем даже запомнить. Мы будем звать вас так. Бан, а другой Вен. Бан и Вен. Коротко и красиво. А вот вы как называете себя?

Лично я не понял, что это было. Похоже на ускоренную морзянку. Длилось это секунды три, но не более.

– Впечатляет, – ответил Михаил. – А я ваши имена скажу за одну секунду.

– Вы нас не поняли и не понять. Вы подумали о трех секундах. Хорошо. За эти ваши три секунды мы сказали вот что. Мы сказали наши имена. А главное вот что мы сказали. Эти, граждане с планеты Земля тугодумы и медлительные. Иногда они сами себя не понимают, и от этого злятся. Надо им помочь. Могут попасть в рабство к гелиозам. А потом пусть летят на свою планету, и поскорее. Делать им больше здесь нечего. Мы бы и без них, этих медлительных таров, у них их называют дойные бегемоты, управились бы. Надо хорошо подумать, ещё ради чего их сюда прислали? Но помочь надо. И ещё. Они сами ещё не знают, что им делать, и как воевать с гелиозами. Настоящие тугодумы и тары. Зачем только их сюда прислали? Не очень понятно. Вот такие слова мы сказали.

Он замолчал. Как и должно быть Митька с Федей обиделись. Платон только склонил голову, и сжал кулаки.

У Митьки глаза округлились, лицо дрожало, даже одежда на нем зашумела.

– Слушайте вы, банные веники! Кособрюхие труховки! Если думаете, чо трекаете всю эту чепуху за три секунды, так и рожи поумнели? Железки пустозвонные!

– Трясогузки потусторонние! – кричал Платон. – Я найду ваше больное место, клянусь своим тухтовым дипломом! У меня хоть и пять классов образования, умудрился достать за семилетку, и успешно сдать экзамен в техникум! Вот так. И диплом на руках, а у вас ничего нет. Вы же, пустые котелки, даже в школе не учились!

– Грамотные шибко, суки сделаны из цифры! Мы вас быстро выбросим из ваших цифров. Цифровики дребанные!

Бан успел вставить:

– Тебе, Платон, за бутылку водки все работы по математике списывали. А мы с Веном можем любые физико-математические решения в две секунды решить.

– Ну и что! – крикнул Платон. – Мне всякая математика противопоказана. У меня от неё аллергия. Я ведь не виноват, что у меня такая вот математическая аллергия!

– У тебя, уважаемый Платон, и на уроках русского языка была аллергия. На всю учебу у тебя аллергия, – ответил Вен.

– Какое твоё дело, свинячье ухо! Пустомеля из металлолома! Городишь тут разную дребедень! Откуда ты знаешь про мою учебу, рыло твоё собачье!

– Вы все трое произнесли много непонятных слов, но они грубые. Поэтому вы должны молчать, и успокоиться. Сейчас мы одна команда. И не надо ругаться. Нехорошо и некультурно.

– О культуре заговорил свинячий огрызок. Это мы одна команда?! – ещё громче закричал Митька, – Да я на одном поле...

И он перестал кричать, только махал руками. Платон и Федя тоже замолчали. Они пожелали пустить в ход кулаки. Но неведомая сила их усадила в кресло, и они застыли, похожие на восковые фигуры. А вот глаза дико вращались.

Мы стали смотреть на морскую глубину. Господи, какая красота! Как бы мне хотелось сейчас, как человек-амфибия, поплавать среди рыб и неведомых нам морских животных. И тут в мой мозг ворвался голос одного из роботов. Это говорил Вен. Оказывается, и у них, как и у нас, голоса разные.

– Нельзя. Вы не знаете этот мир. Опасно. Сидите и любуйтесь морской природой. Она красивее и загадочнее верхней природы. Как и ваши ученые, так и мы многого не знаем в океане. Жалко будет морских животных, если планета начнет гибнуть.

Михаил сказал:

– А ваших людей, и вас самих не жалко? Да и верхние животные погибнут.

– Не жалко. Сами виноваты. Нельзя так эксплуатировать планету, как это сделали люди планеты Тор.

– А вы, извините меня, себя не пожалели? – спросил Виктор.

– Нет. Не пожалели. Об этом не будем говорить, – ответил Бан.

– Опять секреты, – сказал Юра. – Мои сомнения заключаются в том, что вся эта планета, и на ней существа, какая разница из чего они сделаны, засекречены. От ваших секретов мне становится скучно. Скорее бы сцепиться с улыбочками, да отправляться домой. Там у нас тоже хватает секретчиков. У меня сложилось такое ощущение, будто вся вселенная, а может, и все вселенные состоят из секретов.

– А я сейчас как раз сочиняю лекцию о секретах, – признался Петр Петрович. – Вы бы Бан и Вен поделились бы своими секретами. Они бы четко вошли в мою лекцию. Конечно, не без этого, я бы навтыкал туда сложных предложений и слов. В самый раз моя лекция подошла бы для улыбочков.

– Всё, что могли, мы вам рассказали. Может, потом что-нибудь ещё расскажем. Всё решится на большом материке, – ответил Бан.

Мы любовались морской глубиной.

– А почему мы не всплываем? – спросил я.

Вен ответил:

– Там нас могут обнаружить с неба.

– А разве в море не бывают корабли гелиозов? – спросил Михаил.

– Бывают, – ответил Бан. – Но на такую глубину, ни один корабль гелиозов не проникает. Ваших товарищей мы успокоили. Они всё могут испортить. Слуховые приборы стоят на всех кораблях гелиозов. Наши корабли бесшумные. У нас их пять-

десять кораблей. Они питаются от энергии космоса. У гелиозов только десять кораблей питаются от энергии космоса. Четыре корабля гелиозов уничтожили ваши люди в параллельном вам мире. Осталось у них шесть кораблей. Крики ваших друзей могут уловить приборы гелиозов. Мы просто так говорим, что все корабли, и ещё всякое техническое, принадлежат гелиозам. Всё не так. Всё совершенно не так. Пока не будем вам ничего говорить. Подойдет время, возможно, кое-что вы поймете.

Меня потянуло на сон. Кресло задвигалось, и превратилось в небольшой диванчик. Появилась подушка. Я уснул быстро, и спал без сновидений.

Сколько мы спали, неизвестно, но раздался голос Бана:

– Мы подходим к большому материку.

– Так быстро? – спросил я.

– Мы вас усыпили надолго.

Корабль стоял недалеко от крутой горы. В ней была расщелина. Потом наша лодка медленно вплыла в пещеру. Вскоре наша лодка выбралась на сушу, и превратилась в машину. Здесь была едва заметна дорога. Лампочек я не видел, но было светло. Мы долго ехали. Видимо эта дорога шла под этой горой. Вскоре мы подъехали к трем домикам. Из них вышли люди, а может, это роботы. Попробуй, разберись в этом мире, кто есть кто.

Бан и Вен вышли из машины, и стали о чем-то говорить с хозяевами.

– Эй вы, механические куклы, долго вас ждать? – крикнул Митька.

Они не ответили. Мы прошли к крайнему домику. Там была широкая лавка. Мы сели на неё, и стали ждать.

– Мне эта канитель не нравится, – сказал Платон.

– Они, как я понял, о чем-то горячо спорят, – сообщил Михаил.

Я заметил, как Бан и Вен, как и мы, размахивали руками, иногда смотрели на нас.

– А вдруг они нас, извините меня, захотят сдать в рабство? – прошептал Виктор.

– Сергей говорил, что они нам помогут, – сказал Михаил. – Сергей, вроде нормальный мужик. А вот эти роботы подозрительные очень. Вдруг они что-то начали замышлять.

– Да кому мы нужны, – прошептал Юра. – Конечно, у меня есть сомнение. Мы предупреждали Сергея насчет роботов. Ведь они могут объединиться в настоящую армию. И тогда всем достанется. Уничтожат и гелиозов и их фантомов, и слагеров побьют. Ведов не тронут. Кто им будет доставлять еду?

– Слушайте, парни, а зачем им веды? Мы ведь не знаем чем они питаются, – сказал я. – Мы ничего не знаем об этих роботах. Ничего. А вот как-то узнать надо бы. А как? Пока не знаю, И потом, Федор, Дмитрий и Платон, не надо бы их раздражать. Мы сами себе только плохо делаем. Терпеть надо. Ничего мы не знаем. А ведь это чужой мир.

– Ладно, немного ради дела потерпим, – сказал Митька.

– Мне пришла такая мысль. Мы знаем слабые места улыбочков. Если робот механический, пусть даже разумный, то у него должно быть слабое место. Нам надо бы узнать про это место, а не шуметь на них, – сообщил Михаил.

– Всё, всё, – замахал руками Митька. – Как улыбочик, я буду им нежно улыбаться.

К нам подошли Бан и Вен.

– Кто эти милые лица? – тихо спросил Митька. Он улыбался во всё лицо.

Роботы посмотрели на Митьку, и только на мгновение переглянулись.

– Осознал свои ошибки, Дмитрий? – спросил Вен.

– Осознал, ой как осознал, ажно спасу никакова нет, – ответил Митька.

– И я тоже осознал, – ответил Платон. – Мама дорогая, ух как я, каналья я этакая, осознал!

– Осознал, – ответил Федя. – Клянусь проколотой ржавым гвоздем камерой.

– У вас много непонятных слов. И что они обозначают, мы не знаем.

– Это добрые слова, ласковые. Вот видите, я говорю, и нежно вам улыбаюсь, – ответил Митька.

– Давайте на этом закрутимся, – встал Михаил. – Что надумали делать?

– Кто эти люди? – спросил я.

– Это наши люди, – быстро ответил Бан.

– Улыбчики далеко отсюда? – спросил Михаил.

– Совсем близко, – ответил Вен. – Находятся они прямо над нами. Там стоит селение гелиозов.

– Роботов – гелиозов? – спросил я. Мне вдруг захотелось задать именно такой вопрос. Ещё не понимал, зачем я его задал. Просто машинально спросил о роботах.

Оба робота насторожились. Вен сказал:

– В вашем вопросе скрыт смысл вопроса. Мы не знаем кто это? Гелиозы, или их двойники.

Значит, Бану и Вену не нравится слово робот. Они их назвали двойниками. Есть одно слабое место! Ничего, господа двойники, мы не таких господ раскалывали по самые уши. Попробуем и вас раскусить. Хотя вы и всезнайки, и порой ковыряетесь в наших мозгах, но вы ещё не знаете нашего человека Земли. Мы готовы на такие пакости, что вам и не снилось в ваших механических мозгах. А если бы сюда доставили Длиннохвостикову, Октябрину Правдину, они бы вам устроили веселую жизнь. А ещё бы прислали сюда Ольгу Борисовну Голубкину. Она бы вас, механические головы, не понимающие шуток, нежной улыбкой и ласковыми речами замордовала бы в прах. Бан и Вен не понимают шуток. Ведь это тоже слабое место! А мы здесь собрались отменные шутники и балагуры. И почему я должен идти у этих механических господ на поводу? Они не любят шуток, а я виноват? Шалите, господа, не выйдет. Я ещё ни у кого не шел на поводу.

Я нежно улыбнулся, смахнул пылинку с плеча Вена и ответил:

– Какой там смысл? Мы и мыслить-то, как следует, не умеем. Мы ведь настоящие придурки. В этом мире вы для нас настоящие учителя и наставники.

Мои товарищи насторожились. Что это вдруг Стрелов стал перед ними расшаркиваться? На него это не похоже. Митька даже рот открыл. Я им подмигнул, и потряс впереди себя ладо-

нюю. Это означало одно – всё нормально, всё хорошо. А так, как мои друзья, хотя и называют себя придурками, но соблюдают по всем правилам. Таких бы придурков в нашем мире было бы побольше, глядишь и до светлых вершин с гранитным фундаментом добрались.

– Вы настоящие отцы для нас, – скрестил руки на груди Митька. Бан и Вен стали надуваться, стали важными. Сейчас они стали походить на райкомовских и обкомовских товарищей, когда они с трибун толкали речи и к чему-то призывали. Ну, вот, ещё мы обнаружили слабое место. Это ясно, когда любой человек при должности от важности и похвалы теряет бдительность, тут-то профессиональный подхалим и действует наверняка.

Михаил тоже для виду надулся.

– Ну, это и понятно, куда нам до вас. Вы для нас, как огонек в крошечной тьме.

– Мы вас уважаем, – сообщил Платон.

– Я этого, того, как его, что-то не соображу, – сказал Петр Петрович.

А я подумал, как бы наш лектор всё не испортил. Я похлопал его по плечу.

– Всё нормально, Петр Петрович, потом сообразишь.

– Ну, ни как не пойму! – почти заревел лектор. – Что здесь происходит со всеми? Какие отцы? Кто отец? Покажи мне отца! Чей отец?

– Слушай, ты, мухомор занюханный, если не соображаешь, так помолчи, – хлопнул его по плечу Митька. – Мой отец приехал сюда на тройке вороных.

Глаза у Петра Петровича собрались в пучок. Как я понял, он совершенно окосел. Ещё с молодости я заметил, что все профессиональные лекторы не любили шутить, да и не понимали шуток. Я близко знал отчаянных лекторов Дрожжина, Балаболкина, и вот этого Петра Петровича Длиннохвостикова. Это серьезные товарищи. Кроме своих лекций они ничего не признавали. Кстати, все они окончили знаменитую ВПШ, Высшую Партийную Школу. Можно только представить, кого они оттуда выпускали. Там училась и неутомная Октябрина Правдина. А если честно, то мне их всех жалко. Единственное преимущество

у них перед всеми, искусно болтать много и непонятно. Был у меня один хороший товарищ Василий Матрешкин, царствие ему небесное, добрый, безобидный и хороший человек. Он тоже окончил ВПШ. Однажды мы с ним нормально выпили. И вот он мне признался: « В этой школе надо держать ухо востро. Не надо пропускать через себя ничему не обязывающие лекции преподавателей. Мне нужен был просто диплом по образованию. Если всё воспринимать серьезно, то можно стать политическим шизофреником. А школа эта выпускала именно таких. Вот они и наводнили нашу страну с их бредовыми идеями о сияющих вершинах. Организовывали фонды мира, и другие глупые и никому ненужные мероприятия». Как точно сказал мой товарищ. И эти политические шизофреники поучали нас, как правильно жить. А когда в нашей стране всё рухнуло, они растерялись. Ведь в советские времена они «держали носы по ветру». Жизнь-то таких политиков держала на поводке. Чуть что изменилось, надо что-то менять в лекциях. Кого-то в правительстве сняли, тут же надо ругать, хотя вчера хвалили, кого-то назначили, надо говорить о нем, что он гениальный товарищ и ведет нас по правильному пути. Изворотливые были эти товарищи лекторы. А тут всё пошло прахом. Лекции не стали нужны. Надо как-то перестраиваться. По-привычке на полусогнутых ножках, с втянутыми головами, какие бывают у подхалимов, тихонечко пробрались в городские и районные депутаты, а болтать они умеют, ведь недаром они окончили ВПШ. Везде пробрались. Есть опыт. И всё равно мне их жалко. Интересно, а когда они остаются одни, о чем они думают? Вот бы на эту тему побеседовать с Петром Петровичем.

У Петра Петровича дрожали губы. Он соображал. Наконец выдал:

– Так твой отец здесь?! Но, убей, не пойму, как он на тройке? Со мной, Дмитрий не надо шутить. Я шуток не люблю, и никому не позволял шутить.

– Слушай, лектор районного масштаба, ты когда-нибудь заткнешься со своей непонятной дурью? Я ведь её могу враз вышибить, – взял его за шиворот Платон. Надо выручать лектора. Мне пришлось вырывать лектора из цепких рук Платона.

– Успокойся, Платон. Петр Петрович ещё придет в себя. Видите ли, он от упавшего на него счастья растерялся, и не знает, что творит. У них, у таких вот лекторов, бывает замутнения. Надо уметь и этим горемыкам прощать. Придет вот в себя и успокоится. Просто его неугомонная голова перегружена умными лекциями.

Петр Петрович ловил ртом воздух, наконец-то глаза его забегали. Он хотел что-то сказать, возразить, но я его перебил:

– Петр Петрович, умоляю, молчите ради Бога. Вы ведь умный человек. Вы не зря окончили Высшую Партийную Школу, откуда выпускали на белый свет тьму таких вот умных товарищей, не признающих шуток. Вы самый умный и рассудительный человек.

Он даже соизволил улыбнуться. Он вроде даже стал надуться. Я продолжал бояться, чтобы он опять не ляпнул.

На мои слова он только и сказал:

– Да уж, уж я того, этого, как его, того...

– Помолчите, Петр Петрович. Вы мудрый и умный человек, вам ли с нами, неучами спорить, – сказал я. Он опять повторил:

– Да уж, я могу и этого, того. Конечно, куда вам всем этого. Молчу.

Бан и Вен молчали. Что им говорить, если они не могли сообщить, о чем это мы вели беседу.

– Слушайте, господа хорошие, вот бы нам наверх проникнуть, – сказал я.

– И нагнать там шороху, – вставил Митька.

Люди, которые появились у домиков, скрылись. Наши бы люди не скрылись, особенно любопытные бабки. Они бы подошли к нам. А надо сказать, что наши бабки весьма любопытные. Мимо их глаз никто не пройдет незамеченным. Всех обсудят, всем навешают ярлыки. Откуда в них такое? Или от безделья, или от тоски по одиночеству? В основном, и старики такие же. Мне восемьдесят лет, но почему я не такой? Возможно, из-за этого такие вот бабки и старики с подозрением относятся ко мне. Мол, у него в голове что-то не в порядке. Иногда они говорят мне, чтобы я был, как все, и не надо бы выделяться и умничать. Одна бабка, худенькая, востроглазая, чуть согнутая,

ходит медленно, как бы к чему-то прислушивается и приглядывается, сначала три раза зачем-то плюнула себе под ноги, потом зло сказала:

– Над тобой все бабки смеются. Нехорошо. Не выделяйся. Будь, как все.

Кстати, эту знаменитую фразу будь, как все, мне с молодости навязывают. А раз я не слушаюсь такому пожеланию, на меня начинают злиться, придумывать разные пакости и гадости. Но я в этом удачно закалился и привык к унижениям. Сообща, и не ведая, они даже помогают мне выстоять в моей сложной и корявой судьбе. И в этом я даже благодарен им. И для этих бабулей и дедулей я становлюсь ещё более непослушным. Конечно, на такого непослушного охламона появляется подозрительность и злость. Порой они меня даже забавляют. Ничего их не берет. Будто никакие перемены в стране их не коснулись. Какие они были в советское время подозрительными, к таким странным личностям, как я, так и медленно, но уверенно переползли в новое время. И продолжают донимать таких людей непослушных и странных. Появись в этом мире, они бы, как говорится, всё до мелочей пронюхали. Возможно, наши бабули и дедули остались бы, довольны. Знаменитая фраза будь, как все, удачно подошла бы к этим роботам, и в роботов улыбочиков. Интересно было бы, чтобы они появились в мире улыбочиков, где все роботы на одно лицо. Только я нашим современникам не завидую. Пришлось бы их выручать.

– Так, что дальше? – спросил Михаил. – У меня сложилось такое мнение, будто вы нас сдерживаете, господа Бан и Вен. Смысл?

– Ничего мы вас не сдерживаем, – ответил Бан. – Мы вас выпустим не в том месте, где у них город, а среди холмов. Всё, что нам приказали, мы сделали. Потом всё делайте сами.

– Вот это по-нашему, ядрена корень, – ответил Платон.

– Нам нигде и никто не подсказывал, что нам делать, – сказал я. – А здесь даже уважаемых посыльных отправили с нами. Мы есть люди свободные. И только в сложные минуты появляются наши отправители. А здесь мы их пока не видим, – сказал Михаил.

Митька продолжал широко улыбаться.

– Говоришь, отправители? А разве банные...Бан и Вен не наши отправители? Вон они, как стареются!

– Ничего не могу сообразить? – прошептал Петр Петрович.
– Где и кто отправители? Просто голова кругом идет от непонятности...

– А каково соображать после ваших запутанных лекций, – ответил Юра. – Теперь сам испытай, каково нам бывает после ваших лекций.

– Зачем равнять мои умные лекции, с вашими непонятными разговорами! – чуть не крикнул Петр Петрович.

– А в общем-то, вы нам Бан и Вен не мешаете своими умными подсказками, – сказал я.

– Это, правда? – быстро спросил Вен.

– О, да! – воскликнул Михаил. – Мы от вас и Сергея многое, что узнали из вашего мира!

– Это хорошо, – ответил Бан, и почему-то поморщился. – Только вы иногда непонятно для нас говорите, а ещё громко. Можно немного потише говорить.

– Нежности телячьи, каналья вас забери, дубины железные, – прошептал Митька.

– Мы не поняли, что сказал Митька, – тут же ответил Вен. Надо же, слышал.

Мне пришлось держать ответ, потому что Митька стал надуться и краснеть. В любой момент начнет материть непонятных роботов.

– Это весьма нежные наши изречения к вам. Ласковые слова.

– А почему железные? Это тоже ласковое слово? Мы не железные, – с некоторым подозрением сказал Бан.

– Это понятие для стойких людей, – ответил Юра. – И если вы постоянно сомневаетесь в наших словах, то я могу тоже сомневаться в вашем умственном развитии.

При таком ответе Петр Петрович даже оживился.

– Вот здесь я понял. У меня есть лекция на тему от обезьяны к человеку. Я вам господа Бан и Вен могу прочитать мудрую

лекцию о том, как возник разумный человек. Ходила по земле обезьяна...

– Пусть на здоровье продолжает ходить, бегать и лазать по деревьям эта ваша обезьяна, – прервал его Михаил. – Здесь совсем не об этом.

– О чем? И потом, эта обезьяна не моя, она общая, – нервно возразил Петр Петрович. – Я бы мог тихонечко и культурно прочитать лекцию.

– Я думаю, что скоро придется, Петр Петрович, поработать вам, – сказал Михаил.

Петр Петрович стал успокаиваться.

Бан и Вен, видимо, о чем-то разговаривали. Они смотрели друг на друга, и вроде не обращали внимания на нас. Мы замолчали. Пусть поговорят.

И вот Бан и Вен посмотрели на нас.

– Оставим транспорт здесь. Нам надо от вас уходить. Вы не желаете, чтобы мы вам мешали, – сообщил Бан.

– Как вы могли такое подумать! – воскликнул я. Они поморщились. За Сергеем я этого не замечал. Значит, эти роботы, как я сейчас убедился, не переносят нашего крика. Считаю, сродни улыбочкам. – Мы без вас можем заблудиться, милые вы наши лица.

– Ещё попадем в тартарары, – добавил Митька.

– Факт, угодим в непонятку, – сообщил Платон. Парни подхватили мою игру.

– Прокатиться бы нам всем по Российскому бездорожью, – сказал Федя. – Извините, господа, но раз вы уж нас повели за наши белые ручки, то уж ведите, милые греховодники до конца. Аминь, – перекрестил их Виктор.

– Вот в этом я не сомневаюсь, что нас, куда надо приведете. И не будем вести подсчет ваших непонятно из чего сделанных костей. Мы ведь их можем и пересчитать, – поклонился им Юра.

Петр Петрович смотрел на каждого говорившего и шевелил губами.

– Проведем, проведем, – ответил Бан. – Только, пожалуйста, не надо так сложно говорить. Даже непонятно, вы нас ругаете или хвалите.

– Хвалим, очень от души хвалим, – поклонился я им.
– Канальевы протобести, – прошептал Платон. – Ведьматские куклы.

На этот раз роботы промолчали. Видимо, подумали, что это хвалебные слова. И, всё-таки, роботы есть роботы. Такими их сделали. А вдруг в каком-то месте они делают себе подобных. Наделают армию серьезных роботов, объявят ультиматум всем, кто живет на этой планете? Эти слагеры, люди с южного материка, доиграют с роботами. Разве можно размножать себе подобных роботов? Ведь они совершенствуются. И здесь может произойти битва между роботами от слагеров и роботами от улыбочиков. Это так. Как я понял, сами улыбочики, это те же ящеры, ничего не могут производить. Тогда кто выпускает роботов-фантомов? Вот ещё одна непонятная задача. Плохо то, что Бан и Вен свободно могут ковыряться в наших головах. Интересно, что они скажут насчет того, что я вот так думаю о них? Но, как я понял, они вели себя спокойно. Правда, они посматривали на нас и переговаривались. Сейчас я понял, что иногда наши мысли им недоступны. А в какой момент, я не знаю. И это тоже странно.

Бан и Вен пошли впереди нас. Дороги в этой тоннели, похожей на трубу, не было, только тропа. И освещение плохое. Тропа то уходила глубоко вниз, то поднималась. Усталости я не чувствовал. Словно неведомая энергия придавала мне силы.

– Какая-то легкость во мне, – сказал Михаил.

– У меня такое бывает, когда я первый стакан водки пропущу, – ответил Митька.

– Я, конечно, сомневаюсь, но в этой тоннели есть что-то такое, что наполняет нас дополнительной энергией, – сказал Юра.

– Не дай, Бог, не получилось бы с нами такое, когда Митька пропустит ещё стакана три водки, – засмеялся Платон. – Да и опохмелиться нечем. Мама дорогая, такое бы с нами не приключилось. Ядрена корень, вот чего я боюсь. Похмелья я боюсь.

– А кто не боится похмелья? – спросил Федя. – Например, рано утром идти в рейс, а ты с глубокого похмелья. Испугаешься тут.

Бан и Вен молчали. И вдруг они исчезли.

– Вот этого я и боялся, – сказал я. – Завели нас, как Сусанин поляков.

– Только они не Сусанины, – ответил Михаил. – Странно. Что это значит?

– Ведьмятское семя! – крикнул Митька. – А мы ещё лаской вас убаюкивали. Лучше вам делали, мерзкие твари. Да мне теперь плевать на эти ласки! Я буду тем, кем я есть! Чо я буду подстраиваться под роботов? Надо же, под железку косил! Дудки! Я дома не косил ни перед кем, а здесь решил подкоситься!

– Комедь моей матушки! – отозвался и Платон. – И действительно, мы им хотели, как лучше. Под них подстроились. Даже на шепот перешли. Унизились перед железяками. Плевать мне на них на всех. Буду говорить так, как я дома говорю. Чего это я здесь под всех стал поддвливаться? Пусть они под нас подстраиваются, каналы недостроенные! Упыри потусторонние!

– Камеры рваные! – закричал Федя.

– Парни, – обратился к нам Михаил. – Мы хотели, как лучше. Теперь нам надо помолчать. И надо что-то делать. Криком мы себе не поможем.

– Я, извините меня, буду за всех нас молиться, – сказал Виктор.

– Валяй, – разрешил Михаил. – Только в этой тоннели вряд ли кто нам поможет. Надо самим выбираться. Я думаю, что надо двигаться.

Мы хотели вернуться, но перед нами образовалась стена.

– Нас замуровали на чужой планете, – сказал Петр Петрович.

– И лекции некому читать, – хихикнул Митька.

– В такой ситуации совсем не смешно, – ответил лектор.

– Немного пошумел, а теперь можно и над собой посмеяться. Нас, как крыс загнали в ловушку, – ответил Митька. – Я сейчас себя представляю крысой или мышкой.

– Лучше буду кротом, – ответил Платон. – А раз такое дело, то надо двигать вперед, пока и тот проход не законопатили.

– Факт законопатят, – твердо ответил Федя.

Мы пошли туда, куда шли. Михаил шел впереди. Он остановился.

– Друзья, а ведь там должен быть выход. Эти роботы не учли это? Не может быть. Подозрительно.

– И я тоже сомневаюсь, – ответил Юра. – Мне не нравится запах.

– Мне он тоже не нравится, но надо идти, – ответил Михаил.

С Михаилом и Юрой я согласен. Оттуда, куда мы двигались, неожиданно понесло чем-то противным. Петра Петровича даже вырвало. Издалека слышались странные звуки.

Мы продолжали двигаться. Звуки усиливались. Словно, кто-то крошил камни.

– Парни, – сказал я, – кажется, мы попали в каменоломню. Нас гонят именно туда. И мы пойдем именно туда, а там видно будет. Где наша не пропадала. Мы бывали в таких переплетах, что и каменоломни нам не страшны. Вперед, друзья.

– Меня заинтересовала одна странность, не заметили разве? – спросил Михаил.

– Какая странность? – спросил я.

– Когда мы шли в одном месте, в нас вошла какая-то энергия. Она будто зарядила нас, как аккумулятор машину. Энергию нам придали. Задача, – ответил Михаил.

Все на этом согласились.

Вдали мы увидели более яркий свет, чем в тоннели.

Тоннель заканчивалась. И за ней была небольшая пещера. Там копошились люди. Мы залегли за искусственный увал. Надо осмотреться.

Люди одеты в лохмотья, полуголые. Они долбили стену. Я понял, что эта стена из золота. Люди добывали благородный металл. Вдоль шеренги рабов ходили надсмотрщики с кнутами. Изредка они били ими по голым, в кровавых подтеках спинам. Мы насчитали двадцать рабов.

– Что будем делать? – спросил я у Михаила. – На сколько, я помню, грешники таскали тачки со своими грехами, а здесь совсем другое дело. Неужели Бан и Вен нас предали? И послали нас, чтобы мы стали рабами?

– Да я их в один присест окучу, – ответил Платон.

– Подожди, Платон окучивать. Надо всё обдумать, и осмотреться. Не надо устраивать горячку. Это другой мир, и надо всё делать по-другому, – ответил Михаил.

Один из рабов недалеко от нас зубилом откалывал довольно большой кусок золота. Молотком промазал и крикнул на непонятном мне языке. Михаил чуть не вскочил. Он был взволнован.

– Парни, Юрка, это испанец. Ругается. Это наши люди! Земляне!

– Так давайте их спасать, – прохрипел Митька.

– Я же сказал, надо осмотреться, – чуть не крикнул Михаил.
– Мы ведь не знаем, кто эти охранники. Не знаем, сколько их в этом подземелье. Всё надо узнать.

– Освободим и узнаем, – не сдавался Митька. – Это наши земли. Как я могу глазеть на такие издевательства?

– Придется немного потерпеть, – ответил Михаил.

Митьку я понимал. В это время охранник, услышав ругань испанца, подошел к нему и нанес удар кнутом.

Митька не выдержал. Он вскочил. За ним поднялись Федя и Платон.

– Ещё не хватало мне здесь разлеживаться! – закричал Митька. – Я вас огрызки потусторонние, мать вашу за ногу, устрою вам такую канитель, что вы маму свою забудете!

Платон в это время кричал своим громовым голосом, от которого даже у меня в ушах зазвенело. Федя бил себя в грудь, и тоже что-то кричал.

– Может лаской вас увещевать, подземные рыла ваши свинячьи! – кричал Платон. – Чёрта лысого я буду перед вами стелиться. Мне, Платону вам улыбаться и кланяться? Да я ни в жись никому не кланялся, морды ваши собачьи!

Конечно, можно было бы удивиться, но, например, меня уже ничем не удивить и не прошибить, охранники упали и рассыпались в прах.

Новые друзья

Наступила тишина, потому что рабы бросили зубила и кирки, и стояли словно статуи. Понять их можно. Они были в растерянности. Мы для них возникли ниоткуда. Конечно, можно не только удивиться, но и растеряться.

– Ну, братцы, чо высторожились? – громко засмеялся Митька. – Вы свободны. Вас освободили ваши земляне. Все мы с одной планеты Земля.

Все двадцать человек упали на колени, и протянули к нам руки.

– А ну встать! – закричал я. – Мы вам не эти улыбочки! Встать, говорю!

И я сделал движение руками, чтобы они поднялись. Они стали подниматься и двинули к нам.

– Русские есть среди вас? – спросил Платон.

Все они говорили наперебой на непонятном мне языке. С ними начал переговоры Михаил. Рабы обнимали нас, трясли нам руки. Я видел слезы на их впалых щеках. Потом Михаил громко ответил, потому, что рабы шумели. Кто что-то кричал, кто-то плакал.

– Здесь все испанцы. Когда-то немного знали русский язык, но забыли. Их заставляли учить язык гелиозов. Если они начинали говорить на родном языке, их избивали кнутами.

– Надо бы их накормить, – предложил я. – Хотя, что я говорю, откуда может быть еда у рабов.

– Где-то же эти ящерицы питались, – сказал Юра. – Без всякого сомнения, где-то есть у них кормушка.

Михаил предложил рабам сесть и отдохнуть. А мы пойдем искать еду и одежду. Михаил остался с рабами, потому что они вцепились в него. А вдруг исчезнет.

Мы пошли искать место отдыха охранников, и вскоре его нашли. Уютное место. Как и должно быть, чистенькая и просторная комната. Здесь мы нашли много разной еды. Видимо, они готовились к обеду. В кастрюле было готово мясо. Много разной зелени. На одной из полок мы обнаружили несколько

булок хлеба для рабов. В углу стола бадья с помоями. Как мы поняли, это была баланда для рабов.

Шикарно жили гелиозы, – сказал Митька.

Юра обнаружил ещё одну комнату. Здесь стояли кресла для отдыха. Одна стенка была гладкой. Видимо, здесь они смотрели фильмы.

– Я думаю, что теперь надо ждать новую смену охранников, – сказал я.

– И подождем, – ответил Платон.

– И в пыл пустим, – сказал Федя.

– Дайте, я им лекцию сварганю, – предложил лектор. Митька засмеялся.

– Скоро Петр Петрович будет говорить на простом языке. И шутки начнет понимать.

– А что? Кое-чему уже у вас научился. Глядишь, и шутить будем. А что? Всё может быть.

– Меня, например, не надо учить шутить, – ответил Митька.

– Я своими шутками могу так мозги улыбочкам заморочить, что они в прах уйдут. А вы, Петр Петрович, у нас будете главным шутником.

Бедный Петр Петрович. Он от таких Митькиных слов даже рот раскрыл, глаза собрались в пучок.

– Это как его, того, – промямлил он. – Как его, этого. Ты давай не того, этого. Я тебе какой шутник, мать тебя, этого, того.

Конечно, нам было смешно смотреть на удивительный диалог двух противоположных по воспитанию наших товарищей.

– А ни тово, – ответил Митька. Он скалил свои большие зубы, веснучатое лицо сияло. – Разве ваши лекции не шутки? Вы даже все свои лекции уничтожили, а портфель закинули. Значит, пошутили? Вот и выходит, Петр Петрович, что вы у нас главный шутник и балагур. С чем и поздравляю.

Петра Петровича стало трясти, он совершенно окосел. Сжал кулаки, лицо его побледнело. Он ртом ловил воздух, хрипел, что-то непонятное издавал. Наконец появились его бессвязные слова, полны обиды и ненависти. Даже на глазах его появились слезинки.

– Да я, этого...Да я никогда не шутил! Издеваться? Лекции все умные! А ты научись говорить! Никакой культуры, огрызков от...Ошлепок! Я Высшую политическую! А ты, а ты, кто ты? Меня с собой сравнял тупо...Этот как его, того, этого, динозавр! Мамонтенок позднего развития! Этого, вот.

– Хватит! – крикнул Михаил. Он подходил к нам. – Хватит! На позор пошли перед людьми? Как не стыдно. Сейчас мы здесь представляем всё современное человечество нашей планеты Земля. Не стыдно?

– Митька меня главным шутником обозвал, – прохрипел Петр Петрович. Он не мог успокоиться. – Скажи Михаил, что я не шутник.

– А Петр Петрович стал ругаться и обзываться всяко, – оправдывался Митька.

– Петр Петрович, ну и что обиделись? – спросил Михаил. – Ну и что здесь такого быть главным шутником? Это высокое звание. Вон у нас Стрелов тоже великий шутник и юморист. Он ведь не обижается.

– Но я не шутник! – прорвался голос у лектора. – Я терпеть не могу шуток. Нас в Высшей Школе не учили шутить. Там всё на серьезе.

– Хватит, – почти прошептал Михаил. – Если вы будете кричать и доказывать, что вы не шутник, то я имею право подумать, что вы непревзойденный шутник.

Петр Петрович застонал и схватился за голову. Я даже услышал скрип его зубов.

– Я бы всех этих шутников дребаных, – прохрипел он, – как по Гоголю из пьесы «Ревизор» в узел бы завязал и к улыбочкам в подкладку! Пусть там шутят под их ногами и задницами! Так их, так их, мерзавцев! Так!

Михаил подошел к нему, и стал его успокаивать. Подошел и я. От чистого сердца мне было жалко великого лектора из времен позднего застоя. Михаил говорил:

– Успокойтесь, Петр Петрович, ну что прямо. На слово шутник обиделись. Да все мы здесь шутники. Без шуток скучно в этой жизни жить.

– Но я не шутник. Сам не любил шутить, и другим не позволял шутить. Нас такими товарищами в Высшей Партийной учили.

– Петр Петрович, успокойтесь. Не надо бы нам спорить перед новыми людьми, – сказал я. – Что скажут они о нас? Подумайте.

– Не шутник я. Не шутник. Нас такими товарищами воспитали.

– Вот видишь, Петр Петрович, вас мудрости учили в Высшей Партийной Школе, чтобы вы не шутили, – сказал я. – А мы не учились, вот поэтому мы и такие шутники. Если бы мы тоже учились, как вы, мы тоже бы не шутили. Вы представьте, только представьте, какими мы бы были сейчас? Мне бы тоже пришлось выбрать лекцию, а возможно, и несколько лекций. И вот встали бы мы с Митькой друг перед другом, и давай шпарить лекциями.

Наши товарищи притихли. Даже Митька успокоился. Я увидел, как он широко начал улыбаться. Как же, ему бы доверили лекцию читать. Конечно же, он улыбался по-другому поводу. Он меня понимал, да и все мои друзья понимали. Я уверен, что Петр Петрович меня не понимал. Я многих знал, кто когда-то окончили эту странную школу. И многие из них отличались от тех, кто учился, например, в технических институтах. Окончившие странную школу могли свободно болтать без отдыха несколько часов. И это, правда, они не любили шутить. А если и начинали кого-нибудь поддерживать в шутках, то они были детские шуточки из тех времен, когда они были пионерами. Я до сих пор не могу понять, кто эти школы придумал? Возможно, какой-то идеологический шпион, чтобы выпускать оттуда профессиональных будущих шизофреников и придурков. Придумал такую школу гениальный шпион. Заморочил головы нашим политикам, и те клюнули на создание такой школы. После окончания странной школы разъезжались по великой стране, чтобы сеять недоверие к той партии, которую они как бы восхваляли. И вот здесь, на краю вселенной мне пришла дикая мысль. А что если не шпионы организовали эту школу? А организовали её посланники вот с этого далекого мира, самые настоящие улыбки?

Они ведь давно шаряты по нашей планете. Внедрили в головы организаторов этой школы свои микрочипы. Я крепко ошибался. Всё думал, как это такая великая коммунистическая партия развалилась, а вместе с нею рухнул и Советский союз? Искал виновных в таком грандиозном падении двух великих структур. А разрушение подготовили улыбки. И я имею право подумать об этом. Я жил в глубине этого народа. Простые люди не верили в бредни, что скоро мы будем жить при коммунизме. Они подсмеивались над лекторами. А те изощрялись в словоблудиях, искали всё более сложные политические слова, и втискивали их в свои лекции. Вот и появлялись такие вот лекторы, как Дрожжин, Балаболкин и Длиннохвостиков, у которых в головах, теперь я уверен, находились микрочипы. Бедные лекторы. Они даже не понимали, что они были посмешищем для простого народа. А как вынуть этот микрочип из головы одурманенного Петра Петровича? Порой он становился обыкновенным человеком. Ведь я ещё писал в своей книге «Вторжение или сон в тумане», как он уничтожил лекции и знаменитый портфель. Вроде одумался, что многое он делал не так, как надо. Бывает у этих товарищей просветление. Появлялось оно и у Петра Петровича, но ненадолго. Ну, например, когда он имел дачу. Разводил там свиней, кур, гусей, пасынкавал помидоры, сеял морковку. Я ещё тогда думал, а кому он сейчас читает лекции? Возможно свиньям, курам и гусям? А потом опять заболел лекцеманией. Эти микрочипы-то не любят шутить. А так, как улыбки весьма серьезные господа и шуток не понимают, то почему товарищи, окончившие такую школу, должны понимать шутки? Конечно, нет. Я уже писал в своих предыдущих книгах, что все работники райкомов и обкомов партии любили говорить простому обывателю такие слова: «Нас могут не понять», «здесь не шутят», «Где вы находитесь? Здесь вам не базар, а райком партии. Шутки в сторону. Давайте подходить к этому вопросу серьезно». Я сам часто слышал эти фразы, например, в нашем райкоме партии. И записал их в идеальном порядке. Подходить серьезно. Конечно, это смешно. Никто здесь не шутил, и почему говорить эти слова, непонятно. Серьезнее говорить уже было некуда. В райкоме партии всегда будто витала невидимая, но осязаемая сущность под названием

– серьезность. И эти галстучные и очень серьезные товарищи размягчались только на время на дачах среди гусей и помидор. Размягчались ли полностью? В этом деле я был человек недоверчивый. И одного такого товарища я поймал. Жена его выдала. Она как-то сказала мне: «Юра, Вася и среди помидор ходит в галстук. Например, вчера лег спать в галстук. Потом я его разбудила. И когда он снял галстук, то сказал, господи, как хорошо, как легко. Я ему сказала, чтобы он попробовал походить без галстука, как ходит Юрка Стрелов. На это он мне ответил, что Васю могут не понять». Теперь я понял, что нашу страну постарались развалить улыбки. Теперь они стараются внедрить свои микрочипы во всех людей нашей планеты. И я вижу даже простых людей, как они меняются, как всё больше происходит конфликтов во всем мире. И это меня настораживает. И ещё я вижу, что в некоторых людей, а особенно детей улыбки не могут вставить свои чипы, будто кто-то этого не допускает. Идет невидимая для людей борьба светлых сил с темной силой. И вот наша группа, а, как я понял, таких групп много, всеми силами помогает светлым силам выстоять человечеству в этой борьбе. Я верю, что люди Земли должны осознать пагубность доверяться темным силам. А вот как вытравить эти проклятые микрочипы из голов людей не знаю.

Петр Петрович всё больше стал успокаиваться. Потом он меня спросил:

- А какую лекцию ты бы взял на вооружение?
- О спасении души каждого человека.

Вот здесь Петр Петрович и задумался. Он даже растерялся. Такой лекции у него в запасах его мозгах с чипом не было. Интересно, в какой части его бедной головушки находится этот чип? Если бы можно было ткнуть по этой стороне его бедовой головушке, и зашибить этот чип. Но в таком необычном вопросе я не разбираюсь. Если бы что вышло, то можно было бы всем протюкать головы. Интересно, а вот как пришлось бы тюкать по головам наших неутомонных политиков, бессменных депутатов, президентов, миллиардеров, генералов, и всех жен этих господ, чтобы все они не воровали, и не обкрадывали государство? Как? Не ведаю и не знаю. По-моему этим делом занялись бы свет-

лые силы. Пора бы уж и заняться. Эти господа и госпожи совсем оборзели и обнаглели. Мы немного помогаем уничтожить тех, кто втискивает в головы людей эти проклятые чипы. И мы должны быть довольны, что участвуем в этой битве.

В это время Михаил ходил, и что-то искал. Он исчез в угловом проеме, потом появился.

– Парни, я нашел небольшой бассейн. Надо пригласить бывших рабов, чтобы они искупались, да смыли грязь.

Он пошел к испанцам, и объяснил им, что прежде чем сесть за стол, им надо помыться. А ещё там на скамейках лежало много одежды. На всех хватит, даже останется. Михаил там всё проверил.

И вот все бывшие рабы шли мимо нас, разнося запах гнили и прелости.

Потом мы слышали радостные возгласы на незнакомом мне языке.

– Им бы сейчас мыло, – подсказал Платон.

– Там этого добра для мытья навалом, – ответил Михаил.

Мы за стол не садились. Ждали людей.

Они пришли, и толпились у стола. Жадными и голодными глазами смотрели на чашки с мясом. Людей было не узнать. А так, как роботы были такие же, как мы, одежда всем подошла впору. У испанцев, видимо был свой парикмахер. Он всех, как говорится, состриг волосы до облысения. И это правильно. Умно поступили. Теперь у них не стало и вшей.

Михаил стал им что-то говорить. Они стали рассаживаться. Мы тоже уселись. Люди не стали набрасываться на еду. Опасно. От такого перенасыщения можно и умереть. А всем им надо выжить, чтобы отомстить хозяевам этого золотого рудника. Это им и втолковал Михаил. Еды здесь много. Потом можно отменно поесть.

Люди с неохотой покидали стол с обильной едой. Что сделаешь? Так для здоровья надо.

У испанцев был, видимо, свой старший товарищ. Мы все расселись по лавкам, а он стал рассказывать о судьбе этого коллектива.

Шла война с фашистской Германией. Рота под командой капитана испанских ополченцев Родригеса Кастро сражалась на юге Испании. С ними были и русские добровольцы. У них был свой отряд. И вот однажды они залегли за какой-то деревушкой. Здесь должны на машинах проехать немцы. Доложили русские разведчики совместно с испанскими товарищами. На какое-то время они увидели на небе светящийся плоский предмет. Он повисел над деревней, над ними, и мгновенно исчез в ближайшем лесу. Про такое чудо на небе, Родригес Кастро уже слышал. На этот раз он подумал, что немцы, видимо, запустили какой-то разведывательный шар. Долго лежали и не двигались. И тут перед ними появилось пятеро странных человека. Видимо, для маскировки вымазали лица зеленой краской. А ещё почему-то улыбались. Да и одежда на них была непонятная и тоже зеленая. Это и понятно. Маскировка. И тут-то и случилось то, что не могло случиться. Родригес почувствовал, что он засыпает. В такое тревожное время он не мог заснуть. Он не мог сдвинуться с места. Он уснул. Проснулся уже в космическом корабле. Весь отряд из двадцати добровольцев взят в рабство. Так отряд Родригеса Кастро попал на неведомую планету в рудники. Им сказали, что у них рабы живут столько, сколько это нужно хозяевам рудников по добыче золота, платины и вольфрама.

И вот, когда Михаил им сообщил, что мы здесь появились из двадцать первого века, из уст испанцев раздался стон. Трое даже начали плакать.

Михаил переводил.

– У меня молодая жена. Она только что подарила мне сына. У нас он уже дед? Тогда кто я буду ему? Mamочka, возьми меня, пожалуйста, если слышишь меня!

– Мама, забери меня! Я недавно приглядел себе невесту. Знает, она уже от старости умерла? Мама дорогая, что это с нами?

– Если Санчо остался жив, он женится на моей Марии? И тоже их уже нет в живых? Тогда зачем я здесь? Кому я там нужен? Как же так?

– Да этих тварей мы поможем бить до седьмого колена! Моих родных уже давно там нет!

Мы стали их успокаивать. Просто надо было что-то говорить. Не молчать же. Вместе с ними погоревали, и стали успокаиваться.

Михаил сказал:

– Теперь у нас одна большая команда. Вам, товарищи, надо хорошо подкрепиться и набраться сил. Ваш командир Родригес Кастро так и останется вашим командиром. В моей команде мои товарищи избрали командиром меня. Это нормально.

– Но у нас теперь будет один отряд, – сказал я. – И, конечно, надо избрать над этим общим отрядом главного командира. Надо подумать, кого поставить на эту должность. Впереди предстоят бои с улыбчиками. Мы уже давно здесь. Кое-что понимаем. Я думаю, что наши новые друзья будут согласны, если командиром сводного отряда будет Михаил Бутаков? Я думаю, что будем голосовать не на бумаге, которой у нас нет, а поднятием рук.

– Вот это дал Стрелов. Петру Петровичу не уступит. Я поднимаю руку за Михаила! – воскликнул Федя. – Молодцы мои земляки из города Туманска.

Сначала подняли руки наши товарищи, а потом все разом, как по команде подняли руки испанцы.

– Ну что же, – встал Михаил, – что решил коллектив, так тому и быть. Заместителем сводного отряда я назначаю Родригеса Кастро. Петр Петрович, вы мастер по бумагам. Будете у нас начальником штаба, ну и, конечно, писарем.

Петр Петрович вскочил. На худеньких щечках проступил румянец. Он улыбался во всё лицо. Наконец-то, ему доверили хоть какую-то власть.

Михаил говорил:

– Хотя и нет у Петра Петровича портфеля, но ничего. Все поймите, что Петр Петрович без портфеля в любом смысле, не настоящий Петр Петрович. А теперь у него есть новый портфель. Всё-таки, начальник штаба. А это и есть новый портфель.

Петр Петрович весь сиял, как начищенный самовар.

Родригес на ломаном русском языке сказал:

– Делать что? Смена придет. А эта должна уйти.

– Родя, мы их встретим, как нужно, – засмеялся Платон.

– Это серьезно, – ответил Михаил. – Встретим мы их. А тех будут ждать и не дождутся. Тогда нам придется раскрыться. Кстати, надо подобрать оружие. Здесь надо посмотреть. Может и здесь есть.

Испанцы быстро разошлись по помещениям, и вскоре нашли оружия. В книге я описывал эти трубки с кнопками. Я так и не узнал их свойство. Вот в этих трубках было по две кнопки. Красная и зеленая кнопки. Один испанец навел трубку на стену, и нажал красную кнопку. Выстрел был не слышен. А в стенке образовалась маленькая вмятина.

– Я нажму зеленую, – сказал Митька. Из трубки вырвалась короткая огненная струя огня. И она насквозь прожгла стену. Мы осмотрели отверстие.

– Да, – протянул Михаил. – Огромная температура. Просто расплавил материал стены.

– Мы их всех расплавим, – засмеялся Митька.

– Вот эта зеленая кнопка служит в борьбе с техникой. Это все надо учесть и не перепутать, – ответил Михаил.

Все трубки мы собрали в одно место. По двое дежурили в том месте, где должны появиться роботы. Испанцев мы не включили в охрану. Пусть набираются сил. Я видел, как они довольно часто подходили к столу, чтобы хоть немного поесть.

У каждого из нас было по две трубки за поясом. Здесь их было много.

Дежурили Петр Петрович и Юра. Они и увидели, как вдали послышались шаги роботов.

Ждать нам их пришлось недолго. Роботов было десять. Мы не успели что-то предпринять, как все испанцы с криком набросились на ненавистных им врагов. Получилась настоящая свалка. А когда люди отошли в сторону, от роботов ничего не осталось..

Родригес оправдывался:

– Ничего не мог поделать. Слишком много обид за все годы накопилось.

– Это и понятно, – ответил я. – На вашем месте я поступил точно бы так.

– Отвели душу? – спросил Михаил на русском языке. – А теперь слушайте. Чтобы поняли меня, перехожу на испанский язык.

Он что-то говорил, размахивал руками, даже немного нервничал. Испанцы внимательно слушали. Потом он и нам объяснил, что он им говорил.

– Отвели душу, товарищи, и хватит. С этими господами необходимо вести войну по-другому. Объяснил им, что и как. Их можно уничтожать и без оружия.

Один испанец выпрямился, нахмурился, и начал что-то быстро говорить и махать руками. Когда закончил говорить, заулыбался и посмотрел на нас.

– Чо он здесь молот? – спросил Митька.

– Я, конечно, сомневаюсь, но он читал лекцию, – улынулся Юра.

– Лекцию? – переспросил Петр Петрович. – Я немного знаю испанский язык. Он тоже что-то говорил непонятное даже мне. Ну, ничего, я поделюсь с ним одной своей лекцией.

– Я знаю испанский язык в совершенстве, но он нес такую чепуху, возможно и сам не понял, что нес, как и Петр Петрович, когда читает лекцию улыбочкам, – ответил Михаил.

– Э, Михаил Иванович, не правду вы говорите, – возразил лектор. – Каждая лекция мною отработывалась месяцами. Все они четко и грамотно написаны.

– Тогда почему мы их, извините, так трудно до головокружения воспринимаем? – спросил Виктор.

– Потому что они умные, и не каждому человеку подходят по его развитию.

– Даже Михаил Иванович плохо их воспринимает, – не сдавался Виктор.

И здесь Петр Петрович нашелся что ответить.

– А у него сознание направлено в другую науку. Я, например, тоже его не понял бы, если бы он начал читать мне лекцию по психологии.

– Вы, Петр Петрович, непотопляемые, – сказал Юра. – И в этом я не сомневаюсь.

– Сейчас я работаю над свежей лекцией вот об этом чужом мире. Ведь у них нет разных вер. Это раз. Есть два дружественных народа – Веды и Слагеры. Улыбчики это другое сословие. Если бы объединились два миролюбивых народа, то они бы победили улыбчиков. Им бы помогли в этой битве люди Турса. И на этой планете на краю вселенной начался бы коммунизм, то самое светлое будущее, о котором мечтали настоящие коммунисты.

– Ну, всё, братцы, началось, – сказал Платон, – а если ещё среди испанцев найдутся такие политические болтуны, то мы пропали.

– Половина, а может и больше именно таких товарищей находится в этом отряде, – сообщил Михаил.

– Да, да, – вошел в разговор Родригес. – Я вас понял. Ваша страна сильно повлияла на нас. А теперь и у вас неизвестно что...

– Дикий капитализм, – ответил я. – В девяностые годы многие коммунисты, которые никогда ими не были, в одно мгновение превратились в демократов, и начали обогащаться за счет воровства у государства. Именно с такими членами партии я всю жизнь воевал, но меня не понимали. Многие члены партии и при советской власти старались жить за счет обмана и очковтирательства. Я их называл членами партии, но не коммунистами. Они сами смеялись надо мной, издевались, и натравливали на меня людей с пониженным сознанием. А потом и вообще с радостью выгнали меня из партии, назвав меня врагом советской власти и партии. Тогда кто они? Все мои бывшие товарищи по путешествиям были такие же, как я. И вот сейчас наша команда состоит из таких же придурков, кроме, конечно, Петра Петровича.

Родригес переводил мои слова. Да и так он что-то им объяснял. Конечно, некоторые испанцы немного знали русский язык. Но, как я понял, они не понимали, о чем мы разговаривали между собой.

А так, как мы не понимали границу между ночью и днем, мы просто ложились и спали. Наш, человеческий организм привык

с детства отдыхать. И было удивительно то, что мы засыпали почти одновременно.

И вот, когда мы проснулись и бодрыми готовились к еде, появился Гале. Испанцы готовились наброситься на него, но Михаил остановил их. Гале сам им доложил о себе. Мы подтвердили, что этот человек наш. Все успокоились.

– Долго ты у нас не был, – сказал я. – Что-то случилось?

– Было много работы. Да, вы правы. Бан и Вен настоящие роботы. Это вы знаете. Но они против гелиозов. Пока мы не уверены, но вызывает сомнение, как любит говорить ваш друг Юрий Вычегжанин. Мы давно пришли к выводу, что роботов подобных человеку, производить опасно.

– А я что говорил, – ответил я. – Это опасно. Неужели слагеры этого не поняли? Ведь они сделали универсальных солдат. По всей границе материка находятся они. Зажмут слагеров в кольцо, и уничтожат. Ведов, как и улыбки, они не тронут. А потом возьмутся за улыбочиков. Отнимут у них все те планеты, какие они захватили.

– Вот за это мы и боимся, – ответил Гале.

– Так что делать? – спросил я. – Представьте себе. Были у нас враги улыбки, а теперь прибавятся и слагеры-роботы. А вот против них мы не знаем оружия.

– Слушайте, мужики, но ведь и улыбки тоже сделаны кем-то. Не могли же ящеры стать такими умными, – сказал Михаил. – Кто-то их тоже сделал. Ну, не верю, чтобы ящеры стали такими умными. У меня давно возникло такое подозрение.

– На эту тему я тоже думал, – сказал я. – Мы, Михаил, с тобой давно догадывались, только не могли самим себе признаться. Ты первый, как говорится, обнародовал оное открытие. Да Бан и Вен вроде давали понятие, что кто эти ящеры.

– Так эти ящерицы сделаны человеком? – спросил Митька. – Здорово! На кой ляд надо было это изобретать?

– Какой-то кошмар! – воскликнул Платон. – Ой, меченьки, до чего мир-то весь наш так сложен! Тут совсем запутаешься. Кого бить, и не понять.

– Вы извините, парни, но я впервые сталкиваюсь с такой камухой, – ответил я. – Одни делают других, другие делают ещё

кого-то. Парни, но ведь если кто-то сделал улыбочков, тогда, где эти существа? Гале, ты-то должен знать про это! Раз мы залетели в такую даль, то нам надо бы знать и про это.

– Выходит, что нам надо воевать не только с улыбочками, со слагерами-роботами, и ещё непонятно с кем. Напротив нас, но и вас есть три вражеские армии, – сказал Михаил. – Парадокс в том, что теперь эти три армии стоят напротив друг друга, готовые сцепиться в последней смертельной схватке.

– А мы, да и вы, Гале, стоим в стороне? – спросил я. – И будем наблюдать, как они будут уничтожать друг друга.

– Извините меня, но не могли эти ящеры изготовить такие космические корабли, – сказал Виктор.

Всё это время Гале молчал. К нам прислушивались испанцы. Наша тревога перешла и к ним. Действительно, будешь здесь тревожиться. Я ведь ещё не упоминал то, что изредка под нами тряслась почва. Хорошо ещё то, что стены не трескались. Они сделаны из какого-то гладкого и немного вязкого материала.

Тут вошел в разговор и Гале.

– Конечно, эти корабли не они сделали. Это только они показывают нам все технические изобретения, будто сами сделали. А вот слагеры всё делают сами, потому что они люди. Маленькие или большие, глазастые или большеголовые, но это люди. И нам, кажется, что все мыслящие существа во вселенной, похожи на людей, на человека. Где-то они разные по физическому строению, возможно от самой планеты, но это люди. Мы ещё узнаем, кто из ящеров сделал людей. Одно знаем, что их нет среди гелиозов, по-вашему, улыбочки. Есть у нас такая догадка, возможно, тогда когда ученые этой планеты ящерам дали разум, то они восстали и уничтожили своих создателей. Конечно, это была великая раса. И ещё. Может быть, кого-то и оставили в живых. И находятся они в лабиринтах, как рабы гелиозов. Не надо бы над животными экспериментировать. Опасно. И нам, кажется, что эти люди тоже могут восстать. И всё отрегулируют? Вряд ли это им удастся. Теперь уж эти гелиозы власть не уступят. Только полное их уничтожение может вернуться на прежнее время. И это будет кровавая битва.

– Вот это будет война! – сказал Платон. – Вся планета вздрогнет.

– Значит, мы сюда прибыли созерцать? – спросил я у Гале.

– Нам бы найти настоящих людей, – задумчиво ответил Гале.

– Надо бы к этой борьбе подключить слагеров, – сказал Юра. – Я, конечно, сомневаюсь, что они поймут, какая нависла над ними угроза. Восстанут рабы. Толку от слагеров не будет.

– Не поймут, – ответил я. – У нас ведь тоже все наши правители во всех странах не понимают, когда бряцают атомным оружием. Удивительно то, что простые люди всё понимают, а они нет. Вроде человек человеком, но стоит кому-то из них прорваться к власти, так сразу ищут конфликты с соседними государствами. Действительно эти улыбочки внедрили во многие головы наших людей микрочипы с отрицательной энергией. Неужели эти улыбочки достигли такого уровня, что изобрели такие чипы и внедряют в головы наших людей? Выходит, что эти ящеры достигли такого уровня? Как говорит, Юра, что-то я сомневаюсь. Хотя, возможно, ничего они сами не достигли, а вот для завоевания других планет, и на них разумных существ, изобрели микрочипы. Всё возможно в этом сложном мире.

– А вот мне, кажется, что ничего они не достигли. Они живут тем, что изобрели до них разумные люди, которых они завоевали, – сказал Михаил.

– В чем-то вы правы и не правы, – ответил Гале. – На соседней планете за первым Зарс, по-вашему, солнце, находится планета. Она немного дальше к концу вселенной, чем вот эта планета Тор. На ней, как мы недавно определили и жили настоящие ящеры и ящерицы. Но, главное, там откуда-то появились настоящие люди. Они прилетели с какой-то планеты. Видимо, любители экспериментировать. Животных на той планете было много. Позволял более теплый климат. Планета эта немного ближе находилась к Зарсу. Вот и выбрали эти пришельцы ящеров, более разумных на той планете, и стали внедрять в них более развитый разум. Самое толковое животное на вашей Земле можно превратить в таких же ящеров, как эти гелиозы. Они быстро переняли всё от этих людей, а потом восстали. А куда денешь

внутренний мир ящера? Разум-то разумом, а ящер был ящером, он ящером и остался. Уничтожили этих людей. Ничего они не изобрели. Всё было изобретено людьми. Всё, что они умеют, это достижения людей.

– Но микрочипы! – воскликнул я.

– Очень просто. Их тоже сделали люди. Они делали их для ящеров. А надо признаться, что и среди ящеров есть более разумные твари. Они сотворили рабов-фантомов. А это тоже изобретение людей. Хотели долго, а возможно, и вечно жить. У вас ведь тоже ищут ген старения, или найти что-то для бессмертия. Это же человек. Он так создан, чтобы быть в вечном поиске. Космические корабли тоже создали те удивительные люди. И вот эти микрочипы стали основным оружием гелиозов. Конечно, их внедряют в человека не фантомы-роботы, а настоящие гелиозы, в смысле ящеры. И так вот они и завоевали нашу гибнущую планету. Из многих наших людей сделали фантомов-рабов. О нас вы уже многое знаете. Добрались и до вашей солнечной системы. Внедряют в головы ваших людей эти микрочипы. И многое о вас знают и контролируют. Так вот. Вот эта планета Тор им приглянулась. Они переселились сюда, и привезли с собой оставшихся людей. Это наша догадка, и только. Может, их уже давно нет. Возможно, нет. Но вот, что интересно, кто-то, же переделал эти микрочипы. Эти микрочипы были созданы для того, чтобы их внедрить в головы ящеров, чтобы заставить их хотя бы немного думать, повторять всё нужное и полезное. Наши ученые обнаружили такие микрочипы в головах некоторых погибших ящеров. При помощи приборов нашли останки этих ящеров. Они уже истлели, а микрочипы до сих пор в действии. Хоть сколько они будут лежать на любой глубине, будут в действии. Это тоже одна из загадок. И здесь ученые наткнулись на удивительное открытие. Оказывается, в глубинах планеты находится энергия, которую можно брать для подключения двигателей космических кораблей. Взять хотя бы вас, люди Земли. Вас создали из непонятного нам материала. И вы можете быть постоянно на подзаярдаке. А вот эти люди, бывшие рабы, должны быть постоянно в лабиринтах. И здесь они могут жить вечно. Вот оно где бессмертие. Так вот о микрочипах. Найденные микрочипы все, без

исключения, полезные. Ничего в них нет агрессивного. Значит, это наши ученые так предполагают, что где-то находится лаборатория, а возможно и целое поселение тех людей, которые под влиянием гелиозов и производят вредоносные микрочипы.

И тут мне пришла такая странная мысль. Я её и высказал:

– Парни, Гале, а вы не заметили, что нас долго не берут обратно в нашу жизнь?

– Вот вам и ответ, – ответил Гале. – В этом лабиринте вы подзарядились.

– Но, как они нас возьмут, если мы так далеко? Я, конечно, сомневаюсь, как они нас будут тащить и на чем? – спросил Юра.

– Это их забота, – ответил Платон. – Мама дорогая, а ведь это настоящая комедь моей матушки! Как нас тащить по космосу?

– Очень просто, – ответил я. – Как-то мы с другой группой товарищей были взяты в космос. На нас не было никаких скафандров. Мы улетали даже за солнечную систему, и благополучно были возвращены туда, откуда нас взяли.

– Ядрена корень! Расскажи я своим товарищам, не поверят, – сказал Платон. – Хотя что я болтаю. Мне уже в наш мир не вернуться. Останусь там, где поселился Турас. Найду себе...

– Пышечку, – вставил Митька и громко засмеялся. Гале отошел от нас.

– И найду, и заселю тот параллельный мир маленькими детишками, – ответил Платон.

– Погодим с детишками, – прервал Михаил Платона. – Сейчас пока не до них. Гале, подойди сюда.

Гале медленно приблизился к нам.

– Гале, дорогой, если ваши ученые такие прыткие, то почему, ядрена вошь, не обнаружат этих людей? – спросил я. – Возможно, их уже нет давно, но кто-то же переделал эти микрочипы?

– И я сомневаюсь в том, чтобы ящеры сделали такие умные микрочипы, – сказал Юра.

– Я, конечно, извиняюсь, но в этом мире всё шиворот на выворот, – ответил Виктор. – В этом мире все безбожники. О какой вере может идти речь среди ящеров? Людей нет. Веды? Это забытый народ улыбочками. Слагеры тоже ничему не верят. Какая-то планета греховодников. Вот взять хотя бы нашу планету, Воз-

можно, во всех параллельных мирах у людей есть вера в Бога. Юрий, Стрелов, ты во многих местах побывал. С молодости там бываешь. Ведь правду я говорю?

– Правду говоришь, Виктор Иванович, правду, – ответил я. – У всех одна вера. Есть у всех единый Бог. Есть Иисус Христос, Будда, Магомед. Но над всеми есть единый Бог. Мы ещё его называем космическим разумом.

– Все это так, – сказал Михаил. – Меня мучает один вопрос. Кто переделал микрочипы? Ведь именно из-за них идет завоевание разумных существ на других планетах.

– Какая же это мерзость такое творит? Я бы ему все руки отрывал, – сказал Митька.

Гале на вопрос Михаила ответил:

– Наши ученые бьются над этим. Ведь почти весь наш народ они сделали фантомами. А ведь всё это из-за этих микрочипов. Я уже вам говорил, что мы уже вернули некоторым нашим людям нормальные человеческие тела.

– Но вы тоже можете исчезать и появляться, – ответил я. – В моей комнатке Турас иногда проявляется. Но он не фантом.

– Наша наука и этого достигла. Подойдет время, и вы сможете свободно летать по воздуху, на время исчезать, и проникать сквозь стены. Конечно, это Турас проникал сквозь стену в твою комнату. Этого никому невозможно. Он находился в другом месте, но всё знал, где ты находишься. Мы научились производить свои копии. Через свою копию, как на экране, он тебя видел, разговаривал с тобой. Единственное, что нет у копии, нет внутренностей. Просто копия. Но отличить от живого невозможно. И этого вы достигните. Когда все мы управимся со злом, мы вашему человечеству во многом поможем.

– У нас такое ощущение, будто кто-то ещё следит за нашей планетой, – сказал я.

– Мы это тоже чувствуем. Но пока не знаем, кто и что это, – ответил Гале. – Надо сказать, что за всеми кто-то следит. Пусть это пока останется нашей тайной.

– А чего этот смотритель не наведет порядки? – возмутился Федя.

– Значит, так надо, – ответил Гале. – Мы ещё много не знаем, что делается в космосе. Ведь кто-то когда-то сделал космос, какой вы уже знаете. Его странное и удивительное строение, которое нам не дано видеть. Много загадок, которые нам не дано открыть. Только чуть-чуть приоткрыта завеса тайны не только в космосе, но и вообще во всей вселенной.

– Вот до чего договорили, ажно у меня голова кругом пошла, – застонал Митька. – Ни черта не понял. Кто за кем следит, кого кого ловит. Да вы тут новые Петры Петровичи образовались.

– А почему я? – спросил лектор. – Кто за кем следит, Митька? Конечно, надо бы последить за этими гадами. Стоп. Что-то не соображу. А кто за всеми нами следит?

– Мама дорогая, – прошептал Платон, – надо же накрутили, даже я не могу сообразить. Петр Петрович высшую фабричную школу окончил и то не мог разобраться.

– Платон, – повысил голос Петр Петрович, – по-твоему, я ФЗО окончил? Совсем спятил? В ФЗО учатся рабочие, без всякой культуры, а ещё и не интеллигентные люди. А я образованный человек. У меня высшее образование.

– Да я эти названия путаю. Понаделали разных названий, а умным людям головы морочите.

– А что морочить-то? Сравнял тоже неучей с интеллигентными людьми, – ответил лектор.

– Это кто неучи, товарищ переучка, – повысил голос Митька. – Антилиген сраный. Выполз из какой-то там вонючей школы. Повыпускают оттуда каких-то болтунов, над которыми все смеются. Я навидался этих болтунов дебилообразных. Понапялили галстуки, так думаете чо и поумнели?

Петр Петрович стал хватать ртом воздух, глаза собрались в пучок, руки начали дрожать. Он не мог вымолвить ни слова, только хрипел.

Мне пришлось идти на помощь лектору. Жалко мужика.

– Дмитрий, – сказал я, – это ведь наш товарищ. Как так можно? А вы, Петр Петрович так и не можете свыкнуться с тем, что мы здесь все равны. Дмитрий, я вот не обижаюсь, что у меня ничего нет. Что вы все такие обидчивые. Одни из себя корчат

образованных, другие гордятся, что они ФЗО окончили. А мне тогда что делать? Но я, же не пузырюсь.

– А чо он нас неучами зовет? – сказал Митька.

– Ну и что? Я вот тоже неуч, и не сержусь. Работать надо над собой, и тогда не будешь неучем. Оба постыдились бы. Сейчас, здесь, решается глобальная тема, а вы на мелочь опустились. Всё смотрите на собственный пуп. Что за эгоизм?

Петр Петрович стал успокаиваться. Глаза стали на место. Но сказал:

– А зачем так обзывать? Это не какая-то там школа, а...

Я ладонью закрыл ему рот.

– Петр Петрович, ты когда-нибудь угомонишься насчет твоей любимой школы? Становится всем уже не смешно, а грустно. Хватит об этом. У нас без вашей школы голова кругом идет. Мы сюда прибыли не школьные вопросы решать, а что-то серьезное делать.

Петр Петрович отнял мою руку и сказал:

– А разве не серьезная Высшая...

– Петр Петрович, предупреждаю, если вы насчет школы не замолчите, вы получите по вашей физиономии. И будет вам больно, – резко ответил я.

Гале стоял в стороне, и словно к чему-то прислушивался.

– Галя стойку взял, как пес у столба, – засмеялся Федя.

– Хоть бы наверх подняться, – тихо сказал Юра. – Хочется подышать свежим воздухом, и ощутить местное солнце. Зарс его зовут?

– Здесь два зарса, поэтому здесь всегда день, – ответил Гале.

– Идут солдаты. Видимо, идут проверять смену. Так. Ого! Двадцать солдат! Вооружены.

– Я их очарую новой лекцией, – выступил вперед Петр Петрович.

– Здесь нужно оружие, – сказал Гале. – Они могут стрелять сразу. Опасно выходить им навстречу. Ваши лекции для людей шуточки. А гелиозы шуток не понимают, как и ваши лекторы.

– Позвольте, господин Гале, какие же лекции эти самые, как их, этого, того, шуточки? Да какие же это шуточки? Это весьма серьезные лекции. А потом, этого самого, шутки я тоже пони-

маю иногда. Как-то я на даче видел одного гуся. Мне показалось, что он вел беседу с гусыней...

– А петух тоже ведет беседу, когда гоняется за курицей, – засмеялся Митька. – Тоже наблюдали?

– Тебе, Митька, лишь бы зубы скалить, а этот гусь...

– Лапчатый! – повысил я голос. – До каких пор вы будете спорить? Петр Петрович, хватит о гусях и курах, надо встретить не прошеных гостей.

Петр Петрович плюнул себе под ноги, и проворчал себе под нос:

– Причем здесь куры и петух? Когда курица убегает от петуха, там не до разговоров. А вот гуси мудрые птицы. Порой я с ними пытался разговаривать.

Юра приблизился к лектору, и участливо сказал:

– Вы бы им свою лекцию прочитали. У вас ведь есть лекция о пернатых птицах.

– Конечно, есть, – прошептал Петр Петрович. – Но я как-то постеснялся им прочитать лекцию. Это же птица. Не поймет. Некоторые люди не понимают, а что взять с птицы? Я от жены прятался в теплице, в бане, и даже в свинарнике, и там сам себе читал свои лекции.

– Свины-то вас слушали?

– Нет. Мне было не до них. А потом, свины ведь полные дуры. Им лишь бы пожрать до отвала.

И тут я окончательно решил, что Петра Петровича не переделать. Пусть он остается таким, каким есть. Всё как-то с ним веселее. Серьезные разговоры с ним вести нельзя. Можно заблудиться в его научных изречениях и словах, надерганных из политических журналов из времен раннего и позднего застоя. Иногда я пытался прочитать какую-нибудь статью из таких журналов, и мне становилось, не знаю почему, смешно, а потом грустно. Может из-за того, что я ничего там не понимал. А что если бы к нам, в нашу группу, попал бы один из товарищей Петра Петровича из нашего городка Туманск? Если честно, то это был бы перебор.

Потом вдруг Петр Петрович приободрился. Он выпрямился, даже ноги его неожиданно выпрямились. Кстати, надо ска-

зять, что с нами он становился всё смелее. И ноги стали чаще выпрямляться. А кого здесь бояться? Здесь же не Туманский райком партии, где надо держать ухо востро. Поневоле ноги подогнешь, а голову втянешь поближе к плечам. Среди нас не надо бестолково суетиться, и постоянно писать отчеты в область о проделанной болтовне среди рабочих.

Петр Петрович шагнул навстречу ещё не появившимся солдатам. Лицо его пылало здоровым румянцем. Он широко улыбался. Петр Петрович потряс тонкими руками, и воскликнул:

– Я им сейчас покажу! Я им закачу такую лекцию, что они в прах рассыпятся! Я всем докажу, всем!

– Петр Петрович, – бросился я к нему, чтобы его остановить от безумного поступка. Но Петр Петрович уже твердо шагал навстречу солдатам, которых и я увидел. Они шли строем в два ряда, размахивая руками. Видимо, кто-то командовал ими.

И вот наш неутомимый лектор и глашатай остановился и начал выступать. Начало ещё можно было понять, а потом я постарался не слушать. Он начал говорить почему-то о Дарвине, и обезьянах. Оказывается они родные сестры и братья курам и умным гусям. И почему-то втиснул туда зайцев и кроликов. Всех смешал.

Я начал пятиться, и чуть не упал. Бедный Гале лежал у моих ног. Я бросился помогать ему. Мы стали поднимать его. Положили на подставленные два кресла. Потом он пришел в норму, и ответил:

– Я заинтересовался лекцией, и не отключил слух. Не успел. Поразительно! Надо же иметь такой талант, чтобы уложить человека. Неужели все у вас такие были лекторы? Как же вы их переносили? Я не понял? Зачем он кур, гусей, зайцев и свиней сравнивал с человеком? Какой в этом смысл?

– Дорогой Гале, весь смысл в том, что в лекции нет смысла. Вот и весь смысл, – ответил я.

– Но это большие люди. Их надо было лечить.

– Мужики! – услышал я голос Платона. – Лектор уложил всех солдат. Крепко он им головы заморочил! Я видел, как у них из глаз, рта и ушей пошел пар, а потом враз хлопнулись. Опа! Петр Петрович упал!

Мы побежали к Петру Петровичу. Наши новые товарищи тоже побежали с нами. Один из них всех нас растолкал. Он повторил:

– Доктор, доктор, доктор.

Петр Петрович лежал без движения. На его груди я увидел кровь. Неужели он убит?

– Убили, гады, нашего великого лектора! – кричал Платон.

– С кем теперь я буду спорить! – отозвался Митька.

– Лучше бы он нам лекцию об умных гусях и обезьян рассказал, – с печалью в голосе сказал Федя.

Доктор велел нам расступиться и не мешать ему. Мы отступили. Доктор склонился над раненым лектором. Потом доктор выпрямился. В его лице я увидел нескрываемое удивление. Он что-то сказал. Михаил подбежал и склонился над лектором. Потом и он выпрямился.

– Парни, а он живой, и ничего.

Мы стали подходить к Петру Петровичу. Он сел и стал смотреть на нас и улыбаться.

– Где этот Митька? – спросил он.

– Я здесь, – отозвался Митька и выбрался из толпы.

– Ты обещал спорить со мной. Надо слово держать.

– Кошмар! – воскликнул Митька. – Но я видел кровь в центре сердца. Как же так?

– Мама дорогая! – отозвался Платон. – Ой, меченьки, ой, ядрена корень! Что же это получается, братцы. В этом мире нас невозможно укокошить что ли? Как так? Выходит, что мы здесь тоже бессмертные?

– Как же так? – развел руки Федя. – Не может быть. Беру слова обратно. Пока не надо нам читать лекции о гусях.

Петр Петрович гладил себя по груди. На тощей и немного волосатой груди даже следов не осталось от раны и крови. Словно там ничего и не было.

– Я, конечно, сомневаюсь, хотя, что я сомневаюсь? Нет никакого сомнения. Но позвольте, а где тогда пуля?

Испанцы тоже были в недоумении. Хорошо, думали они, они бессмертны, но люди-то, прилетевшие на космическом корабле, должны быть смертны. Я помню, когда мы были в мире волоса-

тиков, нас тоже ранили, раны быстро исчезли. Там были сабли. Здесь пуля вошла в сердце. И что? А ничего. Жив Петр Петрович. А где пуля? Загадка. Кругом сплошные загадки. Кровь. Была кровь. Что стало с ней?

Доктор что-то быстро говорил, и разводил руками. Удивишься здесь. Потом наступила тишина. Мы все смотрели на нашего воскресшего лектора. А он улыбался. Вот, мол, я какой! Бесмертный.

– Вот это загадка, – сказал Юра. – Я ещё сомневался, а тут понял, что мы здесь другие, какие бываем в нашем мире. Настоящее чудо.

– Просто мы сделаны из непонятно чего, – ответил Михаил. – А происходит всё это, тогда, когда нас берут из нашего мира. Мы ведь не помним и не знаем, что происходит за то время, когда нас перетаскивают из нашего времени в другой мир. Если была видна кровь, а мы все видели её, то возможно, это вовсе и не кровь? А рана? Мы её видели. Пуля? А если это не пуля, а какая-то неизвестная нам энергия вошла в сердце нами уважаемого лектора Петра Петровича Длиннохвостикова. Загадка. И нам её не разрешить. Ладно, с этой пулей или энергией. Они нас не интересуют. Да и вообще, зачем нам углубляться в теорию из чего нас сделали. Спасибо на том, что мы думаем, нам дан наш разум. И ещё. Нам всем дано помнить всё, что происходит в соседнем нам мире. А ведь многие, побывав в другом мире, ничего не помнят.

– Для этого нас и отбирали, как следует, – сказал Платон.

– Гале, теперь бы нам выбраться наверх, – сказал Михаил. – Как ты думаешь?

– Я думаю, что вам надо идти туда, откуда выбрались гелиозы. И потом, мне что-то плохо верится, что Бан и Вен ваши и наши враги, – сказал Юра.

– А кто они, мать их за ногу! – повысил голос Митька. – Бросили нас и скрылись!

При повышенном голосе Гале поморщился, а потом неожиданно улыбнулся.

– Кто знает, почему они исчезли? Понимаю, что эти роботы что-то готовят против лагерей, и даже могут объединиться с ро-

ботами гелиозов. У нас тоже есть такое предположение, и даже есть факты. Но Бан и Вен не могли от вас сбежать. Сергей не мог с вами отправить предателей. Какой смысл ему это делать?

– Просто слагеры, извините меня, потеряли бдительность, – ответил Виктор. – Ведь сам Сатана и его приспешники, хитрые и ловкие лгуны. А гелиозы слуги Сатаны. Все эти роботы бездушные твари.

– В чем-то я с вами согласен, – ответил Гале. – А вот насчет Бана и Вена я бы мог поспорить. Просто мне не верится, что они предали вас. Возможно, их захватили в плен.

– В общем-то, давайте не будем пороть горячку, – сказал я. – И действительно, что нам об этом известно? Ничего. Вдруг они неожиданно исчезли, ну и что? Всё может быть. В этом, почти в волшебном мире всё возможно. В общем-то, они ничего нам плохого не сделали.

Решили мы пойти по туннелю туда, откуда пришли роботы. Гале сказал:

– Я исчезаю. Надо разведать путь.

И он тут же исчез.

– Как в сказке, – сказал Митька. – Мы попали в настоящую волшебную сказку.

Мы шли по туннелю. За нами двигались испанцы. Теперь у нас внушительный отряд. Все вооружились трубками.

Шли долго. Отдыхали, спали. Попадались ответвления, но мы на них не обращали внимания. Вот эта дорога должна нас привести наверх. Нам надоело быть без настоящего света.

Перед нами возник Гале.

– Впереди выход. Но прежде чем выйти наружу, мне бы хотелось, чтобы вы заглянули в один отсек, который находится с правой стороны. А пока я опять исчезаю. Надо разведать, что находится в окружности выхода. Хотя я знаю, что там есть, но необходимо узнать кое-что. Пока говорить не буду.

– Слушай, Гале, – обратился к нему наш сомневающийся во всем Юра, – ты так грамотно говоришь с нами, что меня откровенно удивляет такое познание русского языка. Как ты умудрился так ловко...

– Балакать, – вставил Митька.

– Пусть будет так, – ответил Юра. – Почему?

– Прежде чем пойти с вами на контакт, мы долго изучали ваш необычный и разносторонний язык. А коль нам с вами вести тесный контакт, то нам надо было выбрать текст того направления вашего языка, что он был всем понятен.

– Ну и какой выбрали? – спросил Митька. – Ты ведь не болтаешь, как я.

– Правильно. В вашем языке много непонятного нам. Мы многих людей изучали. Ваш язык удивителен. Вы сами хорошо понимаете, друг друга, даже если кто-то говорит для нас непонятное. Мы выбрали язык Михаила Бутакова. Мы хорошо понимаем язык таких людей.

– Ясно, – ответил Митька. – Он у нас антилиген. А мы так, букашки.

– Вот и всё, – улыбнулся Гале. – Букашки. Вы не можете быть букашкой. Это раз. И потом это слово...

– Интеллигент, – вставил Петр Петрович. – Любопытно. Михаил для вас интеллигент, тогда кто я? Я ведь тоже интеллигент, образованный человек. Я всё-таки, не только в Туманском районе считался лучшим лектором, но и в области. Я ведь окончил в Москве Высшую Партийную Школу. Стрелов оборвет меня. Ну и пусть. Мне ведь обидно. Я ведь тоже интеллигент.

– Петр Петрович, я вас не обидел. Что вы? Просто, когда вы начинаете, как бы сказал Дмитрий, шпарить лозунгами, наши головы плохо соображают. В ваших лозунгах и лекциях много непонятных выражений и слов. Мы не понимаем их.

– А кто из нашей братии ещё вам подходит? – подозрительно спросил Платон.

– Виктор Иванович старается говорить языком Михаила Ивановича. Только старается. А может и начнет говорить на вашем наречии. Юра Вычегжанин тоже старается быть вроде культурным. Но только старается, но не более.

– А Юрка Стрелов тоже не подходит под вас? – опять спросил Платон. Я увидел, как он передернул плечами и сжал кулаки.

– Не подходит. Он недалеко ушел от вас. В любой момент он может заговорить на вашем наречии. Единственное он отличается от вас тем, что он не употребляет мата.

– Значит, никто из нас не подходит, морковная кочерыжка? – вкрадчиво спросил Платон. Я придвинулся поближе к парню. Он в любое время может схватить окультуренного Гале за горло.

– Мы взяли на вооружение только язык и выражения таких людей, как Михаил Бутаков, – ответил Гале. – Платон, я бы хотел спросить, что обозначает морковная кочерыжка? Что такое морковь я понимаю. А вот про кочерыжку слышу впервые.

Платон тяжело дышал. Плечи его всё больше начали двигаться. Да и Митька немного даже стал подпрыгивать. Это был он недоволен. Когда он сердит, он как бы подпрыгивал. Федя тоже надувался.

– Надо же, – проворчал Петр Петрович, – я и не думал, что я такой не культурный. А ведь я окончил Высшую...

– Ты когда-нибудь заглохнешь со своей дебильной школой? – тихо прохрипел Платон. – Ты что не соображаешь, что нас умных людей, потусторонняя тень в навоз затаптывает?

– Но я хотел, – начал было говорить лектор.

– А не надо ничего тебе хотеть, дубина школьная из высшей конюшни!

– Не надо бы так оскорблять Высшую...! – повысил голос Петр Петрович. Но его перебил Митька: – За молчи, Петр Петрович, замолчи! Хватит о школе! Я тоже немного учился. По-поему пять классов одолел. Математика заела, будь она неладна. Кто-то тока её придумал. Сволочь какая-то придумала, чтобы головы умным людям морочить. От вашей математики бывало, рябь в глазах появлялась. Из-за какой-то математики ослепнуть? Дудки! А я эту математику обозначил такими словами. Мать и мат. Какая-то мать, чтобы сын не ослеп, матом всех покрыла. Вот и пошло и поехало. Математика. Тьфу, мать её. Хватит болтать о школе. А этот хмырь узкозадый, в грязь нас втоптал! Не понял чо ли?

Платон замер. И весь отряд остановился. Испанцы с интересом наблюдали за нами. Они, конечно, ничего не понимали. Только, видимо, догадывались, что-то происходит среди русских.

Ну вот, и Платон рассвирепел. Грудь его вздымалась, руки потянулись к Гале.

– Ах ты, гнилая смесь огородная! Тенета паучья! Невидимая пыль с какой-то паскудной планеты, которой и жить-то не надо бы. Так нет же, суки пустозвонные живут, мрази окаянные! Крысы туннельные! Я вас, мозгляки из невидимого фронта враз сделаю видимыми. Думаешь, если что-то там придумал, чтобы от умных людей прятаться, начитался лишних книг, так сразу и окультурился, мразь переученная!

Платон не успел сцепить Гале за горло, тот смог только простонать:

– В голове звон...

И Гале упал, как подкошенный стебелек.

Мне стало жалко его. Бедный Гале, с кем связался? Вот такие мы люди с планеты Земля. От нас все падают от крика, от непонятных слов, умирают, а то и в пыль превращаются. И тут мне ещё пришла одна мысль. А что если нам всем объединиться, а во главе поставить таких крикливых и визжачих женщин, как Пелагея Длиннохвостикова, а с запутанными вопросами Правдину, мы бы разбили все армии, какие бы насмелились напасть на нас. К сожалению люди нашей планеты разрозненны. И нет среди человечества личности, которая бы всех объединила. Это была бы космическая сила.

Испанский доктор снова принялся приводить в чувство Гале. А мы взяли под руки Платона, Федю, Митьку и повели в сторону от упавшего Гале. Платон ворчал:

– Гнида худобзейская, он ещё нам указывать, кто среди нас кто. А сам-то кто? Настоящий робот улыбочиковый.

– Учить меня вздумал. Может, я не так грамотен, как Петр Петрович. За то я жись знаю. И некаво умных людей смущать. Некаво, – ворчал Митька. – Если бы ни эта подлая математика, я может и ученым бы стал. У меня такие мыслишки посещают, что я их сам боюсь.

– Тварь заученная, – ворчал Федя. – Протащить бы его по нашим дорогам, быстро бы выздоровел.

Я очень тихо спросил Митьку:

– Если не секрет, мне-то скажи? Мы ведь с тобой тоже против математики. Я ведь из-за неё, проклятушкой, не стал учиться. Бывало при слове арифметика, у меня мог бы образоваться понос. Кто её только придумал? Правильно ты сказал. Сволочь отменная.

Мне надо было как-то успокоить парня, да и взяло любопытство. Какие могут быть мысли у этого парня? Интересно ведь.

– Слушай, Юрка, – придвинулся он ко мне, и доверчивым голосом сообщил новость. – Мыслишка у меня такая возникла. А что если спарить свинью с бегемотом. Здесь-то ходит бегемот, что тебе корова. А тут бы в нашем мире такая свинья получилась. Это же какой доход для народа. И мясо бы бегемотносвиное подешевело. А то ведь всё дорожает и дорожает и никакого спасу нет.

Конечно, мне стало смешно, но я с силой удерживал смех. Но спросил:

– А как тогда с коровой?

– С коровой?

Он на время замолчал, потом печально ответил:

– Ты прав. Здесь я ещё не подумал. Тут надо всё взвесить. С бухты-барахты такую проблему не решить. Я подумаю. У меня ещё много есть разных вот таких мыслишек, чтобы народу нашему помочь нормально жить. Как же я не учел с коровой-то. Ну, это поправимо. Думать буду. А то они мне тут высшую школу сунули. Чо эта школа дает? Мозги умным людям пудрить. А надо острые проблемы решать. И некаво болтовней заниматься. Некаво.

Поговорили. Я отошел от Митьки, оставив его решать умные и проблемные задачи. Надо бы потом ему подкинуть новую идею. Для повышения сельского хозяйства скрестить курицу со страусом. Вот были бы куры! Поймет он меня или нет? Надо убедительно доказать ему, что это не очередная Стреловская хохма. А, в общем-то, пусть парень мечтает. Раз приходят в его голову бредовые мысли, значит, парень развивается. Только в какую сторону пойдет его развитие. В нашем городе Туманске, я уже писал об одном кабинете. Там тоже развивались люди. Разви-

лись, что дальше некуда. Их хоть сейчас отправляй в психушку. По-моему лечить их уже поздно.

Платон и Федя тоже успокоились. Вернее их успокоили мои друзья. Когда все успокоились, я сказал:

– Вот и хорошо. Ну, немного эти товарищи переучились, ну и что? Надо уметь прощать. Я вот не доучился. Ну и что тут такого? Я же не нервничаю. Какая разница. Человек переучился. Мы ведь не знаем. Возможно, он от переучки страдает, мучается. А тут ещё мы недоучки им нервы портим. Это на нас надо кричать, что мы недоучки. Когда-то у меня был первый бригадир плотников. Так вот он в сорок лет одолел рассказ Гайдара «Чук и Гек». А то ведь он думал, что это иностранцы.

Михаил, Виктор и Юра улыбаются. Один только Петр Петрович хмурился. Потом он сказал:

– Что-то не пойму взять в толк. Как можно переучиться? А кто это переучка? Слова-то такого в русском словаре нет.

– Митька имел ввиду улыбочиков, – ответил я. – Понаделали разную дребедень и довольные.

– Да, оно и правильно. Это хорошо. Но такого слова нет.

В это время Гале при помощи Родригеса и доктора встал. Он быстро восстановил силы. Подошел к нам. Сказал:

– Очень прошу, при мне не надо бы так кричать непонятные слова. Это же надо такой у вас горластый народ. Если честно, вы могли бы изгнать с других планет гелиозов. Вас бы всех объединить, а вы всё больше разъединяетесь.

– Вы ещё не знаете наших женщин, – сказал Михаил.

– Наслышан. Не надо бы нам с ними встречаться.

– Одна дама вас бы вопросами замордовала, – ответил Платон. Наконец-то, улыбнулся.

– Двигаем дальше? – спросил Гале Михаил. – А то мы от безделья, как те кони, застоялись.

– Идите вперед. Там может мы, и встретимся, – ответил Гале.

– Мне надо зарядиться. Вы мне почти всю энергию уничтожили. Ещё бы немного, и я бы умер. Вот такие вы люди.

Гале тут же исчез. А мы пошли туда, куда шла дорога. Она вывела нас из лабиринта. Дорога шла через густые, почти сплетен-

ные деревья. За ним мы увидели красивый и сказочный поселок. Конечно, здесь жили улыбки и их роботы.

И тут словно из воздуха появились два робота Бан и Вен.

– Ах вы, вонючие предатели, – почти закричал Платон. И вдруг рядом с ними проявился Гале. Он был бледен.

– Я так и знал, что вот так вы их встретите. Пришел к ним на помощь. Надо же разобраться. Вот вы все люди такие. Не разобравшись, лезете в драку. Они ведь вам помогали. И сейчас за вами следили. Два отряда они направили по ложному пути. Туда нельзя было ходить. Необходим ремонт тоннеля. Получился обвал, и их придавило. Они вам облегчили встречу с роботами гелиозов. Так зачем шуметь. Вы сначала разберитесь. Не стыдно?

– Будем разбираться, Гале, – ответил Михаил. – Можешь отправляться на зарядку. Мы теперь здесь без тебя разберемся.

Гале исчез. Бан и Вен пригласили нас сесть на траву. Из деревни нас не видно. Прикрывал кустарник с неизвестной нам ягодой. Мы теперь знали, что эту ягоду и местные фрукты нам есть нельзя. Об этом мы предупредили испанцев. Все эти годы они находились в рудниках. Они упали в траву и жадно вдыхали воздух. Некоторые даже плакали. Столько лет не видели траву, деревья, небо. А тут узнали, что такие красивые фрукты нельзя человеку есть.

Мы сидели на траве и слушали рассказ Бана и Вена. Мы стали их подозревать в измене, когда они остановились в крошечной деревне. Разговаривали там с местными людьми. А потом исчезли. Эти люди жили здесь давно. Они тайно передавали разную информацию о делах гелиозов и их роботов. Гелиозы их не трогали. А зачем? Они жили мирно, занимались мелким хозяйством. Снабжали гелиозов рыбой. Как говорится, это были талантливые разведчики. Они и рассказали о рабах с нашей планеты, о двух деревнях гелиозов и роботов. Ещё они узнали, что где-то недалеко от этого места находится один из пунктов, где находятся ученые, которые обучают гелиозов всему тому, что знали люди этой планеты, и которых они уничтожили.

– Надо этих сук найти! – вскочил Платон.

– Вот вы все такие, – тяжело вздохнул Бан. – Не надо торопиться. Прежде нам необходимо пройти или, скорее всего, обойти деревни.

– Чо их обходить! Разбомбим всю эту двойную кодлян, – сказал Митька.

– Бензину бы достать, мы бы сожгли всю эту муть, – добавил Федя.

– Мы вашу кодлян не знаем, – ответил Вен. – Надо подумать и решить, что делать дальше. Не надо напрасно шуметь.

– Да, ну вы даете, Галя и вы двое упырей, – сказал Платон. – Как переучки говорите. А я с вами простым языком буду балакать. Уничтожить эти деревушки, и вся недолга.

– Вы на время можете помолчать? – сказал Бан. – Вы посмотрите на испанцев. Какие они все послушные. А ведь они солдаты. Они строго подчиняются своему командиру Родригесу Кастро. Он им приказал слушать и молчать. Что он понимает, то и переводит им. Михаил, успокойте ваших подчиненных. Вы ведь командир отряда. Не то нам придется их успокоить.

Платон надулся, а глаза опять собрались в пучок.

– Ах вы, суповые наборы из времен позднего застоя, нам угрожать, – прошептал Митька.

– Вы, как ржавые болты, негодные нам, а лезете со своими заморочками, – сказал Федя.

– А я их, этих грибных протухших сморчков вислозадых и бледнолицых упырей сию минуту оприходую, – проворчал Платон. И в это время, они замолчали. И превратились в сидячие восковые фигуры.

– Ну вот, теперь будет тихо, – улыбнулся Вен. – Шумные ребята. То, что они здесь сказали, не надо переводить. Как мы поняли это злые слова. Их надо бы оставить на всякий, как вы выражаетесь, пожарный случай. Ну, так вот. За деревьями находится огромный лабиринт. Он тщательно охраняется. Что это за лабиринт? Там работают и живут ученые. Их оставили живыми. Им устроили богатую жизнь. В лабиринте у них целый завод. Они строят там морские и космические корабли. Как мы узнали? А всё это вывели два наших разведчика, которые живут отдельно в двух домиках. Они доставляют туда, свежую рыбу. В лаби-

ринте ученые работают. А живут они наверху. Там им устроено так, что ваши самые богатые миллиардеры земли так не живут. Невозможно передать, как живут. Но им дано условие. Чтобы всё они делали по заказу этих ящеров. Вы сами догадывались. Мы вас слушали, но не поправляли. Ящеров, более интересует богатство, эксплуатация человека, захват новых планет. Вы правильно рассуждали. Ящеры ничего не умеют делать. Животные не могут ничего изобретать. Люди этой планеты для эксперимента выбрали ящеров. Они были умнее других животных. Вот и научили ящеров размышлять. Они перебили людей. Выбрали самых жадных к богатству ученых. Оставили их в живых. Какое условие? Если начнут выступать, то у них не только всё отберут, но и могут уничтожить. Надо выйти на этот лабиринт.

– Мы догадывались, что так оно и есть, – ответил Михаил.

– Я думаю, что шуметь не надо, – сказал я. – Надо обойти деревни. Думаю, что наши друзья поймут, что пока не надо шуметь. Они слышали, что ты здесь говорил?

– Конечно, слышали. И ещё. Если мы уничтожим этот лабиринт вместе с предателями учеными, то на этом закончится правление гелиозов на этой планете. А вот то, что многие из них находятся на вашей планете и на других планетах, будут ещё здравствовать. А вот это гнездовье будет уничтожено. И уже с этой планеты все эти гелиозы не будут угрожать никому. Почему? Закончится подпитка бессмертия, и они быстро начнут погибать. Но только на этой планете. На других планетах они берут подпитку из планет. А там уж, дорогие товарищи, вам самим людям надо будет объявить им войну. И ещё. Главное вот что. Именно эти ученые создали микрочипы, и научили гелиозов вставлять элементы в головы ваших людей.

– Ядрена вошь, – проворчал я. – Так вот откуда пришла беда на нашу планету? И давно они это творят, эти подлые крысы?

– Давно. Помаленьку захватывали площадь расселения микрочипов.

– Так давайте идемте крушить змеиное гнездовье, – сказал я, и встал.

– А куда пойдем? Вы подумали? – спросил Вен.

– Мне, кажется, надо деревни обойти слева. Там идет лес гуще, да и протяженность до холмов. Там, наверное, лабиринт? – спросил Михаил.

– Да, там. Надо иметь при себе оружие. Там охраняет их мощная армия самых свирепых ящеров. Они вооружены с ног до головы. Главные ящеры, будем теперь их так называть, – сказал Бан. – понимают, что от этих ученых зависит их жизнь, а не только роскошь и богатство. У вас есть мудрая сказка про Кашея Бессмертного. Там в яйце была иголка. Так? Здесь эти ящеры тоже являются бессмертными от этих ученых и того лабиринта. И ещё наша разведка донесла, что на планете есть вот эта одна главная точка, где всё и производят. Здесь и живут бессмертные ученые.

– А вы как-то нам говорили, что их несколько? – спросил Юра. – Я, конечно, не сомневался, что их должно быть много. А оказалось, что она одна. А тогда кто те точки?

– Они есть, – ответил Вен. – Там ученых нет. Это просто места, где находятся и живут рабы. Они добывают разные руды. И потом, их этих точек некоторых отправляют на другие планеты, и тоже на рудники. Так что и на вашей планете, и вы это знаете, есть рудники в параллельных вам мирах. И вы уже знаете, как туда попадают ваши люди. Есть главный и единственный лабиринт, который охраняется целой армией. Конечно, попробовать можно. Но шансов на победу слишком мало. Нас мало. А ящеры, воины отменные, а главное злые, свирепые. Мы ещё их можем видеть, а вы нет. И они свободно могут вас убить. Опасно.

Война

– А мы для чего сюда прибыли? – раздался голос Платона. Ожили парни. – Если суждено погибнуть на этой планете, пусть будут так. Но мы хоть что-то полезного сделаем для нашей любимой планеты. С этими ублюдками я готов на всё.

– А я чо в стороне? – спросил Митька. – Мы этим ящерам и ученым прихлебаям устроим на этой планете новое Ледовое побоище, Бородино, разгром ящеровых войск под Москвой, Сталинград и взятие Берлина. А вы думаете, чо я не могу трекать?

Мы тоже немножка антилигены. Можем ещё культурно говорить, хоть я и не переучка.

– Молодец, Митька, – похвалил Михаил. – Мы, я думаю, все на всё готовы. Мы не зря сюда прибыли. Думаю, что испанцы такого же мнения, Как ты думаешь, Родригес.

– Мы давно решили сражаться до конца с этими ящерами, – твердо ответил Родригес.

– А я не сомневался, что испанцы пойдут за нами, – сказал Юра.

– Перед боем, я вам прочитаю молитву, – сказал Виктор.

– Мы им устроим ледовое побоище, – добавил Федя.

– А мне разрешите им лекцию прочитать? – спросил Петр Петрович.

– Там, наверное, будет не до лекций, – ответил я. – Там начнется настоящая война с оружием в руках. А вот ваши лекции весьма пригодятся. Когда мы возьмем в плен пресловутых ученых, мы дадим вам возможность остаться с ними наедине в замкнутом пространстве. Отберите самые достойные для этих мерзавцев лекции.

– О! – воскликнул Петр Петрович, – Это я постараюсь. Я всем вам докажу, что я не зря окончил Высшую Партийную Школу в Москве. Я такие им лекции прочту, даже если бы вы их послушали, ахнули бы от восторга!

Так уж получилось, что мы все хором ответили:

– Не надо!

Бан поднял руки, чтобы мы все обратили на него внимание.

– Граждане или товарищи, как вам лучше нравится, ящеры узнали о нашем с вами присутствии. Сейчас у них собралась огромная армия в пять тысяч ящеров и роботов. Сами ящеры тоже пришли воевать. Наши лагеры уже начали войну с подводными кораблями. Ящеры выставили военные машины и воздушные корабли для защиты главного логова. Будет война и в воздухе. Наши наземные и воздушные аппараты на пути к этому месту. Будет жарко. Гордитесь, всё началось от вас. Вы подстегнули лагеры к этой войне. Сейчас местное население венедов помогает продуктами и одеждой наших солдат. Они тоже перешли на нашу сторону. По всей планете брошен клич – на

борьбу с ящерами. Война будет страшной и последней на этой планете. Настоящая мировая война. Так что помощь к нам спешит. Что будем делать? Видите, как они повсюду шевелятся.

Отсюда было видно, как в деревнях забегали ящеры и роботы.

– Расшевелили ползучих гадов, – сказал Платон.

– Плохо то, что мы для них будем, как на ладони, – сказал я.

– Как я понял, логово, как знаменитый бункер Гитлера, находится от нас недалеко, – сказал Михаил. – Я думаю, что надо бы начать копать окопы. Плохо то, что у нас нет инструмента.

– Будет инструмент в виде лопаты и топора, – ответил Гале, и он тут же исчез. Через какое-то время, будто из воздуха возникли люди. Они доставили нам лопаты и топоры.

Родригес что-то приказал своим солдатам. Они быстро разобрали инструмент, и работа началась. И нам достались лопаты. Испанцы в этом деле опытные окопники. Мы только им помогали. Окопы рыли сразу за первыми деревьями, чтобы нас не было видно.

Появилось два воздушных корабля. С них нас не видно. Раскидистые деревья прикрывали нас. Корабли бесшумно пролетели над деревней и тут же скрылись. Вот и повоюй с ними. Наши самолеты никуда не скрываются. А тут пролетели, и тут же скрылись из виду.

Отдыхали поочередно, даже умудрялись поспать. Но окопы были готовы по всем правилам военного искусства.

– А как мы обнаружим этих ученых, в толк не возьму? – сам у себя спросил Юра. – Без сомнения, так мне кажется, вот за второй деревней стоит холм. Там их логово.

– Возможно, – ответил Михаил. – Всё возможно, но одно знаю, битва будет жестокой.

Мы заняли места в окопах. Перед каждым из нас лежало по несколько трубок.

– А если у них есть более сильное оружие, тогда как? – спросил я.

– Этого я и боюсь, – ответил Михаил.

Мы услышали голос Виктора.

– Всё, друзья мои, я начинаю молиться перед боем. Прошу всех молчать.

По окопам всем солдатам передали сигнал к молчанию. Мол, русский священнослужитель будет читать молитву.

Наступила абсолютная тишина. И только был слышен голос Виктора. Молитву Отче наш я знал. А вот другие молитвы, к великому сожалению, я не знал.

Странное было ощущение. Не было слышно пения птиц и стрекот кузнечиков. Жуткая тишина. Такой тишины в нашем мире я не слышал. Даже деревья, как мертвые камни молчали. В нашей тайге такого не бывает. Когда бы я ни пришел в тайгу, она даже в безветренную погоду шумит на разные голоса. А как может жить тайга без пения птиц, карканья ворон, без кровавой песни комара. Напротив меня стоял огромный ствол дерева. Я попытался с ним пошепаться, но он мне не ответил.

– Ты чо шепчешь? – спросил меня рядом стоящий Митька. – Тоже молитву читаешь?

– Пытаюсь с местным деревом договориться, а он не отвечает.

Митька посмотрел на меня, покачал головой.

– А чо с ним договариваться? Мы с тобой за ним, как за каменной стеной. Ты с одной стороны будешь стрелять, а я с другой стороны буду крошить их. Вот и весь договор. Знаешь, Юрка, я в жись не видел таких огромных деревьев. Ветки от них раскидистые, как шатры.

– Здесь, Митька, всё и все молчат. Заметил?

– Заметил. Чо не заметил-то, заметил. А у нас? Бывало на зорьке, на рыбалке у реки. Благодать. Скорее бы домой. Сразу отправлюсь на рыбалку. Утром птички песни возгудают, рыбка на зорьке плещется. Играет. А уха из свежей рыбки, да стопочку холодненькой водочки пропустить с друзьями. Благодать. А здесь? Ничего такого нет. Рыба в реке есть. А толку? Скукота.

– Скукота, Митька. Мне тоже хочется домой. Поговорить с любимой сосной. Хотя, что я? Так.

Митька опять посмотрел на меня.

– С сосной разговариваешь? Смотри, Юрка. Можно и того. Я вот смотрю на Петра Петровича, так он с этими лекциями, когда

остается один, тоже ведет беседы. Я слышал. Тронулся мужик от этих лекций. Я хоть и спорю с ним до срыва, а мне его жалко из-за этого. Я вот наблюдал за такими людьми, кто лекции читал, мне казалось, что все они тронутые. Над ними же все работяги смеялись. Неужто они не видели и не понимали? Это ведь смешно.

– Смешно, Митька, конечно, смешно. А так, как они люди серьезные, они не замечают, что над ними люди смеются. В крови это у них. А потом, за эти лекции, и за болтовню они получали деньги.

По окопу шел Турас. Давно его не было.

– Хорошо оборудовались, – сказал он. – Огромная сила выставлена против нас. Ну, ничего, наших тоже много. По всей планете уже идут бои. А вот здесь будет главная война, потому что они всячески будут защищать ученых.

К нам подошел Михаил. Он сказал:

– Нам бы надо как-то проникнуть в лабиринт. Надо бы с ними встретиться. Переводчиком будешь?

– Не надо им переводчика. Они прекрасно знают ваш язык.

– Откуда? – спросил я.

– Очень просто. Ящеры давно проникли на вашу планету. Передали ученых о русском языке. Они много языков знают. Как проникнуть к ним? Только по тоннелю. Но мы пока не знаем, где она находится. Разведка работает.

– Слушай, Турас, а как быть с военной техникой? – спросил я. – Этими трубочками только пехоту можно взять.

– Должны прибыть снайперы. У них есть оружие против механизмов, – ответил Турас. – Сейчас я исчезаю. Надо доложить нашему округу о делах в этом месте. Кажется, сейчас в вашу сторону пойдет большой отряд. У них ведь тоже есть шпионы. Узнали, что вы здесь. Гале остается с вами.

Гале стоял в другом окопе, и, видимо, с кем-то невидимым разговаривал.

Турас исчез.

Со стороны деревни шел огромный отряд улыбочиков. Невозможно понять, кто есть кто? Возможно, это роботы.

– Всем приготовиться! – крикнул Родригес. Это война. И надо подчиняться военному человеку. Тем более он во время войны был командиром.

Передо мной лежало пять трубок.

Ровными рядами улыбки шли на нас.

– Стрелять только по моей команде! – отдал приказ Родригес.

Вот они уже метрах в тридцати от нас.

– Пли! – раздалась команда.

Я наметил одного улыбки. Даже успел подумать вот о чем. Убивать его или не убивать? Я всегда стоял против убийства. Помню, мы попали в мир волосатиков. Их надо было убивать. Но я тогда орудовал кнутом. Было дело, и махал саблей, но только наносил ранения. Что делать сейчас, я ещё не решил. Это, всё-таки люди.

И тут произошло неожиданное. Улыбки на наших глазах превратились в настоящих ящеров на двух ногах. Пасти разинуты, торчали острые зубы. И эти звери рычали.

– Вот те раз! – крикнул Митька. – А я их по зубам, твари зеленые!

Придется стрелять. Это не люди. Это хищные звери. Если я не стрельну, то он просто разорвет меня.

Я прицелился и выстрелил. Ящер завизжал, и упал замертво. Прицелился во второго. И тот упал. Я видел, как падали ящеры. Потом они побежали к деревне.

– Ура! – раздалась по окопам крики. – Мы победили.

Я понимал, что это только начало. А если пойдут машины? Они раздавят нас. Странно. Почему они не стреляли? Ответ дал Гале.

– Они не стреляли. Не ожидали, что их встретят огнем. Теперь они пойдут на нас тоже с оружием. Да, многих они не считают. Смотрите.

От деревни шли уже не ящеры, а люди перевязанные красными полотнищами.

– Не стрелять! – крикнул Гале. – Не стрелять. Это санитары. Пусть подберут убитых и раненых. Не нам их хоронить.

– А чо они с красными тряпками-то? Обычно с белыми тряпками идут. У них чо, тоже коммунаки есть? – засмеялся Митька.

– Я четверых зубастых уложил.

– У них так принято. У вас идут с белым материалом, а у них с красным.

Тут к нам подошел Петр Петрович. Он сказал:

– А я всего одного застрелил. Мазила я. Нам бы сейчас у них красный материал взять. Мы бы красный флаг водрузили над окопом.

– Петр Петрович, даже на краю вселенной ну ни как ты уймешься. Вот не знают твои собратья из нашего городка Туманска, – сказал я. – Мне, кажется, что они из своего кабинета напичканным лозунгами и плакатами посылают вам наказ, чтобы вы водрузили красное знамя.

– Всё может быть, всё может быть, – ответил он и полез из окопа. Он пошел к роботам ящеров.

– Куда! – закричал я.

– Вернись, затюканный лектор! – кричал Митька.

– Зачем он это сделал, великий пропагандист светлых вершин коммунизма из времен позднего застоя? – сказал Михаил.

Петр Петрович шел к ящерам с поднятыми руками.

– Он что, совсем спятил от своих мудрых лекций? – спросил Платон. – Сдаваться пошел?

– Да нет, – ответил я. – Он пошел за красной тряпкой.

– Они же его, извините меня, убьют, – сказал Виктор и стал быстро креститься.

– А у меня насчет этого есть сомнения, – ответил Юра. Он тоже подошел к нам. – Он убедит их отдать тряпку. Вот увидите.

Он стоял напротив двух ящеров, и размахивал руками.

И вот он шел к нам. Лицо его, как никогда сияло, даже ноги выпрямил. Я давно заметил, да и писал об этом, у райкомовских и обкомовских работников шеи короткие. А голова, как бы втянута в плечи. И вдруг я увидел, что у него не только ноги выпрямились, но и шея удлинилась. Вот это номер! Вот и верь теперь этим бывшим райкомовским работникам в их неестественную походку! А ещё на меня сердились, когда некоторым

райкомовским работникам говорил, чтобы ножки выпрямили. Я ведь не ходил на полусогнутых ногах, и шею не втягивал. Как наделила нас природа-мать, так и будь таким. А куда вытравить подхалимство и трусость перед благодетелями? Если бы была возможность, то и ужом бы пополз к ногам высокопоставленного товарища. А потом мне говорят, что это я над ними смеюсь в своих книгах? А что мне не смеяться, если они для меня все смешные. Все они придают мне веселое настроение, энергию для творчества.

Петр Петрович спрыгнул в окоп. Один из испанцев подал ему палку.

И вот над окопом нашего лектора взвился красный флаг. Петр Петрович выпрямился, и совершенно захмурил. Он шевелили губами, но я уловил мотив песни. Это был партийный гимн.

Рядом со мной стоял Михаил.

– Да, это что-то. Неисправим. Полечить бы его стоило. Так обидится. Нельзя. Неужели так он безнадежен? Ведь бывает же у него просвет. Как тот бык, как увидит Петр Петрович красную тряпку, так весь и преображается. Неужели они все такие, Юрка?

– Все до единого. Я слышал и читал выступления лидера коммунистов товарища Зюганова. Он отличается от них, как небо от земли. Умный товарищ. Лично мне нравятся его выступления. Вот за таким я бы пошел в разведку. Но на местах, они какие-то замороженные. Будто они заморозились и не оттаивают из времен раннего и позднего застоя. Мне кажется, их уже никакая сила не оттаит, и не приведет в чувство. Мир меняется, но они не меняются. Смотреть на них мне бывает весело, а когда я остаюсь, дома один, сяду у окошечка, и от этого мне становится грустно и обидно. Почему люди не меняются? Ведь они нечета мне, люди грамотные, образованные, а ведут себя, будто у них за плечами пятиклассное образование. Кроме партийных газет они ничего не читают, не читают и новинки в литературе. Они не признают местных авторов. А если вдруг кто-то из них что-то напечатал, в виде того, кто строил железную дорогу от Тайшета до Лены, для них он враг номер один. Один товарищ как-то выбрался из кабинета на белый свет, случайно прочитал два моих

очерка в районной газете «Туманские вести» о политзаключенных, и даже затрясся.

– Какое имел право писать об этом? Нехорошо! Смотри у меня! Не было этого. А если кого сажали, то за дело. Что ты к ним прилип? Сам такой был? Оно и видно. Ты всю жизнь боролся против партии и советской власти! Мы тебе устроим печатание.

И устроили. Запретили в газете печатать. А я взял и книги издал.

Петр Петрович стоял во весь рост и про себя исполнял партийный гимн. К нему примкнуло несколько испанцев. И тоже пели. Пусть веселятся. Это их дело.

Гале ходил вдоль окоп, и что-то объяснял. Потом пришел к нам, землянам.

– Только что передал наш разведчик, что сейчас они выпустят на нас свору хищных зверей гырзов. Гырзы, это самые кровожадные хищники на этой планете. Есть и морские гырзы. Их лекцией Петра Петровича не возьмешь. В них надо стрелять без промаха. Они весьма живучие твари.

Мы все замерли в ожидании. Партийные товарищи разошлись по окопам. Я никогда не видел, как сиял от счастья Петр Петрович. Над ним развевался красный флаг. Партийные испанцы залегли рядом с лектором. Их лица тоже были просветленные. Вот что значит, какая-то тряпка так повлияла на некоторых товарищей. А что на меня повлияло? Как никогда я почувствовал близость своих друзей. Я знал, что все то, что мы делали и делаем, и то, что произойдет сейчас, всё это борьба с темными силами. И эти силы грозят нашему человечеству. Разве это не повлияло на меня положительно? Хоть маленькую частичку зла я отведу от моей любимой планеты, от моего народа, от детей, которых пичкают злом через какие-то микрочипы эти уроды. И умереть за мою родину мне не страшно. Пусть я останусь здесь навсегда, но хоть несколько тварей не попадут в мой мир. Вот это и есть то, что повлияло на меня положительно, а не какая-то тряпка.

Из деревни в нашу сторону бежала большая свора гырзов. Даже издали я видел раскрытые и зубастые пасти. Этот зверь

если кого ухватит, то сразу разорвет. В траншеях наступила тишина.

И вот уже первые гырзы не только бежали, но и скакали, были в метрах двадцати. Прозвучала команда Родригеса. Я прицелился и выстрелил в одного зверя, когда он подпрыгнул. Был убит наповал. Звери стали падать. Звери громко кричали, визжали, и даже раненые скулили. Несколько зверей проникли в окопы. И там началась свалка. Я продолжал стрелять. И вот один из зверей подбежал ко мне почти вплотную. Я впервые в жизни увидел животного, в глазах которого было столько зла и ненависти. Его зубы, наверное, десятисантиметровые уже кого-то укусили, и на них была кровь, готовые вцепиться в моё горло. Я выстрелил ему в пасть, и он свалился к моим ногам. Тут же выстрелил в другого зверя, который хотел броситься на Митьку со спины. В общем, сражение с дикими зверями закончилось. Я огляделся. Картина выглядела неприятной. Кругом валялись убитые звери, а какие ещё шевелились, то их добивали.

Из моих друзей все живые и не раненые. А вот среди испанцев были жертвы. Пятеро человек были мертвы.

Сообща, всех зверей мы утащили в небольшой овраг.

– Надо достойно похоронить товарищей, – предложил Михаил Родригесу. Тот почему-то был в растерянности.

Михаил продолжил.

– Сам понимаешь, три дня здесь не подходит. Это война. Сколько ещё нас может быть здесь положено, неизвестно.

Родригес зачем-то трогал убитых, переворачивал их. А потом выпрямился и сказал:

– Всё кончено. Они мертвы по-настоящему.

– А ты как хотел? – сказал Михаил. – Думал, что есть живые? После таких глубоких и рваных ран жизнь невозможна.

– Ты и твои друзья не поняли.

Испанцы сгрудились вокруг убитых. Что это с ними?

– Что мы должны понять? – спросил я.

– Все годы, что мы были в рудниках, мы были бессмертные. Любые раны быстро восстанавливались. А здесь мы стали смертными.

Михаил помолчал. И все замолчали. Все смотрели на убитых.

Потом Михаил ответил:

– Ну вот, вы стали обыкновенными людьми, а не какими-то там фантомами. Людьями, понимаете. Ведь вас взяли с войны живыми, и переправили на эту планету. Здесь в вас напичкали неведомыми нам штучками. И вы стали бессмертными.

– А я вспомнил бессмертных людей на нашей планете в параллельном нам мире, – сказал я. – Они были рабами улыбочков, ну, вот этих ящеров. – А когда убегали из рабства, то становились обыкновенными людьми. Так вот они были безмерно рады, когда вырывались из рабства, и становились людьми. Они говорили, что лучше быть людьми и смертными, чем в рабстве быть бессмертным.

– Не в этом дело, – ответил Родригес. – Просто мы привыкли к пониманию бессмертия. Мы отвыкли от слова смерть. Конечно, мы довольны, что стали простыми людьми.

Я видел, как лица испанцев приободрились, они стали о чем-то весело говорить. Потом, конечно, одумались, и замолчали. Ведь рядом с ними погибли их товарищи.

Мы похоронили их на маленькой полянке. Даже выстрелили в воздух из бесшумных трубочек. Всё, как на нашей Земле.

Появился Гале. А надо сказать, что Гале иногда появлялся и тут же исчезал, как и Вен с Баном. Сейчас у них дел много.

За Галем возникли: Турас, Бан и Вен. Видимо, что-то серьезное сообщат.

– Через минуту придут сюда наши отряды. Держитесь. Сейчас появятся гетро. Это вроде ваших самолетов, и будут сбрасывать на вас взрывные пакеты. В вашем мире снаряды, а здесь пакеты. Наши отряды доставят оружия, чтобы сбивать гетро.

– Пакеты с песком? – засмеялся Митька. – Песок не взрывается.

– Порох. Он воспламеняется тогда, когда соприкасается с землей или с телом. Не завидую тому, на кого упадет пакет. Кстати, кто из вас хоть немного ранен?

– Меня зверек немного зацепил, – ответил Юра. – Но меня берет сомнение. Посмотрите. Меня он укусил за плечо. Есть рана?

Юра оголил плечо. Следа от укуса не было, а вот кровь на одежде осталась.

– Я же правильно сомневался, – сказал Юра. – Сразу почувствовал острую боль, потом было не до неё. Надо был стрелять. Оказывается, что теперь мы бессмертные. Мы поменялись ролями с испанцами.

– А вспомните Петра Петровича, – сказал я. – И всё это мне давно известно. Мы были в параллельном мире у волосатиков. Так там тоже наши раны быстро затянулись. Так что на нас эта планета в этом вопросе бессмертия нас не касается. Мы другие. Так уж мы сделаны из непонятно чего. Слава Богу, разум нам оставили, да ещё молодыми сделали. А вернемся домой, я буду опять дедушка.

– Счастливые вы, – сказал Родригес. – Вы вернетесь домой. А нам теперь куда, если здесь не сложим головы?

– Мы вас переправим на Землю, – сказал Турас. – Есть на Земле удивительный параллельный мир. Там вы и поселитесь. Семьи заведете. Главное, надо выжить. А там мы вам поможем. Есть ещё рабы. Мы со временем всех освободим. Уже в трех местах освободили, и они взялись за оружие. Так что все вы и мы пришли на помощь вот этой планете. Может и не развалится, чего мы и боимся.

Один испанец что-то сказал. Родригес перевел.

– Он сказал, что он мог бы и здесь остаться. Надо кому-то планете помочь восстановиться от злых ящеров.

– Здесь есть отличные земледельцы веда, – сказал я. – Природа здесь немного другая. Но ведь можно и привыкнуть.

– Посмотрим, – ответил Родригес. – Вот только ягода и фрукты ядовитые, как раз под ящеров.

– А я чо подумал, а вдруг эти плоды подделаны под ящеров? – ответил Митька. – Природа ведь тоже в чем-то живая. Вот она и подстроилась под злодеев.

– Ну, ты говоришь, прямо, как в сказке, – засмеялся Платон.
– А чем чёрт не шутит? Надо всё проверить. Хоть кто-то здесь проверял?

Родригес пожал плечами, и ответил:

– А кто их знает? Нас сразу доставили в рудники.

Гале тоже ответил:

– Нам сказали, что они ядовитые, ну мы и не ели их. Ящеры любители мяса. Вот мы и ели мясо.

Бан и Вен переглянулись. Вен ответил:

– Мы вели обмен продуктами с ведами. Надо было бы у них узнать.

– Так, это интересно, – сказал Федя. – Даже очень интересно. На этой планете никто ничего не знает. Какие-то вы все незнайки.

– Вот вам всем ящеры нагнали страху, – ответил Платон. – А так, как мы русские народ любопытный, и везде и всюду суем свои носы, то надо что-то делать.

– Знали всё жители планеты, но их уничтожили ящеры. Ученые знают, – ответил я. – Но до них надо ещё добраться. Граждане, признавайтесь, кто из вас хоть раз попробовал местные ягоды, фрукты, грибы, а я видел их великое множество. Ящеры ничего этого не едят. Странно. В этом заключается какая-то причина. Я неожиданно вспомнил детскую книжку «Волшебник изумрудного города». Там мнимый волшебник Гудвин всем втирал мозги, что он волшебник, и все люди в том городе носили темные очки. Слушайте, граждане, а что если эти ящеры, те же Гудвины. А так, как поблизости нет фруктовых деревьев, то надо поймать одного ящера, и умудриться впихнуть в его пасть какой-нибудь фрукт. Надо найти хотя бы одно яблоко. Вот видите, я тоже могу говорить на культурном языке. Конечно, антилигеном, как говорит Митька, я не стану. Это даже собаке ясно. А вот культурно чего-нибудь могу по горячке трекнуть. Правда, так говорить культурно мне тоже тяжело. Я люблю говорить простым народным языком.

– Так, а я чо говорю? – сказал Митька. – Найти фрукт и самому сожрать. Мы ведь не только наемники, но испытатели любой там дряни.

– Сейчас нам доставят фрукты, – сказал Турас. Но уже было не до этого. В воздухе появился летающий аппарат. Он покружил над нами, а потом исчез.

– Разведка, – сказал Турас. Будто из воздуха возник человек. В руках два красных фрукта. Митька схватил один фрукт, и вцепился в него зубами.

– Стой! – закричал Михаил. – Не надо! Мы этот фрукт скорим ящеру!

Но было поздно. Митька ел яблоко и улыбался. По всему было видно, что он доволен. Мы все смотрели с ужасом, как он доедал яблоко. Платон тоже рвался схватить другое яблоко, но его порыв загородили испанцы.

– Я что в стороне! Митька вон ест и ничего, а я что? Хуже его? Дайте сюда яблоко!

Митька съел яблоко, и похлопал себя по животу. На его смеющемся лице, мне казалось, что даже веснушки увеличились.

– Вот мы балбесы, настоящие придурки! Ох, и придурки! Да эти яблоки сочнее и вкуснее наших фруктов! Я ещё никогда таких вкусных яблок ни ел. Кто это там нам мозги пудрил, чо эти яблоки не надо жрать? Кто? Ящеров послушали!

– Неужели всех нас обманули? – тихо спросил Турас. – Надо же так нам опростоволоситься. И вас с толку сбили.

– И мы все не ели эти фрукты, – сказал Гале.

– Всё здесь можно есть, – решительно заявил Митька.

– Меня настораживают отношение ко всему этому ящеры, – ответил Турас.

– Я постоянно сомневался вот в чем. Почему фрукты, ягода и грибы ядовитые? – спросил Юра. – Товарищи, испанцы, да здесь можно жить. Всё здесь есть.

– Не забывайте, что ящеры, прежде всего звери. Хищники. Просто их научили варить мясо, – сказал Михаил. – А возможно они ещё и сырое мясо едят. А вот насчет фруктов надо попробовать накормить одного из ящеров.

Появилось человек двадцать с длинными трубками.

– Это наши наводчики, – сказал Турас.

Из леса пришло четыре человека. Они привели связанного улыбочика.

– А вот и эксперимент, – засмеялся Платон.

– Проверим сказку о Гудвине, – ответил я. – Митька, носи яблоко. Потчевать будем Гудвина. И всё встанет на место.

Митька вырвал яблоко у парня, и подбежал к улыбочку. Он даже перестал улыбаться и скривился. Митька начал совать в его рот яблоко, а улыбочик фыркал, плевался. Потом закричал:

– Не надо! Не надо меня этим фруктом кормить. Он для нас яд.

– Сдохнешь, туда и дорога, – ответил Платон.

– Я не сдохну. Я буду жить. Я долго буду исходить на понос и рвоту. Как для вас грибы мухомор, так для нас все лесные ягоды, фрукты и грибы. Я был в вашем мире, и знаю что такое грибы. Не надо. Я всё расскажу. От этого яблока я могу долго болеть и худеть, а потом могу и умереть.

– Что ты расскажешь? – спросил Турас. – То, что ты знаешь, мы всё знаем.

– Не знаете. Много не знаете. Среди нашего народа тоже есть бедные. На своей планете я шил обувь. Все мои предки шили обувь. Потом меня взяли в армию. Среди наших ящеров тоже есть бедные, как и я. Но мы вынуждены воевать с вами. Нас научил шить обувь житель этой планеты. Потом его убили, но не мы, а солдаты нашего вождя ящеров. Никакие они не гелиозы. Гелиозы, это были жители этой планеты. Потом гелиозы сделали из ящеров мыслящих чудовищ. Мы ведь тоже ящеры. Но мы другие. Мы мирные ящеры. Наши хозяева воспитали нас гелиозами. Как говорится на вашем языке, на свою голову. Восстали ящеры и уничтожили гелиозов. Про это вы уже знаете.

– Так что ты всё знаешь, – повысил голос Федя. – Хватит нам здесь мозги пудрить.

– Вы ящеры от природы лживы и коварные звери, – сказал Гале.

– Мясо сырое тоже жрёте, а варить вас научили жители этой планеты, – сказал я. – Тайно жрете мясо. Изображаете из себя людей. Научили ученые превращаться в таких людей, как мы. За богатством погнались, роскошью. Воздвигаете себе воздушные замки, бассейны, фонтаны. А воду бы лучше люди пустили во благо всем людям. Сеяли бы зерно, пекли бы хлеб. Вы всё ото-

брали у этой планеты. Она возмущена вами, ненавистные твари. Вас бы всех накормить фруктами, чтобы все скопом бы на понос и рвоту извелись.

– Вот это выдал, Юрка! – воскликнул Митька. – По-нашему, по-русски. Так их, чертей зеленых!

Ящер, которого я назвал Гудвином, упал на колени, и вскинул руки.

– Пощадите! Я всё расскажу вам, всё! Только не надо громко кричать и говорить непонятные слова.

Митька схватил его за горло.

– Отвечай, змеиная шкура! Что знаешь?

Турас отвел руки парня.

– Пусть говорит. Я знаю, когда он соврет. Как только соврет, накормите его яблоком. Тогда набейте его рот яблоками.

– Буду говорить, – прошептал Гудвин. – Скоро на вас пойдут едыры.

– Что за дыры? – спросил Платон.

Всё это время Виктор усердно молился.

– Это не дыры, а едыры. Я видел ваши танки. Они похожие на ваши танки. Едыры. Их тоже сделали вокрены, ваши ученые, и научили наших ящеров управлять ими. Мы ведь ничего не можем делать. Мы все произошли от животных ящеров. Я ведь тоже ящер. Просто нам дали образ человека. Мне понравилось быть человеком. Я хочу остаться навсегда человеком. Не надо меня кормить яблоками. Я всё расскажу. Я ведь после поноса и рвоты могу навсегда превратиться в ящера, и никогда не стать человеком. Вот мы и боимся фруктов и разных овощей и ягод. Я готов остаться человеком, но боюсь поноса и рвоты. Вот поэтому мы и почти уничтожили всё то, что ест человек. Вот только грибы не можем уничтожить. Они всё время лезут из торы, по-вашему, из земли. Мы оставили всё только народу ведам. Они мирные и темные люди. Они для нас не опасные, да и рабов надо кормить.

– Отвечай по существу, злыдень, – сказал Федя.

– Я и отвечаю, – ответил Гудвин. – Что ещё надо?

– Говори, в каком месте находится лабиринт ученых? – спросил я.

– О, это зловредные люди. Они дружат с нашим вождем. Это великие ученые.

– Хватит болтать, сука лягушачья! – крикнул Митька. – Ты чо нам лапшу на уши вешаешь? Ты чо не можешь русским языком сказать, где находятся отщепенцы?

Гудвин упал на живот и взвыл:

– Не могу! Не могу понять, почему я лягушка? Ящер я, а не лягушка!

Мы оттащили Митьку от Гудвина. Я приподнял ящера, посадил его и спросил:

– Ты по-человечески отвечай. Где находятся ученые? То, что они великие, мы это знаем. Отвечай, сукин сын, а то я сам тебя накормлю яблоком.

– За второй деревней. Под холмом. Там есть расщелина. Надо войти в неё, и вы там найдете их. Там они живут в роскоши. Они любят роскошь. Они иногда летают к вашей планете. Я не знаю, что они там делают. Мне про это неизвестно. Но слышал, что они там связаны с очень богатыми вашими людьми через сознание. Я не знаю. Так слышал. У меня всё. Что знал, то и рассказал вам.

– Ну и правильно, – ответил Михаил. – Значит, будешь жить без поноса.

Турас поднял Гудвина. Он даже шатался. Турас что-то с ним сделал такое, что ящер приободрился.

– Мы оставляем тебя в живых. Иди к своим. Но если что-то скажешь про нас, у тебя откроется понос. Я зарядил тебя на это.

Гудвин снова упал на колени, и поднял руки.

– Я хочу остаться с вами. Они догадаются, что я был у вас, меня сразу отправят в рудник.

– Ваши ящеры тоже бывают в рудниках? – спросил Юра. – А я ещё сомневался. Значит, отправляют туда и ящеров.

Виктор продолжал молиться.

– Что будем делать с этим ящером? – спросил Турас. – Как вы его назвали? Гудвин? Я думаю, что он может побыть с нами.

– Я буду с вами, – быстро ответил Гудвин. – Я ведь не стрелял в вас. Я был простым портным. Я шил обувь. Я не воевал.

– Но тебя взяли в плен, когда ты был в лагере с ящерами, – ответил Гале.

– Да. Там взяли. Но я ведь говорил, что нас таких вот ящеров тоже взяли в армию. А в армии я шил одежду, обувь. Но я не стрелял.

– Ты когда-нибудь держал свои трубки в руках, скорее всего в лапах? – спросил я. Он быстро ответил:

– Держал. Нас учили стрелять. Эти трубки изобрели ученые. Я стрелял. Мне сказали, что я хорошо стреляю, и мог бы много убить ваших людей. Но я не стрелял.

– А если бы тебе приказали стрелять по нам, упырь зеленый? – спросил Платон.

– Мы не можем не выполнить приказ. Нас бы тут же расстреляли.

– Всё понятно, – сказал Турас. – Дать ему оружие.

– Как?! – воскликнул Митька. – Он же в нас начнет стрелять!

– Не начнет, – твердо ответил Турас. – Я ему верю. И вы убедитесь, что я прав. Я вижу, что он не лжет. Он будет стрелять. В нем я чувствую ненависть к живодерам.

Один из приближенных Турса вручил Гудвину три трубки. Он с радостью схватил их. А потом спросил:

– Куда мне встать?

– А где стоишь, тут и будет твое место, – ответил Турас.

Место это было между Митькой и мной.

– Вот таперича я и посмотрю, на чо ты сгодишься, – заявил Митька. – Ну, смотри, гаденыш, если чо, то уж я не промахнусь.

– Из-за вон того леса сейчас выйдут едыры, – сообщил Гудвин.

– Откуда знаешь? – спросил я.

– Так они за лесом стояли. Я видел их.

– А что ты сразу не ответил?

– Меня никто не спрашивал.

– Нашелся, тварь чо ответить, – пробурчал Митька.

И тут я увидел едыров. Действительно, они были похожи на танки, но были плоские и круглые. И были похожи на домашние тапочки. Они бежали к нам быстро. Их было десять штук.

Следом за ними бежали ящеры. Теперь они не прятались под образ человека. Это были настоящие ящеры на двух ногах, но без хвоста.

Недалеко от нас один из роботов выстрелил из длинной трубы, и едыр встал.

– Есть один, ядрена корень! – крикнул Платон.

– Смотрите, ещё один встал! – отозвался Виктор. – А я ещё сомневался. Молодцы!

Виктор продолжал молиться. Он ходил по окопу и всех крестил и молился. А вот Петр Петрович поправил знамя, любовно поцеловал его, и стал целиться в ящеров. Тапочки были близко. Ещё встало два механизма. Я не буду их называть танками. Слишком будет много для них чести. Но они уже были почти рядом. Я даже слышал их грозное урчание и скрежет.

И тут я увидел, как из окопов встало пять роботов и смело пошли навстречу тапочкам.

– Куда это они? – громко спросил Митька. – Они с ума спятили. Чичас их они раздавят.

Я понял, что решили совершить роботы. Они бросились под грозные механизмы, и те встали.

– Вот это да! – воскликнул Митька. – Такое я видел только в кино, когда наши солдаты бросались под танки. Вот это роботы!

Один тапочек уже наехал на испанский окоп, как в него выстрелил робот. Больше нет тапочек. А вот ящеры с открытыми и зубастыми пастями бежали на нас. Я не видел, что делал Гудвин, но Митька крикнул:

– Вот дает, наш ящер. Двоих своих собратьев с двух выстрелов уложил!

Гудвин не улыбался. Но на его лице была заметна решимость. Злости в его лице я не видел. Я давно знал, что в бою не должно быть злости. С молодости я побывал в других мирах и в другом времени, и знал, что злость расслабляет человека.

Надо похвалить Гудвина.

– Ты, молодец, товарищ Гудвин.

Он только чуть заметно улыбнулся. Странно было с моей стороны. Я назвал его товарищем. Он теперь наш. Интересно,

что он чувствовал, когда стрелял в своих ящеров. Видимо, много горя они принесли ему.

Я тоже начал стрелять, и ещё двоих уложил. Ящеры надвигались на нас, и один за другим падали. Задние ряды ящеров развернулись и побежали к деревьям.

– Шесть зверей я уложил! – крикнул Митька. А потом посмотрел на Гудвина, и уже тихо сказал, – здорово мы им хвоста накрутили. А ты, этот самый... Гудвин... сколько их намолотил?

– Восемь... зверей наколотил, – ответил он, и по-человечески улыбнулся. Нашим становится. Даже Митька назвал его Гудвином.

Как и должно быть, на наших телах ни одной царапины. А вот испанцев погибло шесть человек. Пятеро раненых. У них есть свой доктор.

– Бежали стервецы, – сказал Федя. – Неужели ещё сунутся?

– Это только начало, – сказал Михаил. – Ведь это последний бастион ящеров. Не уступят. Придется ещё сражаться. Ребята, это настоящая война.

К нам пришел Гале.

– Турас сейчас везде успеваает. Кругом идет война с ящерами. Везде идут кровопролитные бои.

Тут подошел к нам Виктор.

– Я за всех помолился. Извините, но это идет самая настоящая мировая война на этой планете.

– Можно назвать её ещё и отечественной войной. Люди планеты восстали против поработителей, – ответил Юра. – В этом я не сомневаюсь.

Люди всё больше прибывали. Привезли на повозках длинные трубки. Насколько хватало моё зрение, люди копали траншеи.

– Когда мы двигались сюда, вроде столько людей мы не видели, – сказал я. – Откуда их столько?

– Здесь пришло много роботов. Им тоже ящеры надоели со своими к роботам унижениями, – ответил Гале. – Были здесь и местные люди. Но они прятались в лесах и пещерах. Много прибыло наших солдат. Часть людей прилетело с соседней планеты. Они, как и мы, могут исчезать и появляться. Эта планета тоже ящерами завоевана. Но так, как здесь главная точка ящеров, от-

куда они и берутся, то они собрались в одном месте и решили помочь. Захватили два космических корабля, перебили охрану и прилетели сюда.

– Вот это я понимаю! – восхитился Митька. – Так у нас было только в отечественную войну. Молодцы!

– Готовьтесь к очередной атаке, – сказал Гале. – Мне надо пройти по всем окопам.

И вот в небе неожиданно появились гетры. Их было много. И они сразу начали сбрасывать на нас мешочки. Они падали и взрывались. Я видел, как некоторые роботы, а возможно просто солдаты, кто их разберет, начали стрелять. Нам был дан приказ Родригеса лечь в окопе и лежать без движения, потому что мы своими трубочками ничего не сделаем. Под нами дрожала тора, по-нашему, земля. Я даже чувствовал, как воздух становился всё горячее. А ещё я слышал, как с грохотом падали гетры. Так грохотать и взрываться могли только гетры.

Потом наступила тишина.

– Можно встать, – услышал я голос нашего командира Родригеса. Я встал. Кругом стоял едкий дым, и в метрах десяти ничего не было видно.

– Внимательно смотрите в сторону деревни. Ящеры могут напасть в любую минуту, – приказал Родригес.

Глаза разъедало, но я протирал их, и старался смотреть в сторону деревни. Ничего не было видно.

– Я уловлю их по дыханию, – сказал Гудвин. – Пока дыхание не слышу. Сразу сообщу.

Дым не проходил, потому что не было ветра.

– Идут, – сообщил Гудвин.

– Приготовиться к бою, – отдал приказ командир.

И вот из дыма выскочил ящер. И он тут же упал. Кто-то опередил меня. Ящеры появились плечом к плечу. И я стал в них стрелять. Один за другим они падали в наш окоп. Живые ящеры врывались в наши траншеи. И начался рукопашный бой. На меня набросился ящер, Из его пасти выливалась светло зеленая слюна. Мне даже показалось, что в его зеленых глазах горел огонь. Я его стукнул трубкой по темечку, и он свалился. У меня

промелькнула мысль, значит, у них есть ещё одно слабое место. Середина головы.

– Ребята! – закричал я, что есть силы, – у них слабое место, темечек!

Своей трубкой я ещё одного убил ящера.

И вот оставшиеся ящеры опять отступили. Они бежали к деревне.

Неважно выглядели мои друзья. На них, видимо, как и на мне, ключьями висела светло зеленая слюна, грязь, копоть от взрывов.

Всё вокруг выглядело печально. Кругом валялись трупы ящеров и людей. Как я могу назвать кого-то роботами? Теперь все были перемешаны. Кто испанцы, кто солдаты, роботы, местные люди? Много было убитых, разорванных, покалеченных. Много было и живых.

– Ребята, – обратился я к своим друзьям, – мне, кажется, мы заигрались в войнушку. Я не могу представить, сколько нам придется здесь воевать. Но сколько я помню, мы также начинали сражаться с представителями темных сил. На этот раз мы приняли участие в настоящей войне.

– И что ты этим хочешь сказать? – спросил Михаил.

– Мы многое здесь сделали, пора заняться и главным делом.

– Бежать с поля боя? – резко спросил Митька. – Бросить всех и бежать? А что они подумают о нас? Ну, ты, Юрка, дал! Не ожидал от тебя.

– Думай, как хочешь.

Михаил приблизился ко мне и сказал:

– А ведь я думал об этом, только не насмеливался сказать.

– Опа! – воскликнул Платон. – И это наш командир! Тоже бежать собрался?

– Это что же получается? Бежать и бросить всех? Не выйдет, товарищ Стрелов! Не выйдет!

А я продолжил говорить, не смотря на реплики моих друзей.

– Повторяю. Во всех командах мы начинали так же сражаться с темной силой. Но мы прибыли сюда ещё для чего-то. И это нельзя забывать. Мы не должны, а обязаны найти главную ла-

бораторию, или как она у них называется, где всё это делается. Мы должны помочь этому народу сделать то, ради чего мы сюда прибыли. Как и в других мирах, мы тоже помогли людям сражаться, но мы никогда не забывали о своей главной миссии. А здесь в горячке боя, мы забыли о главном нашем предназначении.

Митька, Федя и Платон замолчали. Они с удивлением смотрели на меня. Потом Федя сказал:

– И то, правда, а ведь точно. Ну и речь ты выдал! Как пописанному говорил. Хоть сейчас в лекторы отправляйся.

Тут к нам подошел с флагом в руках Петр Петрович.

– Лектор из него не получится. У него нет высшего образования. А ещё бы он окончил Высшую Партийную Школу, вот тогда, пожалуйста.

– Петр Петрович, здесь не о школе идет разговор, – сказал Михаил. – Нам надо искать логово ученых.

– Я согласен, – быстро ответил лектор. – Я уже говорил. Их закрыть в одной комнате, а я бы им лекцию выдал. Мало одной, можно ещё насмелиться прочитать. У меня для них заготовлено две лекции.

– Тогда они пропали! – засмеялся Митька. – Ты, Юрка, извини меня, чо я тебе не поверил. Думал, чо ты всё спекся. А ты нормалек. Когда пойдём туда?

– Не надо горячку пороть, – ответил Михаил. – Надо обговорить это дело с Родригесом, Гале и Турасом. Чтобы знали, куда нам надо идти. А то, как Митька, посчитают нас за трусов.

Митька фыркнул.

– Не в этом дело. Не трусы вы. Ну, просто я не знал, чо болтать. Просто удивился и всё.

– И я, ядрена корень, тоже вроде удивился. Куда это, мол, мужики натырились? – сказал Платон.

– Вот это я понимаю. Едем туда, куда надо. В нас ещё есть горячка, – сказал Федя.

– Надо доложить этим товарищам о нашем уходе, – продолжил говорить Михаил.

Тут в разговор вмешался Гудвин.

– Я вас послушал. И подумал. Я пойду с вами. Примерно знаю, где та расщелина. А идти надо вдоль леса по левой стороне, откуда вышли, как вы их тапочками назвали, эти тапочки. Там сейчас пока никого нет. Но скоро снова туда придут тапочки и роботы. Надо торопиться проскочить это место.

– Молоток, Гудвин, – похвалил Платон. – Совсем нашим становишься.

– Станешь вашим. Надоели они нам. Совсем нас унизили. Я с вами пойду.

– На том и решили, – ответил Михаил.

Перед нами появился Турас.

– Решили действовать? Правильно. Я хотел вам об этом напомнить, но вы увлеклись войной. Вы своё сделали. Теперь эта война этого народа. Город, в котором вы были, он является столицей ящеров. Там находится сам вождь ящеров. К городу подошли корабли с армией слагеров с южного материка. Идут бои. Одной из армий руководит вам знакомый Сергей. К сожалению Родригес героически погиб. Командовать испанцами будет его заместитель Джовани. С вами пойдет Гале. Он вам хорошо пригодится. А с ним пойдут невидимые вам двое товарищей. А я исчезаю. Я ещё появлюсь. Мне надо быть у слагеров. Надо им кое в чем помочь. У нас тоже там воюет большой отряд наших солдат.

– Знамя-то оставь здесь, – сказал я. – Оно испанцем пригодится.

– Идея, – сказал Петр Петрович, и он побежал по траншее. Через некоторое время он прибежал. Лицо его сияло.

– Испанцы с радостью взяли моё знамя. Сказали, что оно вдохновляет их перед боем.

Мы выбрались из кровавого окопа, и поползли к лесу. Скрылись за деревьями. Из деревни нас не должны видеть. Мы стали продираться сквозь чащу. Впереди нас вел Гудвин. Гале с нами не было, но я знал, что он где-то рядом.

Когда мы выбрались из густого леса, на нас одежда висела лохмотьями. В окопах она была изрядно потрепана, а здесь мы почти не узнали друг друга.

– Да мы всех ящеров своим видом перепугаем, – сказал Юра.
– Сомневаюсь в том, что мы нигде не найдем одежду.

– А на кой ляд она нам нужна? – засмеялся Митька. – Мы в этой одежде сойдем за леших. Мы этих ученых в страх вгоним.

– Сначала надо до них добраться, – ответил Михаил. – Теперь, товарищ Гудвин, показывай путь на логово.

– Там, наверное, как бункер Гитлера, – продолжал смеяться Митька.

– Тебе, извиняюсь, всё смешно, – сказал Виктор. – А ничего нет смешного. У тебя всё шуточки, да хахоньки. А дело серьезное.

– Здесь нас из деревень не увидят, – сказал Федя.

– Слушай, Гудвин, а откуда шли потоком твои собратья. Деревни-то маленькие? – спросил Михаил.

– Между деревнями есть расщелина. Там вход в лабиринт, где и находится армия солдат.

– Так надо было бы солдат накрыть, – сказал Платон.

– Но вы сказали, что надо ученых уничтожить, – ответил Гудвин.

– Гудвин прав, – ответил я. – Прежде всего надо уничтожить логово ученых. Там, возможно и делают разное оружие и военную технику. Там, скорее всего и находится военный завод.

– Мало того, там, скорее всего, и находится лаборатория, где из людей творят роботов и фантомов, – сказал Михаил.

– Я как-то давно там был. Можно заблудиться. Вон под тем холмом полностью находится лабиринт, – сообщил Гудвин.

– А ты чо там делал? – спросил Митька. – Оружие делал?

– Нас поставили на охрану входа в лабиринт. Потом меня убрали. Сказали, чтобы я шил обувь и одежду. Не доверили охрану.

– Ясно, – сказал я. – Туда ставят проверенных ящеров. Да, кстати, а на охране стоят ящеры, или ящеры превращаются в человека?

– Ящеры, – ответил Гудвин. – К ним сложно подобраться. У них зрение и слух намного лучше, чем у вас.

– Как же мы к ним подберемся? – задумчиво спросил Михаил. – Надо все хорошо обдумать.

- Я вам помогу, – сказал Гудвин.
- Как это ты сможешь? Я попробую подойти к ним со своей лекцией, – предложил Петр Петрович. – Я им добрую лекцию прочитаю о дружбе народов.
- Они вас сразу же убьют, – ответил Гудвин. – Им дан приказ, что движется к расщелине, всё уничтожить огнем.
- Жалко, – вздохнул лектор. – А я для них такую лекцию приготовил, даже самому мне она понравилась. Жаль, что вы все не любите лекции. Гудвин, я бы хотел тебе почитать. Нет, нет, тебе не буду. Просто я не подумал.
- А надо думать, – ответил Митька.
- Но, я не хотел...
- И не надо хотеть, – ответил Платон.
- А я решил почитать...
- Не надо решать и читать, – сказал Федя.
- Но, как так можно!
- Можно, Петр Петрович, можно прожить и без ваших лекций, – ответил Михаил.
- Какие вы странные. Вот меня перебиваете, насмехаетесь надо мной. Я ведь не знал...
- А надо знать, – перебил я.
- Да как вы смеете меня перебивать! За моими плечами Высшая Партийная Школа, а вы все...
- За вашими плечами и мы уму разуму наберемся, – ответил Митька. – Глядишь, и мы насобачимся так же болтать, как и вы, Петр Петрович.
- Да что с вами разговаривать! – возмутился лектор. – Ничего вы не понимаете!
- Всё ясно. Ничего мы не понимаем. Дело не в этом. Теперь нам надо хотя бы издалека увидеть охраняемую расщелину, – сказал Михаил.
- Надо обойти тот большой холм, под которым и находится целый город. И там вы увидите чудо, – сказал Гудвин.
- Мы стали обходить холм. Слева паслись бегемоты, местному называемые тарами. Тут же ходили лошади. Их здесь называют гобетоусы. Теперь пастухи не прятались от нас. Они приветствовали нас поднятыми руками. У них так приветству-

ют друг друга. У них нет рукопожатия. Мне тоже это не нравится. Кивнул головой, и достаточно.

Миновали густой лес и поднялись на высокий холм, и поразились увиденному чуду. У подножья горы раскинулся сказочный город. Такой город описать просто невозможно. Дома, что терема, пришедшие сюда из какой-нибудь волшебной сказки. Все они сверкали в солнечных лучах. Конечно, здесь много золота. Возле каждого терема и дворца фруктовые деревья. Дорог здесь нет, потому что нет никакого транспорта. Дорожки желтого цвета. Между деревьями ярко-зеленая трава, и кустарники, конечно с разной ягодой. Я насчитал пять бассейнов, а посредине озеро. На нем курсировали лодки. Под белыми зонтиками сидели люди в ярко-белых костюмах. С ними в лодках находились полуголые девушки, с длинными распущенными волосами. И в бассейнах купались тоже девушки.

Я увидел, как Митька облизнулся, сглотнул слюну, и прошептал:

– Вот это фигуры! Мне бы такую мадам. Ах, вы, смугляночки. Тело так и сверкает на солнце. Вот это живут здесь ученые! Вот что их здесь удержало! Канальи!

– наших бы сюда миллиардеров, – сказал я. – Они бы точно так устроились. Надо же даже наш пенсионный фонд обворовали! Всех их сюда вместе с бабами воровками из министерства обороны. Надо же куда пробрались падлюги! Ребята, а я попрошу наших отправителей, чтобы этих бабенок-воровок хотя бы на время отправили в пещеру, чтобы они катали тачки с грехами, а надсмотрщики стегали бы их кнутами. Я почему-то думаю, что такое произойдет. А потом бы их пустили по соседнему миру нищенками.

– А прежде, чтобы они побывали в кабинете у Сталина. Чтобы он с ними поговорил. И нам там не мешало присутствовать в свидетелях, – сказал Михаил.

– Вот это была бы для них казнь! – засмеялся Митька.

– Насмотрелись? – спросил Михаил. – Тошно мне на всё это смотреть. Гудвин, так, где эта проклятая расщелина?

Тут же проявился Гале. Он улыбнулся, покачал головой и сказал:

– Вы в таком виде заикой сделаете охрану. Но переодеваться пока не надо. Всё потом.

– Видите маленький лес, – сказал Гудвин. – Там, в этом леске и есть расщелина. А среди деревьев охрана. Их отсюда не видно. Я их чувствую.

– Как ты их чувствуешь, Гудвин? – спросил я.

– Когда они пищат, как ящеры, – засмеялся Митька.

– Ничего здесь нет смешного, Митька, – строго ответил Михаил. – Кончай оскорблять Гудвина.

– Я не оскорбляю, я правду говорю. Они ведь пищат, когда говорят, – ответил Митька. Он перестал смеяться.

– Для нас наш голос, когда мы превращаемся в ящеров, слышен за многие километры.

– А что если весь этот подземный город взорвать к чёртовой матери, – предложил Платон.

– Это так, всё так, но хотелось бы собрать в кучу этих ученых подонков, – ответил Михаил. – Хотелось бы с ними откровенно поговорить по душам. Я понимаю, что они снисхождения не достойны. Это ясно. Но хотелось бы поговорить. Что они скажут перед смертью. А казнить их стоит. Они столько бед натворили. Гитлер им в подметки не годится. А потом уж всё разнести к ядрине фени! Да, чтобы по всем планетам, которые захватили ящеры, весть такая разнеслась, чтобы никому повадно не было.

– А что если их разбомбить с воздуха, – предложил Федя.

– Собьют. В этом лесочке много оружия, чтобы сбить гетро, – сказал Гудвин.

– Мы попробуем в своих лохмотьях ползком пробраться к этому лесочку, – предложил я. На этом все и согласились.

– А я, как всегда со своими солдатами стану для них невидимыми, – ответил Гале.

И мы по высокой траве, и минуя кустарники с ягодой, поползли. Теперь мы поняли, что расщелину пытались бомбить гетры. Мы то и дело миновали разорванные детали сбитых гетров. Много их тут валялось. Миновали и трупы пилотов. Живых мы не нашли.

– Слушай, Гудвин, вот мы ползем, а твои собратья, почему не слышат? – прошептал я. – У вас же не только зрение, но и слух во много раз сильнее нашего.

– Юрий, теперь они мне не собратья, да и никогда ими не были. Они другие. Они воинственные. Среди нас есть мирные ящеры. Почему не слышат? Недалеко отсюда пасутся гобетоусы и тары, а ещё ползают гелизы. По-вашему они называются ящерицами. Но, они у нас хищные.

Мы подползли к первым деревьям. Ящеры, а это были уже не люди, а настоящие ящеры. Они были вооружены отменно. Трубки в руках, к поясу подвешены мешочки с взрывчаткой. К стволам поставлены длинные трубки. Ими можно сбивать гетры, да и по пехоте можно нанести большой урон.

– Надо перекрыть им отход в лабиринт, – прошептал Гудвин. – И всех перебить наверху. Если они ворвутся в лабиринт, то они там шум поднимут.

– В лабиринте много ваших... ящеров? – спросил я.

– Там их нет. В городе находятся ученые, роботы, и рабы.

– У роботов тоже слух отменный? – спросил Федя. – Без сомнения у них хороший слух.

– Что вы, конечно, нет. У них слух, как у обыкновенного человека. В этом лабиринте такие роботы, что они никогда не были наверху. Они не воины. Они занимаются сборкой военной техники, и космических кораблей. Это технические роботы. Но их почти не отличить от человека. Отличие есть. Человек может струсить и спрятаться, а роботы ничего и никого не боятся. Их дело трудиться. Они не отдыхают. Работают без отдыха и питания. Их запроваляют энергией от специальных двигателей. А они берут энергию из планеты. Вас ведь тоже можно от них зарядить. Вас уже заряжали в тоннели.

– Ну, Гудвин, всё ты про нас знаешь, – сказал Михаил.

– Знаю. Вы ещё, когда появились на этой планете, нашему вождю всё о вас передали. А мы должны знать о тех мыслящих существах, которые прибывают на планету. Вы быстро узнали наши слабые стороны, а вот наш вождь и его приближенные не узнали ваши слабые стороны. Единственный ваш недостаток,

это падение энергии внутри вас. Когда попадете в город, там подпитаетесь энергией.

– Парни, надо как-то закрыть вход в лабиринт, – сказал Михаил.

В это время перед нами появился Гале.

– Не волнуйтесь. Мы закроем вход. Сюда прибыл отряд наших невидимых солдат с оружием. Они на смерть встанут на защиту этого входа в лабиринт. Всё. Там сейчас стоят тесными рядами наши солдаты-смертники. Ящеры их не видят, но поймут, что они там стоят. Теперь дело за вами, друзья. От вашей расторопности зависит судьба наших солдат. Может кто-нибудь и успеет остаться в живых. Как только вы вступите в бой, наши солдаты откроют огонь по ящерам.

– Ну, что, ребята, – встал Михаил. – Помните, как говорил политрук Клочков, когда защищали Москву от фашистов? «Россия велика, а отступать некуда. Позади Москва». Так и сейчас на далекой планете. Отступать некуда. Позади нас народы, которые страдают от этих мерзавцев ученых и ящеров. Сейчас от нас многое в этом зависит.

– А, вспомнили, наконец-то! – восторженно воскликнул Петр Петрович, и тоже встал. – Это коммунист говорил.

– Потом, всё потом, Петр Петрович. Приготовиться к бою. Стреляй!

– Стреляй по фашистским ящерам! – закричал что есть силы Митька. – Дашь бункер фашистских гадов!

Я выстрелил в ящера, и он тут же упал. Мы шли и стреляли на ходу. За нашими поясами было по несколько трубок. Я почувствовал в бедре острую боль, потом что-то больно толкнуло меня в грудь, и я упал. Я полз, но продолжал стрелять. В горячке я успел подумать, что, возможно, я здесь останусь навсегда. А что будет в моем времени? Там меня не будет. Меня просто потеряют. Конечно, будут искать в тайге, потому что многие знали, что я любил ходить в тайгу. Потом прекратят искать. Пройдет время, и обо мне все забудут. Такова жизнь. И никто знать не будет, что я погиб на чужой планете на краю вселенной.

Я чувствовал, что кто-то тоже полз рядом со мной и кричал. Кричал и отборные слова, какие приходили на ум. Конечно, все

мои друзья кричали. И вдруг наступила тишина. Только где-то в глубине, подо мной, что-то периодически стучало. Потом я понял, что это стучало моё сердце. Значит, я жив. Моё сердце не пробито. Я лежал на траве рядом с огромным стволом дерева. И было странно то, что я не чувствовал боли. Я четко знал, что я чувствовал, как в меня попали в бедро, в грудь, кажется потом в правую руку. Я стрелял также из трубки, зажатой в левой руке.

– Юрка, это ты? – услышал голос Митьки. – Мы живые, или уже тово?

– Мне кажется, что мы не того, – ответил я.

– А может тово? Туда попали? Сам знаешь, куда потом падают? Тихо-то как?

Я пошевелил пальцами ног. Работают. Поднял руку. Нормально.

– Митька, а давай встанем? Чего уж этого? Встаем.

Я стал подниматься. Рядом со мной лежал Петр Петрович. Он дико смотрел на меня. Потом прошептал:

– А вдруг я этого того? Меня же пули изрешетили. Я ведь атеист.

– Петр Петрович, а как вы сюда попали? Атеисты и в это не верили.

– Тогда почему я этого живой, кажется. Такого не может быть в принципе.

– В другом мире, Петр Петрович, всё возможно, – ответил Михаил. Он лежал за деревом. – Отзовитесь, кто ещё живой? Подайте хоть голоса.

– Я и то живой, – подал голос Гудвин.

– А ведь мы победили, ядрена корень! – отозвался Платон.

– Сейчас я не сомневаюсь, что я и вы остались живыми, – ответил Юра.

– Животворящая молитва многое может помочь, – отозвался Виктор.

– Живые мы, братцы, живые, – ответил Федя.

– Ну, слава Богу, все живы, – сказал Михаил. – А теперь надо бы собраться, да встать, и осмотреть поле битвы.

– Вы есть настоящие герои, – услышал я голос Гале. – У входа наших солдат много погелло. Но, мы выстояли, и не пропустили, ни одного ящера в лабиринт.

Я поднялся. Ничего. Вроде вначале была слабость, а потом всё восстановилось. Все мои друзья были на ногах. Я осмотрелся. Страшно смотреть на всё это. Кругом валялись трупы ящеров и солдат. Когда они были живыми, то мы их не видели. Сейчас они лежали у входа. Мы видели окровавленные тела. Жуткая картина. Мы пошли к отверстию, и под ногами хлопала кровь. словно мы шли по луже. Страшно и жутко. Но удивительно было то, что меня не тошнило при виде трупов и крови. Видимо, в другом мире наши организмы были другие, конечно, кроме нашего разума.

В лохмотьях вымазанные в грязи и крови мы выглядели необычно и печально. На нас самих было жутко смотреть.

– Какой-то кошмар! – воскликнул Митька. – Мы все похожи на каких-то непонятных и сказочных чудовищ.

– Неправда, – ответил Гале. – Вы смотрите, как настоящие герои после битвы с монстрами. Сейчас бы хорошего художника сюда. Оставить ваши портреты для истории.

– Сначала надо найти других монстров с человеческими мозгами, – ответил Михаил. – В такой одежде и пойдём, товарищ Гале?

– Я думаю, что лучше этой одежды и не надо, – ответил Гале.

– Тогда в путь. Оружие наизготовку. Вдруг роботы нападут на нас.

– Эти роботы сделаны для работы, – ответил Гудвин. – А то, что они могут воевать, про это я точно не знаю. Конечно, надо будет готовым ко всему.

Мы стали спускаться по тоннелю. Он ярко освещался.

Тоннель закончился неожиданно. И перед нами возник не большой город. Конечно, городом его не назовешь. Мы вошли в огромный заводской цех. Здесь делали тапочки и летающие аппараты. Возле крайнего тапочка возилось несколько человек.

– Это роботы, – сказал Гудвин. Роботы замерли, и стали смотреть на нас. От других аппаратов пришли посмотреть на чудаков в странной одежде и другие роботы. Все они были одеты

в одинаковые зеленого цвета комбинезоны. Когда-то в таких комбинезонах ходили механизаторы. У меня, когда я работал на экскаваторе, точно был такой же комбинезон. Но они у нас были черные.

Роботы смотрели на нас с любопытством.

– Что высторожились, зеленые лягушки? – спросил Митька. Мы прошли мимо их. Они не остановили нас. Потом мы оглянулись. Они продолжали работать.

– Вот это труженики! – воскликнул Платон. – Если бы у нас все такими честными тружениками были, мы бы, Петр Петрович, давно к коммунизму пришли. Прошу, только не надо лекций.

– Ну и не надо. А пришли бы, – ответил он. – Только у нас за миллиардами потянулись, да миллионами, от этого никуда и не придем.

– Давайте не будем о политике, – сказал Михаил. – Нам надо осмотреться, и найти ученых упырей. Вот это наша главная задача, ради которой мы сюда и прибыли.

Мы ходили по цехам. Кругом кипела работа. Трудились только роботы.

– Интересно, а где упыри? – спросил Митька. – Может, роботяги знают. Я с ними чичас по-рабочему толковище открою.

Он подошел к одному роботу. Он возился над колесом для тапочка. Он был почти готов на выход.

Митька похлопал робота по плечу, тот оглянулся. Их не отличить от людей.

Робот пожал плечами, и поднял руки.

– Не надо мне сдаваться, – сказал Митька. – Опустит свои мозолистые, рабочие руки. Скажи мне, друже, где ваши ученые мерзавцы. Извиняй меня, упыри и каналби? Это они вас сделали такими тружениками, а сами с девками гуляют и жируют. Так?

– Да опусти ты руки, дурень стоеросовая? – сказал Платон, и взял робота за руки и опустил их. – Говори нам, друже, где эти поноскики?

– Они вас не понимают, – сказал Гудвин.

– А на каком языке с ними толковать-то? – спросил Федя.

– Я, конечно, извиняюсь, но какой они веры, эти роботы? – спросил Виктор.

– Ну, ты, Виктор, даешь, – сказал я. – О какой вере ты с ними будешь разговаривать? Они ведь роботы.

– Пойдемте дальше, – сказал Михаил. – Вон течет небольшая речка. Там сидит рыбак. Он, наверное, роботов снабжает рыбой.

Мы подошли к рыбаку. Крепкий, широкоплечий парень с длинными волосами под цвет отработанной соломы. В ведре плескалось несколько крупных рыбин.

– Вот это робот, я понимаю робот. Хорошо пристроился. Все вкалывают, а он сукин сын на бережечке рыбку ловит.

Рыбак мельком взглянул на Митьку. В его глазах я увидел осмысленный взгляд. Таких глаз я у роботов не видел. В них я увидел радость, удивление, и что-то вроде злости. Он даже скривился. Роботы, как я заметил, не кривятся.

– Молодец рыбак, – сказал Платон. – Все вкалывают, а он ты смотри, змей как пристроился.

Митька хлопнул рыбака по плечу.

– Слушай ты, зеленая лягушка, злыдень подземного царства, – сказал Митька. – Может, ты знаешь, где находятся ученые упыри. Тебя культурно спрашивают. Ишь пристроился лодыряка стоеросовая! Отвечай!

Парень встал, расправил плечи, оглядел нас, и на чистом русском языке ответил:

– Откуда вы такие черви земные выползли? Да я тебя рыжик осенний, одним ударом успокою. Какой я вам злыдень и лодырь? Какой? Я цельными днями здесь рыбу для тех упырей ловлю. Я уж думал всё! Никада здесь не появятся наши. А они вот, нарисовались, язвы вас! А ещё и обзывать. Как давно я русского мата не слышал. А ну, ребятки, обматерите меня, как следует, черти полосатые! Хотя вы все вот таки, дайте я вас обниму.

Он стал нас обнимать, и я увидел, как из его больших глаз текли слезы. А мы были, как говорится в шоке. Все замолчали. А у Митьки с Платоном и рты раскрылись. Федя только руками развел. Такой встречи, да ещё в таком месте, мы не ожидали.

– Каналья, как же я мечтал вот встретиться с настоящим человеком, – бормотал парень. – А чтобы не забыть родной язык, сам с собой разговаривал, с рыбой вел беседы. С роботами разговаривал. Эти роботы парни славные, мирные. Настоящие ребята.

– А как же ты сюда угодил? – наконец-то спросил Михаил.

– Долгая история. Да и вспоминать не хочется. А как вы сюда попали?

– Тоже долгая история, – ответил я.

– Давно вы в рабство попали? – спросил парень.

– Какое тебе рабство?! – чуть не крикнул Платон. – И ты ничего ещё не знаешь. Там наверху идет настоящая война. А мы прибыли сюда, чтобы освободить из рабства людей, а теперь вот и тебя.

Он почесал в косматом затылке, и ответил:

– Хотя я русских не видел, и соскучился по вам, но я как-то привык уже здесь.

– Как понять? – спросил я.

– Понять? Долго рассказывать. Потом о своей судьбе расскажу. А так я здесь нормально пристроился. Рыбачу вот. Живу отменно. У меня здесь три жены, дети уже от них есть.

– Как три жены? – спросил Платон. – Но ты ведь русский, православный. Ты ведь не мусульманин.

– Не мусульманин. А так получилось. Я ведь в нашем мире был при нормальной должности. Я был на вокзальном базаре в Новосибирске базарным старостой.

– Опа! – воскликнул Платон. – Так ты базарником был? А вышибалой в ресторане не был?

– Откуда знаешь? Был вышибалой.

– Слушай, парень, но базарчика на вокзале в Новосибирске нет, там киоски разные, бутики есть, а базара нет, – ответил Михаил.

– Как нет? Когда я там был старостой! – возмутился парень. – Да могли бы любого спросить Кузьку Темнилова. Там меня каждая собака знает.

– Ну и фамилия у тебя, – засмеялся Митька. – И там темнил, и здесь пристроился темнить.

– А что здесь такова? Физически работать мне не нравилось. А базарным старостой выбрали меня за мои крепкие кулаки. Не голодал. Всё у меня было. И здесь вот хорошо пристроился. Лучше не надо бы.

– Когда ты там был в Новосибирске? – спросил я.

– Как когда? Этово, как ево, было в тридцать восьмом году, когда я со старосты перешел в ресторан вышибалой. Здесь всегда был при деньгах.

– А ты хоть знаешь, какой сейчас год в нашем мире?

– Держись Кузька Темнилов, не упади, – продолжал смеяться Митька. – Надо же, Темнилов. Всю жизнь темнишь. Новый век разменяли.

Кузька недоверчиво улыбнулся и ответил:

– Я сам люблю пошутить, но здесь не надо бы со мной шутить.

– Это, правда, – серьезно ответил Михаил. Мы все смотрели на него. Он медленно перестал улыбаться.

– Это чо такое? Значит, там меня уже никто не помнит? Как же так? А почему я такой молодой здесь? Нет, вы шутите? Хотя какие могут быть шутки? Я здесь такого навидался, чо можно и поверить. Как же так? Меня там все уже забыли. А ведь меня Кузьку Темнилова многие знали. Уважали меня и боялись. Как же так? А если я туда вернусь? Кому я там нужен буду?

Он сел прямо на траву, и взялся за голову. Начал качаться, и что-то бормотать.

– Кузька, значит, Кузьма, – сказал Михаил. – Потом будем вместе с тобой переживать и стонать, ты там давай показывай, где находятся ученые-упыри? Потом всё нам расскажешь, а мы тебе. Давай, не раскисай, показывай дорогу к вурдалакам.

Кузька медленно поднялся. В этот момент мне стало его жалко. Он согнулся, как-то весь обмяк, лицо, будто посерело, сильные руки дрожали.

– Ладно, чо уж. Идемте. Там я внутрь не входил. Меня не пускают охранники. Передам им рыбу, и снова иду рыбачить. Ихние зверюги гырзы, позлее наших сторожевых собак на зоне.

– Гырзы там? – спросил я. – Это плохо.

– Они меня знают. Не кусают меня. Там придумаем, как и что.

Кузька взял ведро с рыбой, и повел нас вдоль бурной речки.

Шли мы долго. Наконец пришли к высокому забору, окутанному колючей проволокой.

– Настоящая зона, – сказал Юра. – Правда, в наших лагерях ограждения идут поверху забора, а здесь окутано всё пространство. Что-то я сомневаюсь, что мы проникнем внутрь.

– Я, конечно, извиняюсь, но вы, товарищ этот самый, как его, того, Кузьма Темнилов, вы ведь православный, как вы могли трех жен взять в жены?

– Виктор, сейчас не до его жен, – сказал Михаил. – Нам надо проникнуть внутрь. Потом с женами будем разбираться.

– Вот за этим поворотом забора, есть единственные ворота. Там и стоят охранники, и есть гырзы. Они уже встревожены. Они вас чувствуют.

Мы подошли к самому углу забора. Из-за угла мы увидели, прежде всего, рвущихся с цепей в нашу сторону хищников. Восемь охранников вооруженные трубками шли в нашу сторону.

– Кузьма, ты отойди в сторону. Теперь это наша работа.

– А я и не пойду вперед. Мне это не нужно. У меня семья. Жены и восемь от них детей.

– Ну, ты даешь стране угля! – воскликнул Митька.

– Тихо, – прошептал Михаил. – Вечно удивляешься. В этом мире пора бы уж успокоиться. Привыкнуть. А ты всё удивляешься.

– А уж такой я удивленный, – прошептал Митька. Кузька отошел от нас и лег в траву, чтобы его не было видно.

– Приготовиться к бою, – приказал Михаил. – Выходим одновременно, и сразу же стреляем. Прежде всего, надо уложить роботов. Собак потом. Они на цепи. Выходим!

Мы вышли навстречу охранникам, и сразу же начали стрелять. Все восемь роботов упали. Гырзы рвались с цепи. Мы и их умертвили. Если кто читал мои рукописи, книги, наверное, заметили, что я никого не убивал. В разных стычках в других мирах я бывал. А здесь пришлось убивать. И это понятно. Эгих выродков нельзя оставлять в живых.

Мы миновали трупы роботов, собак, и вошли в короткую тоннель. А вот и лабиринт. Даже не знаю, как его назвать. Огромный ярко освещенный зал. Он переполнен столами, какими-то приборами, проводами, трубками. Среди столов ходили люди в зеленых халатах. В нашем мире все ученые в лабораториях одеты в белые одежды, а здесь в зеленые халаты. Двое ученых, что были почти рядом с нами, посмотрели на нас, и я увидел в глазах ужас. Они открыли рты и, как застывшие манекены, смотрели на нас.

– Ну, чо раззявили свои поганые пасти? – крикнул Митька – Культурных людей не видели? Может, вы тоже антилигенов из себя корчите? Так побазарим о ваших пакостях культурно и вежливо, каналы подземные.

– Пусть с ними потолкуют настоящие культурные и образованные товарищи, как Михаил и Виктор со своими молитвами, – предложил Федя.

– А вы меня к кому причисляете? – спросил Петр Петрович. – Я ведь тоже культурный, интеллигентный человек. У меня за плечами Высшая...

– Петр Петрович, – тронул его за плечо Михаил. – Вы тоже культурный человек. Но ваша очередь с ними потом подойдет. И вы знаете. Замкнутое пространство. Забыли? Напомню.

– Не надо, – ответил лектор, и с удовольствием потер руки. – Я этим безбожникам устрою такое, что они забудут даже свои имена.

– Слушайте, вы, изуверы рода человеческого, где вся ваша кодла? – спросил Митька.

Один человек закрыл рот, а потом сказал:

– Вы русские?! Как вы сюда попали? Как вы посмели сюда проникнуть? Сидели бы на своей планете, так нет же, вам всё подавай.

– Так ты ещё заученный и переученный мозгляк ещё и нашему болтаешь? – удивился Платон.

– А как же! Мы всё знаем про вашу планету. Ничего, скоро мы вас прижмем, – ответил второй ученый.

– Это ты нас прижмешь, тварь болотная, ящерица поганая, ещё и возникаешь!?! – крикнул Федя.

– Вы, безграмотные олухи, думаете, если кричите и материтесь, так мы превратимся в песок или умрем? Дудки, как вы все выражаетесь! Мы тоже, как и вы, научились кричать, материться и говорить непонятные слова.

– Всё, хватит, товарищи и господа озорничать, – поднял руки Михаил. – Где ваши все ученые? Мы просто можем культурно побеседовать. Можем обсудить сложившуюся обстановку в пользу вашей и нашей стороны. А то, что наши товарищи так выступили, то их тоже можно понять. Как видите по нашей форме, мы столкнулись на поле боя. Просто мы не поняли друг друга. А вот с вами могли бы мы отладить контакт. И вы извините наших нетерпеливых товарищей. Такие вот характеры. Вы тоже не из вежливости ответили им. Мы хотели с вами мирно побеседовать.

– Мама дорогая! – воскликнул Платон. – С кем собрались вести базар? С этими зеленопузыми ящерами?

– Можем ответить нетерпеливым вашим товарищам. Мы не ящеры. Мы такие же люди, как и вы. Мы относимся к высшей расе людей. Но, это отдельный разговор. Мы могли бы вести переговоры с вами, товарищ Михаил Иванович Бутаков.

– Клянусь лаптем своей прабабушки, откуда знаешь его? – воскликнул Платон.

– А я клянусь разорванной камерой, брошенной в кювет за ненужностью! – ответил Федя.

– Мы многое, что можем знать, нечета вам, – ответил ученый.

– Ведите нас к вашим господам высшей расы, – поклонился Михаил.

– А мы вот оба тоже господа высшей расы, – сказал один.

– Ладно, хватит кочевряжиться, – сказал Юра, – А то начинает меня брать глубокое сомнение, что вы высшая раса.

– О, сомневающийся во всем Юрий Вычегжанин проявил нетерпение. Бродяга с многолетним стажем. Это мы должны сомневаться насчет всех вас. Никакие вы не господа. Вы обыкновенные бродячие товарищи, почти нищие. Не можем понять, зачем вас в такую даль отправили? Боломутить народ? Вредить всем тем, кто умеет жить? Ещё обижаются на миллиардеров! Да

все они умеют работать на себя. Жить в хорошем достатке, стремиться к роскоши и богатству. Разве можно на них обижаться? Не понимаем, о чем мы можем с вами, беднотой, вести переговоры?

Он замолчал, и стал через какую-то трубку смотреть на колесо от танка. Другой господин что-то говорил ему.

– Слушай ты, свинячий огрызок от собачьего хвоста, – прохрипел Митька. – Если с тобой разговаривают культурные антилигены, как наш Михаил, то встань, как положено антилигену. Не то я быстро вышибу из тебя спесь сраного господина.

– Подожди, подожди, Дмитрий, – остановил его Михаил. – Ты видишь, люди заняты? Не надо им мешать. Просто они не желают с нами поговорить. Это говорит о чем? Эти люди весьма далеки от культуры. От постоянной работы они научились хамить тем людям, которые пришли к ним в гости.

Оба человека повернулись к нам. Один из них, видимо, старший, сказал:

– Ладно, что с вас взять. В гости, так в гости. Проходите. Сейчас мы поведем вас в наш главный штаб. Как раз там мы все собираемся на совещание, насчет того, что с вами со всеми делать? Во время пришли. Будем с вами вести переговоры, чтобы вы убирались скорее домой. А с остальными мы здесь разберемся.

Они пошли между тапачками, какими-то деталями к широкой двери в стене. Она сама раскрылась перед ними. Короткая тоннель, и мы вошли в роскошный зал, сияющий желтизной и разноцветными камнями. Такой красоты я никогда не видел, разве только в кино. Посредине бассейн, на лавках из золота сидели, лежали полуголые люди. Некоторые купались. Двое господ стояли у стены. На ней был отпечатан непонятный мне чертеж. Они что-то на нем отмечали длинной палочкой, оставляя разного размера линии, цифры и неведомые мне каракули в виде букв.

Все посмотрели на нас. Один из них лежал, а тут сел. Сказал на чистом русском языке:

– Зачем сюда принесли такую вонь? Можно было этих гостей приодеть хотя бы в халаты.

– Как я понял, они пожелали не переодеваться, – сказал один из ученых, который привел нас.

Другой сказал:

– Они пожелали присутствовать при совете избранных.

– Ну что же, пусть присутствуют. Только вонь от них отгоните.

Появился легкий и нежный ветерок. Он принес запах нежных трав, и ещё чего-то приятного и нежного. Наверное, какие-то дорогие духи.

– Пусть только нам не мешают. Садитесь, земляне прямо на пол. Молитесь вашему Богу, что ещё мы вас приняли. И пол наш для вас будет приятным приемом.

– Извините, господа, – обратился к ним Виктор. – Как вы так посмели говорить о нашем Боге. Бог для всех един.

Человек быстро встал.

– Как он посмел меня перебить? Какой-то нищий, бродяга, посмел подать голос? Этот червь и жить-то не должен, а он вдруг здесь образовался? Как можно такого червя отправлять на дело? Как я посмотрю, все они не только черви, но и зловредные бактерии. Убрать этих тварей! Куда убрать, спрашиваешь? Туда, куда знаешь, мы отправляем вот таких тварей безмозглых на воспитание.

Тут я понял, что они не только успевали разговаривать с нами, но и переговаривались с собой. Только непонятно как? Конечно мыслями.

Тут вошло четверо здоровых парня, с головами в собственные кулаки.

Один из них взял Юру за воротник, чтобы приподнять, но воротник у куртки оторвался.

Платон подошел к парню и нанес ему удар в челюсть, и он отлетел на метров пять, и затих.

– Сука, безмозглая, моего друга трогать? Да я вас крыс подвальных одной рукой передую! – закричал Платон.

Я увидел, как вытянулось холеное лицо главаря окультуренной банды. Вот этого они не ожидали.

Федя подошел к другому парню, и тоже успел того опередить с ударом. И парень тоже свалился. Мы все встали в боевую стойку.

Лишь Виктор читал молитву, и постоянно крестился. Я успел расслышать его слова:

– Как так можно? Полное неверие в Бога нашего. Как так можно? Ведь здесь находятся великие грешники и безбожники. Помогите, Господи, помогите. Что нам делать?

Петр Петрович шептал:

– Ну, подождите вы у меня, подождите. Я вам такое устрою, что ваши мозги вспузырятся и закипят. Я вам такое устрою. Подождите. В замкнутом пространстве я вам устрою прочистку мозгов.

Платон и Федя и остальных двух уложили. Митька только успевал пинать здоровяков.

– А теперь, господа ученые, просим на совет, – предложил Михаил. – Как видите, с нами нельзя вести себя плохо. Будет вава. Шибко больно будет. Мы люди с планеты Земля, грубые и бесцеремонные. Чуть что, в морду даем. Чуть что не так, по харе лупим, а ещё что не так, можно и розгами или кнутом по спине и заднице получить. В этом деле у нас есть мастер кнута. Так давайте без всяких церемоний вести переговоры в вашем бункере. Сами понимаете, что наверху мы кучу ваших отбросов положили. И вы уже прекрасно понимаете, что народ этой несчастной планеты восстал против ваших придурочных ящеров, и против вас. Могут и до вас добраться.

– И нечего пузыриться, – сказал я. – Давайте лучше хорошему вести переговоры. Не то мы здесь такой шмон устроим, что даже ваши мирные роботы вздрогнут.

Главный продолжал стоять, но в его лице я заметил растерянность. Потом он сказал:

– Роботы, есть роботы. Они мирные, пока работают. Но мы запустили во всех их микрочипы от энергии. Они уже в них. А роботов в этом лабиринте сто пятьдесят единиц. И вскоре они превратятся в настоящих зверей. Тяжко вам будет. Но мы можем отключить подпитывающую энергию на эти микрочипы. И они опять будут мирными роботами.

– Так это вы здесь творите эти микрочипы? – спросил Петр Петрович. – А потом ваши сподвижники, эти улыбки вводят в наших людей?

– Здесь. Мы есть великие изобретатели. Мы есть великие ученые, каких нет на вашей планете.

– Быть замкнутому пространству, быть. У меня пока всё. Ну, мы ещё досыта наговоримся.

– Ну, так как, господа ученые? Будем вести беседу, или начнем воевать с вашими роботами?

– Мы ведь ваших роботов не боимся, – сказал я. – И вы это уже прекрасно знаете. Давайте, не будем пузыриться. А начнем беседовать. Как вы, господа ученые, достукались до такого безобразия, что замахнулись на захват многих планет? Мы не возьмем в толк. Зачем вам это? Ну, достигли определенного богатства, и успокоились? Зачем вам ещё и ещё? Смысл в чем? Вот нас что интересует. Смысл расширения богатства. Если это болезнь? То вас лечить надо? В чем ваш смысл? В чем? Вот и поговорим, чтобы вы нам, придуркам, объяснили секрет этого смысла. Вы поняли нас? Давайте сядем и поговорим по-человечески.

– Смысл? – спросил главный. – Я понимаю. Ваши миллиардеры тоже хватают больше и больше. И нет им конца. Вот вы и задаете это вопрос нам, как если бы вы задали его вашим миллиардером. Такова человеческая натура. Жить, как можно дольше, а вокруг себя богатство. Вот и весь смысл. Человек в этом деле ненасытен. И вот здесь и рождается три главных правила. Война, деньги, наслаждения. Вот и весь смысл. И чего вам ещё надо?

– Откуда вы хорошо говорите на нашем языке? – спросил Петр Петрович. – Как много вы знаете, этого, как его, ну, разных сложных слов, если бы мы их этого, того, применили?

– В вашем языке много непонятного, – ответил один из господ.

– Это у нас господин, который знает множество языков с разных планет, – ответил главный. – Вот он нам многие языки преподает. А потом, мы давно научились считывать мысли людей. Если кто замышляет против нас, то мы знаем. Вот и весь секрет.

– Значит, много слов и выражений вы не знаете. Это хорошо.

И вдруг главный будто насторожился. Он мысленно стал переговариваться со своими приближенными. Я заметил, что они зашевелились. Что-то их встревожило. Кто лежал, сидел, все встали.

– Ну, и что вас так встревожило? – спросил Михаил. – Убивать мы вас не собираемся. А вот замкнутое пространство вам не мешало бы испытать. На это у нас есть мастер наивысшей категории. Он не зря окончил Высшую Партийную Школу. Так, что случилось?

– Кто с вами прибыл сюда? – спросил главный.

– Опа! – воскликнул Платон. – Как вы не знаете? Вы ведь в наших мозгах ковыряетесь. Вот и догадайтесь с одного раза.

И тут в моей голове раздался голос Турса:

– Мы заблокировали вход их мыслей в ваш разум. Ничего они больше не узнают о вас. Действуйте. Вы теперь настоящие судьи над ними. Мы вмешиваться не будем. Война по всей планете идет с нашим перевесом. Через тоннель, где вы находитесь, прекратилась подача военной техники.

Ученые, видимо, уловили сигналы бедствия. Они явно были встревожены.

– Ладно, господа ученые, пусть там без нас разберутся. Нам сейчас здесь надо совет с вами держать, – сказал Михаил. – Как я понял, вначале вы нам ставили шпильки, а теперь мы вам будем ставить условия. Где вы собираетесь на совет? Прошу пройти туда. Переодеться мы успеем. Да нас это и не волнует. Все из нас такое прошли, что вам и не снилось. Так что одежда нас не волнует. Пройдемте. Не стесняйтесь.

Куда только их гордыня девалась? Они покорно пошли за своим главным ученым.

В стене раскрылась дверь, и мы вошли в помещение без окон. И здесь всё в золоте. Были столы, кресла, и всего одна дверь.

Петр Петрович тихо нам сообщил:

– Ну, вот, и замкнутое пространство. Это хорошо. В самый раз мне стоит здесь поработать от души.

Все ученые заняли места в креслах. Мы же остались стоять. Все места были заняты. Мы люди терпеливые. Постоим.

– У меня к вам много вопросов. Я их сразу задам. У вас головы умные, ничего поймете. А если ещё у нас будут вопросы, мы их вам зададим, – сказал Михаил. – Надо отвечать честно и по существу. Кто вы такие, и почему вы так настроены агрессивно? И люди ли вы, или тоже какие-то животные? И теперь, как вы могли из ящеров сделать таких мыслящих уродов? Изобрели летательные аппараты для полетов в космосе по каналам. Это ещё ничего. Изобрели микрочипы, и внедряете в головы людей. Из людей сделали фантомов, рабов. Воруете людей, ну, например, с нашей планеты. Научились строить почти реальные деревни, и они могут тут же исчезнуть. Ведь всё можно было делать, изобретать ради блага человека! А вы что делаете? Всё против человека. У вас человек стал для вас рабом, а какие-то животные стали вашими друзьями. Смысл? Где во всём этом смысл? Ради чего всё вы творите, великие злыдни рода человеческого? Вот над вами бы и надо было устроить политический и уголовный процесс на нашей планете. Это был бы суд тысячелетия. Отвечайте по порядку. Начинаем. Прошу.

Ученые, а их было здесь человек тридцать, стали совещаться.

– Все здесь? – спросил я.

– Здесь все собираются на совещание, – ответил главный ученый.

– Смотрите, если кто умыкнет, того живого не ждите. Его на месте пришьют без всякого суда и следствия, – сказал Михаил.

– Все здесь, – твердо ответил главный ученый.

А я подумал. Надо же, какая-то кучка мерзавцев захватила планету. Как такое могло быть? И тут вспомнил таких личностей, как Наполеон и Гитлер. Эти люди взбудоражили почти всю планету. А учение Гитлера до сих пор многих волнует. Даже продолжают изображать свастику. А здесь тридцать человек. И пора уж мне не удивляться.

-- Слушай ты, главнюк, мать тебя за ногу, отвечай, когда тебя культурно просят! – рявкнул Митька. Надо же, Митька дал кличку главному ученому. – Все вы здесь главнюки.

Главнюк при окрике нашего друга приподнялся, и снова сел.

– Но я не главнюк. Моё имя От.

– Отлично, – ответил Платон. – Прекрасно, ядрена корень. Хорошо звучит так. Привет от главнюка. И не спорь с нами. А то мы тебе покажем от землян вам в дышло. Отвечай, каналья!

– Слушай злыдень от зеленых червей, отвечай по существу! – сказал Федя.

– Но вы не даете мне слово сказать, а стали обзывать. Я всё-таки здесь главный ученый на этой планете. По-вашему министр...

– Министр постных шей, – перебил Митька. – Давай валяй, чо ты там нагресил со своей бандой из тридцати подонков. Валяй. Хватит антимионию разводить.

– Давайте, граждане ученые, не стесняйтесь и не скромничайте, – сказал я. – Будем вас внимательно слушать.

И вот этот главнюк по имени От начал говорить. Он так говорил, что он чуть ли не святой гений.

Родина этих подонков эта планета Тор на самом краю вселенной. Как и у нас были великие ученые. Так же, как и у нас были древние люди. На эту планету прилетали какие-то космические пришельцы на больших кораблях. Пытались хоть чему-то научить дикарей. Что-то удалось, а что-то нет. Потом улетели, и больше не возвращались, но память о них переходила от одного поколения к другому. Всякое было в истории этих людей. Научились сеять зерно, выращивать овощи. Всё, как у нас. Были и войны, и грабежи, убийства. Появились границы.

– Вы нам свою историю, как у нас не рассказывайте, – перебил Михаил. – Наши предки всё такое испытали. Как вы-то вот такие уроды появились?

– Мы не уроды. Мы есть великие ученые. Постепенно появилась наука...

Так получилось, что на планете быстро стал расти технический прогресс. А в этом помогли пришельцы. Они снова появились на планете. Постепенно выявили толковых людей. Стали им помогать ускоренно, развиваться. Именно они первыми стали внедрять в детей микрочипы.

– Но они внедряли в детей, чтобы они несли добро людям, чтобы люди на планете не были рабами и нищими? – перебил я. – И чтобы новое поколение детей, которые стали бы новой

расой, высокоразвитой и доброжелательной к другим людям, менее слабым в развитии? Так?

– В общем-то, так. Эти пришельцы были слишком, как у вас говорят, сентиментальные, – ответил главнюк От. – Были у нас и бедные. Они всячески помогали им развиваться. Пришельцы с планеты Уммо говорили, что из самого отсталого разума, можно сотворить нормального человека. Наши великие ученые в это не верили. Отсталый умом человек и которому противопоказана учеба, не может быть умным и нормальным человеком.

– По-твоему, упырь недорезанный, я ненормальный человек? – спросил Митька. – Если от вашей арифметики меня тошнит и может образоваться понос, так я не нормальный? А если у меня на арифметику аллергия, мать её за ногу! Я не нормальный? Да я тебя выродок от гырзы, вмиг так устрою, что своё имя забудешь, тварь полоумная. А ещё из себя ученого корчит. Ты есть вепрь и гнида. А гниду надо давить.

Сказал это Митька, и двинул в сторону главнюка Ота. Мы с Юрой перехватили нашего друга. А Петр Петрович встал перед ним, и прошептал:

– Потерпи, друг. Я им в этом замкнутом пространстве потом лекции свои читать стану.

– Лекции? – спросил Митька, и неожиданно стал успокаиваться. – Вот это правильно. Но зачем, же так меня обзывать? Я ведь иногда газеты почитываю. Правда, книги не люблю читать. Сильно много написано там. Засыпаю на первой странице.

– Продолжайте говорить, господин От, – сказал Михаил.

– Они не хотели, чтобы мы всё выкачивали из планеты. Это опасно. Ведь потом, чем-то надо заполнять пустоты. Природа планеты не простит человеку за такие издевательства над природой. А ещё они сказали, что золото нас совсем испортит. Ещё они наших ученых предупреждали, что не надо увлекаться делать роботов. Они говорили, что на какой-то планете такие роботы восстали против человека. Они не хотели, чтобы наши ученые делали эксперименты на избранных животных в виде ящеров. Они в те времена отличались от других животных большой сообразительностью. Но ученые не послушали пришельцев. И прогнали их с планеты. Улетая на свою планету Уммо, они

сказали, что наши люди готовят себе погибель. И больше они никогда не прилетали на эту планету.

– Поделом вам, – тихо сказал Михаил. – Что было дальше, я примерно догадываюсь. А как вы добились бессмертия? У нас тоже некоторые ученые работают над этим.

– Доработают, как и на этой планете, – ответил я.

– Я вроде сомневался, а теперь всё представил, и ужаснулся, – сказал Юра.

– Я, конечно, извиняюсь, но без Бога вы пришли к краху, как вид, – сказал Виктор. – Без веры нельзя жить. А у вас вера в войну, в золото и в наслаждения. Вот и результат. Неужели вы этого не понимали?

– А разве ваши миллиардеры, что качают без меры нефть, газ и золото, не такие, как мы? Ведь они тоже ведут вашу планету к возмущению.

– Над ними тоже будет этого, как его, суд, – ответил Петр Петрович. – Мне бы тоже хотелось с нашими грешниками миллиардерами поговорить в замкнутом пространстве. Наказание для них будет неотвратимым. Я тогда для всех их буду судьей и прокурором. Это моя главная мечта. У вас ведь тоже была мечта по захвату других планет. А почему у меня не должна быть мечта. Она у меня скромная. Судить прохвостов.

– Давайте к делу, – сказал я. – Как вы так оплошали с этими животными, что они так расплозились по планетам. Говорите без утайки, господин От.

– Несколько веков назад ученые создали совет планеты только для ученых мужей. Выбрали главного ученого под именем Гика. Он оказался не чище вашего Гитлера. Чтобы мы его избрали, он обещал многое. Снизить для ученых налоги, для каждого ученого построить великолепные виллы. И чтобы брали золота столько, сколько каждому потребуется для обработки своих имений.

Такое у нас было при царствовании Ельцина. Когда он говорил, чтобы богатые ещё больше богатели. Мол, наворуют, и успокоятся. Берите этот суверенитет столько, сколько вам не жалко. Многие у нас про это почему-то забыли. А может специально забыли. Начальство устроило себе такие оклады, что

даже на миг испугались. Потом ничего, привыкли. Был у меня один знакомый начальник участка. Он сказал мне, что раньше, до призыва Ельцина воровать у государства без всякого стыда и совести, все рабочие знали оклад этого начальника, то теперь он начал этот оклад скрывать. Ему вдруг стало стыдно за оклад в несколько раз больше, чем был. А многие ничего, не стыдились. Например, начальник комбината лично для себя увеличил оклад в сто раз. И ничего. Не стыдно ему. За ними и наши избранные депутаты обнаглели. Тоже повысили для себя оклады. Глашатаи о справедливости и честности коммунисты в нашей государственной думе тоже не постеснялись, не покраснели от стыда, когда им повысили оклады в несколько раз. Министры наши, президенты такие устроили для себя оклады, что диву даешься, а ведь не покраснеют. Перед народом выступают, чуть ли бьют себя в грудь, коррупцию долбят. А как воровали миллиарды во всех сферах, так и воруют. Народ ведь видит, что творится в стране. Украл мужик три мешка картошки – срок два года. Миллиарды рублей украли две дамы в министерстве обороны – посадили под домашний арест. И это произошло в 2012 году. Чтобы знали, когда это было. А то ведь некоторые скажут, опять Стрелов наврал. Странно, не правда ли? Чем больше у нас человек украл, тем меньше срок, или домашний арест, или отпускают с миллиардами за границу, как это происходит со многими государственными ворами. Мне жалко, что совсем перевелись настоящие воры в законе, которые могли бы успокоить этих миллиардеров. Мне, кажется, что по жадности и воровству наших прохиндеев не отличить от вот этих прохиндеев. Появись в нашем мире такие вот ученые, и наши прохиндеи замахнулись бы на другие планеты. И в обратном меня никто не убедит.

Ученые планеты Тор стали экспериментировать на более сообразительных ящерах. И вот правителю, и вождю Гику пришла дикая идея. Научить ящеров быть более разумными. Ученые взяли ген человека у более отсталых людей, и ввели в ящеров. Постепенно ящер стал думать. Научили его превращаться в человека. А надо сказать, действительно, ученые этой планеты были гениальными изобретателями. Попробовали из человека делать фантомов. Нашли ген бессмертия. Ген мог бы быть толь-

ко для долголетия. Но эта планета обладала неведомой для ученых энергией, что если брать её, то можно жить столько, сколько нужно для человека. Соединив этот ген с этой энергией, ученые добились нужного бессмертия.

От немного помолчал, и сказал:

– А ваша планета имеет такую внутреннюю энергию, что наша планета позавидовала бы ей. Только вы не умеете ею обладать. Для вас главное взять запасы планеты, что находятся на поверхности верхнего слоя Земли. Нефть, газ, уголь, железо, золото, и другие ископаемые минералы. Скоро всему придет конец. Что дальше? Планета начинает против вас бунтовать. Конечно, у вас есть тоже великие ученые, которые знают, как взять очень дешевую энергию от солнца и космоса. Но ваши богатые миллиардеры на вашей планете главенствуют. Они, именно они, руководят на вашей планете, а не ваши избранные президенты и министры. Неужели вы не видите, что ваши президенты молчат насчет ваших миллиардеров, которые владеют всеми ископаемыми. Молчат. Почему? Потому что они боятся этих, как вы говорите, прохиндеев. Так и у нас. Так же все боялись нас, не только ученых, но и самых богатых и влиятельных людей на планете. И ещё. Я сказал, что ваша планета обладает огромной энергией положительного заряда. Если вы найдете ген долголетия в человеке, и, соединив его с энергией вашей планеты, то ваши ученые и найдут тот самый эликсир бессмертия. Просто вы ещё не знаете вашу планету. Мы ещё не знаем о других мирах. К вашей планете ещё прилетают другие корабли для забора энергии. Ваша планета заряжена такой энергией, что наших планет надо примерно десять, чтобы сравняться с вашей планетой. Вот мы и облюбовали вашу Землю для захвата.

– Вы бы уничтожили людей, как и вот на этой планете? – спросил я.

– Нет. На вашей планете мы бы не стали уничтожать людей. Они стали бы нашими рабами. Как вы заметили, что многие люди стали меняться. Просто многие бы сами себя перебили. А остальных мы превратили бы в рабов. Кстати, всё идет к этому. Ну, например, мы будем уничтожены вами. Ну и что? Вы наивные люди. На вашей планете уже есть несколько наших людей.

Они скрыты от вас. А эти улыбочки, что превратились в вашем мире в людей, и даже живут среди вас, они подчиняются нашей группе гелиозов. Так что не ваши улыбочки, как вы их называете, не гелиозы. Это мы гелиозы. А как народ на этой планете был уничтожен. Очень просто. Это были обыкновенные торпашцы и скотоводы. Они достигли только этого. Они, как животные, не поддались обучению. Их не интересовал прогресс, наука. Они были способные обрабатывать почву. Мы их уничтожили не сами, а лапами ящеров. Мы им дали власть. Вот они и покорили планету. Оставили только ведов. Надо было кормить рабов, да и самим ящерам необходимо было мясо.

– А если бы они вас покорили? – спросил Михаил.

– Как бы сказал Митька, кишка тонка. У них не хватило бы разума нас покорить. А потом, от нас зависит их жизнь. Мы для них настоящие Боги.

– У них есть главный вождь Гол, – сказал Юра. – И я не сомневаюсь, что он тесно связан с вами.

– Ты угадал. Он полностью наш, – ответил От.

– Вы и здесь своих пленных, которых доставили с нашей планеты, тоже сделали вечно молодыми и бессмертными. Какой в этом смысл? – спросил я.

– Смысл? – удивленно переспросил От. – Простой смысл. Зачем постоянно менять людей-рабов? Пусть живут, плодятся. Но они под присмотром. В любой момент мы можем отключить аппарат к сердцу. И всё. Нет раба.

– Вы ловко придумали, насчет фруктов и ягод, – сказал Платон.

– Единственное, что придумали, это ящеры, ваши улыбочки. Мы всё это кушаем на здоровье. На наших столах всегда свежие фрукты, ягоды, грибы и разные овощи. Мы ведь такие же люди, как и вы. Мы вначале посмеялись над задумкой ящеров, а потом махнули на них рукой. Пусть дурью маются.

– Слушай, гражданин От, а ты нам так откровенно всё выкладываешь, и не боишься, что мы про ваши злодеяния поведаем народу

– Какому народу? – спросил От. И тут же сам и ответил, – Где он этот народ. Ящеры? Так они ваши бредни не поймут. На-

роду, что восстали против ящеров и нас? Смешно. Они давно про всё это знают. Хорошо, я говорю, к примеру, вы вернетесь на свою родную Землю. И кому будете говорить про наши проделки? Если даже вы начнете настаивать, чтобы вас выслушали, то вас всех, отправят на лечение в психиатрическую больницу. А уколы там больные. Получается замкнутый круг. Ну и ради чего вы всё это затеяли? Не лезли бы вы в дела другого народа в другом и неведомом вам мире. Ваш народ не дорос до нас на тысячу лет. Вы не достигли и двух процентов, что знаем мы. Мы есть великие ученые. Ну, хорошо. К примеру, вы нас уничтожите. Смешно. Нас заменят другие. Вот это мы вам не скажем где они и кто они под страхом смерти. Они находятся на вашей планете в одном из параллельных миров. А где? Не скажем.

– А у вас, извините меня, хоть иногда совесть просыпалась? У вас ведь есть жены, дети, матери, отцы. Постеснялись бы их, – сказал Виктор.

Неожиданно От засмеялся. Повернулся к своим собратьям, и что-то им сказал. Все они стали смеяться.

– Ничего смешного, извините, я не сказал. Это великий грех.

Все перестали смеяться. От развернулся к нам. Лицо его было серьезным.

– Наивные вы всё-таки, люди, – тихо ответил От. – У вас есть все чувства сострадания, любви, материнство, отцовство. Странные вы люди планеты Земля. Мы даже вам удивляемся.

– А вы что? Нет в вас сострадания, и другие человеческие чувства?

– Мы отличаемся от вас. У нас нет семей. Нет у нас жен, детей. наших родителей мы не помним. Много веков назад они умерли. Мы люди одинокие.

– Я видел ваших женщин, – сказал Митька. – Кто они?

– Наши рабыни. Есть и с вашей планеты. За такую жизнь, какую мы им представили, они всех вас не признают своими земляками. Сострадания? Смешно. В нас этого чувства нет. Мы все живем ради науки...

– Золота и наслаждения, – добавил я.

– Это точно. И ваши многие люди пытаются именно так жить.

– Скучно должно быть вам без детей-то? – спросил Михаил.
– Ничего не скучно. У нас в свободное время молодые женщины для нас, что дети.

– У вас здесь есть люди. У них есть жены, дети.

– Есть тут ваш земляк Кузька-рыбак. Рыбой нас снабжает. И то есть у него несколько жен. Дети есть. Работал он базарным старостой. Мы заметили его. И переправили на нашу планету. И представьте, как только ему подsunули отменную бабенку, он сразу присмирел. В рудник идти, или рыбачить, а дома будет ждать баба? Вот и выбирай. Дали ему полную волю здесь. Ничего, живет, и наслаждается от такой жизни. Приобрел ещё двух женщин. Дети есть. Ну и пусть плодит наших будущих рабов. Для них здесь много работ.

– И, глядя на детей, в ваших сердцах не защежит? – спросил я.

– Не защежит, – спокойно ответил От. – Сколько можно повторять? Человеческие чувства в нас давно вытравлены.

И тут я решил задать один вопрос.

– Я забыл, кто-то мне говорил, что это не ваша планета. Ваши предки прибыли на эту с другой гибнущей планеты. И просто ваши предки внедрились в этих местных людей, которые, в общем-то, нормально приняли вас. А вы так отблагодарили этот народ их уничтожением. Значит, в вас уже всегда не было чувств.

От при моих словах немного помолчал. В его лице никакого выражения. Кремень-мужик.

– Я уже отвечал. Были семьи. Я ведь тоже от кого-то родился. Но, это было так давно, что всё стерлось из памяти. А то, что наши воинственные предки прибыли на эту планету, мне неизвестно. И какое вам дело до нашей истории? Я думаю, что все вопросы исчерпаны, как говорили ваши партийные товарищи, когда заканчивалась партийная конференция.

– О, вы затронули мой больной вопрос, – встрепенулся Петр Петрович. – Господа, вы даже не представляете, какие мудрые речи, лекции говорили наши партийные лекторы. За всю вашу жизнь вы даже не услышали мудрых слов из наших лекций. О, если бы вы послушали! Вы бы узнали многое, что было в нашей

истории. А ведь, чтобы всё знать о нас, вам надо бы узнать многие слова, изречения из наших лекций. Вы как-то попытались даже произнести некоторые наши слова, но этого мало. Я бы вам мог помочь в этом познании. У вас великолепная память. И узнав то, что я бы вам рассказал, вам бы пригодилось в разговорах с нашим народом. Вы только представляете, какая кладезь заложена в моих лекциях. А то вы говорите языком довольно современных культурных людей. А я бы вам добавил удивительный, политический язык. Вы смогли бы говорить на языке тех ученых и политиков, кто прекрасно пишет статьи в политические журналы. Я многому у них научился. Конечно, я вас заинтриговую. Порой они так заумно напишут, что порой сами диву даются, что так запутано написали. Но вы-то разберетесь. Вы люди слишком умные, даже переучились. Что мои лекции, вы уже тысячу лет прошли всё это. Очень прошу послушать. Хотя у меня берет сомнение. Вы боитесь разобраться в моих лекциях.

– Мы боимся? – спросил От, и улыбнулся. А я едва сдерживал смех. Он клокотал до боли в моей груди. Митька зажал себе рот, чтобы не засмеяться. Наконец-то, Петр Петрович, нашел слушателей.

Платон тоже зажал рот, согнулся, и выскочил из зала. Федя надулся, покраснел. Он так сдерживал смех.

От согласился послушать умные лекции Петра Петровича. Ну, теперь держитесь господа прохиндеи и упыри. Мы пошли из зала. Дверь за нами закрылась.

Все начали смеяться. Всем было весело. И только неожиданно Виктор перестал смеяться.

– А вы знаете, друзья, извините, конечно, но эти господа вдруг начнут бить нашего друга.

– За чо его бить? – спросил Митька.

– А ты бы что сделал, если бы он стал тебе читать одну из лекций? – спросил Виктор.

– Да я бы его...

– Вот и всё. А их много. И потом этот народ без стыда и совести. Они могут разорвать его.

– Что тогда делать? – спросил я.

К нам подходили Бан и Вен.

Они что-то переговорили друг с другом, и Вен ответил:

– Петр Петрович читает им одну из запутанных лекций. Он когда-то взял её из политического журнала. Конечно, многое сам добавил. Запутанная лекция, за прочтение которой, он когда-то получал деньги. Ничего. Они находятся в замкнутом пространстве. Окон там нет. Двери мы заблокировали. Даже если они станут невидимыми, не смогут оттуда выбраться.

– Но они его разорвут, – сказал я.

– Не тронут его. Мы его тоже сделаем невидимым. Он будет и для них невидимым. А вот голос его будет звучать. Слух они не смогут отключить. Прежде чем приступить к этой войне, наши ученые нашли против этих ученых противоядие. Ничего они не сделают вашему другу. Мы его уже обезопасили. Пусть Петр Петрович наслаждается прочтением лекций.

– Сколько он им впарит этой дури? – спросил Митька и засмеялся.

– Не знаем. В пыль они не превратятся, умереть они не умрут, а вот насчет разума здесь, как их головы выдержат напор непонятных для них слов и выражений. Друзья, как же могли ваши ученые, политические товарищи писать такие статьи? Действительно можно сойти с ума. Зачем они так изощрялись? Друг с другом соревновались в словоблудии? У вас удивительный простой русский язык. Ну и пишите простым языком.

Появились перед нами Турас, Гале и несколько человек.

– Что-то вы все собрались такой кодлой? – спросил Митька.

– Здесь, в этом лабиринте надо навести порядок. Едыры, по-вашему, танки, а по-простому тапочки, будут оборудованы на мирную технику. Будут пахать тору, сеять зерновые. Веды помогут в этом деле. У них большой опыт. Вот и свой хлеб появится. А теперь вам надо привести себя в порядок.

Люди Тураса доставили нам легкую и новую одежду. Но вначале мы пошли к речке. Надо было смыть всякую дрянь, а потом переодеться, что мы и сделали. После речки, и одевшись в новенькую одежду, я почувствовал себя легко, даже петть захотелось.

– Как там вождь ящеров Гол поживает? – спросил Юра. – Я, конечно, сомневаюсь, что его в живых оставят. Слишком много бед натворил.

– Он успел на космическом корабле куда-то удрать. Найдут наши разведчики. А замки и все дворцы разрушены. Люди будут строить обыкновенные дома, – сказал Турас. – Сейчас идет зачистка от ящеров по всей планете. Остальные космические корабли захвачены нашими людьми. Ящерам деваться некуда. Правда, некоторые из них прикинутся людьми. Но, в конце концов, злобная натура выдаст их.

– А здесь что будет? – спросил я.

– Завод по производству мирной техники.

– Вы бы не ловили Кузьку Темнилова, – сказал я. – Он ничего плохого не сделал. Он ведь у них был рабом. Обыкновенный рыбак. Да, и семья у него.

– Никто его не трогает, – ответил Вен. – Хотел спрятаться, но мы ему объяснили, что мы рабов не трогаем. Рыбаки тоже нужны. Пусть занимается своим делом, да детей плодит. Сказали ему, чтобы все они свободно выходили наружу.

– А есть ещё один из ящеров по кличке Гудвин, – сказал Митька.

– Никто его не тронет. Он хорошо всем помог, – ответил Бан. – Есть среди ящеров и такие ящеры, как Гудвин. Пусть занимается своим любимым ремеслом.

– Что-то долго нет нашего лектора? – спросил Михаил.

– Сейчас мы посмотрим, чем он там занимается, – сказал Турас. И вот, будто из воздуха возникла чудная картина. Ученые бегали по залу, натыкались друг на друга. То они исчезали, то вновь появлялись. Один даже закричал на нашем языке:

– Караул! Спасите! Перестань читать нам свои лекции! Бедная моя голова! Неужели у тебя нет сердца?!

От стоял на коленях и бил себя по голове, глаза раскрыты до предела, и в них был ужас. Ученые метались, а выхода не находили. Даже от стен их кто-то невидимый отбрасывал. И вот живая картина исчезла.

Турас сказал:

– Они думали, что только они умеют делать такое, что другие не могут это сделать. Мы знали, что гордыня уничтожит их. Слишком они понадеялись на себя, уединились от всех народов.

– Надо бы сохранить для истории городок, в котором они жили и отдыхали, – сказал я.

– Больше нет городка. Солдаты в ярости всё уничтожили и сожгли. По своей истории вы уже знаете, что любая революция ужасна. Она никого не щадит. Мы не могли остановить солдат.

– Но там были женщины? – тихо спросил Митька.

– Всех уничтожили.

– Там такие были красючки, – тяжело вздохнул Митька.

– Прежде всего, это были проститутки. Их доставили из вашего мира, продажных и лживых дам, – ответил Турас. – У вас много таких дам. Были здесь и такие, кто в вашем мире были у власти эти дамы. А здесь они прельстились золотом, богатством. И продались темным силам.

– Они и в нашем мире были продажные, – сказал я. – Обворовывали государство. Любили подначивать мужиков на воровство.

– Некоторых уничтожили, а некоторых отправят в ваш мир, – сказал Турас. – Проснутся в холодном поту. Но будут продолжать красть у государства миллионы и миллиарды.

– Надо было бы их здесь оставить, – сказал Юра. – Я не сомневаюсь, что их бы казнили.

– А в вашем мире они бы умерли. Просто кто-то нам невдомый послал их на эту планету, на проверку. Но они не исправимые, – ответил Гале. – А вот проституток всех уничтожили. Одна из женщин, что в вашем мире наворовала у государства сотни миллионов, и даже миллиардов, когда её уже хотели отправить в ваш мир, вы знаете, что она сказала?

– Оставить её здесь? – спросил Михаил.

– Не угадали. Она попросила с собой добрый кусок золота. И ещё. В промежутке в ваш мир, её разложили на лавке кверху голой задницей. И палач нанес ей двадцать ударов кнутом. А в это время ваша знакомая Октябрина Правдина задавала ей вопросы. Так вот она кричала странные слова, чтобы палач всыпал

ей ещё двадцать ударов, только бы убрали от неё Правдину с её вопросами, и чтобы она не уходила от ответов. Да я могу только представить, какие вопросы она задает, если даже вы все прошедшие огни и медные трубы, боитесь её вопросов.

– Слушай, Турас, а можно Октябрину Правдину прислать на помощь Петру Петровичу? – спросил я.

– Это не в моих силах. И потом, она занята. В другом мире у них много работы. Отряд их таких женщин сражается с улыбочиками.

– Так они везде есть? – спросил Платон.

– А как вы думали? Эти ученые всюду заслали ящеров. Так что во многих местах идет борьба с ними. А вспомните микрочипы? Как их обнаружить в человеке? Весьма трудно найти, – ответил Турас. Он замолчал, потом сказал, – вам надо выходить наружу. Скоро вы отправитесь на вашу планету. Корабль, в котором вы прилетели сюда, ждет вас.

Мы вышли наружу. Солдаты и просто люди, а среди них мы увидели ящеров, убрали трупы и ломаное железо от летающих аппаратов. Да, подумал я, революция вещь страшная. И вот после неё началось на этой планете мирное время.

К нам подошел Кузька Темнилов. Лицо его сияло.

– Теперь я свободный человек. Мне разрешили создать рыболовецкую бригаду. Здесь я организую базарчик, и буду в нем базарным старостой. Опыт у меня богатый. И женам найдется работа. Дети подрастут, и тоже найдем для них дело.

– Домой-то не тянет? – спросил я. Он удивленно вскинул брови.

– А зачем? Кто меня там ждет? Никто. А здесь у меня жены, дети, теперь вот будет клочок собственной земли. Большой участок реки будет мой. Так что мне здесь нравится. Теперь это моя родина.

– Свои рабы будут? – спросил Юра. – Сомневаюсь в том, что у тебя не будет рабов.

Брови у Кузьки встали на место, в глазах веселость исчезла.

– Смеешься? Какие рабы? Я кто? Рабовладелец? Да ты что? За кого меня принимаешь? У меня будут вольные рабочие. Я им

буду платить. Они начнут строить для себя деревню вдоль реки.

– Золотом будешь платить? – спросил я.

– Каким золотом? Ты что? Золотом. Не смейся. Золото здесь для простого народа ничего не стоит. Наше новое правительство вводит опять деньги. До ящеров были деньги, обмен товарами. А пока мы будем вести обмен. Ведь нам будут доставлять зерно для посева, овощи разные, а мы им поставим технику. Хватит им обрабатывать землю, в смысле тору, вручную.

Гале, Бан и Вен попрощались с нами и тут же исчезли. Турас ходил среди людей, и что-то им объяснял.

И вот мы увидели нашего друга Петра Петровича Длинновостикова. Было заметно, как он устал. Едва передвигал ногами. Но лицо его сияло, как начищенный самовар.

– Ну, друзья, я наконец-то, отвел душу. Четыре лекции им прочитал. Эти ученые только из себя ученость корчили. Я им такого зачитал, что они сперва за головы взялись, потом от слабости ума стали падать. На стены лезли. Один даже закричал, что увидел сияющие вершины, и на одну из них сейчас он залезет. Один из них Карла Маркса изобразил, другой Ленина. Потом, когда я увидел опустошенные глаза, и тихие идиотские улыбки, мне велели какие-то голоса прекратить читать лекции.

Турас нам сообщил, что скоро за нами прилетит корабль. Мы подошли к лесу, и легли на траву. Мы отдохали. Мы смотрели на чужое небо, на чужое светило, и понимали, что навсегда прощаемся с этой планетой. Но прежде всего надо бы заметить странную особенность в поведении планеты. Под нами не было тряски, неслышно было гула под ногами. Неужели планета успокоилась? А мы говорим, что ничего нет живого. Всё вокруг нас живое, только мы не замечаем, да и не желаем замечать.

Из расщелины гуськом выходили ученые. Шли они мимо нас спокойные, с тихими улыбками.

– Интересно, куда они? – сам у себя спросил я. Рядом с нами проявился Гале. Он ответил:

– Сейчас за ними придет транспорт. Их доставят в специальную больницу для психических больных людей.

– Это так постарался наш Петр Петрович? – засмеялся Митька. – Ну, молоток, Петр Петрович, уважаю тебя за это.

– Теперь они навсегда такими будут? – спросил Федя.

– Вылечат. Только уже такими, какими они были, не станут. Всё из них вышибут. Будут обыкновенными людьми. А сейчас называют себя именами, которыми их пичкал Петр Петрович.

– Вот бы наших всех президентов, министров правительств и миллиардеров пропустить через ваши больницы, чтобы не обманывали народ, и не крали у государства и у собственного народа, – сказал я. – Чтобы не обворовывали пенсионный фонд в нашей стране. Из денег фонда стоят шикарные офисы, дворцы, квартиры для себя с множеством комнат. А пенсии старикам не добавляют. Как им не стыдно? Вот бы их всех уложить на лавки, бить кнутом, а Октябрина Правдина, чтобы задавала им вопросы, и чтобы они не уходили от ответов.

– Такое им будет наказание, – услышали мы голос Турса.

В это время мы увидели космический корабль. Он сел на свободно место. Рядом с ним стоял Турса.

– С этой планеты у вас будет старый ваш знакомый пилот по имени Тин. Он вас сюда доставил. И на вашу планету он же доставит.

– А ты здесь останешься? – спросил я.

– С вами полетим. Здесь нам теперь делать нечего. Сами люди управятся.

– А Гале останется? – спросил Виктор, – Я бы мог на прощание ему прочесть молитву.

– Гале и другие наши солдаты полетят с нами. Берем с собой и вашего знакомого, которого вы назвали Гудвином. Он очень просил взять его на вашу планету.

И вот мы вошли в корабль, заняли кресла. Толчок, и мы взлетели. Опять в маленьких окнах темнота. И тут я вспомнил, как мы были во дворце вождя ящеров Гола. Там я видел странную картину, на которой изображен космос. Это меня не удивило. Я уже знал, что он именно такой. По одному из невидимых каналов мы и летели сейчас. Меня заинтересовала чуть заметная решетка, а за ней человеческий глаз, даже если приглядеться то,

можно обнаружить лицо человека. Кто такую картину нарисовал? И что этот неведомый художник пытался изобразить?

Я спросил про эту картину Тураса. Он долго молчал, потом ответил:

– Никто не помнит имя художника. Он жил давно. Может тысячу лет назад, а может и две тысячи лет. Нам неведомо. Мы пытались узнать его имя, и что он хотел нам поведать этой картиной. Есть догадки, но не надо о них говорить. У нас принято так. Если мы что-то не знаем, как и вы стараемся узнать. Но здесь мы бессильны.

– Какая же вас мучает догадка? – спросил Михаил.

Турас опять надолго замолчал. Он смотрел в темное окно и молчал.

– Так в чем же секрет? – опять спросил Михаил.

– Знаете что. Давайте договоримся так. Вы люди тоже не останавливаетесь на каких-то догадках. Пусть к вам приходят мысли насчет этой картины. Пусть наша догадка останется для всех нас загадкой. Есть ведь вещи, которые не надо бы трогать. Думать разрешается, а вот лезть не стоило бы. Давайте лучше спать.

Меня потянуло на сон. Последнее, что я увидел в окне, оно будто засветилось. И я увидел картину. Она словно ожила. Решетка. А может это и не решетка, а что-то другое, неведомое нам. А за ней, словно в тумане, я увидел живой и настоящий глаз. Он смотрел куда-то. И вот на миг показалось огромное лицо с пушистой бородой. И это лицо стало увеличиваться и заняло всё пространство... И в этом сне я успел подумать, что это и есть космический разум, наш Бог. Да, мы были на краю вселенной. А за тем краем есть Он, создатель всего сущего. Так что для человеческого понятия в космосе есть предел. За этой границей есть Он, космический разум, наш Бог. И только Он знает, есть предел космосу или его нет. И ещё я подумал, да мы были на краю всей нашей вселенной. А за ней есть Он. Невозможно и представить, какой Он.

Дома

– Товарищи, земляне, просыпайтесь, – услышал голос Тура-са.

Мы встали. Чудный сон я видел в этом корабле. Но не стал рассказывать. Пусть этот сон останется во мне. Мало ли, что можно увидеть во сне. Но я почему-то поверил этому сну.

Мы вышли из корабля. Рядом с нами был только Турас.

– Кажется, друзья мои, пришло время прощаться. Вас возьмут прямо отсюда. На этот раз вы долго были в другом мире. Такая уж та планета.

Платон был задумчив.

– Ну что, Платон, на что ты решился?

– Остаюсь здесь, Турас. В вашем мире, мои друзья делать нечего. Родных у меня нет, давно уже их нет. Никого нет. Да и вы разойдётесь по своим местам. Останусь я один. Здесь теперь моя родина. Всё-таки, родная планета, хоть и другой мир. Семей обзаведусь. Остаюсь здесь.

И тут к нему подошел Гудвин.

– Пойдем, Платон на новое место. Теперь здесь и моя родина.

Мы обнялись. Платон и Гудвин пошли в сторону леса. Где-то там есть новое селение, где живут и осваиваются люди Тураса.

И тут я спросил у Тураса.

– Оставшиеся испанцы, если из них кто остался, куда они пойдут? У них ведь тоже никого не осталось.

– Они попросились на вашу планету. Здесь они поселятся вот в этом мире. Мы им всё рассказали. Они будут здесь осваиваться. Родная планета, хоть и другой мир. Испанцев доставят на другом космическом корабле.

Турас исчез. И перед нами появился Дюрд.

– Ну, что, друзья, хорошо путешествовали?

– Такое продолжительное путешествие я испытал впервые, – сказал я. – С молодости брожу по другим мирам, но такого долгого отсутствия ещё не было.

– Такая уж та планета. Получали хорошую подзарядку. А теперь, как говорится, по домам. Хватит гулять вне дома.

– Ну, что, друзья, до скорого свидания, – сказал я. – Вы думаете, что не вернетесь в другой мир? Куда вы теперь денетесь? Придут за вами. А вот куда нас отправят, это уже не наш вопрос.

– Я тоже крепко сомневаюсь, что нас оставят в покое. За это время я уж забыл свою родную свалку, – сказал Юра.

– Я буду за всех молиться, – ответил Виктор. – Мы с Юркой найдем твоих, Стрелов, бывших друзей, с которыми ты до нас путешествовал. Найдем с ними общий язык. Бродяга всегда поймет бродягу, да ещё с такой биографией, как у нас.

– А мы, Юрка, с тобой ещё встретимся где-нибудь в тайге, – сказал Михаил.

– Встретимся. Я на машине всегда вас куда-нибудь подброшу бесплатно, – сказал Федя.

– А я и не знаю, где моя бывшая благоверная, – сказал Петр Петрович. – Я ведь в последнее время поселился в городе Щёлкове, недалеко от Москвы. Пробую читать лекции. Правда, сейчас меня не слушают. А вот есть там коммунисты, я думаю, что они поймут меня. Ну, ничего, я им головы заморочу. А ловко я этих ученых проучил. Передо мной на коленях ползали, пощады просили, и даже плакали, слезами уливались, только чтобы не читал им лекции.

Мы обнялись на прощание. И я оказался у моей сосны в моем мире. Скорее домой. Сколько же прошло времени, как я не был дома? Мне казалось, что я уже забыл, что рядом с сосной парковая зона. Снег хлопьями ложился на ещё не замерзшую землю. Сосна выглядела нарядной, словно накрылась пуховым одеялом.

– Ну и красавица ты, – сказал я. Погладил её теплый и шершавый ствол. В ней сейчас нет человеческой души. Катюша приобрела человеческое тело. Теперь сосна просто дерево. Какая разница. Я просто привык к этой сосне с молодости.

Неожиданно у меня возникло такое ощущение, будто кто-то снова вселился в неё. Потом, всё потом, подумал я, надо идти домой. А вдруг здесь прошло много времени? И меня потеряли. Что со мной будет?

Через парк я пошел в город. Вот и мой городок Туманск. А вот и дом, в котором я жил. Ключи от квартиры лежали в кармане куртки. И тут только я обратил внимание, что на мне та одежда, в которой я пришел в парк, встал у сосны, и вошел в неё. А в другом мире на мне была другая одежда. Интересно, что происходило между тем временем, когда я входил в сосну, и появился у дома на острове. А теперь я тоже был в другой одежде, когда мы были в другом мире. Сейчас на мне моя собственная одежда, и ключи на месте. Чудо. Интересно, где мы бываем между таким вот промежутком во времени? Никто из моих друзей не помнит. Да и я не помню, где меня переодевают. Где нас переделывают в копии? Всё в мире так сложно.

Ручные часы я не брал, да и мобильный телефон оставил на столе. Хорошо ещё то, что соседи не встретились. Может я изменился за это время. Волнуюсь, открыл дверь. Вроде все на месте. Часы висели на гвоздике. Мобильный телефон не был разряжен. Хорошо помню, я вышел из дома в одиннадцать дня. Посмотрел на будильник, потом на ручные часы. Время было одинаковое. Было два часа дня. Значит, меня не было в городе три часа. Если отбросить тридцать минут на то, что я постоял у сосны, потом шел. В другом мире я побывал за два часа тридцать минут. Кошмар! Что это такое? За такое время мы побывали на краю вселенной! Сказка. Настоящая сказка! Никто не поверит. А кому расскажешь? Никто не поверит, А вот записать надо.

Пошел под душ. Надо успокоиться. После душа, поставил чайник. Заварил кофе. Потом только вспомнил, что у меня всё наоборот. После кофе меня тянет на сон, что я и сделал. Лег на диван, укрылся теплым одеялом и сразу же уснул. Проснулся, а в квартире темнота. Включил свет. Было четыре утра. Вот это спал!

Чтобы ничего не забыть, начал записывать всё, что произошло с нами в другом мире. Теперь мне предстоит долго работать над рукописью. Ничего не надо пропускать. Конечно, мог написать другую фамилию, но я не привык менять её на какого-то Иванова или Петрова. Пусть будет так, как есть.

Полдень. Я решил пройтись по главной улице нашего городка. Меня не покидало ощущение, будто я здесь не был много лет.

– Ты что это со мной не поздоровался? – остановил меня пожилой мужчина. Но через мгновение я узнал его. Даниил Игрушкин. Он тоже пишет. В местном издательстве тоже печатается. У него выходят интересные и талантливые рассказы и повести.

– Что Юрка зазнался? Если книги начал печатать, так уже и своих не узнаешь? Не стыдно? Я ведь тоже издаю, а ничего вот, здороваюсь.

– Да вот шел, и задумался, – ответил я.

– Всё думаешь?

– Негодник я этакий. Всё думаю.

– Хреновину какую-то написал. Нафантазировал зачем-то? У нас ещё никто в нашем Туманском районе не писал фантастику. Пиши реальные вещи. В районе столько разных тем, а ты за фантастику взялся. Брось. Нехорошо. Бери с нас пример. Пиши на реальные случаи. У тебя ведь выходили отличные очерки, зарисовки, рассказы. Брось фантазировать.

– А вдруг это не фантастика, а реальность?

– Ну да. Ты ведь издал книгу «На острове снов». Сон видел. Всё равно фантастика. Буду тебя уважать тогда, когда ты начнешь писать правду.

– Негодник я, Даниил, негодник. Не могу без фантазии.

– Ну и ладно. Ну, тебя. Пошел я. Зря ты. Зря.

Он махнул рукой, и пошел своей дорогой. Поговорили.

Походил по городу. Вчера здесь ходил, а будто не был много лет. Долго я путешествовал. Как-то вдруг мне стало скучно. Пойду в тайгу. Там сразу поднимется настроение.

Нарядная тайга встретила меня приветливо. Стоял теплый, осенний день. Снег недавно побелил тайгу. Под снегом хрустела трава. Шел по тропе. Хотя её не видно под снегом, но я чувствовал её. Проходя мимо сосны, мне показались неведомые мне звуки. Что это значило. Ветра нет. Где-то каркнула ворона, а вон на соседнее дерево лихо вбежала белка. По-моему, она давно здесь живет. Меня не боится. Я остановился. Звук перестал. Под ногами раздавались такие звуки? Странно. Я шагнул, чтобы пойти

дальше, как звук повторился. На этот раз мне показалось, будто кто-то очень далеко засмеялся. Я опять остановился. Тишина. А вот опять раздался смех. А вдруг вот эта сосна издает звуки. Я подошел к ней вплотную. Теперь я понял, что смех раздавался в сосне. Значит, это правда, что в неё определили новую душу какой-то пьяницы из нашего города.

– Слушай, красавица, ты что это смеешься? Над собой смеешься или надо мной, – прошептал я.

Получил ответ. Голос был хриплый и грубый, как у многих давно пьющих и курящих женщин. Только такие женщины обладают таким громким голосом. Сейчас же его можно услышать, если хорошо прислушаться. И я стал слушать.

– Недавно ты прошел сквозь меня, и вернулся обратно. Твой друг Федька Бутаков тоже вернулся. По тайге, змей чёртвов соскучился, и пошел шляндить где-то недалеко от тебя. Ты не куришь?

– С детства не курил.

– А чо хвастаешься, вечный неудачник чёртвов. Не курил, а зачем меня дразнишь, хрен моржовый!

– Не хватало мне тебя дразнить, – ответил я.

– Недавно, ещё до снега мимо прошли две девки. Курили. Дымом обдало сосну. Какой запах!

– Пора бы уж к сосновому запаху привыкать. Он такой чудный.

– Много ты понимаешь. Надо же и твой Федька не курит.

– В нашей команде никто не курил. Сколько помню, никто не курил.

– А, ну да, ты ведь давно мотаешься туда и сюда. Какой у вас антирес мотаться? Как я посмотрю, ни черта вы оттуда не выносите.

– Многое что выносим, – быстро ответил я.

– Много? А чо много-то? Деньги, золото выносите?

– Алмазы.

– Ну да! Поймают, и засудят.

– Не поймают. Эти алмазы у меня в голове.

Сосна надолго замолчала. Потом прохрипела:

– Это как в голове, чёртвов потрох. Ты чо мудришь?

– Тебе не понять.

– А ты толком объясни. Если я сюда попала, то можно надо мной смеяться, да? Я тоже немного разбираюсь в шутках. Давай вместе шутить.

– Я серьезно тебе говорю. Я вынес алмазы. Что это такое? Знай. Что это удивительные случаи. Там были изумительные люди.

– Поняла, – перебила она. – Как же я не сообразила. Ты ведь там что-то в газетки пописываешь. Знаю. Грамотным шибко себя изобразил. Да над тобой все мои подружки смеялись.

– Знаю, что смеялись.

– Откуда знаешь?

– А вы все надо мной смеетесь. Вот поэтому и знаю.

– Так брось писать, и марать бумагу. Будь как все.

– Не могу быть как все.

– Отчего так?

– А так интереснее жить. Все твои подружки смеются надо мной, и я тоже над собой смеюсь. Всем весело. Давайте жить веселее.

– Почему над собой смеешься?

– Потому что веселый и смешной человек, вот и смеюсь.

– Не пойму. Зачем смеешься?

– Без смеха жить скучно, – ответил я, и засмеялся.

Она замолчала. Долго молчала. Я перестал смеяться. Хотел было уже пойти дальше в тайгу, как она снова подала голос.

– Интересный ты человек. Я тебя никогда не понимала. И мои подружки тебя не понимали. А раз люди кого-то не понимают, это всехстораживает. А ты живи так, чтобы тебя понимали.

– Какой уж я есть. До тебя здесь, в этой сосне много лет жила девушка Катя. Мы с ней часто разговаривали. Ты от неё отличаешься, как небо от земли.

– А чо это вдруг? Как это понять? Грамотная шибко была? Мне говорили про неё. Простили её грех. Вновь родилась девочкой.

– Родилась. С ней было интересно разговаривать.

– А со мной чо не интересно побазарить?

– Она всем интересовалась.

– Ты чо мне, Юрка, дугу гнешь? Решил меня воспитывать? Не выйдет. Я давно воспитана.

– Побудешь в этой сосне, и тогда поймешь, что я тут с тобой говорил.

– Подумаешь, воспитатель из детского сада нашелся. Иди своей дорогой. Я устала с тобой базарить.

Я отошел от сосны. Ничего, посидит в дереве, и одумается. Смотри, сколько ей предназначено находиться в дереве. Катя сидела в этой сосне много десятилетий. Я ещё не знаю, за что эту пьяницу определили после смерти в сосну. И всё равно мне немного жалко её. Всё-таки это человек. Как-нибудь надо ещё поговорить с ней. Возможно, я её знал?

Пошел от сосны по тропке. Её перебежал бурундук. Свистнула белка.

Долго ходил по тайге, пока не начало темнеть.

Дома лежал на диване, и просто не знал что делать. Никакие мысли в мою буйную голову не шли. Программа по телевидению скучная. Ничего не хотел делать. Со мной такое бывает крайне редко. Водки выпить? Уже забыл, когда выпивал. Кажется, в конце позднего застоя, когда меня вышибли из рядов коммунистической партии, как ярого врага партии и советской власти. С детства не курил. Надо выпить кофе. Вот единственный напиток, который меня успокоит. Сразу на сон потянет.

И тут я почувствовал, что кто-то следил за мной. К таким взглядам я уже привык. Что-то быстро за мной пришли.

На кухне я услышал, как кто-то включил чайник.

– Кто там? Проходи. Я сам заварю чай. Кофе не надо. От него сон приходит.

Из кухни вышел Турас.

– Чайник включил. Завари свежего чая, а то он у тебя застоился. Свежего чая давай. Я к тебе гостя доставил. Пусть познакомится в вашем городке с некоторыми товарищами и господами.

В комнату вошел Гудвин.

– Вот это новость! – засмеялся я. – А я уж думал, что никогда не встретимся. Что вдрут к нам?

– Не бойся, Юрий, не бойся. В ящера я здесь не превращусь. А вот чаю бы выпил, – ответил Гудвин.

– Познакомиться решил кое с кем? – спросил я. – Познакомлю. Такие люди в каждом городе и на селе есть. Покажу тебе странный кабинет. Представь Петра Петровича Длиннохвостикова. Все они там такие. Это моё личное мнение. Ты умеешь скрываться. Сделайся невидимкой, и побудь с ними дня три. С тебя этого хватит. Побудь у них на политических занятиях. А ещё лучше, когда они маленькой толпой выступают где-нибудь в одном месте. Ну, например, у какого-нибудь памятника. Здесь они изощряются в своем словоблудии. Критикуют всех подряд, и только самих себя не критикуют, когда сами же и развалили партию и страну. Когда они, дедули и бабули собираются дружной толпой, я обязательно прихожу посмотреть, как они выступают. Я с удовольствием смотрю на этот театрализованный концерт. Люди тоже приходят на них полюбоваться. Стоят в сторонке и слушают. Не поняв ничего из горячих выступлений, люди расходятся. Только после этого я прихожу домой ослабленный и раздражительный. Скорее иду под теплый душ, чтобы успокоиться. Выпиваю кружечку кофе и ложусь спать. И раз за разом я всё равно иду на эти концерты. Зачем? Не знаю. Возможно, из-за жалости к ним? Мне ведь Петра Петровича тоже жалко. Ведь всю свою жизнь он отдал непонятно чему. Ради чего? Ради лекций? Но их никогда никто не слушал. Неужели все они не понимают, что мир резко изменился. Надо и самим меняться. Единственное меня с ними объединяет, это то, что надо что-то менять в нашем обществе. Наши правители ничего не делают против коррупционеров. А ведь в нашей стране всё больше разрастается количество миллиардеров. Что я вам об этом болтаю. Вы и так всё о безобразиях знаете, не только в нашей стране, но и в нашем мире.

Я прошел на кухню, и заварил чай со смородиновыми веточками. Дух от такого чая быстро распространился по квартире.

– Что ещё такого надо сделать? – спросил я. – Насколько я знаю, из другого мира просто так никто не появляется. Что на этот раз надо сделать?

– Ничего. Просто мы решили Гудвина познакомить со странными людьми вашего мира. Он теперь в нашей команде. Пусть осваивается.

– Ты только не напугай наших старичков, – сказал я. – В разные потусторонние примбабасы чудес они не верят. Почти все они ярые атеисты.

– В прошлом они верили в сияющие вершины, а теперь непонятно во что, – ответил Турас. – Всякую веру у них отобрали. Вот и мечутся они от одной идее к другой. По мне так, сидели бы они на пенсии на даче, и как говорит Стрелов, пасынковали бы помидоры, цыпляют и поросят. Теперь от этих старичков ничего не зависит. К власти пришла молодежь, и эту власть они уж не отпустят.

– Мне надо с ними познакомиться, – сказал Гудвин.

– Гудвин, я хотел спросить у тебя вот о чем. А как тебя по-настоящему звать? Ну не ящером же звать? Какое твоё имя.

– Я уже привык к имени Гудвин. И если вдруг получится так, что мне надо будет занять паспорт, то я оставлю фамилию Гудвин. У меня очень длинное имя. Не надо его знать вам. Если мы превращаемся в ящеров, то мы можем говорить быстро. Во много раз быстрее вас. В том мире, где я жил, есть роботы. Они тоже могут говорить быстро. У них вместо имен цифры.

– Я, конечно, не запомню твоё имя, но хотелось бы знать.

В это время Турас пил вторую кружечку с чаем, и улыбался.

– Сейчас скажу. Вот моё имя. Гудамуронвасекакрослеанбу-тиноветма.

– Действительно, ни черта не запомнить. А вот первые три буквы запомнил. Надо же! Гуд. Мы тебе имя дали, как будто знали, что оно начнется с трех букв. Бывает же такое совпадение!

– А ведь точно, – ответил Турас. Гуд. Ловко вы отгадали.

– Мне бы хотелось удалиться, – сказал Гудвин.

– Хорошо, – согласился я. – Но не дашь ведь себе имя Полиграф Полиграфович из «Собачьего сердца» Булгакова.

– А кто это? – спросил Гудвин.

– Проникни в библиотеку и найди книги Булгакова. Найдешь там всё, что тебе нужно, – ответил я.

– Я имя и отчество возьму из русских имен, ответил Гудвин.

– Среди твоих друзей таких имен нет. Например, Николай Егорович Гудвин. Подойдет?

– Прекрасно, – ответил я, и захолопал в ладоши. – Вот теперь ты совсем стал человеком, товарищ или господин Николая Егорович Гудвин. Блестяще!

В это время кто-то позвонил. Я пошел открывать дверь.

Передо мной возник Демьян Акинфович Неуспокоев.

– Пустишь? А то слышу, с кем-то разговариваешь. Думаю, дай зайду.

– На улице услышал? – удивился я.

– А ты чего удивился? Форточки у тебя раскрыты, всё слышно на улице. А где гости?

Я повернулся. Тураса и Гудвина не было. Надо же, исчезли. А могли бы остаться. Чего они испугались? Могли бы поговорить с Неуспокоевым. Их ничем не отличить от нас. Зря они исчезли.

– Странно, – сказал он, – и прошел в комнату. Остановился. Снял куртку, сбросил шапку. Вернулся к вешалке. Медленно вешал куртку, и всё оглядывался и хмыкал. Потом снова пришел в зал.

– Странно. Но я слышал, как ты с кем-то разговаривал. И потом вот эти две кружечки на журнальном столике.

– Не успел убрать. Утром были двое товарищей.

– А голоса?

– Что голоса? – переспросил я.

– Голоса не утром были, а сейчас, – упрямо не сдавался Демьян.

– Вот, что ты имел ввиду! – воскликнул я. – Так я ведь пишу. Иногда разговариваю с героями. А как же! Просто тебе не понять, когда мне надо создать образ героя.

Он продолжал хмыкать, и недоверчиво оглядывать комнату.

– Да, да, создать образы. Понимаю. Образы. Ну и как? Получается?

– Конечно, получается. Пишу вот.

– А как твоя сосна?

– Не понял? Что сосна?

– Брось мне мозги пудрить. Я ведь все твои рукописи в ноутбук прочитал. Я ведь тебе поверил. А ты мне лапшу вешаешь.

– Как раз я решил сварить лапшу на молоке. Ты мне напомнил. Молодец.

- Короче. Я верю. Кто-то из них был у тебя.
- Был, – быстро ответил я. – Приходил Андрей Иванович Поломойкин с таким же товарищем, как и он.
- Да-а, – протянул Демьян. – Ты всегда был фантазером, фантазером и до старости дожил. Поломойкин говоришь? Интересно. О чем это Стрелов будет вести беседу с Поломойкиным. Я этого, брат, гуся знаю. Да никогда Стрелов не допустит до себя этого товарища.
- А вот Поломойкин снизошел до этого придурочного чело- века Стрелова. Решил его воспитать.
- Ну и как? Воспитал Стрелова. И чем он его взял?
- Видишь ли, у Стрелова в свинарнике есть породистые поросята с длинными ушами. Мясистые, сволочи. Поломойкин и предложил купить хотя бы двух поросят для размножения.
- И ты согласился?
- А куда денешься? Согласился, – ответил я, и развел руками.
- Ты не только фантазер, но и артист, – криво улыбнулся Демьян. И вот лицо его стало серьезным. – Хватит паясничать. Хватит. Короче. Почему твои друзья из другого мира при мне исчезли? Да не испугаюсь я их. Что они меня боятся. Да никому я не скажу, что они были у тебя. А если я сам начну об этом болтать, то меня не поймут.
- Не поймут, товарищ Демьян Акинфович, не поймут. Кста- ти, они никогда не понимали того, что им не положено пони- мать. А понимали только то, что надо было понимать.
- Ну и накрутил, – улыбнулся он. – Значит, были. Ну и ладно. А мне бы хотелось побывать там, куда ты летаешь. Начитался твоих книг по фантастике, и у меня голова кругом пошла. А ведь я змей, поверил тебе в то, что ты мотаешься в тот мир. Как там?
- Ничего. Живут. А что им сделается? Живут.
- Если ты снова, где побывал, только мне расскажи. А я нико- му, брат, не скажу. А то меня самого кое-куда отправят.
- Напишу. Почитаешь.
- А ты мне в живую поведай о том мире, – сказал он, и вдруг замолчал. Глаза его расширились, и в них был ужас, рот раскрыл-

ся, У Демьяна был такой вид, словно перед его лицом появилась кобра. Он проямлил:

– Там, там, – мямлил он, и тыкал пальцем в стену. Я посмотрел туда, но никого не увидел.

– Демьян Акинфович, что с вами? Привидение увидели? Что с вами?

Лицо его побледнело, губы дрожали.

– Там показалась голова человека. Там, там, показалась голова какого-то зверя.

Я решил успокоить его.

– Демьян Акинфович, просто вы начитались моих книг. Вот вам и стало мерещиться, чёрт знает что!

– Но почему дома мне не кажется? Ясно видел голову человека и зверя.

– Зря зверя, – ответил я. – Почему у меня? Очень просто. Я фантазер, вот и витают эти герои в моей квартире.

– Опять всё придумываешь? Но, я видел! – закричал он чуть не плача. – Почему ты мне не веришь?

– Вот и попался, Демьян Акинфович, попался! – воскликнул я. – Вот так и все люди. Не верят мне. И ты с недоверием относился. И в то, что я напечатал в двух книгах, а у меня ещё скоро книга будет закончена, называете, что я нафантазировал. А чтобы вас недоверчивых успокоить, рубрику для них определил жанром фантастики. Вот ты здесь, Демьян Акинфович шумел, как говорится на всю ивановскую, что кто-то был у меня. К примеру, кто-то был. А вот появишься этот кто-то из стены, ты бы упал в обморок. А ведь всё это не фантастика, а реальность. Вот и представь, если это реальность, то там, в другом мире нам приходится встречаться и с непонятными зверями и странными людьми. Да мало ли с кем нам приходится там встречаться. Конечно, ты бы упал в обморок. Таких туда не берут. Помнишь песню Владимира Высоцкого? Не каждого в горы можно взять. А тем более в параллельный мир. Прежде чем туда кого-то взять, они долго к этому человеку присматриваются, проверяют его на вшивость. Ведь миллиардеров, и вообще богатых людей, которые добыли богатство воровством у государства, значит, у народа, никогда не возьмут. Пробовали некоторых взять, а они

затребовали, чтобы из другого мира протянуть трубу для выкачивания нефти и газа. Вот и весь ответ.

– Но я бы подошел? – тихо спросил Демьян. Пока я говорил, он потихоньку успокаивался.

– Не знаю. Там идет сильный отбор. И то бывают проколы. Я видел, как убирали оттуда провинившихся товарищей. Проверка идет отменная и долгая. И потом, там у нас уже есть один проверенный товарищ Петр Петрович Длиннохвостиков. Он у нас великолепный лектор. Такие лекции закатывает любо-дорого. Классный лектор.

Демьян Акинфович даже фыркнул.

– Ну и что? А я бывало, брат, лучше его лекции читал. Стойка, а ведь в твоей книге «На острове снов» ты вроде смеешься над лектором Дрожжином, и над его лекциями. Как это так? Если над ним смеетесь, то почему его туда взяли?

– Демьян Акинфович, не каждый человек может выдержать умную лекцию. Ну, не понимали его некоторые нетерпеливые товарищи. Лекции его очень мудреные. Он непревзойденный лектор.

– Тоже мне скажешь, – скривился Демьян. – У меня есть лекции сложнее. Я бы, брат, такого накрутил, что ваш бы умный там товарищ не понял бы. Если порыться в моих архивах, то можно бы и найти эти лекции и рефераты. Я как-нибудь пороюсь и принесу тебе почитать. Сам буду читать. У меня почерк плохой, беглый. Я брат, такие лекции создавал, что сам Длиннохвостиков позавидовал бы. Я бы его, брат, одним махом бы за пояс заткнул.

– Верю, Демьян Акинфович, верю. Может и возьмут. Но два лектора, это уже перебор.

– Так он уже там был, теперь можно и меня взять. А его не надо бы. Хотелось бы ещё раз побывать в Москве. Какая она стала? Ты вот, как я посмотрю, везде побывал. И мне хочется побывать кое-где.

– Всё это не от меня зависит. Миллионы ты не наворовал. Честно жизнь прожил. Правда, своими лекциями в своей партийной организации ты много намутил о вершинах, к которым мы так и не доползли.

Он совсем захмурил. Гулко откашлялся.

– Ну, брат, ты этого, того, как его, зачем так? Нам указания спускали сверху. А куда денешься? И потом, если кто мои умные лекции не понимал, это дело слушателя. Рабочим я читал лекции полегче для их голов. Это, смотря на аудиторию, которая находится в данный момент перед тобой. Так как, брат, насчет меня?

– Я ведь уже говорил, что не от меня зависит отправка в параллельный мир.

– Ты ходатайствуй насчет меня. Давно с ними знаком. Да, верю я, верю, что ты мотаешься туда и сюда. Научусь не бояться разных морд. Ты ведь не боишься. Да, забыл, а как туда мои лекции с собой взять?

– У Петра Петровича даже портфель с лекциями был, – ответил я.

У Демьяна брови поднялись.

– Портфель? Помню, помню, был у него такой пузатый портфель. Жалко, что у меня такого нет. Был, конечно, был. Моя собака Рекс унес куда-то. Жаль. Ну, ничего, я несколько папок с собой возьму.

Мне надо было как-то распрощаться с Демьяном, и я сказал ему, что мне необходимо прогуляться.

Мы вышли на улицу. Он крепко пожал мою руку, и прискорбно сказал:

– Ты уж, как его, попроси за меня. Я лекции найду. Они у меня умнее и лучше Длиннохвостикова. Куда ему было до меня!

– Поговорю с кое-кем. Думаю, что твои лекции мои друзья с удовольствием будут слушать, особенно Митька Хвостов. Он очень любит слушать лекции Петра Петровича.

– Кто такой Хвостов? Хотя, что я? Так. Он как, грамотный?

– Страсть, какой он грамотный, культурный, интеллигентный товарищ. Он грубого слова не скажет на ваши лекции. Мне, кажется, вы сойдется с ним насчет ваших умных лекций.

– Ну, вот, видишь. Есть ведь умные люди. А то просто и не знаю с кем поговорить насчет моих рефератов. Обещаю. Я найду их, соберу и принесу показать.

Мы распрощались и разошлись. Зря я с его лекциями и рефератами связался. Он ведь меня может ими замучить. В тайгу убегу. Но он ведь и там меня достанет. Хорошо знаю таких упрямых людей. Они из породы таких товарищей, его выставишь за дверь, а он влезет в окно, а ещё и в форточку. Хоть бы он лекции не нашел. А может их его собачка, Рекс разорвала в клочья.

В общем, я угадал. Через несколько дней ко мне заявился Демьян Акинфович. Он был в полном расстройстве.

– Проклятые крысы. Мои бумаги никому не мешали. Лежали бы в сарайке, так нет же, они крысам потребовались. Разорвали их в труху. Видимо, в гнезда унесли, сволочи хвостатые.

– Почитали их, да и того, – ответил я.

– Кто почитал?

– Крысы почитали.

– Всё смеешься. Тебе смешно, а у меня больше нет лекций.

– Как-то Петр Петрович их выкинул, или сжег, но все он их на память знает.

– А ты думаешь, я не знаю? Многие знаю наизусть. Сейчас я тебе одну из них прочитаю. Понравится.

– Демьян Акинфович, мне сейчас не до лекций. Меня приглашают в библиотеку, – соврал я.

– Ну вот, а я хотел тебе почитать лекцию о Карибском кризисе. Там замешана такая политика, о которой ты не ведаешь.

– Данные из газет брали, из журналов?

– Конечно. Есть такие политические журналы. Их сейчас, к сожалению не выпускают. Как только советский союз рухнул, так журналы и прикрыли. А зря. Там печатались серьезные статьи ученых, политиков. Я оттуда выбирал самые сложные предложения. Конечно, они только для умных людей, каким является ваш друг Хвостов. Таких умных товарищей тоже много.

– Всё я иду, Демьян Акинфович. Вот теперь я буду просить отправителей, чтобы вас включили в нашу команду.

Мы расстались. Обязательно бы надо отправить Неуспокоева в другой мир. Он своими лекциями кого хочешь, уморит и рассыплет в прах. С Митькой, я, конечно, перестарался. Ну, ничего, будет полезно Демьяну Акинфовичу послушать Митькину речь по поводу умных лекций.

В теплую погоду я ходил на лыжах, но почему-то старался обойти свою любимую сосну. Она будто звала меня, но я всякий раз упирался. Не хотелось слушать бредни алкашки.

Пришла весна. А тут как-то в моей квартире, наконец-то, проявился Гудвин.

– О, сам Николай Егорович Гудвин возник пред моими очами! – воскликнул я. Он, молча, прошел на кухню. А я только что заварил чай с добавкой свежих листиков смородины.

Вышел из кухни с кружечкой. Ну, и я тоже налил себе чаю. Мы сидели, швыркали горячий чай и молчали. Я не выдержал.

– И что? Чем пахнет сей визит? Куда-то потребовались?

– Нет. Я не имею такого права. У меня другое дело. Путешествовал по вашей стране. Побывал во многих архивах, библиотеках. Был и в кабинете, где собираются ваши старички. Побывал на их политических занятиях. Слушай, Стрелов, а ведь у них ничего не изменилось. На занятиях друг другу чуть лекции не читают, нервничают, даже от нервов некоторых трясет. Зачем это? Не пойму. Стрелов, их ведь лечить надо. У вас есть хорошие психиатрические больницы. Туда их всех надо свозить. Конечно, ты их раздражаешь. Это и понятно. Но ведь ты прав. То, что у вас происходило, ты и рассказываешь правду о лагерях, в которых сидели политические заключенные. Мне тоже жалко их. Они не могут измениться, потому что они больные. Я видел их лидера Зюганова. Умный мужик, но он не больной. Он всю правду говорит. Есть толковые предложения. Я находился в кабинете у президента и у многих министров. Все они почти не слушают его. Действительно, мне от всего этого стало страшно. Я быстро исчезал из кабинетов. Микрочипы крепко держатся в их головах. У меня сложилось такое впечатление, будто не одни ваши любимые улыбки и те ученые внедрили микрочипы, но ещё какие-то инопланетные разумные существа. И они намного умнее тех ученых, которых Петр Петрович довел до сумасшествия. Где эти существа находятся, мы не знаем. Они будто следят за всеми нами. Кое-что изменяют, кое-что подправляют.

– Ты, Гудвин, молодец, научился говорить на чистом русском языке.

– Конечно, я учился не у Митьки и Феди, а у таких людей, как Михаил Бутаков. Я бывал среди учителей, журналистов, писателей. У них всему учусь. Много читаю русской литературы. У вас были великолепные писатели поэты, философы в девятнадцатом и двадцатом веках. Мне нравится русская культура. Я её считаю самой лучшей на вашей планете. Мне сразу понравился ваш многогранный язык. Я даже знаю уличный говорок простых людей. Бываю в деревнях. Удивительный русский язык. У меня есть мысль, написать книгу о своей судьбе. Пусть она будет для всех фантастикой. Буду писать простым языком, каким ты пользуешься. Он доходчив для всех слоев народа. Не буду умничать, а буду просто, как ты, рассказывать о своих приключениях. Забавно будет.

– Да, Гудвин, быстро ты вырос в моих глазах. А как под какой фамилией твоя книга будет.

– Николай Гудвин. Вот, когда напишу, тогда буду искать издателя.

– Ну, ты даешь! Впервые в истории такой будет автор.

– Понимаю. Бывшее животное с другой звездной системы. Ящер. Был ящером, а стал человеком.

– Ты как-то появлялся в моей квартире, и напугал моего знакомого Демьяна Неуспокоева.

– Было дело. Шла проверка, как ты говоришь, на вшивость. В этом деле он товарищ честный. Ничего не украл, ничего не взял. Лекции? Это даже интересно. Если бы его отправили в другой мир, он серьезный человек, но веселил бы вас, как веселил вас Длиннохвостиков. Он сильно испугался. Я за него тоже испугался. Мог бы получиться удар. А этого делать нельзя.

– Как ты думаешь, когда нас опять соберут на дело?

– Этого я не знаю. Не от нас с Турасом это зависит. Над вами есть силы, которые нам тоже неведомы. Кое-кого знаем, и только. А где они находятся нам неведомо. Мы можем там с вами увидеться, а можем и никогда не встретиться. Мы в этом вопросе ничего не знаем. Я сейчас исчезаю. Турас зовет. Ведь ещё остались эти улыбочки. И потом эти ученые, и их помощники везде внедрились микрочипы. А с ними вести борьбу сложно. В вашем мире их страшно много. Нас даже оторопь берет. Исчезаю.

Я снова один.

Надо сходить в тайгу. Там набрать веточек от дикой смородины, да засушить на зиму.

В общем, я был удивлен Гудвином. Ведь он произошел от ящеров. А разве его сравнишь с тем же Поломойкиным? Конечно, нет. Ему даже стало скучно на занятиях наших товарищей, всё ещё мечтающих о сияющих вершинах. А ведь все они произошли от человека. Учились в институтах, а Гудвин нигде не учился. Гудвина я узнал в делах. Надежный парень. А ведь это был зверь, животное. Вот до чего достигла наука в соседнем мире. Из зверя сделали человека. Теперь они, эти люди Тураса, не ошибутся, когда начнут делать из нормального ящера человека.

Тайга встретила меня пением птиц, тем неповторимым запахом, который бывает только в сибирской тайге. Бывал я на западе, юге, всё там не так. Другие запахи, даже, кажется другая почва, другие растения, другие деревья. И всегда я быстро уезжал в Сибирь.

Машинально подошел к сосне. Давно не подходил к ней. Если там сидит алкашка, так теперь не надо подходить к моей любимой сосне?

– Здравствуй, сосна, – поздоровался я с ней, и погладил шершавый и теплый ствол. И сосна ответила.

– Давно не был. Брезгуешь меня? Чо я тебе сделала? Нос воротишь? А подошел к сосне.

– Я не к тебе пришел, а к сосне.

– Значит, ко мне.

– Много чести.

– А пришел ведь, и я довольна. Давно тебя ждала.

– Неужели ждала? Плохо верится.

– Ждала. Падлой буду, ждала.

– Какой для тебя смысл, что ждала?

– Кроме тебя со мной никто не разговаривает.

– А ты сама начни говорить.

– Никто меня не слышит. Несчастливая я.

И я услышал, как она всхлипнула.

– Брось выпендриваться, – ответил я.

– Ну и не верь. Порой кричу проходящим бабам, а они хоть бы хны. А один мужик даже сосну обмочил. Падлюга.

И она разразилась отменным матом.

– Слушай, красавица, разве можно тебе так материться? Ты и так великая грешница, а тут ещё и материсься.

– А ты меня не учи, сучий потрох.

– Ты хоть понимаешь, за что тебя посадили в дерево? Ты умерла. Твоя душа вылетела из твоего пропитого тела, и воткну-та в это дерево.

– Какое они имели право садить меня в это дерево! Ничего я здесь не вижу! Полная темнота.

– А ты хоть там двигаешься?

– А как же! Здесь просторно. Как поняла, я нахожусь во всем дереве.

– Ну, я пойду.

– Уже уходишь? Я же говорила, меня брезгуешь. Все меня покинули. Никому я несчастная не нужна.

– Хватит плакаться. Сама виновата. От водки, наверное, и умерла. Как тебя звать-то?

– Нинкой звали. Кликуха у меня была Маркиза.

– Слышал немного про такую биксу.

– Вот и ты меня обзываешь.

– Заслужила. Ты и в дереве продолжаешь грешить. До тебя была девушка Катюша.

– Чо мне её постоянно напоминаешь? Втрескался в неё?

– Ну, ты даешь! Она ведь невидима. А сосну я всегда любил.

– А я смогу быть такой, как твоя Катька? Потом и меня полюбишь?

Что я мог ей ответить? Но отвечать надо, чтобы не обидеть.

– Поменьше надо материться. Тебя за что сюда определили? За великий грех. Пила, с мужиками крутила, детей у тебя отобрали. Отдали их мужу. Я уже разведал о тебе. В цоколе ты умерла. Тебя в один день похоронили под цифрой. Ты ещё не была в пещере. Где ты будешь катать в тачке свои грехи, а ещё тебя будут пороть кнутами. Не была?

– Пока ещё никуда не брали. А разве из сосны возьмут?

– Да хоть из самого крепкого бетона возьмут.

– Мама дорогая! Да как, же так? Значит, я мерзкая тварь? Так?

– Выходит так, Нинуля.

– Ты меня так назвал. Ты, наверное, добрый человек. О Катьке так хорошо отзываешься.

– Какой есть, такой и есть.

– Но ты единственный человек, который заговорил со мной. Ты приходи иногда.

– Обещаю. Я не люблю обещать, но здесь обещаю. Мне надо идти.

– Приходи...

Я отошел от сосны. Да, скажи кому, что я веду разговоры с сосной, люди скажут, Стрелов совершенно спятил.

Я нашел смородинник. Нарвал немного веток и листиков.

И вот я в парке. Сел на лавочку под навес. Накрапывал дождь. Надо переждать дождичек. Пенсионеру торопиться некуда. От скамейки исходило тепло, и я задремал.

Кто-то сел со мной рядом. От человека пахло дымком и почему-то орехами.

– Весенний дождичек, – сказал человек. Голос знакомый. Но глаз я не открывал. Городок Туманск маленький, где-то двадцать восемь тысяч населения. Даже не городом называют, а городским поселением. Названия сейчас везде меняются. Туманск ещё хлеще называли, муниципальное городское поселение. И в этом поселении меня многие знали.

– А завтра дождя не будет, – тихо сказал человек.

– Не будет, – ответил я, не открывая глаз. Кажется, я узнал этот голос.

– Ну и как сосна? – спросил он.

– За грех надо платить.

– Все мы грешники, только у каждого свой грех, большой или маленький.

– Всё по тайге шарисься?

– По тайге. Скоро пойду к своему зимовью.

– В городе не сидится?

– Нет, Юрий, не сидится.

– Слушай, Михаил, мне как-то надо бы сходить с тобой к твоему зимовью.

Я открыл глаза и посмотрел на Бутакова. На нем была длиннополая куртка, кирзовые сапоги, старенькая шляпа. Рядом на скамейке лежал рюкзачок.

– Так этого, разве я против? Выбери время, да и проведу тебя. Километров тридцать отсюда моё зимовье. У тебя ведь всегда нет времени. Кто за тебя будет писать?

– К тебе не приходил Турас или Гудвин?

– Были. Гудвин теперь капитально осваивается в нашем мире. Молодец. Паспорт ему сделали.

– Гудвин Николай Егорович.

– Скоро некоторых наших по всем статьям обгонит,- сказал Михаил.

– Послушал его. Обгонит. Факт, обгонит.

– Мне не хочется даже слушать то, что говорят наши политики.

– А вот Гудвин всех слушает. Наслушается, насмотрится, и сделает вывод. Я его понимаю, да и всех их понимаю. Им необходимо изучить наш мир во всех видах, – сказал я. – Сделают анализ. А может, все они что-нибудь подскажут нашим руководителям?

– Нам неведомо про это дело. На днях я видел нашего Федю Копылова. Где-то тоже в тайге. Странная штука получается со всеми нами, кто путешествует в другие миры. Все они ищут одиночества. Кто уходит на свалки, кто в тайгу. Где сейчас наши друзья Юра Вычегжанин, Виктор Коноплев, удивительный Петр Петрович?

– Юра и Виктор живут, где придется. На вокзалах, на свалках, где ночь застанет. Оба они занимаются благим делом. Несут в народ слово добра. Как я посмотрю, и Копылов изменился. Все мы меняемся.

– Это так. Не меняются только мракобесы, – ответил Михаил.

– Я вот всё думаю насчет Гудвина. Кто он был? И вдруг я его не узнаю. Он тоже стал другим. Что и кто из него будет? Вот вопрос.

– С ним всё будет нормально. Я думаю так. У него теперь есть паспорт. Голова у него работает отменно. Может где-нибудь устроиться на какую-нибудь должность.

– С него потребуют образование, – возразил я.

– Пусть требуют. Ну и что? А у него будет на руках диплом с высшим образованием. Слушай меня внимательно. Диплом, понимаешь? Далее. Он отлично покажет себя на работе. К этому времени, он научится классно болтать. А у нас было всегда так. Как кто начнет красиво говорить, тому быть депутатом. И пошло дело. Понимаешь? Мы ещё увидим Николая Егоровича в депутатах.

– Хорошо. Я согласен. Но, есть такой у меня вопрос, а ответа дать не знаю. Чтобы в депутаты пробиться, мало болтовни, нужна, ну, просто необходима биография будущего депутата, или мэра района, города. Ответа не нахожу.

– Эти товарищи, что находятся в другом мире, всё могут. Если из зверя сделали настоящего человека, то, что им стоит изобрести биографию? А кто будет проверять или перепроверять? Они так всё замутят, что можно только нам с тобой диву даваться. Но меня не это тревожит. С Гудвином я, между прочим, согласен. Я буду даже его поддерживать во всех начинаниях. Хоть что-то он сделает для нашего общества. Дело совсем в другом. Ведь есть, а мы это с тобой знаем, и другие существа. А их великое множество. На планете Тор были обезврежены ученые. Народ взял власть в свои руки. Жизнь на той планете будет налаживаться. Но ведь многие эти твари остались на других планетах. И у нас их много. Есть среди этих людей ученые, есть простые ящеры, которые взяли человеческое обличье. Оставшиеся ученые будут руководить этими людьми, хотя они и не люди. И вот эти люди также начинают действовать, как Гудвин. А ещё я думаю, что это происходит у нас давно.

– Я с тобой согласен. Пробьются в учителя, врача, в начальника, в тех же мэров и губернаторов, прорвутся в депутаты, в министры, – сказал я, и схватился за голову. – Это ведь полный кошмар! А если такое происходит на нашей земле давно? Выберут такого господина в президенты! Это же уму непостижимо! Представить просто невозможно. Тогда где мы живем? Возмож-

но, из-за этого у нас идут постоянные войны. Ведь только какой президент приходит к власти, он, прежде всего, обогащается. Вспомни тех ящеров. Все они любят роскошь, богатство. Вспомни этих женщин в министерстве обороны. Досыта наворовали. А вдруг они эти самые ящерки. Ведь даже муж их не отличит. Они из организма этой женщины уберут душу куда надо, а сами войдут в неё. А душу этой женщины отправят в лабораторию. Там из неё сотворят живого робота. Мы же видели этих живых роботов. И представь себе, в нашем мире живут себе ящеры в телах мужчин или женщин и творят безобразия. Кто-то из них вырвался в президенты. Потом эти президенты начинают вооружаться.

– Да, накрутил ты, а ведь я с тобой, Юрка, согласен. Страшно. А как узнать? Нам неведомо.

– А ты заметил, что многие из депутатов, министров, президентов чуть улыбаются, а глаза остаются стальными, – сказал я.

– Давно заметил. Сначала не обращал внимания, потом меня это насторожило. Действительно, как ты говоришь, кошмар.

– Мы бессильны. В нашем мире мы ничего не сделаем, – признался я. – Единственное, что нам остается, нести доброе слово людям. На это мы только с тобой и горазды.

– Страшно. Везде они. У меня возникла ещё одна мысль. А что если не одни эти ящеры проникают в тела наших людей? Ведь есть ещё какие-то пришельцы на нашу планету. Они также проникают в тела наших людей. А вот этих пришельцев мы не знаем. Ведь конфликты и войны возникают не просто так. Значит, между ними идет борьба за власть над нашими людьми, над нашим человечеством.

– Да, это ты сделал для меня открытие. А вдруг, те пришельцы, которые нам неизвестные, какие-нибудь крупные жуки или каракатицы. Вот и начинается борьба за власть, – сказал я. – Как-то я видел по телевизору, как дрались депутаты в Украинской раде. А вдруг это шла драка не среди людей, а среди ящеров и жуков или каракатиц. Вот теперь я буду смотреть на все человеческие столкновения, как на столкновение пришельцев. А вдруг они полностью завоюют нашу планету? А потом начнется кровопролитная война между ящерами и жуками или карака-

тицами. Вот вам и полный апокалипсис. Разве такое не может быть? Может.

– Но как этого не допустить? – сам у себя спросил Михаил. – Я не знаю. Не подойдешь ведь к какому-нибудь депутату, и скажешь, слушай ты, ящерица или жук ты или каракатица? Представь, что будет. Полное оскорбление. А депутаты насчет себя избрали позицию неприкосновенность. Вот и всё. Конечно, будет обидно. Ящерица тебя засудила.

– Ящерица ящерице рознь, – услышали мы голос Гудвина. Мы оглянулись. К нам подходил Гудвин.

– Слышал, я слышал кое-что из вашего разговора. Во многом вы правы. Микрочипы это одно дело. А вот насчет того, чтобы войти в человека, это совсем другое.

– Но ведь такое возможно? – спросил я.

– Возможно. И это делают. Как говорится, душа принадлежит Богу, и только Ему. И это факт, – ответил Гудвин. – Не забывайте, что есть греховодники, которые незаметно для себя продали душу дьяволу. Такие люди есть. Но я бы сказал их уж не так много. И все такие люди стоят у власти. И они прекрасно знают, что они профессиональные плуты и лгуны. А такие пришельцы полностью под властью Сатаны. А вот микрочипы многим вставляют. Эти люди не виноватые. Им поставили микрочипы незаметно, безболезненно, а ещё и ночью. И вот всех этих господ, что продались Сатане, обнаружить трудно, а тем более, кто с микрочипом. Вот и думайте, как с ними бороться. Те люди или дети, в которых вставили микрочипы, вы уже стали обнаруживать даже в вашем городке. Таких людей много. С каждым годом их количество увеличивается.

– Кто остановит этот нескончаемый поток мерзости? – спросил Михаил.

– Высший разум разберется, – ответил Гудвин.

– Но ведь ты не веришь в Бога, – сказал я.

Он посмотрел на меня, задумался. И мы молчали. Что ответит Гудвин, бывший ящер?

– Конечно, мы ничему не верили. Кто я был? И все мы кто были? Это ясно. Но со временем я стал верить и в Бога и в Космический разум. Он для всех и есть Бог. Он и создатель вселен-

ной. Сейчас вы подумали, надо же, какой-то ящер, животное, зверь, а рассуждает о высшем разуме. Да и вообще, какое имеет право животное, прибывшее к нам из края вселенной рассуждать о том, о чем мы рассуждаем. Знаю. Подумали. Просто догадался. Мне строго запретили вмешиваться в разум человека вашего мира. И я не нарушаю это правило.

– Но ведь точно ты ответил, – засмеялся Михаил.

– Просто я так подумал.

– Так не надо думать, – ответил я.

– Думается. И я не осуждаю вас. Я бы точно так же подумал.

– Мы знаем, что рядом, в параллельном мире, у людей Тураса есть ученые, – сказал я. – Пусть попробуют распознать и разоблачить этих упырей, что залезли в наших многих правителей, миллиардеров и министров. Как говорится, вывести их на чистую воду. Выгнать их с нашей земли.

– Видимо, не могут ещё найти, – ответил Гудвин, и тяжело вздохнул. – Ученые чувствуют их присутствие в вашем мире, но не могут к ним подобраться. Они заблокированы самим Сатаной. А потом, ведь они продались Дьяволу. Он их тщательно охраняет. Вот им и везет во всем. А после смерти они попадают сразу в ад. Вы думаете, что и там они будут хорошо жить. Конечно, нет. Здесь он их снабжает лестью, богатством. Ему это нравится. А потом он этих продажных господ бросает в ад.

– Откуда ты всё это знаешь? – спросил Михаил.

– Многому учусь у вас в вашем мире. Да и у других людей в других мирах учусь, познаю мир. А как иначе? Только удивляюсь, почему многие ваши люди, окончив институты, не работают над собой? Жизнь человека не определяется только тем, что надо как-то слаще набить брюхо, но и набить знаниями голову. А многие люди ленятся набивать голову лишним грузом. С головой ничего не случится. Наоборот всё пойдет на пользу.

– Да, Гудвин, ты молодец, – сказал Михаил. Голова не боится, чтобы набить её нужным материалом. Мы её и так мало набили. Даже до десяти процентов не дотянули из ста. Чего бояться? Разум наш бесконечен, как и вся наша вселенная...

– А вдруг да у нашей вселенной есть конец? – перебил Гудвин, и хитро улынулся.

– Ты, Гудвин, стал мне нравится. Ты начинаешь философствовать. Этого я не ожидал. Но это факт. Подойдет время, ты и меня, как философа заткнешь за пояс.

– Я не стремлюсь кого-то обгонять. Я просто у всех учусь. И мне очень нравится учиться. К сожалению, я не смогу пойти учиться.

– Почему? – спросил Михаил.

– Переросток. По земным годам, мне уже тридцать восемь лет. Вот так. Никуда не подхожу.

– Диплом, наверное, уже есть? – вкрадчиво спросил Михаил.

– Ещё не знаем, какой институт, и в каком городе я его как будто окончил.

– Если бы я работал в моем институте, я бы добился, чтобы он у тебя был.

– Такой документ будет, – твердо ответил Гудвин.

– Я не сомневаюсь. Вот тогда ты начнешь кое-кого разоблачать, – сказал Михаил.

– Именно в этом и заключается моя мечта. Я вам по секрету скажу. Вам можно. Я вошел в группу главных искателей, вашему, называется разведка. Доверили вот. Турас, Гале, да и некоторые люди, которые были на планете Тор, поддержали мою кандидатуру.

– А теперь вот и за нами будешь следить? – тихо спросил Михаил.

– Что вы! Вы особенные. Вы сами есть настоящие разведчики.

– Нас, как только не называют, – ответил я. – И солдаты вселенной, и наемники, а теперь ещё и разведчики.

– Петра Петровича не надо бы забывать, – засмеялся Михаил. – Он тоже с нами. Ещё, какой разведчик!

– С вами, людьми, я тоже порой начинаю шутить, – ответил Николай. – Меня удивляет в ваших людях одна удивительная черта. Положительная черта. Порой, кажется, получилась безнадёжность, а некоторые люди шутят. Я говорю только о тех людях, в которых пока ещё нет микрочипов.

– Стоп, Никола! – сказал я. – Как бы сказал Платон, опа! Так можно определить человека, если есть в нем или нет микрочипа. Я знаю таких людей, которые не понимают ни шуток, ни юмора.

– Блестяще, Юрка, точно определил! – воскликнул Михаил.

– Это не я, а Никола определил, и сделал открытие. Всё это Никола!

Мне, кажется, наш новый друг Николай Егорович Гудвин заслужил того, чтобы мы его называли Николаем, или попростому Николой.

– Вот здесь надо бы сделать исключение.

– Какие могут быть исключения для не понимающих юмора? – спросил я. – Нет этих исключений.

– Есть, Юрка, есть. Люди, окончившие Высшую Партийную школу, шуток не понимают, – ответил Михаил.

Я стукнул себя по лбу.

Даже Николай рассмеялся. Он ответил:

– Как раз Петр Петрович эту школу окончил. Он тоже шуток не понимает.

– А ведь это точно, – сказал я. – Там, видимо, учили великовозрастных студентов не понимать шуток. Многих я знал, кто оканчивал эту школу, все, как на подбор, словно из специального инкубатора выходили.

– Мне пора уходить, – сказал Николай. И тут мне ещё захотелось спросить у Николая про загадочную картину. Спросил его. Он, как и Турас долго молчал. Потом ответил:

– Художник неизвестен. Создана она давно. Потом мы её искали, да так и не нашли. Что она обозначает, неизвестно. Загадка. Что хотел этим сказать и поведать будущим поколениям непонятно. Ну, я исчезаю.

Он словно растворился в воздухе.

– Вот бы нам так, – тихо сказал Михаил. – У меня есть мысли насчет этой картины, но пока я не дорос своими мозгами до неё, то лучше помолчу.

– Дождь, наверное, надолго затянется, – сказал я.

– Не должен, – ответил Михаил. – Весной долгих дождей не бывает.

Помолчали. Мелкий и нудный дождь монотонно стучал по крыше навеса.

– Хоть бы опять, куда нас направили, – сказал Михаил, и зевнул.

– Отправят. Куда мы денемся, – ответил я, и тоже зевнул. Снова помолчали.

– Однако надо идти, – поднялся Михаил.

– В тайгу? – спросил я.

– Туда, – ответил Михаил. И он пошел в дождь. А мне теперь придется сидеть, пока не закончится дождь, тем более, на противоположной горе от города проклюнулся просвет.

А вот и дождь перестал. Выглянуло солнце, и деревья стали ярче и зеленее. В траве капли от дождя, как бусинки сверкали от солнечного света. Паутинки так и переливались на свету. В метрах тридцати воздух казался зеленоватым, и дрожащим. Мимо меня проскочила белка, словно заигрывая со мной. А потом опять вернулась, пискнула и прыгнула на ствол старого кедра, и скрылась в хвое.

– Ах, негодница, – сказал я. – Всё озоруешь со мной? Озоруй. И мне ведь тоже стало веселее, и сон, таежная красавица, куда-то исчез.

Надо было идти мимо сосны. Поравнялся с ней, как я почувствовал, будто она позвала меня. Подошел, погладил ствол.

– Ну, что тебе ещё надо? – спросил я у сосны.

– Поняла, ты идешь. Поговори со мной. Никто со мной несчастной не поговорит. Ты вот только и останавливаешься.

– С молодости останавливаюсь зимой и летом. Некоторые мои знакомые уже знают мою любимую сосну.

– Неужели? Любимая? Значит, и для тебя любимая. Такого слова даже в молодости для себя не слышала.

– Если сосна для меня любимая, значит, и ты того, этого, как его, любимая. Хотя ты и недостойна, так тебя называть.

– Ну вот, ты и обиделся. Я долго думала после разговора с тобой. Бывать мне под кнутом. Как же я могла так жить. Ты знаешь, вот прошло всё похмелье, а нечем похмелиться. А как вкусно пахнет сосной.

– Ты чувствуешь запах? Это интересно. Слушай, Нинуля, а ты зиму здесь просидела?

– Да, просидела. Я ушла в корни. Там сидела.

– Ни еды тебе, не водки, не закуски. Спать надо. Спи, – сказал я.

– Здесь нет сна. Ничего нет. Я не чувствую тела. Одна сплошная темнота.

– Не завидую. Ну, что тебе сказать. Заслужила, то и получила.

– Заслужила. Но я больше не буду. Буду думать. Ты знаешь что?

– Что? – спросил я.

– Я впервые в жизни начала говорить о Боге. Я ведь даже молитвы-то не знаю. Научи меня молиться. Первые слова вроде приходят на ум. Отче наш. А дальше провал. Ничего не помню.

– Ты руки свои чувствуешь?

– Ничего у меня нет. Организма нет. Одно мне оставили, думать.

– Это уже хорошо. А ты представь свои руки. И молись. Сейчас я тебе буду говорить молитву, а ты повторяй за мной.

И я стал ей диктовать молитву. Несколько раз повторил. Потом она сказала:

–Хватит. Запомнила.

И она прочитала молитву.

– Вот теперь ты крестись, как можешь, и молись. А мне надо идти, а то я вижу, скоро опять пойдет дождь.

– Спасибо тебе, Юрка, спасибо. Слушай Юрка, забыла у тебя спросить. А Боженька может мне все мои грехи простить?

– Постоянно молись, может и простит. Но, думаю, что ты ещё многое пройдешь за грехи свои. Даже под кнутом, когда будешь катать тачки со своими грехами, тайно молись. Там ведь, в этом аду, не любят, когда молятся. А ты молись. Я думаю, что со временем, Бог тебя простит. Всего доброго тебе, Нинуля.

И я пошел домой.

Как-то встретился мне Демьян Акинфович Неуспокоев.

– Наверное, там побывал? Как там?

– Да нет, Демьян Акиньфович, пока не был я там. Видимо, пока мы там не нужны.

– Конечно, я помню, тогда перепугался. Потом я долго думал насчет всего этого. Мы не привыкли к таким страхам. Это же всё для меня новое. Я бы привык. У меня такие лекции! И ты поговори там кое с кем. Я думаю, что мне разрешат посетить тот мир. Поговори.

Чтобы как-то отвязаться от него, надо было что-то придумать. И я решил обнадежить его.

– На короткое время кое-кто был у меня. Замолвил за тебя слово. Они согласные на твой переход. Простудируй свои лекции, рефераты. Они там пригодятся.

Конечно, Неуспокоев пригодится в очередном путешествии. Если, конечно, он заменит Петра Петровича. Это не в моих силах. А если двух лекторов в нашу команду подсунут? Для смеху можно. Даже невозможно представить, что там будет. А ведь сами отправители бывают с юморком. Они это могут устроить.

Неуспокоев не успокоился. Когда я хотел уже продолжить путь, он дернул меня за рукав.

– Я как-нибудь приду к тебе домой. У меня родились кое-какие мыслишки насчет новой лекции.

– Потом, всё потом, – ответил я. – Тороплюсь в библиотеку.

– Подождет твоя библиотека.

– Библиотека не может ждать. Опоздаю.

– Только на минутку, – и он опять дернул меня за рукав. – Такой лекции даже у Петра Петровича нет. Я обдумываю лекцию, как повысить рождаемость...

– Я вот тоже сейчас обдумываю об увеличении рождаемости гусей и уток, – перебил я. – Совсем мы этих птиц покинули. А нам ведь мясо необходимо.

– Это так, – почесал в затылке Неуспокоев. – Потом про твоих гусей и уток. Повысить рождаемость детей. Гуси потом. Ну, их. А вот с детьми совсем плохо. И потом кого сейчас рожают? Ты не задумывался?

– Страсть, как задумывался.

– Вот. И тебя эта тема зацепила. А ведь это проблема.

Я вырвался из его цепких рук и побежал. Нет, не успокоится товарищ Неуспокоев. Господи, подумал я, почему эти люди ничему в жизни не учатся? Нет, их уже не переделать. А тут возьми и сам Андрей Иванович Поломойкин нарисовался.

– Остановись, дружок. Всё куда-то торопишься? Бегаешь всё? Молодец!

Он стоял передо мной высокий, широкоплечий, грозный.

– Что? Умным людям морали читать? Какое имеешь право умничать? Нет такого права неучу учить ученого. Я всё думал над твоими словами. Ты мне здесь такого нагородил, даже всем курам на смех.

– А причем твои куры? – быстро спросил я. – А про гусей забыл? Вот они когда гагакают, это они смеются надо мной. А ты мне здесь про каких-то кур толкуешь.

Поломойкин начал глубоко дышать, глаза его округлились, рот открылся, лицо приобрело цвет брусничного сиропа.

– Смеяться надо мной вздумал? Это над тобой гуси пусть смеются. У меня гуси на даче надо мной не смеются. Да они и смеяться-то не умеют. Я тебе не про гусей говорю.

Он на миг задумался, видимо, забыл, о чем говорил. Потом быстро ответил:

– Да я тебя, понимаешь ты, в порошок сотру! Смеяться надо мной? Да, у меня хозяйство. А у тебя ничего нет. Пишешь там какую-то ерунду, умных людей только своей писаниной смущаешь. Сукин ты сын, вот кто ты есть! Вспомнил! Ты мне такого нагородил, что и вспоминать тошно!

Я развернулся от него и пошел сам не знаю куда. Что же такое получается? Как будто кто назло мне подсунул сначала Неуспокоева, а теперь ещё и Поломойкина. Неожиданно на меня навалилась тоска хоть вой. Поломойкин продолжал что-то кричать. Редкие люди шли, но не останавливались. Им не было никакого дела до ревущего человека, и убегающего от него деда.

И тут произошла ещё одна прибавка к моей тоске. И эта тоска, видимо, решила сегодня не покидать меня. Она кружилась надо мной и скалила в злобе позеленевшие от злобы зубы. Навстречу мне шли три старушки. Все новости, какие только есть в нашем городишке Туманске, они вмещались в эти три головки.

Я всегда удивлялся тому, как они умудрялись знать всё, если с утра до позднего вечера, сидели на лавочке. Зато никого не пропустят мимо, обязательно остановят, спросят о здоровье, допытываются до всего, потом пожелают здоровья и счастья. А когда человек отойдет от них, осудят его до самых глубоких предков. Я всегда боялся сидящих на лавочках старушек. Я чувствовал на себе их осуждающие взгляды. Порой мне казалось, что они знали какую обувь, носила моя прабабушка. Где бы я ни был, куда бы ни забрасывала меня судьба, такие вот старушки сидели на скамеечках. И если мне надо было узнать, в какой квартире живет какой-нибудь Сидоров, они о нем всё расскажут.

И вот эти старушки шли мне навстречу. Меня это удивило. Почему они покинули свою любимую скамеечку? Это было необычно и странно. Они шли мне навстречу и участливо улыбались.

Самая вредная и въедливая из них бабуля Евдокия Семеновна сузила и без того маленькие глазки, и тихо спросила:

– Что, Юра попало? Не переживай. Бывает. Значит, ты обидел его. А он человек уважаемый. Нехорошо. Нельзя. Он обиделся. Кончай зубоскалить, пора уж давно за ум браться. Ну, ничего. Как там у тебя сын-то? Всё в Москве шарится? Не сбежал из неё, родимой.

– Откуда вы знаете, что он в Москве? – быстро спросил я. Одно я понял, надо бежать от этих бабулей.

– Хи-хи-хис, – дробно засмеялась Евдокия Семеновна. А другая ответила: – Мы, Юра много чо знам. Некаво от нас прятаться. Некаво. Мы люди скромные, чо ты нос от нас воротишь? Нехорошо.

Третья бабуля сказала:

– Нельзя так. Нехорошо. И не культурно. Я вот когда работала в управлении комбината, то на тебя всегда приходили жалобы от начальства. Всё критиковал ты их. Нехорошо.

– Такой уж он, Стрелов, неутомонный, – нежно улыбнулась Евдокия Семеновна. – Посидел бы с нами, поговорили бы по душам. Всё тебе веселее было бы с нами. И дурь бы вся вышла из твоей бедовой головы. До восемьдесят лет дожил, а всё дурью маешься. Пора бы успокоиться и утомониться. Я понимаю,

что ты стараешься людям доброе слово нести, но многим это не надо. Зачем? Разве ты не понимаешь, что творится в мире? Пенсионеров обижают. Цены растут, а ты со своей добротой лезешь к людям. Я тебя понимаю. Доброе слово порой лучше всего. Не надо сейчас говорить о добре.

– Ладно, бабули, с этого дня надо говорить о зле? – спросил я. А сам почувствовал, как я начал слабеть. Моя энергия потоком пошла к этим бабулям. Моя тоска ну просто прыгала надо мной и между бабулями от счастья. Порой мне казалось, что я видел её в виде серого клочка похожего на густой дым от сигареты, выпущенный изо рта отпетого алкоголика. Бежать, надо бежать! Ноги стали ватными, в глазах рябь. Я шагнул от них, и пошел в сторону своего дома. Меня шатало. Тоска стучала в мою бедовую голову. Надо её туда не пропускать. Тогда можно и упасть.

Подошел к дому. А на скамеечке сидели уже другие три бабули. Они заметили меня, и ласково улыбнулись. Чёрт бы их побрал всех этих бабулей, этих извечных сплетниц.

– Иди к нам, Юра, не стесняйся. Что сегодня ты такой бледный? Заболел? Сядь с нами, посиди, да расскажи какие там новости...

Я тихонечко взвыл, и скорее вошел в подъезд.

Чуть помню, как проковылял к дивану, и упал на него. Пришлось одолеть себя. Пошел под теплый душ. Потом выпил кофе, и меня потянуло на сон. Последнее, что я увидел, как бесформенный клочок серого дыма выскользнул в форточку.

Проснулся к четырем дня. Усталость не проходила. Решил идти в тайгу. Только там я могу набраться энергии.

Я прошмыгнул мимо вечных бабулей. Кстати, и для меня это странно, все бабули мне, всегда, казалось, были словно на одно лицо. Как они умудрялись всюду быть, для меня это загадка. Будто кругом сплошные бабули, эти неутомные и профессиональные сплетницы.

Но успел услышать:

– Что это он нас брезговат? Не уважат нас. Нехорошо.

– Нехорошо.

– Не культурно.

Я шел в тайгу. И было удивительно то, что тоска покинула меня. И чем ближе подходил к тайге, тем больше входило в меня энергии. Даже замурлыкал какую-то непонятную для меня мелодию.

Вот она моя родная тайга. Я шел, гладил деревья все подряд, и готов их всех расцеловать. Как было бы хорошо поселиться навсегда в тайге, в глуши. Никому не мешать, и чтобы мне не мешали.

Проходил мимо своей любимой сосны. На этот раз мне захотелось пройти поскорее мимо, как вдруг услышал с хрипотцой голос. Так говорят много пьющие и курящие женщины.

– Брезгуешь.

Вот опять это слово! Господи! До каких пор? Ещё сейчас ляпнет об уважении.

– Хоть бы уважил, да поговорил. Мне, кажется, сейчас раскроется что-то там, и ты унесешься в другой мир.

– Всё может быть. Тебе не надоело трепаться об уважении и брезгливости? Все вы одинаковые.

– Вроде пришел в тайгу радостный, даже насвистывал. Что случилось? Что ты на меня так? Мне и так тяжело, да ещё ты так ко мне относишься.

– Ладно, – ответил я. Что это я вдруг сразу изменился? Не надо бы так. А как? – Ты извини меня. Здесь в тайге, и у этой сосны я по-настоящему отдыхаю. Извини.

– Что уж, и ни тово. Не обижаюсь. Допекли тебя, однако, бабки?

– Откуда знаешь про бабок?

– Они мне полжизни испортили, ни дна им и не покрышки.

– Ты права, Нинуля, мне тоже самое почти каждый день донимают.

– Ты знаешь, Юрка, я стала много думать над своей судьбой.

– Анализируй свою жизнь. Время есть. И молись Богу. Может, и простит. Как Катюша нормально переродишься.

– Я всё время молюсь. Кажется за тобой пришли.

– А как ты чувствуешь?

Она замолчала. В это время образовался проем в сосне. И я шагнул в него.

Это их последний оплот

Стоял у дома с конусной крышей на острове Диком. Пока из моих друзей никого не было видно. У домов, в винограднике возились люди. Они собирали виноград.

На улице людей не видно. Видимо, все работали. Пока моих друзей собирают, пойду к морю. Интересно, кого на этот раз пришлют в команду наемников.

Я пошел к морю. Не успел дойти, как услышал окрик. Конечно, это кричал Михаил Бутаков. Я оглянулся. От дома шли мои старые друзья: Михаил Бутаков, Виктор Коноплев, Юра Вычегжанин, Федор Копылов, Дмитрий Хвостов, и, конечно, Петр Петрович Длиннохвостиков.

Митька засмеялся:

– Вот и вся великолепная семерка собралась!
– Ты к морю пошел? – спросил Михаил.
– А куда здесь больше идти? – спросил я. – Дом, столовая и море.

– Интересно, в какие края нас на этот забросят? – спросил Юра. – Я, конечно, сомневаюсь, что нас отправят на край вселенной. Но опять же, всё можно ожидать.

– А я новую лекцию сочинил, – потер руки Петр Петрович. И тут я вспомнил товарища Неуспокоева. Знает он его или нет. Это весьма интересно.

– Петр Петрович, у меня дома был Демьян Акинфович Неуспокоев. Он, понимаете ли, тоже того...

– Что того? – насторожился Петр Петрович. – Я знаю. У него лекции хуже моих лекций. В райкоме партии говорили. Они у него сумбурные.

– А вот как раз сумбурных лекций нам и не хватает, – сказал Михаил.

– Как вы понять не можете? – вспыхнул Петр Петрович. – Да его сюда на пушечный выстрел нельзя допускать! Смеетесь?

– Петр Петрович, чо вы нервничайте, – ответил Митька. – Хотя два лектора полный перебор, но всё веселее было бы.

– В спорах рождается истина, – добавил Федя.

– Какая истина? Вы бы послушали эту ересь, то все бы вы попадали в обморок.

– Так этого нам и надо! – воскликнул Юра. – А я ещё сомневался. Такой лектор, как этот Неуспокоев быстро успокоит улыбочков, если, конечно, мы встретимся с ними.

– Вы все с ума сошли! – крикнул Петр Петрович. – На его лекциях все спали, потому что в них ничего нельзя понять.

– Хватит спорить! – сказал Михаил. – Нет вашего любимого напарника по болтовне в ступе, значит, нет. Куда нам теперь идти? Вот это вопрос всех вопросов.

Петр Петрович отошел от нас. Он что-то ворчал себе под нос.

Решили идти купаться в море, что мы и сделали. Один Петр Петрович не пошел с нами. Обился мужик на нас.

Пока мы купались, на двух лодках приплыли рыбаки. Их было шесть человек. Четыре женщины, и два мужика. Улов был отменный. Три полных корзины рыбы.

– Новички? – спросил высокий и крупный рыбак. – Недавно такие вот прибыли сюда. Они на двух лодках уплыли на большой остров.

– Так их много? – спросил я.

– Да нет. Одну лодку они заняли, а на другой лодке Гринька поплыл. Там он будет ждать двух наших. Гнилomedов сказал, каких-то трех мужиков с острова сюда надо доставить. Вот обе лодки и пригонят сюда.

– Гнилomedов всё ещё у вас комендант? – спросил я.

– А куда он денется? Здесь он, – ответила женщина. – Так вы я смотрю тоже из живых? И те шесть мужиков тоже живые.

– Женщины у вас бывают? – спросил я.

– Бывают, – засмеялась женщина, и другие засмеялись.

– Веселые такие были, эти бабенки? – спросил Митька.

– И не говори. Веселые. Шумные они были. На что я горластой была в той жизни, но эти ого-го! Спорили всё время. Каждая верховодить хотела.

– Одна, наверное, вопросы вам задавала, да? – спросил я.

– Откуда ты, парень знаешь?

– Знакомо дело, – ответил я.

– Кого там вопросы, она отвечать велела. А я её матом кое-куда отправила. Если бы возникла, то я бы её одним ударом уложила отдохнуть. Я на путях вкальвала. С одного удара костыль в шпалу забивала. Сменщица тока успевала костыли заправить в шпалу. А я тюк, и костыль на месте.

– Крикливые бабы, – подтвердил мужик.

– А куда они направились? – быстро спросил я.

– На большой остров их отправили, – ответила другая женщина.

– Ну, слава Богу, – вздохнул я. – Пронесло.

– Вы знаете их? – спросила главная женщина. Я подумал, что она должна быть здесь главной.

– Приходилось встречаться, – ответил я.

– Ну и как? – улыбнулась она.

– Тоже, как и у вас. Власть делили. А кто-то вопросы задавал и ждал ответы.

– Мужики, – обратился к нам Михаил. – Я думаю, что все не против пойти к дому. Оно и понятно.

– Конечно, к дому, – ответил Федя.

Мы распрощались с рыбаками и пошли к дому.

– Может, в столовку заглянем? – спросил Митька.

В столовой мы отменно пообедали, и вышли на улицу. Нас никто не встречал.

– Я думаю, что надо идти в дом, – предложил я. – Теперь мы отлично знаем, что нам надо делать. На остров мы не попали. Не дай Бог встретиться с нашими женщинами.

– А я не желаю встречаться со своей Пелагеей. Мы всё равно расстались. Теперь каждый из нас живет своей собственной жизнью.

Мы пришли к дому, вошли в подвал, и встали под купол.

Я открыл глаза. Как и много раз, на бутре горел костер, а вокруг него сидели пираты. В метрах десяти стоял тот же шатер.

Интересно, сколько же здесь проходит время, если каждый раз бывает эта картина? – спросил Михаил.

– Представьте теперь каково мне видеть эту картину с молодости. Слава Богу, здесь нет Гнатона.

Мы поднялись на холм. А я тихонько сказал:

– Попробую у них попросить мяса и похлебки.

Первым подошел к пиратам.

– Мужики, поделились бы харчами? Что вы сидите, как укры?

Один из них взглянул на меня из-под густых бровей.

– Давно не дрался с Гнатоном?

– Бывает здесь?

– Вчера был.

Мои парни стояли в стороне.

– Слушайте, мужики, а что вы всё сидите? Как не появлюсь здесь, вы всё время сидите, как обмены.

– Это тебе так кажется. Мы так же спим, едим, бываем в своем пиратском прошлом. Бываем и в вашем мире. А помнишь, ты как-то был в городе Адлер с биксой Маркизой. Мы тогда взяли её под белые ручки, и в ад. Правда, её потом из ада выгнали. В девчонке она родилась.

Я вспомнил эту Маркизу. Звали её Ниной. Я о ней написал целую главу в своей первой книге «Зона».

– Долго вы тут живете, как я посмотрю. Всё с вами ясно. Пойдем дальше.

Я подошел к парням. Михаил спросил:

– Ведь они пираты. Как они могут говорить по-русски?

– Очень просто, и в тоже время очень сложно. Они находятся в другом мире. А там нет границ в языках. Они говорят с нами на энергетическом языке.

– Как это? – спросил Митька.

– Если мы попадем в параллельный мир, где проживают нормальные люди, там будет языковой барьер, – ответил я. – Я падал в такие миры. А этот мир, где живут давно умершие люди. А если их сделали вот такими, то это не просто люди, а темные духи.

– Тогда почему мы их видим, если они духи? – спросил Юра.

– Вопрос, – ответил я. – Тогда у меня тоже вопрос и ответ. А как вы думаете, кто мы вот в этот момент в этом мире?

– Люди. Я, например человек, – ответил Федя.

– Правильно. Человек. Но только в мыслях. Наша копия. Но мы сотворены из непонятно чего. Единственно меня мучает во-

прос. В то время, когда я вхожу в сосну, и тут же появляюсь у дома на острове Диком, то, где находится моё собственное тело? Вот это единственное дело, меня всегда мучает. Спросить кого? Вы думаете, что они конкретно ответят. Конечно, нет. Потому что мы всё равно не поймем, как это всё происходит.

– Вот это накрутил, – ответил Федя. – Вроде я что-то понял, а вроде ничего не понял.

– Как будто я понял, да ни черта я не понял, – сказал Митька.

– Главное, чтобы костюмчик сидел, – ответил Михаил.

– Причем тут костюмчик? – спросил Митька. – На всех нас куртки.

– Главное, парни то, что мы есть, – ответил Михаил. – Вот и весь ответ.

Как всегда, мы вошли в пещеру. По кругу грешники таскали тачки. Два надсмотрщика стегали их кнутами.

Петр Петрович ближе всех оказался к одному из грешников. Петр Петрович остановил его.

– Кого я вижу! Это вы? Но позвольте, вы живы.

Грешник остановился. Кнутабой не обратил на это внимание.

– Друзья, да это сам Лужков! Бывший мэр Москвы, – сообщил Петр Петрович. – Как же вы сюда попали в эту компанию?

– По ошибке, дорогой товарищ, по ошибке. Я всю жизнь честно трудился на благо России. Меня подставили. В другом отсеке женщины. Там моя любимая женушка Еленушка таскает тачки. Как так можно? Её тоже подставили. Мы честные люди.

Мы подошли к лектору. Действительно, это был Лужков.

– Мы не виноваты, – почти в один голос закричало несколько грешников. – Не виноваты.

К нам подходили грешники. Движение приостановилось. К нам подошли оба кнутабои. Конечно, это потусторонние духи тьмы.

– Ребята, не мешайте этим греховодникам тачки таскать, – сказал один из них.

– Нам бы хотелось посмотреть на некоторых воров с государственным уклоном, – сказал Михаил.

– Здесь не воры. Здесь честные труженики. Если мы заработали миллиарды, то это не говорит, что мы грешники, – сказал один из них.

– О, да это чукча! – воскликнул Митька. – Всё прет за границу, и он ещё не грешник. Взял бы да купил нашу футбольную команду, так ему за границу подавай! За дело тебя сюда!

– А проснутся они в холодном поту, – тихо сказал Петр Петрович. – У некоторых будет спина болеть. И не будут знать...

– Как их потчевали кнутами, – перебил Митька. Он хотел взять кнут у кнutoбоя, но рука прошла мимо. Кнutoбой криво улыbnулся.

– Вы есть живые. Идите по своим делам, – сказал один кнutoбой. – Вдруг нагрянет сам хозяин, не сдобровать тогда вам и нам. Скажу тока, здесь все ваши миллиардеры. Есть воришки министры.

Михаил тихо сказал:

– Я узнал здесь Березовского, Абрамовича, Прохорова, Миллера. Да все они здесь.

Кнutoбой с гордостью сообщил:

– Только что доставили в соседнюю секцию баб из министерства обороны России, некоторых артисток. А теперь уходите от греха.

И он начал бить кнutoм греховодников. А мы вошли в длинный коридор. Всегда, когда мы бываем здесь, есть вот этот коридор с множеством дверей.

Я открыл одну, и тихонечко закрыл. Большая комната. За учебными столами сидели девушки. А перед ними стояли: Октябрина Правдина и Пелагея Длиннохвостикова.

Правдина говорила:

– Вы всегда должны знать, что вы все-таки женщины. Мужчина для каждой женщины есть приложение. Если он начнет над вами командовать, то можно ему и глаза выцарапать.

Длиннохвостикова говорила:

– Женщина всегда должна быть женщиной. И надо так уметь делать, чтобы мужчина исполнял все ваши желания. Все женщины от природы талантливые артистки. Начальник мужчина. За его спиной жена. Министр муж. За спиной жена. Президент

муж, за спиной жена. И жена так умело закручивает, что любой мужчина при должности даже самой высокой делает то, что хочет жена. Вот что такое женщина. Мужики только надуваются, что это они всё делают. И не замечают, что все делает жена. Вот что такое женщина.

Дверь закрыта. Мои друзья всё это слышали. Все мои друзья стояли в оцепенении. Долго так стояли. Первым высказался Митька.

– Да, вот это речуга. Так я и остался одиноким. Не хочу попадать под каблук бабе.

– Хорошо, что мы расстались с Палагеей.- признался Петр Петрович. – Она меня совсем с этой дачей замучила. Я даже лекции свои прятал от неё в свинарнике, в курятнике. Кошмар. Сейчас отдыхаю.

– Извините меня, но я тоже мотаюсь по стране одиноким, – сказал Виктор.

– Да и я тоже одинок, – вздохнул Юра. – И я никогда не сомневался, что вы все одинокие.

– Мы со своей женой тоже разошлись, – сказал Федя. – В общепитии живу. Жена у меня всё отобрала.

– А я давно один живу, – ответил Михаил.

– Да и я одинок, – сказал я. – Давно не хочу ни с кем связываться. Боюсь, что попаду под каблук. Незаметно так попаду под башмак женщины. Одному как-то лучше.

И тут я вспомнил, что все в моих командах были одинокие мужики. И что любопытно, ничего у них не было. Бродяги, полные бродяги. Возможно, таких вот бродяг и бессребреников и подбирают в такие вот команды наемников в другие миры? И каждый из них ничего не просил для себя.

– Пойдем дальше, – сказал Михаил. – А как точно они сформировали образ многих жен, которые стоят за спинами своих высокопоставленных мужей.

Мы пошли дальше. Федя открыл ещё одну дверь. И тут же закрыл.

– Пасется стадо овец.

Митька открыл дверь напротив.

Мы заглянули в комнату. Она была большой, и заваленной стульями, столами, шкафами. Такое было ощущение, будто это мебельный склад.

– Зайдем, да посидим, как люди, за новенькими столами, – сказал Митька. И мы вошли. Расселись за столы. Каждый сел на новенькие, мягкие стулья.

– Значит, где-то здесь есть завхоз, – сказал Федя. – Поймает нас завхоз на месте преступления.

– А мы специально дверь не будем закрывать, – ответил я. – А потом, что они здесь не закрывают на замки двери.

– Замки в двери не врезаны, – ответил Федя.

В это время мы услышали крик. Голос знакомый. Странно, Петр Петрович плюнул, и даже вскочил со стула.

– Мерзость. Полная мерзость. Я ведь чувствовал, ведь знал, так такому быть. Я всегда чувствовал, когда Пелагея готовила мне очередную пакость. Вот это пакость, так пакость! Тьфу!

В коридоре я услышал истошный крик:

– Помогите! Спасите! Душат свободу личности! Не надо вопросов! Не надо! Отцепись со своими вопросами! А ты, Пелагея, хватит болтать мне о слабости женщин! Упыри вы! Ведьмы! Митька, где ты? Юрка, Стрелов! Спасите меня! Караул! Душат свободного человека!

Мы вышли в коридор. К нам бежал сам Демьян Акифович Неуспокоев. Откуда он? Как он сюда попал? Хотя, что я болтаю? В этом мире всё возможно. Он бежал прямо на нас. Я таких глаз у него не видел, Они раскрыты до предела, и в них был ужас.

Надо спасти мужика. Дело в том, что из той комнаты, где наши землячки читали мораль девчатам, выбежали Пелагея и Октябрина.

– Лови их! – кричала Пелагея. Голос её несся по всему коридору, бился о стены, и от этого был ещё громче и страшнее. – Вон они все здесь! Ловить их надо, мерзавцев одиноких! И этого падлюгу пригрели на своей груди!

Мы с Митькой схватили Демьяна за руки и втащили в комнату. И вот только сейчас я увидел в углу запыленное зеркало.

– Бежим к зеркалу! – закричал я. – в нем наше спасение! А до рогу им преградим столами и стульями.

Федя и Митька стали разбрасывать столы и стулья, чтобы как-то преградить путь разъяренных одиноких женщин. А оскорбленная не вниманием женщина, да тем более одинокая, злая вдвойне.

Я подбежал к зеркалу, сунул в него руку, и она свободно вошла в него.

– Парни, прыгай туда! Быстро! Иначе мы пропали!

Первым вбежал в зеркало, и тут же исчез в нем Петр Петрович. За ним юркнул Неуспокоев. В комнату ворвались наши землячки.

– Ушел от ответов? – кричала Октябрина. – Вы все вот такие мужики, только для виду храбрые! Стойке! Куда вы опять исчезаете!

– Где этот прыщ, Петька, мать его за ногу, чёртова семя!

Последними вбежали в зеркало Федя, Митька и я. Почти следом за мной, топала Пелагея. Она тоже пожелала проникнуть сквозь зеркало, но я только услышал громкий стук. Видимо, Пелагея ударилась лбом о твердое, как гранит стекло.

И вот я в другом мире. В каком мире, не знаю. Надо оглядеться. Все осматривались, только двоим было не до смотрин. Как два барана, стояли друг перед другом два политических врага, Длиннохвостиков и Неуспокоев. Как говорится, это полный перебор. Хотя, тем, кто нас отправляет в другой мир, виднее кого они пожелали заслать. Может, для юмора? Не знаю. Но то, что будет не скучно, это точно. То, что происходило сейчас между ними, я не буду писать, что кто из них говорил или отвечал.

– Я тебя никогда всерьез не принимал?

– Будто я тебя принимал.

– Что ты из себя корчишь?

– Что ты из себя ставишь?

– Какой из тебя лектор? Серость.

– Это я серость?

– Я серость? У тебя в лекциях нет глубины вопроса!

– А у тебя одна политическая трескотня!

– От трескотни слышу!

– От твоей лекции мухи дошли со скуки!

– А у тебя все засыпали, подкаблучник Пелагеи!

– А у тебя одна только бабка глухонемая слушала твою ересь. Ты бабкин подкаблучник.

Тут я решил вмешаться в бесконечный спор двух лекторов. Мы с Михаилом встали между ними. А остальные парни весело смеялись над лекторами.

– Хватит, политические гырзы с планеты на краю вселенной! Готовые сожрать друг друга! – закричал я. – Как будто мы попали сюда для вашей ругани! Надо идти. А вы здесь политический концерт устроили. Оба хороши с вашими лекциями! Они ещё пригодятся. Вот вы оба и есть настоящие подкаблучники ваших лекций!

– Это он подкаблучник! – отозвался Демьян.

– А ты у глухой бабки подкаблучник!

– Смирно, каналы! – закричал Михаил. Так громко он никогда не кричал. – Буду просить отправителей, чтобы вас отправить домой! Разбушевались здесь! Молчать, политические упыри!

Лекторы сразу притихли. Но Петр Петрович успел почти прошептать:

– А я тут причем? Это всё он. Его надо отправлять.

– Почему меня? Это ты виноват. Ты первый начал кричать!

– Я?! Это ты на меня набросился.

– Всё, сказал Михаил. – Терпение моё лопнуло. Буду просить отправителей обеих гнать отсюда поганой метлой. – Он закричал: – дорогие отправители, пожалуйста, отправьте двух политических злыдней домой!

Два лектора закричали одновременно:

– Не надо. Я больше не буду.

– Не надо. Я больше не буду!

– Так-то вот, господа лекторы, – сказал Михаил. – Ещё раз начнете вот так ругаться, точно отправят. Я услышал голос. На первый раз они вас прощают. Потом уж не взыщите. А ещё могут в пещере и кнутами высечь.

Присмирели лекторы. Михаил подмигнул мне. Здорово он их напугал. Но надо было что-то делать. Мы ведь сюда прибыли не для этой разборки.

Перед нами раскинулась степь. Мы стояли на дороге. Туда, куда она шла, вдали высилась гора. Недалеко от нас пробежал

табун лошадей. Вдали ещё что-то двигалось в виде оленей. Скрылись за горой.

Над степью начал заливаться песней жаворонок.

– Как у нас, – сказал Федя. – Мы, наверное, на нашей планете.

– Идем в сторону горы, – сказал Михаил.

За голенищем сапога я обнаружил кнут. Давно его не было. Значит, предстоит что-то вроде драки. Но с кем? Кнута у меня не было на планете, на краю вселенной.

Солнце клонилось к закату, когда мы подошли к горе. Дорога шла у подножия. Мы вышли к небольшой речке. Она огибала гору и скрывалась за поворотом. Недалеко от нас вышло стадо оленей. Они не обращали на нас внимания. Мы, молча, любовались оленями. Темнело. Почти на нас выскочил сохатый. Он посмотрел на нас, понюхал воздух, не спеша подошел к воде, попил, и углубился в лес.

– Странно, они не боятся нас. Чтобы это значило? – спросил Михаил.

– Девственная природа, – ответил я. – Но, где это? Животные, как у нас.

– Остановимся на ночлег, – сказал Михаил. Мы стали собирать сучья, сухие ветки. Курящих друзей среди нас не было. Во всех командах, в каких я был, никто не курил. Вот ещё одна странность. Значит, курево, больше, чем вино и водку, нельзя нам курить.

Мы сели на пологий берег, и готовились ко сну. Всё это время Петр Петрович и Демьян Акинфович старались не сталкиваться. Теперь они сидели друг от друга подальше.

Первым заговорил Михаил:

– Демьян Акинфович, как, всё-таки, вы попали к нам в команду? Все мы были собраны у дома на острове Диком. А вы оказались в лапах двух подружек. Поведайте нам.

– Лучше бы он не попадал сюда, – проворчал Петр Петрович.

– Как я попал? Сам не знаю. Я наслушался и начитался у Юрия Стрелова о путешествиях в другой мир. И я подумал, а почему мне не попробовать попасть, как и вы все. Подошел к сосне, и тут же меня втянуло внутрь. Я испугался, и начал кричать. Оказался я на берегу широкой реки. На бугре сидели люди у костра, и что-

то варили в котле. Один из них встал, и крикнул, чтобы я шел в пещеру. Ну, я и пошел. Там я опять испугался...

– Ты всегда был отменным трусом. Вот и попал под каблук Пелагеи, – зло ответил Петр Петрович.

– Сам ты настоящий каблук, – огрызнулся Демьян Акинфович.

– Прекратите спорить, – пригрозил Михаил. – Что было дальше?

– Я открыл дверь, а там меня взяли в оборот наши землячки. Пелагея начала меня таскать за волосы и пинать. Кричала, что я ей всю жизнь испортил. А чем я ей испортил, не понимаю. Все деньги я приносил домой. Не пил, не курил. Дачу вон, какую построил. Свиной наплодил кучу. Денежки от продажи все сама брала. Курей было много, даже гуси были. Кролики были. Многое что было. Потом ей всё надоело. Продала, а деньги все взяла себе. А я остался без всего. Кстати, и трехкомнатную квартиру продала, а деньги себе взяла. И я ей жизнь испортил? Как так, мужики? У меня ничего нет. Была у нас старая однокомнатная квартира в деревянном доме. Вот там я и живу. Как я ей жизнь испортил?

– У нас Стрелов сочинитель, вот и спроси у него, что это такое, – сказал Федя.

– Пойми, Петр Петрович, не первый и не ты последний. Я массу приведу таких жен. Они все, как на подбор кричат, что ты, мол, всю мне жизнь испортил. Разошлись характером. Я всё-таки, женщина. Сейчас я работаю над книгой о таких женщинах. Теперь живи один. На досуге читай свои лекции. И не слушай никого. Когда остается женщина одна, никто не говорит ей, почему она не выходит замуж. Но стоит мужчине остаться одному, как женщины, и эти вездесущие бабки на лавочках говорят, почему не женишься? Спрашивают?

– Надоели спрашивать. А сама много лет жила одна, и ничего.

– Вот и вся канитель, Петр Петрович. Всё с этими бабками. Хватит.

Из леса вышел небольшого роста старичок в рваном колушке. В руках удочка, и закопченное ведро. За плечами мешок. Вместо заплечных ремней, веревочки. Увидев нас, старичок остановился.

– Не бойся, мужик, нам бы костерок поджечь, – попросил я. – Ночь, возможно, будет холодной, а у нас спичек нет.

По мере того, как я говорил, он, словно вырос на моих глазах. Весь приободрился, и ринулся к нам.

– Русские! Наконец-то! Я ведь, как чувствовал, что кто-то когда-нибудь прибудет сюда. Молодые не в счет. Хотя вы тоже молодые, но какие-то другие.

Он подбежал к нам, поставил ведро, наполовину заполненное рыбой, бросил удочку, и стал шарить по карманам. Худенькое и обросшее его лицо дрожало. Мне даже казалось, что он плакал.

– Сию минуту я, сию минуту. Как же я вас ждал!

Наконец-то, трясущимися руками он достал из кармана куртки черный мешочек, и вынул оттуда огниво. Я уже писал об этом приспособлении для курящих людей. Во время войны и после почти у каждого курящего было это огниво. Две металлические пластинки, кремневый камень и трут, который может дать огонек.

Старичок подбежал к куче хвороста, и стал высекать искру. Вскоре появился огонь.

– Мы быстренько сгоношим ушицу. Картоха и соль есть. Так что, уха на славу будет. А зовите меня Вася Кудрин. Я местный пастух.

Он вывалил рыбу на траву, и побежал к речке. Принес воды. У него уже было приспособление из металлических прутьев для таганка.

– Вот у меня два ножа, давайте рыбу потрошить. Давайте, давайте, а то скоро совсем темно будет.

Каждому нашлась работа.

И вот уха была готова.

Он достал две большие деревянные чашки, и такие же две ложки.

– Будем исти по очереди, – сказал он. Достал из мешка два калача.

Ужин получился на славу. Хорошо поужинали.

– Я на селе главный пастух.

– А где стадо? – спросил Федя. – Да и села не видно.

– За поворотом оно. Дома стадо. А я вот пошел порыбачить. В этом месте добрая рыба клюет.

– Мы видели стада лошадей, оленей, сохатого видели, – сказал я.

– Вы видели диких лошадей и оленей, – ответил Василий. – А у нас прирученные животные. Есть свои лошади, коровы, свиньи похожие на кабанов. Мы их приручили. Всё есть у нас.

– Василий, а где мы находимся? Мы путешественники.

– Вы путешественники во времени. Врать нехорошо, – ответил Вася. Было уже темно. Говорил он серьезно, или смеялся над нами, не видно.

– Откуда ты, Василий, знаешь, что мы путешественники во времени? – спросил Михаил.

– Просто. Дело в том, что в этом мире вы после меня вот такие впервые образовались здесь.

– В каком мире? – спросил я.

– В параллельном вам мире, – ответил Василий.

– Хорошо. Можно поверить, но я сомневаюсь, что это другой мир, – ответил Юра. – Потому что всё, как у нас.

– Ясно, – ответил Василий. – Не верите? Хорошо. Завтра увидите и узнаете.

– Хорошо, Василий, мы из другого мира, но на планете Земля, а вот как ты сюда попал? Ты – русский. Как это возможно? – спросил Михаил.

Он лег на землю, немного помолчал и начал рассказывать о своей судьбе.

– Жил я в шахтерском городе Черемхово...

– В Черемхово!? – воскликнул я. – Так я сам из Черемхово. Стрелов я. Родился там. Жил на улице Красной. Вот это земляки! Как тебя угораздило попасть сюда?

Василий даже сел. Он ошалело смотрел на меня.

– Из Черемхово? А я жил на улице Плеханова. Я хорошо знал Стреловых. Мы даже были какие-то с ними родственниками.

– И я Кудриных знал. У меня был друг Витька Кудрин, – сказал я. – Мы бывало, с ним по базару шныряли.

– Витька мне двоюродный брат. Вот так встреча! Тогда я шибко не пойму. Если ты его друг, то, как так? Я такой старый, а ты такой молодой. Как это так? Сочиняешь?

– Как сочиняешь? Я же тебе сказал про Витьку Кудрина.

– Ой, и, правда, но как так можно?

– Вот теперь ты убедился, что мы из того мира? А то, что я такой, и все мои друзья такие, это не от нас зависит. Нас такими омолодили наши отправители. У нас из-за этого, Василий, у самих порой головы кругом идут.

– Ладно, лирику в сторону. Вот бы за встречу по стопарику тяпнуть, – потер руки Митька.

– К сожалению, здесь не пьют. Потом всё узнаете.

– Слушай, Вася, а как вы сюда попали? – спросил я.

– Мне тогда было девятнадцать лет. Надо было идти в армию. С парнями поехали в Макарьево порыбачить. Расположились удить за пристанью. Выбрал я удачное место. Кустарник. Поставил две удочки, и разделся, чтобы позагорать. И вдруг на меня навалился сон. Очухался в незнакомом месте. Лежу на нарах в незнакомом доме. Одежда на мне не моя. Вышел на улицу. Незнакомое село. Вроде людей не видно. Смотрю, мужик идет. Я останавливаю его, и спрашиваю, где, мол, я? Он печально так улыбнулся, и ответил: «Вот ещё один бедолага попал к нам. Откуда ты?» Я ему и сказал, что я из Черемхово. А он, оказывается из Новосибирска. Спросил я его: «А ты что здесь делаешь? Что это за деревня?» То, что он ответил, меня чуть с ног не сбило. Я даже сел на порожек. Оказывается меня, похитили какие-то неведомые пришельцы из космоса. И все люди в этом селе похищенные из нашего мира. А все мы находимся в параллельном нам мире, но на планете Земля. Вот в этом мире нет людей. Здесь живут одни дикие животные и птицы. Сама природа такая же, как и у нас. А вот людей нет.

– Значит, вас прислали сюда, чтобы заселить этот мир? – спросил Михаил.

– Разве это плохо? – спросил Федя. – Разных животных хоть отбавляй. Какие они хоть? наших животных видели. А ещё динозавры, наверное, есть?

– Смеешься? Природа такая, будто наша копия. И все животные такие, как у нас, будто кто сюда их переселил. Природа не тронутая. Никто её не трогает. Правда, на зиму заготавливаем дрова.

– У меня, Василий, к вам вопрос, а кто вас сюда забросил? Что это за люди? – спросил Михаил.

– Обыкновенные люди. Но есть от нас отличие. Лица у них с зелена, даже одежда зеленая.

– Вот те раз! – только и воскликнул Митька.

Мы с Михаилом переглянулись. А я спросил:

– Наверное, они постоянно улыбаются?

– Точно! Улыбаются, как идиоты. Но я скажу вам так, хоть они и улыбаются, но люди они жестокие. Мне, кажется, они мать свою не пожалеют. Два мужика поднялись против них, они их за селом расстреляли. А стреляют они из каких-то трубочек.

– Значит, в этом селе, все засланные из нашего мира? – спросил Михаил.

– Да, – ответил Василий. – Когда меня сюда выслали, то уже село стояло. Были здесь и старожилы. Хохлы и русские. Во время войны, прямо из окопов, их сюда пригнали человек двадцать. Вот они и построили первые дома. В одно время с ними прислали сюда и русских. Тоже во время войны. Так что село обосновали русские и украинцы. И женщин сюда пригнали.

– Не грызетесь между собой?

– А нам чо между собой воевать, русским-то, а вот западные украинцы от нас нос воротят. Если вы придете в село, то увидите, что оно разделено на две половинки. Будто два села.

– В вашем селе живут только русские и украинцы? – спросил я.

– Что ты! В русском селе живут и белорусы, кавказцы, казахи, буряты, якуты, литовцы. А все называют себя русскими. Они ведь все воевали за одну страну. Все мы, как одна семья. Дружные. Общаемся семьями. Дети есть. Деды наши многие уже на погосте. Есть ещё несколько фронтовиков.

– Значит, украинцы отдельно от вас живут?

– Говорят, что хотят самостийную Украину здесь построить. Даже фронтовики возмутились. Они к нам ходили. А вот молодые словно ошалели.

– А чо это вдруг они так окосели? – спросил Митька.

– Молодых прислали сюда. Вот они и стали всех боломутить. Теперь ведь нет великой страны, а есть Россия, – сказал Василий. – Эти молодые нас называют москалями. А какой же литовец или бурят москали? Злые эти молодые. Смех один. Стали границу строить. И поставили полосатые столбы, траншею перекопали. Смех один. Взрослые возмущены. Жили ведь все в одной стране, а сейчас у вас все делятся. Это ведь безобразие.

– Безобразие, – ответил Михаил. – Оставим это без внимания. Сами разбирайтесь. А вот ваши улыбающиеся товарищи нас весьма заинтересовали. Давай-ка, дорогой Вася, расскажи нам об этих господах подробнее.

– Ну, чо рассказывать. Сволочи они. Одним словом мерзавцы отменные, вот кто они.

– Ты давай, Вася, смелее трекни об этих мерзких улыбочках, – сказал Федя.

– Улыбочках? – переспросил Василий. – Подходит к ним такая кличка. Сволочи. Всё улыбаются, а пакости делают. Мы для них, как рабы здесь. Это они всех сюда первых-то людей пригнали из нашего мира.

Мы расположились вокруг костра. Решили утром обследовать этот нетронутый мир. Тут я вспомнил, кто-то говорил нам, что есть параллельный нам мир, где есть всякие животные, а людей там нет. Так получилось, что не оказалось там человека. Сколько же на планете Земля параллельных миров? Вот бы побывать во всех этих мирах. А вот улыбочки не теряются. Видимо, решили завоевать свободное пространство. Пока мы не уснули, я спросил у Василия:

– У вас, конечно, есть огороды, поля под хлеб?

– Всё есть. Овощи и хлеб мы сами едим. А вот эти ваши улыбочки, как вы их прозвали, сволочей, ничего этого не едят. Им подавай тока мясо.

– Слава Богу, что они вам не запрещают выращивать огородные культуры, – сказал Михаил.

– Вы, конечно, извините, Василий, не знаю вашего отчества, как у вас насчет церкви? – спросил Виктор.

– Василий Николаевич я. Церкви нет. Икон у нас нет. Наши родители прибыли сюда из окопов. Правда, молодые прибыли, так вот они сказали, что сейчас в вашей стране везде открываются церкви.

Виктор на наших глазах, словно вырос на несколько сантиметров. Он перекрестился, и сказал:

– Наконец-то у меня будет нужная работа. Мы всеми усилиями построим церковь. И начнем крестить ваших детей и внуков. Это же полное безобразие жить без церкви.

– Полное безобразие, – ответил Василий. – Конечно, безобразие. А где её будем ставить. Вот вы поп, и подскажите, где ставить. У нас ведь попа нет. Вы здесь первый поп. А если вы поп, и если вы одинокий поп, то мы вам найдем попадью.

Виктор хлопнул в ладоши. Нахмурился.

– Вот, что, значит, жить без веры, а ещё русские. И не поп я вовсе.

– Подождите, как вы не поп, тогда зачем мне голову морочите. Так и скажите, чо вы не поп. А если поп...

– Замолчите, – прошептал Виктор. – Замолчите. Какой я вам поп? Издеваетесь? Я есть иеромонах. Поняли. Это есть церковное духовное звание. Будем прямо с утра решать, как строить церковь.

– А я думал...

– Не надо было думать, Василий, – сказал Митька. – Он у нас первоклассный поп, этот, как его, монах...

– Иеромонах, – повторил Виктор.

– А у нас на селе есть одна женщина. Она вам подойдет в монашки, – ответил Василий. – Так она не будет называться попадьей?

Виктор застонал.

– Хватит с попадьей! Не нужны мне и эти монахини. И откуда они у вас, если нет церкви. Давайте спать. А то так мы до утра будем спорить. Меня уже начинает трясти, от не понимая простых вещей, гражданин Василий Николаевич. Давайте ложитесь спать, а я пойду, помолюсь за вашу грешную и заблудшую душу.

Утро. Солнце радостно светило над степью. Уже заливался жаворонок. Недалеко от нас паслись дикие лошади. Один из ко-

ней подошел на метров десять от нас, и с любопытство смотрел на нас.

– Вот она девственная природа, – с восхищением сказал Михаил. – Ничего не бояться.

– Потому что, они здесь хозяева, – ответил я.

– Василий нам сгношил свежую уху, – сообщил Федя. – Вон они с Василием о чем-то базарят.

Метрах в тридцати от нас друг против друга стояли Василий и Виктор. О чем-то говорили и размахивали руками.

– Тяжко придется нашему Виктору внедрять веру в этих людей, – сказал Юра. – Но я не сомневаюсь, что Виктор победит. Ведь что-то в людях от старого осталось. А может, и молодежь поможет.

Молчали только два лектора. Они сидели в разных местах. Но я видел лицо Петра Петровича. Весь вид его говорил о решительной схватке с соперником.

Мы с удовольствием поели ухи, и доели калачи. Теперь можно отправляться к селу.

Наш проводник Василий шел впереди.

И вот мы вышли на край села. Обыкновенное село, будто это и не другой мир.

– Чудеса, да и только, – сказал Федя.

– А может, это вовсе и не другой мир? – ответил Митька.

– В нашем мире так животные не ведут себя, – сказал Михаил.

– А я не сомневаюсь, – ответил Юра. – Мы попали в чужой мир. Ну, чего вы так ведете себя? Ну, зачем? Это другой мир. Вот и всё.

Село стояло на берегу широкой реки. А вот и ребятишки купались в ней. Слышно было, как визжали девчонки. Сразу за селом начинались поля с колосистой пшеницей.

Мы подошли к крайнему дому. Как и у нас был большой огород.

– Сейчас я позову старосту нашего села, – сказал Василий.

– А в другом крае села тоже есть староста? – спросил я.

– Чтобы было не похоже на нас, они называют старосту головой.

- Могли бы и голову пригласить, – сказал Михаил.
- Ко всем вам гости пришли, – ответил я.
- Мы ведь дадим копоти вашим улыбочкам, – засмеялся Митька.
- Они у вас дань мясом берут? – спросил Федя.
- Берут мясом.
- Взяли бы да сами охотились. Вон сколько здесь животных! – ответил Юра.
- Зови старосту, – сказал Михаил. – Самостийцы не придут, ну и не надо.
- Пройдемте на середку села. Там находится управление колхоза, – сказал Василий.
- У вас колхоз? – как-то очень тихо спросил Петр Петрович.
- Ты что, не слышишь, колхоз это, – ответил Демьян Акинфович.

И тут мы увидели управление колхоза. Над крыльцом висело красное знамя. На видном месте прибита доска. На ней написано черной краской следующее: «Правление колхоза имени В. И. Ленина». Петр Петрович и Демьян Акинфович встали напротив крыльца, и замерли. Сейчас они были похожие на восковые фигуры.

– Вот это старина! – воскликнул Федя. – Ни что их не берет! Везде, где есть возможность, умудряются своё протолкнуть. Ничего у них не вышло на краю света.

– Слушайте, парни, а ведь край света продолжается, – сказал Михаил.

– Как это? – не понял Митька.

В это время Василий смотрел на нас, и, видимо, ничего не понимал.

– Ведь вот эти товарищи находятся на краю света. До них ещё не долетела весть о конце их правления, – ответил Михаил.

– А молодежь?

– Они им не верят, – ответил я. – По этому случаю я вспомнил моих земляков из города Туманск. – Они живут светлым прошлым, мечтая о сияющих вершинах и гранитном фундаменте. Вот бы их всех сюда. Вот было бы радости. Уверен, они тут же начали бы строить коммунизм, а возможно и социализм с человеческим

лицом. Как бы мне этого хотелось. Полюбоваться бы на них. Однажды они строили коммунизм среди дикарей на необитаемом острове. Я описал тот необыкновенный момент в своей второй книге под названием «На острове снов».

В это время на крыльцо вышел очень хмурый, пожилой товарищ. Знакомая хмурость. По мере того, как он смотрел на нас, лицо его начало меняться. Появилась добрая, открытая улыбка. Ну, слава Богу, хмурость прошла. Он шевелил губами, видимо, хотел что-то сказать, но от волнения не смог вымолвить, ни слова. Одновременно к нему подбежали наши лекторы. Они наперебой начали говорить сумбурно и бессвязно.

– Вы его не слушайте. У меня есть...

– Ничего у него нет. Его не принимайте всерьёз.

– Как это так? У меня есть лекция по расширению колхозного хозяйства!

– Врешь! Только, что, скотина безрогая придумал!

– Сам скотина комолая! У меня есть о поднятии надоев молока на каждую фуражную корову!

Человек только шевелил губами, и поочередно смотрел на двух лекторов. В эту перепалку решил я вмешаться.

Мне пришлось встать между ними.

– Слушайте, вы лекторские упыри, кончайте орать! Так всех кур и гусей разгоните! Молчать, политические мерзавцы! Быстро домой отправим! И про светлые вершины быстро забудете!

Митька протянул руку к человеку, и успокаивающе потряс.

– Вы их не бойтесь. Эти двое у нас с придурью.

И он повертел пальцем у виска.

– Они с примбабахом. Ваши солнечные лучики им по их башкам приголубили, – продолжил говорить Митька.

– Да как ты смеешь так отзываться обо мне?! – закричал Петр Петрович.

– Что обо мне может подумать товарищ коммунист из уважаемого колхоза?! – кричал Демьян Акинфович.

– Молчать! – крикнул Михаил. – На позор нас выставили.

Наконец-то, человек пришел в норму. На чистом русском языке он сказал:

– Понимаю вас. Конечно, понимаю. У нас тоже есть два лектора. Один у нас, а другой у тех. Когда сойдутся, пыль до потолка. Они тоже немножко того. Вы уж извините. Правда, у нас и третий лектор...

Неожиданно Митька схватился за живот, повалился на доски, которые аккуратно лежали перед крыльцом. Митька громко смеялся.

– Мама дорогая! Полный отстой! Мужики, мы, наконец-то попали на концерт! Боже мой! Не могу! У меня сейчас брюхо лопнет.

Громко смеялись все. И только Петр Петрович и Демьян Акиньфович стояли истуканами и молчали. Я не видел их лиц, потому что я тоже смеялся. Наконец-то, и человек начал смеяться.

Он повторял:

– Понял я. Всё я понял. Понял. Конечно, смешно. У нас будет столько лекторов! Конечно, смешно. А кто их разнимать будет? Смешно. Веселый, вы, видимо, народ.

В это время раскрылась дверь, и вышло три хмурых человека. Один из них очень хмурый. Он спросил:

– Что за смех? А один валяется? Может, вместе посмеёмся...

Он замолчал, и ошалело смотрел на нас:

– Кто вы есть?

– Мы оттуда, – ответил Михаил.

– Оттуда? – переспросил человек. – Как оттуда? Всей веселой толпой?

– Да, всей толпой. Вот пришли к вам в гости, а вы...

– Как обмена чёртово семя, – перестал смеяться Митька и встал.

– Извините его, товарищи колхозники. Мы народ веселый и нетерпеливый, – ответил я.

Человек быстро захмурил, и ответил:

– Но мы не чёртово семя, черти вы полосатые! Пришли в гости, и сразу ругаться. Как так можно? Мы, однако, тоже можем обругаться.

– Всё, хватит выступать, – похлопал в ладоши Михаил. – Мы пришли с вами ознакомиться.

– Так вы из нашего мира? – спросил человек. – Они, наши хозяева, вас с одного места взяли? Откуда?

– Какие ещё хозяева? Эти мерзкие улыбочки? – резко спросил Михаил. – Это ваши хозяева? – спросил я. – Почему не возмутитесь?

Люди замолчали, и я заметил, как они заволновались.

– Давайте так, – поднял руки Михаил. – Будем говорить с вами, как можно подробнее.

Человек пригласил нас войти в управление. Обыкновенная крестьянская изба.

Мы расселись по лавкам. Василий с нами не вошел. Здесь, видимо, собрались члены правления. Человек, который говорил с нами встал в торце стола. Смахнул невидимую пыль со стола. Знакомое движение всех начальников.

– Да садитесь вы, – сказал Михаил. – Давайте проще.

Человек медленно присел на самодельный стул. Мы поочередно представились. Михаил коротко рассказал о нашем здесь появлении.

– Значит, о вас наши хозяева не знают. Это хорошо, – сказал человек. – Забыл представиться. Павел Иванович Коростылев. Ехал в электричке. Это было в одна тысяча восемьдесят третьем году. Пенсий у нас здесь нет. А мне уже семьдесят пять лет. Уже, какой год являюсь председателем колхоза. Люди не отпускают меня на отдых.

– С отдыхом ясно, – сказал Михаил. Но тут ещё один пожилой мужчина быстро встал.

– Я секретарь местной партийной организации.

– У вас, наверное, все коммунисты? – спросил я. – Что вы стоите?

– Молодые не желают вступать в коммунисты. Они говорят, что в нашей стране ничего этого давно нет. Но, как это? Вы хоть можете нам всё поведать?

– Поведаем, – обещал я. – А вашим людям наши лекторы кое-что втельмяшат в головы свои изумительные лекции.

– О, да! – воскликнул Петр Петрович.

– Есть такая лекция! – отозвался Демьян Акинфович.

– Вот и договорились, – обрадовался секретарь. – А то эти наши лекторы уже нам порядком надоели. А вы новенькие. Послушаем. Меня зовут Андрей Гаврилович Постников.

– Это будет что-то, – хихикнул Митька.

– Давайте подходить серьезно, – сказал Михаил. – Мы желаем познакомиться с вашими хозяевами. Как скоро они придут сюда?

– Это нам неизвестно, – ответил Коростылев. – Они приходят, чтобы взять мясо

– Павел Иванович, а почему они сами не могут добыть мяса? Кругом столько диких животных, – сказал Михаил.

– Мы этого не знаем. Просто они хозяева. В последнее время всё больше подавай мяса. Что с них взять? Антилигены.

– Расскажите о своих хозяевах, и где они живут?

– Мы не знаем, где они живут, – ответил Коростылев.

Один из мужиков ответил:

– Они какие-то не такие, как мы. Какие-то с зелена. Глаза будто из стекла. Мы их боимся. Они нас сюда всех прислали.

И стали мужики рассказывать, как они попали сюда. С фронтовиками, их дедами и бабушками ясно. Во время войны можно было пачками людей отправлять в другие миры. А потом всех поразному. Но, в основном, крали их во сне. Если другие деревни, никто не знает. Теперь это их мир. Обратной дороги им нет. Хозяева сразу сказали, что бежать им некуда, так как они находятся в параллельном мире.

– А как вы сюда попали без наших хозяев? – спросил Постников. И нам пришлось рассказать о себе. И поведать им ради чего мы здесь.

– Вы их не победите, – тяжело вздохнул Коростылев.

– Ещё как хвоста накрутим, – ответил Митька.

– У нас есть два лектора. Так они многое, что с этими улыбочками сделают, – сказал Федя.

– Как это? – спросил Постников. – Им только лекции надо читать.

– В этом и есть весь секрет, – ответил я. – Потом услышите и увидите.

Наши лекторы от важности надулись, головы вскинули.

– А сначала бы они почитали лекции нашим людям. Мы соберем всех, и слушаем, – ответил Постников.

– С превеликим удовольствием, – ответил Петр Петрович.

– Когда можно приступить? – быстро спросил Демьян Акиньфович.

– Вы не торопитесь, – ответил Постников. – Вы осмотритесь, познакомитесь с нашими людьми, а потом уж соберем людей.

– А я бы детей окрестил, – сказал Виктор. – Да и взрослым бы можно окреститься, если кто не крещеный. Исповедовались бы.

– Мы это дело обдумаем, – сказал председатель.

– Вы это дело утрясите, – сказал я, и как положено в таких случаях, нахмурился. У нас ведь все любят хмуриться. Михаил от-
вернулся. Я понял, что он может рассмеяться.

И тут я решил задать вопрос.

– Вы хоть дальше своих полей куда-нибудь ездили на своих лошадках?

– А зачем? Нам и здесь хорошо. У нас поля, огороды. Вот только эти, как вы говорите, улыбочки, всё больше требуют мяса, молока, сметаны, творога. Если чуть возникнешь, бьют кнутами. Нас, за скот держат. Продыху никакого не дают, – сказал Постников. – Куда поедешь? Все мы в работе. Сейчас наши колхозники на поле. Кто-то на скотобойне, мясо для них готовят. А ещё они рыбу любят. Нам рыболовные сети доставили. У нас есть рыбо-
ловецкая бригада.

– Мы им такую рыбку покажем, век о ней забудут, – ответил Митька.

– У нас возникло мнение, Вот когда они появятся, вам бы спрятаться от греха подальше, – сказал Коростылев.

– Это почему? – спросил я. – Вроде мы никогда и ни перед кем не прятались. А здесь прятаться? И потом чье мнение? Народ ещё о нас не знает. Чье мнение? Если ваше мнение, то это не говорит, что оно общее, а лично ваше мнение. Зачем вы так?

– Мы прибыли сюда не прятаться, а привести в должный порядок этот беспорядок, – сказал Михаил.

– Это нам-то прятаться? – засмеялся Митька. – Вы за кого нас держите? Да мы этим улыбочкам такого хвоста накрутим, что в прах их обратим.

– Да уж, – сказал Петр Петрович. – Мы одной только лекцией в прах их отправим.

– Уж мы постараемся усмирить этих господ, – ответил Демьян Акинфович.

– Ещё не хватало им ваши лекции читать! – возмутился Постников. – Много чести для них. Лучше вы народу их почитаете.

– Они почитают народу, почитают с удовольствием, – ответил я. – А потом вы сами решите, кому лучше их читать.

– Прошу на выход, – сказал председатель. – Мы до вас кое-какие дела утрясли, теперь нам тоже идти работать.

– И, где вы работаете? – спросил Федя. – У вас техники никакой нет?

– Откуда она у нас? Мы всё делаем вручную. Мы сейчас пойдём на скотобойню. Надо помочь мужикам загнать трех быков на убой.

– Но ведь холодильников у вас нет, как же мясо вы держите? Я сомневаюсь, что оно выдержит такую жару, – сказал Юра.

– У нас огромный ледник. Он находится в горе. Мы выкопали под горой большой и глубокий подвал. Зимой забили льдом. Сейчас в нашем леднике очень холодно. Там у нас свободно лежит мясо, рыба, молоко мороженое. Вы просто забыли, что в любой деревне, во дворе каждого дома есть ледник.

Мы вышли на крыльцо. День только начался, но было уже жарко.

Председатель и его правление пошли вдоль улицы в сторону горы. Там, наверное, скотобойня и ледник.

– Да, ребятки, а этих улыбочиков надо бы утрясти, как обычно говорили партийные работники, – сказал Михаил. – Ничего из них не выветрилось.

Мы пошли на край русского села. А вот и граница. На обочине дороги стоял полосатый столб, траншея уходила к реке.

– Интересно, а как они реку делят? – спросил Федя.

– А чёрт их знает. Делят как-то, – ответил Митька.

– Как же мне их крестить? Церковь надо бы строить одну для всех.

– Перейдем границу? – спросил Михаил.

– Мы люди нейтральные, – ответил я, и решил перейти траншею. За мной пошли и мои друзья. И в это время от куста вышел мужик.

– Куда, москали? Храницу нарушили.

– Слушай ты, упырь пограничный, мы тебе не москали, чёртово семя! – крикнул Митька. – Я тебе покажу границу, сало тебе в глотку, мать тебя за ногу!

– Мы прибыли сюда с миссией, а ты чего рот раззявил, лапотник?! – крикнул Федя.

У мужика вместо ружья, березовая палка.

– А ихто вы? – спросил мужик.

– Глаза вылупишь, если узнаешь, кто мы, – ответил я. – Вот такой дубиной надо бы ваших хозяев отпоччевать, а ты так гостей встречаешь. Веди гостей к вашему голове.

Мы миновали пограничный столб. Мужик шел сзади нас. Изображает из себя пограничника. Как же, поймал нарушителей. Все они здесь насчет границы, продолжают играть в детство.

Привел он нас к дому с большим крыльцом. А вот здесь висел двухцветный украинский флаг.

На крыльцо вышел здоровенный мужик. Он что-то сказал мужику на украинском языке.

– Проходите, граждане, – пригласил он нас на чистом русском языке. – Нам уже с той стороны сообщили, кто вы есть. Мы думали, что вы завтра посетите нас, а вы сегодня пришли. Спасибо за то, что не побрезговали нас и пришли. А этот Никола ещё не знает кто вы. Не сказали ему. Да и все люди на полях, и на скотобойне.

– Ясно, – ответил Михаил. – Вам всем надо угодить хозяевам. Не стыдно?

– Не понял. Насчет чего, стыдно?

– Кормить дармоедов-улыбчиков? Мы их так зовем.

– Здесь мы, люди, живем с самой войны. Привыкли. Конечно, бывает тяжело. Если бы не эти хозяева, мы жили зажиточно.

– А ещё границы друг от друга построили, не стыдно? – спросил я.

– Здесь политика. Не надо бы её трогать, – ответил мужик. – Забыл представиться. Николай Николаевич Миронюк. Председа-

тель колхоза имени Тараса Шевченко. Мой любимый поэт, как и Пушкин.

– Слушайте, Николай Николаевич, здесь нет государств, – сказал Михаил. – Ваши отцы и деды воевали за одну страну, сидели в одном окопе. В этом мире вы одни. Кругом никого нет. Какие просторы! Кругом великолепная природа. Дикие животные. Если уже не сможете больше попасть в наш мир, то осваивайтесь здесь сообща. У вас могут быть такие хозяйства, что наши бы фермеры позавидовали бы вам. Сообща и землю легче разрабатывать. Здесь-то бы хоть не делились. У русских, хотя какие они русские? У них каких только нет национальностей, и ничего не делят между собой. Почему у вас так?

– Да я тоже такого же мнения. У нас тоже есть татары, чувашаи и удмурты, да и другие национальности. Дело в том, что больше всего сюда попало современных украинцев из-под Львова. Западная Украина. Это всё они здесь такое устроили.

– Так соберите народ. Что вам здесь делить? – спросил я. – Здесь ведь не наш мир, где всеми заправляют политики. А в этом мире вы должны быть хозяевами. И вам сообща надо было восстать против ваших хозяев улыбчиков.

– У них оружие. Они могут нас всех уничтожить.

– Мы бы вместе с вами им хвоста накрутили, – сказал Митька.

– Надо бы сообща церковь одну построить, – сказал Виктор.

– А я разве против строительства церкви?

– В этом мире вы одиноки. Никто бы вам не мешал без этих улыбчиков – сказал Петр Петрович. – В вашем селе есть лекторы? В том есть лекторы. А у вас как с ними дела?

– Я бы вам мог лекцию прочитать о поднятии сельского хозяйства, – сказал Демьян Акинфович, и выступил впереди Длиннохвостикова. Тот отстранил его, и сказал: – У меня есть лекция о разработке целинных земель.

– А меня есть лекция, – начал было говорить Демьян Акинфович, но его перебил Миронюк: – Я вас понял. У нас тоже есть два лектора. Мы их выпускаем в нашем клубе. И они тоже соревнуются, как и вы. Мы вас тоже потом послушаем. Далек от нас поселился отшельник. Иногда он приезжает в наши деревни. Тоже

желает примирить нас с русскими. Как-то недавно наши националисты захотели избить его. Не вышло. Он один против семерых дрался, и победил. Этих парней наши врачи вылечили.

– Он такой здоровый? – спросил Федя.

– Обыкновенный мужичок, как и вот вы. Он ушел туда лет десять тому назад. Мы не знаем, как он там живет. Наши хозяева не знают о нем ничего. А может и знают.

– Мы попробуем до него добраться, – сказал я. – Для нас он бы пригодился.

– Ладно, мужики, мне надо идти на скотобойню.

– И те члены правления тоже пошли на скотобойню.

– Какие же ваши хозяева обжоры! – заявил Митька.

– И не говори. С каждым годом они всё больше мяса требуют.

– Видимо, армия улыбочиков увеличивается. Гнездо разбомбили, охвостья остались, – сказал Федя. – Так вот эти охвостья надо бы уничтожить.

– Вы не победите их. У них оружие, – сказал председатель колхоза.

– Подождите, мы ещё вас вооружим, – сказал я.

– У вас у самих нет оружия, кроме одного кнута, – сказал Миронюк.

– Не беспокойтесь, – ответил Михаил. – Достанем оружие. И вы с нами пойдете на войну с улыбочиками. И никуда вы не денетесь.

– Как миленькие пойдете, – засмеялся Митька.

– А чего вдруг мы пойдём? Они нас потом всех перебьют. Вы уберетесь домой, а нам здесь жить.

– Понимаем, – ответил Михаил. – Вот посмотрите, как мы начнем их бить, и тогда вы подключитесь.

– Мы уже такое прошли, – сказал я. – Сначала всё так, как у вас, а как только мы начинаем, и все идут за нами. И вы пойдете. Поймите, чтобы вам жить здесь привольно, надо уничтожить вашу крышу.

– Какую крышу? – не понял Миронюк.

– Ваши хозяева. И начнется у вас вольная жизнь. Милиции и полиции у вас нет. Налогов нет. За землю, за квартиру не надо платить. Дрова бесплатные. Своё хозяйство. Что вам делить? –

сказал я. – Это моя мечта бывшего анархиста. – Нет границ, нет таможни. А то, что вы тут придумали с границами, это детская игра. Пора закружиться с куклами. Что вы, взрослые люди, пошли на поводу у националистов? Пусть тогда они переходят на сторону хозяевам.

– А как вы угадали? Молодые националисты на стороне фашистов. Они дали понять хозяевам, что они солидарны с ними. И, мол, готовые сразиться с москалями. Да и своих людей кое-кого надо бы прижать. Помогут хозяева.

– Вот это калинкор! – воскликнул Федя. – Да эти улыбочки намного хуже фашистов! Это ведь настоящие роботы! А настоящие улыбочки где-нибудь сидят в шикарной деревне, и оттуда управляют вами и молодыми парнями и девками. Вот это новость! И здесь фашисты образовались, Ну, нигде от них нет просвета!

– Как роботы? – переспросил Миронюк. – Нами роботы управляют?

– Они самые, – ответил Михаил. – Нам уж поверьте. Мы их кучу уничтожили. Если они сюда придут, то мы покажем, как ещё можно их уничтожить. Надо бы поговорить с молодежью насчет этих роботов.

– Сделали бы вы настоящую общину, – сказала я. – Вот совместно уничтожим этих роботов и улыбочков, и заживете отменно. Господи, да здесь такая вам светит свобода! Девственные места. Никаких государств нет. Над вами нет этих пресловутых контор, мэров и губернаторов. Нет над вами депутатов, нет кровососов миллиардеров. Сами себе хозяева. Ведь это вечная моя мечта! За эту мечту я всю свою жизнь отдал! Всю свою жизнь я веду борьбу за такую вот свободу. А вы вот они, живете в таком краю! Разве это не счастье. И вдруг, какие-то ящеры будут отбирать у вас свободу! Их надо уничтожать. В плен их не надо брать. Их надо уничтожать.

– Вот это, Юрка дал! Настоящий лектор. Вот вам, где есть светлые вершины товарищи лекторы! – воскликнул Митька.

– Юрий, – обратился ко мне Миронюк. – Мы соберем народ, и вы вот это самое расскажете людям, особенно молодежи. Разоблачите этих ящеров, роботов. Мы ведь не знали, что они есть такие.

– Давайте договоримся так, нам бы повидать того отшельника, – сказал Михаил. – Он бы нам подошел в нашу команду. Как его найти? А потом мы встретились бы и с молодежью и с улыбочиками. Это прекрасный мир надо спасти от нашествия ящеров. Ведь они начнут здесь размножаться. А то ещё, не дай, Бог, начнут внедрять микрочипы. И тогда вы пропали.

– Поясните, что это такое? – спросил Миронюк.

– Потом всё расскажем, как все соберутся. Кстати, надо вас всех, из двух сел собрать, – предложил Михаил. – Собраться прямо на границе, чтобы потом убрать столбы. Я уверен, что это произойдет. И будет у вас настоящая община.

– Коммунистическая община, – вставил Петр Петрович.

– Вот и будет здесь настоящий коммунизм, – быстро добавил Демьян Акинфович.

– Нам бы не до высоких званий, – ответил Миронюк. – Нам бы избавиться от супостатов, да отладить мир с соседями.

– Так, где можно найти отшельника? – спросил Федя.

– Дорогу туда знает главный пастух соседей Василий Николаевич Кудрин, – ответил Миронюк. – Сейчас я крикну мальчишек. Они все друг к другу бегают. Вот кто у нас не признает никаких границ.

Он вышел на берег. Мы за ним. Он крикнул:

– Гринька, а ну подь сюда!

К нам подбежал рыженький мальчишка лет десяти.

– Ты видел, где пастух дед Вася?

– Знамо дело, знаю.

– Беги к нему, и скажи, что я его просил придти к нашему управлению. Здесь его будут ждать гости.

Мальчишка убежал.

– Через границу не пропустят, – сказал Юра. – Сомневаюсь, что пропустят.

– Этот дед, где хочешь, пройдет. Для него нет границы. А то ещё и палкой отвозит, если кто встанет на пути.

Миронюк ушел на скотобойню, а мы сели на бережок, и стали ждать деда Василия. Даже пришлось поплавать. Лежали на песочке, и загорали. И вот пришел Василий Кудрин.

– Зачем я понадобился молодежи? Хотя вы тоже в моих годах в вашем мире.

– Нам бы выйти на человека-отшельника, – сказал я.

– Да, дорогу к Степке я один знаю. Потому что я дружил с его отцом. И деда его знал. Он был кореец.

– А как сюда попали?

– Как все. Предки жили в России. Жили они где-то в Уссурийской тайге. Началась война, и дела взяли на войну. Служил в разведке. Он знал какие-то приемы борьбы. Его никто не мог победить. А потом он из окопа исчез. Оказался в этом мире. Они село осваивали. Он решил уйти отсюда. А кто уходил, ловили. Или убивали, или сильно избивали. Ему повезло. Он сбежал. Прихватил с собой девушку бурятку. Поселились они вон в тех горах. Скалы прямо к воде подходят. Дед с бабкой умерли. Остался сын Иван. Он тайно женился на нашей девушке. Вот и родился Степка. Как-то отец и мать пришли в деревню. Их и поймали хозяева. Били долго, а потом куда-то увезли. Так и остался Степка один. Когда пойдем к нему? Я думаю, что он обрадуется вам.

– А что нам ждать? Можно отправляться в путь. Как долго к нему идти?

– Завтра в полдень будем на месте.

Мы пошли вдоль реки. Вечером отдыхали у подножия высокой горы. Ночевали вокруг костра.

Утром снова отправились в путь. В полдень мы вошли в ущелье. Здесь протекала бурная речка.

– Оставайтесь здесь. Отдыхайте, а я один пойду к нему.

Василий скрылся в скалах. Он долго не приходил. И вот из расщелины вышел Василий и человек в шкурах. Они подошли к нам. Это оказался парень лет двадцати пяти. Смуглое лицо говорило, что его предки были из коренных азиатов.

Он сказал на чистом русском языке.

– Василий Николаевич рассказал о вас. Я поверил. А можно и не поверить. Если сюда попадают в этот благословенный край, но только насильно. А вас сюда направили непонятно кто. Это настораживает.

– Мы с тобой согласны, – выступил вперед Михаил. – Можешь не верить. Это твое дело. Доказывать тебе мы не собираемся. Но

есть моменты, заставят тебя задуматься. Улыбчики, мы так их называем, ваши хозяева. . .

– Они не мои хозяева! – резко прервал Степа. – Это они все перед ними ломаются. Я вольный человек.

– С этим мы согласны, – продолжил Михаил. – Мы постоянно не улыбаемся. Но громко смеяться они не умеют. А мы можем даже хохотать. Они жестокие, мы пришли к этим селам с миром. Мы пришли к вам с миром.

– И с молитвою, – добавил Виктор, и перекрестился.

– Я могу тебе лекцию о мире прочитать, – сказал Петр Петрович. – Легонькая лекция.

– И я бы мог лекцию прочитать, – встал рядом с первым лектором Демьян Акинфович.

– Вы когда-нибудь заглохните с вашими лекциями! – крикнул Митька.

Степка улыбнулся и сказал:

– Вот теперь верю, что вы добровольцы.

– Почему поверил? – спросил я.

– Так кричать могут только русские, но не вот эти хозяева. – Пойдемте в наши хоромы.

Мы вошли в расщелину, и вскоре вышли на простор. Большая долина. Здесь протекала горная речка. Долину окружали непреступные скалы. На берегу была единственная в долине усадьба. Здесь был огород. За ним зерновое поле, плотно огороженное бревнами.

– Смотрите, – прошептал Виктор. – А вдруг он нас укусит?

– Это не он, а тигрица Марья. Она знает, кого кусать. Самец Иванович сейчас отдыхает в тенечке. Марья и Дашенька поймали дикую косулю. Пообедали, и деточек покормили. А Марья пришла проверить, кто это пришел. Не бойтесь. Она по запаху определит этих хозяев..

– И у вас много таких друзей? – спросил я.

– Достаточно. Климат здесь напоминает, как говорил дед, дальневосточный Уссурийский край. Здесь много диких косуль, горных баранов.

– Поле загорожено бревнами от кого? – спросил Федя.

– Но не от хозяев. От кабанов. Есть и домашние кабаны, но их носы везде лезут. А нам осенью надо зерно убирать. Хлеб нужен на зиму. Сено заготавливаем для лошадей, коров, коз и овец.

На заборе появился красавец петух. Красиво запел.

Это бала настоящая заимка. Два дома. Строился ещё один дом. Были высокие амбары, сараи для скота.

И вот из дома выскочила молодая женщина.

– Моя жена Тая. Два сына пошли ловить свежую рыбу на уху. Двое детей пока дома. Маленькие.

– Вокруг вас никто не живет? – спросил я.

– Здесь только наша семья. Этот мир удивителен. Моему деду здесь нравилось. Он не хотел возвращаться в ваш мир. Там постоянно идут войны, грызня между национальностями. Делят землю, дерутся из-за неё. Пьют водку, пиво, курят. Разврат, Полный беспредел. А у нас здесь полная свобода.

– Детям бы учиться, – подсказал Петр Петрович.

– Зачем? Читать они могут. Дед научил читать и писать моего отца. Отец с матерью научили меня. А я учу детей. Наша учеба, это природа.

– А как с медициной? – спросил Михаил.

– На зиму мы заготавливаем разные травы. Моя Тая отличная знахарка. Нам с Таем на шестой десяток перевалило. Ничем не болеем.

Если бы могли от таких слов окосеть, мы бы окосели. Степану и Тае не дашь более двадцати пяти лет. Но не более.

– В чем секрет вашей молодости? – спросил я.

Степан пожал плечами, и ответил:

– Я даже и не знаю, что вам ответить. Может климат на нас так действует. Мы никогда не ссоримся. Живем в любви. У нас разные целебные травы. Чистая вода. Над нами нет хозяев. Мы свободные люди.

– Но у нас тоже есть, люди живут в тайге, но у них тоже определенный возраст, – сказал Михаил.

– Богу молитесь? – спросил Виктор.

– Молимся.

– Вот церковь в селе построят, будете туда ходить молиться.

– Я жителям деревни говорил, а толку? Ничего из этого не выйдет, – ответил Степан.

– Почему? – удивился Виктор.

– Придут хозяева и разрушат. Поймите, это ведь настоящие звери! Я говорил им, что они оборотни, не верят мне. А я видел. Роботов я всегда отличу от настоящих хозяев.

– Мы их называем улыбочками, – ответил Митька.

– Точно подходят. У роботов глаза как будто стеклянные, а улыбочки смотрят на тебя осмысленно. Как-то они меня чуть не поймали. Я уже доскочил на своем Гнедом до расщелины. Оглянулся. А у них морды-то настоящие ящерицы. Пасти раскрыты, клыки на виду. Страх один. А люди деревни не верят в оборотней. Но я чётко видел эти страшные пасти.

– А ведь они могут сюда пробиться, – сказал Юра. – Меня сомнение берет. А вдруг попадут.

– Они тигров боятся. Мои тигры вышли, и они тут же скрылись.

– А тигры разве не выходят за расщелину?

– Почему не выходят? Выходят на охоту. Да и сородичи там ихние есть. А чаще возвращаются домой, сюда, в нашу долину.

– Какие животные ещё есть в этих благословенных местах? – спросил Демьян Акинфович. – Неужели людей нигде больше нет?

– Сразу два вопроса. Отвечаю на первый вопрос. Зима у нас короткая. Кроме тигров есть дикие кабаны, леопарды, горные козлы, много чего есть. А вот людей в этом мире нет. Мы единственные.

– Знаешь, Степан, эти хозяева настоящие ящеры, – сказал я. Тая подошла к нам. Она пригласила нас к столу. Мы вошли в дом. Настоящий крестьянский дом.

Дети играли во дворе с двумя лисами.

– Они ведь их укусят, – сказал Петр Петрович.

– Они совершенно домашние. Отлично ловят мышей и крыс, – ответил Степан.

Мы сели за стол. Мы ели настоящий борщ со свежим мясом. И второго не надо. Потом пили компот.

После обеда мы стали рассказывать Степану и Тае, как воевали с улыбочками на краю вселенной.

– Вы настоящие воины, – сказал Степан. – Теперь они перебрались сюда.

– Мало того, они решили полностью заселить этот мир. Постепенно они будут засылать сюда людей, как рабов. Им необходимо постоянно есть мясо. Сами они ничего не умеют делать, – сказал Михаил. – Будут искать в нашем мире продажных ученых и военных. За золото и сладкую жизнь во дворцах они таких людей найдут. Этим тварям нужны ученые, рабы и война. Вот и всё, что им надо. Мы пришли в этот мир, чтобы и здесь остановить заразу. Это ведь настоящая эпидемия. А вот такие группы, как мы уничтожаем такую вот заразу. У нас Юрка с молодости борется с темной заразой.

– Как с молодости? Он и так молодой! – удивилась Тая.

– В нашей жизни мне уже восемьдесят лет, – ответил я. – Я уже прадед.

– Как же так? – спросил Степан.

– Нам это неизвестно, – ответил Михаил.

Степан переглянулся с Таей. Потом махнул рукой.

– Это ясно, что вас отправляют неведомые всем нам силы. А вас избрали, как наемников. Всё это так. Уже несколько раз к нам попадал человек из неведомого нам мира.

Я насторожился, и решил спросить.

– Как же его звали?

– Дюрд. Он несколько раз у нас был.

– Потом был у нас такой симпатичный молодой человек Исса. Он один раз был, – сказала Тая.

– Так вот они нам и сказали, что в этом мире нет человека. Здесь чистая природа. Они сказали, что сам Сатана засылает этих тварей в этот мир. Они говорили про ваши отряды по уничтожению негодяев. А вот теперь мы увидели вас, – сказал Степан. – Сатана очень сильный и коварный. А эти ящеры полностью на стороне Сатаны. Дюрд говорил, что в соседнем мире есть тоже люди, которые борются с ящерами.

– Мы их знаем. Они хорошо нам помогают справляться с ящерами. Теперь, возможно, они и здесь появятся. И мы совместными силами справимся с ними, – сказал я.

– Я пойду с вами, – твердо сказал Степан. – Я обещал Дюрду, что если вы придете, то я пойду с вами.

– Понимаете, мои хорошие, если вам здесь жить вольно, свободно и хорошо, то надо уничтожить эту сатанинскую заразу, – сказал Михаил.

– Мы им хвоста накрутим! – громко сообщил Митька.

– Если мы все объединимся, то мы обязательно победим, – заверил Федя.

– Вы не крещеные? – спросил Виктор.

– Нет, – ответил Степан. – У нас ведь на селе нет попа.

– Опять поп. Я есть иеромонах, – резко ответил Виктор.

– Пусть будет этот как его, ну, этот иеромонах, – сказала Тая.

– Я этих ящеров своей лекцией отпотчую, – пообещал Петр Петрович.

– Будто я в стороне буду? Да я им такого преподам, что они век помнить будут, – громко заявил Демьян Акинфович.

– Я не сомневаюсь, что вы натворите со своими лекциями. Только я сомневаюсь, что они век будут помнить. Пыль, что останется после них, ничего не будет помнить.

– Теперь у нас будет задача, как объединить силы, – сказал Михаил.

– Эти молодые у них совсем головы потеряли, – сказала Тая. – В этом мире мы одни. Нам надо жить в дружбе, а они границы понаделали.

Тут вошли в дом два мальчика лет по десяти. Близнецы. Один из них сообщил новость:

– Мы как-то бегали в деревню, так нам Гринька сказал, что два латыша хотят отделиться.

– Опа! – воскликнул Федя. – Началось! А что они говорят?

– Латыши сказали, что русские завоеватели.

– Вот это настоящий кошмар! – крикнул Митька. – Это чо такое? Мы всё время боремся за объединение, а эти чо? А вдруг в них втюрили микрочипы? Бить их по темечку. Вышибить надо!

– Да, это полное безобразие! – тяжело вздохнул Михаил. – Ничего их не меняет. Ничему их жизнь не учит. И председатели об этом не знают.

– Надо идти в село, и собирать народ, – сказал Виктор. – Надо что-то делать.

Мы вышли из-за стола.

– Давайте так, отдохните, как следует, а утром на зорьке и отправимся в село, – предложил Степан.

– И то, правда, куда в ночь пойдете, оставайтесь до утра, – сказала Тая.

Мы с удовольствием ходили по ухоженному хозяйству, и поражались присутствию здесь разных животных. Перечислить их невозможно. Разные дикие птицы свободно ходили среди гусей, уток, кур, фазанов, индюков. И никто из них нас не боялся, кроме, конечно, независимых воробьев.

В большом загоне ходили коровы, кони, ослики, козы, овцы.

– Куда вам столько? – спросил я.

– Пусть живут. Вы заметили, что мы ворота не закрываем. Они свободно входят сюда и свободно выходят в поле. Сюда приходят дикие кабаны, особенно зимой. Мы всех зимой подкармливаем. За поворотом вон той горы, если пройти ущелье, есть огромное озеро. Там зимуют дикие птицы. Иногда они и наших птиц посецают. Здесь можно зимой подкормиться. Так что мы корм заготавливаем и для диких животных и птиц. И дикие птицы нас тоже не боятся.

– Позавидовать можно этим людям, – сказал Михаил, когда мы остались в отдельном доме для гостей. – Как прекрасен этот мир! Вообще наша планета прекрасна! Только наши люди не замечают её красоту. Мы смотрим на собственный пуп.

– Здесь можно поселиться навсегда, – вздохнул Митька. – Только нас отсюда возьмут.

– Возьмут, – ответил я. – И в нашем мире можно отладить такую жизнь. Есть ведь такие люди, как мы, которые бы хотели вот так жить. Но таким людям не дадут, да и не дают так жить. И вы знаете этих людей. Все они стоят у власти, а другие стоят за то, чтобы как можно больше качать нефть и газ. И все они друг друга

поддерживают. Порой мне становится страшно от этих людей, а их постоянно показывают по телевизору.

– Всех бы их погонять в другие миры, – сказал Федя.

– Бесплезно, – ответил Михаил. – Уже отправляли, а они трубы попросили протянуть в наш мир, чтобы качать нефть и газ. Они неисправимы.

– Это ясно, – сказал Юра. – Я совсем не сомневаюсь, что в головах этих господ находятся микрочипы. А может ещё хуже.

– Что может хуже этих микрочипов? – спросил Виктор. – Им надо молиться и причащаться. А они только для вида и моды заходят в церковь. Я им не верю.

– А ты думаешь, я верю? – спросил я. – Ты думаешь, я верю нашим президентам Медведеву и Путину? Я никому из них и всяких там депутатам и министрам не верю. Над всеми ими грех витает во главе с самим Сатаной. Вот в это я верю. Вы знаете, о чем я подумал?

– Ну, и о чем ты подумал? – спросил Митька. – Делать новую революцию? Теперь этот номер не пройдет.

– А толку от ваших революций, – ответил Михаил. – Кто делает революцию, тот остается в хвосте. А на волне всех революций приходят те, кто стоял в сторонке и выжидал. Я был на баррикадах, Стрелов принимал участие в революции девяносто первого года. Ну и где мы?

– Мы почти все были в революции, – ответил Митька. – Это, правда, мы все проиграли.

– А зачем нужна была революция? – спросил Петр Петрович. – Мне хорошо жилось до неё. Спокойно и хорошо. Я за мои лекции даже деньги получал. Я писал в районную газету статейки и получал за них деньги. А сейчас, чтобы что-то напечатать, то надо самому уплатить денежку. Ничего хорошего сейчас нет.

– Я тоже за лекции получал деньги, и за статьи в редакции платили деньги, – ответил Демьян Акинфович.

– Вот эти два лапчатых гуся славно пожилы при советской власти, – засмеялся Митька. – А я ничего хорошего не видел. Одна тусклятина.

– Сами виноваты, – ответил Петр Петрович. – Поменьше надо было выстучать. Если Стрелова гоняли везде, так за дело. Не надо

было свои фельетоны писать, да выступать с критикой на трибунах против начальства.

– Да, да, против начальства, – сказал Демьян Акинфович.

– Началось, товарищи лекторы, – сказал Михаил. – Хватит спорить. Что было, то давно прошло. Давайте отдыхать. А утром надо выступать. Сейчас мы все на одной баррикаде, и делить нам нечего. В настоящее время у нас один общий враг – улыбки.

Утром нас накормили отменно. Хозяйка поставила на стол всё то, что может быть на столе в деревне, у зажиточных крестьян.

И вот мы вошли в село. Нас встретил председатель колхоза Миронюк.

Он сказал:

– Все люди наших сел оповещены. Мальчишки побежали по селам. Соберемся на границе двух сел. Места всем хватит.

Люди стали сходитьсь. С двух сел оказалось человек пятьсот.

– Вот это сила, – сказал Михаил. – Да мы этих улыбочков враз уничтожим.

Я заметил, что в сторонке стояла молодежь.

– Это украинские националисты, – тихо сообщил нам Миронюк.

Неожиданно вылез на середину Петр Петрович. Тут же к нему примкнул Демьян Акинфович. Рядом с нашей группой стояли Коростылев, Постников и Миронюк.

– Мужики, – обратился к председателям Михаил, – эти товарищи всё могут испортить. Вы председатели, вы главы этих селений, так наведите порядок.

Петр Петрович начал говорить:

– Дорогие товарищи, все мы здесь с вами собрались на митинг. Прежде всего, надо избрать председателя собрания, секретаря. А в почетный президиум...

– Повестку дня мы обсудим немедленно! – закричал Демьян Акинфович, и оттолкнул Петра Петровича. Но в это время Михаил взял под руки лекторов, и тихонько им сказал:

– Не мешайте хозяевам, как правильно вести собрание. Не позорились бы. Будьте немного поскромнее, товарищи лекторы. Ваша очередь ещё подойдет выступить с вашими лекциями.

Михаил привел лекторов к нам. Они были недовольные. И что-то ворчали себе под нос.

Решили выступить Коростылеву, как старшему по возрасту.

Он рассказал о нас, и что мы прибыли им помочь справиться с захватчиками. От стайки молодежи крикнули, чтобы мы убирались к москалям. Они верят в идею хозяев. Тут не выдержал Михаил.

– Хорошо. Вы в сомнениях. Хорошо. Вы думаете, что они люди, и принесут вам счастливую жизнь? А теперь послушайте меня, что я вам поведаю. Мы ведь не зря посланы к вам из бывшего вашего мира. Надо помочь вам уничтожить захватчиков.

Михаил вкратце рассказал о космических монстрах. Люди молчали. И я их понимал. Как один из мужиков сказал:

– Вы нам тут страхов наговорили. Вы уедите, мы останемся. Они придут и накажут нас.

Митька не выдержал:

– Чо вы здесь кочевряжитесь?! Мы добровольно пришли к вам, а вы здесь устроили чёрт знает чо! Границ понаделали, падлы затворные! Мы к ним с миром, а они, сволочи, ещё и фашизм устроили! Вот устроим здесь при вас ледовое побоище с вашими любимыми хозяевами, и вы увидите, как они в пыль прекращаются!

– Неправда! – крикнули от молодежи. – Они настоящие люди! А мы вам не верим! Катитесь к москалям!

В это время какой-то мальчишка подбежал к Коростылеву, и прошептал на ухо. Председатель занервничал, и позвал нас. Мы с Михаилом подошли к нему.

– Ребята, беда. Видимо, кто-то успел капнуть на нас. Сюда идет целый отряд солдат от хозяев. Мы пропали. Начнутся истязания, расстрелы.

– Вы будете спасены, – сказал я. – Наконец-то, мы дождались этого часа. Мы освободим ваш мир от этих тварей.

– Скажите людям, чтобы не паниковали, – сказал Михаил председателям. И вот сейчас решалась судьба народа. Пойдут или не пойдут за нами. Коростылев поднял руки, чтобы все успокоились.

– Дорогие земляки, к нашему селу приближается отряд солдат. Какая сволочь доложила хозяевам о нашем собрании, и наших гостей? Надо помочь нашим гостям. Мы победим этих монстров, и будем свободные.

– Вы всё врете! – закричал один националист из самых горластых парней. – Накажут вас за бунт. Гоните в шею этих гостей!

Люди быстро стали разбегаться.

– Остановитесь! – закричал Миронюк. – Как вам не стыдно бросать гостей!

Люди разбежались по домам. Убежали и парни от русского села. Остались националисты с фашистскими знаменами. Где только они их взяли? Они выстроились в отряд.

– Парни, нам надо их опередить, – сказал я. – Жалко ведь парней. Побьют их под горячую руку монстры. А вы, председатели, не обижайтесь на людей. Я их понимаю. Оно и должно так произойти. А то, что собрали их вместе, это хорошо. Сейчас они всё увидят, кто такие монстры, что приходили к вам за данью. Не надо на них сердиться.

– А я бы этих парней Юркиным кнутом выстегал, – сказал Митька.

– Хватит болтать без толку, – сказал Михаил. – Идем навстречу отряду.

Мы вышли на окраину села. Молодые украинские националисты шли строем за нами.

Мы остановились. И тут перед нами словно из воздуха появился Гале.

– Во время возник, – сказал я.

– Вы всё сделали правильно. Отряд состоит из двухсот роботов. За ними в скором времени появится ещё один отряд из пятисот роботов. Вот эти не знают, ваши удивительные речи. И если тот отряд узнает ваше психологическое оружие, то будут стрелять.

– Разрешите мне прочитать им лекцию, – обратился к нам Демьян Акинфович. Тут же подбежал Петр Петрович. Он возмущен. – Какое ты имеешь право выскочить вперед меня? Я тебя старше, да и лекции мои...

– Стойте, товарищи лекторы! – остановил их Михаил. – Хорошо. Идите вместе, и покажите людям, что такое роботы. Мы надеемся на вас. Вы есть настоящие солдаты вселенной.

А в это время молодые националисты хотели пройти мимо нас навстречу роботам.

Но не тут-то было. Они словно замерли. Конечно, это постарался Гале.

Он вручил нам по несколько трубочек. Сказал:

– Вдруг пойдет не по плану, и надо будет выручать лекторов.

Петр Петрович и Демьян Акинфович пошли навстречу солдатам с поднятыми руками.

Лекторы говорили одновременно. Каждый из них читал лекцию только свою. Они не говорили, а кричали. Мы же приготовились стрелять. Но всё обошлось, как и должно быть. В первых рядах, видимо, шли сами улыбки. У них исчезли лица, а появились морды ящеров, и они стали качаться и падать. А кто попытался стрелять, то мы открывали огонь. Начали и солдаты падать и превращаться в пыль. Я решил посмотреть на лица молодых националистов. Они сгрудились в кучу. Знамена и фашистские знаки упали на землю. В этот момент я понимал их. От такого видения, которое они только что увидели, в них возникли разные чувства. Испуг, разочарование, непонимание, и, конечно, обида. Ведь они поверили обещаниям ящеров. Я не знаю, что они им обещали, но, возможно, много власти над людьми, много золота, наслаждений.

А наши лекторы шли к нам с гордо поднятыми головами, и выпяченными грудями. Сегодня они стали настоящими героями.

Люди выбегали из домов, и встречали нас, как героев.

Михаил отозвал председателей, и сказал:

– Это только начало. Сюда придет, возможно, целый полк ящеров и роботов. Надо этих ящеров закопать в общую могилу, а можно и сжечь, чтобы даже духу и пыли от них не было. Поймите, друзья, битва будет кровавой. Ведь этот мир для них будет последним оплотом. Здесь должна быть общая могила этих тварей. Их надо всех до одного перебить. А там, где живут люди Турса, в мире, который находится на нашей планете, постараются тоже их уничтожить. Обидно, что в нашем мире наши люди не верят нам,

что надо искать источник микрочипов на нашей земле. Надо готовить ваших людей к последней битве с ящерами. Я думаю, что теперь ваши молодые люди поверили нам. Они сами увидели, что могут представлять собой эти чудовища.

Народ поздравлял наших лекторов с победой. Молодые люди стояли в стороне, но не уходили.

Председатели объявили, что надо всем собраться между селами.

Один из парней подошел к пограничному столбу и стал качать его. Ещё подошли парни, и общими усилиями вытащили столб. И только несколько парней ещё стояли в стороне, и что-то обсуждали. Это их дело, это их жизнь. Главное, начало есть. И я был доволен. Ещё один очаг мировой заразы будет уничтожен.

Председатели произносили речи. Хотели и наши лекторы прорваться выступить, но Михаил сказал:

– Я смотрю, вы совсем обнаглели от обрушившейся на вас славы. Имейте совесть. Это право сейчас председателей, и самого народа. Вы сделали своё дело. А вот повоевать нам всем ещё предстоит.

– Мне бы хотелось людям почитать лекцию, – сказал Петр Петрович.

– Будто мне не хочется почитать лекцию? – добавил Демьян Акинфович.

– Ещё будете читать ваши любимые лекции, – сказал я. – Вот расправимся с ящерами и роботами, и почитаете ваши изумительные лекции.

Среди нас появился Гале. Люди это заметили. Началось движение. Михаил поднял руку. Председатели замолчали. Михаил сказал:

– Не бойтесь, люди, это не робот и не ящер. Это наш человек. Он, именно он, предупредил о подходе отряда роботов и ящеров. Вот эти люди, с которыми вам надо дружить. Они могут вам помочь во многом. Они живут рядом, в параллельном вам мире, на нашей любимой планете. Эти ящеры много горя принесли этому народу. Они потеряли свою родину на своей планете. Теперь их любовно приняла наша планета. Они бережно относятся к своей второй родине. Правда, есть люди на нашей планете, которые

варварски относятся к своему общему, родному дому. И там есть люди, которые хоть как-то борются с несознательными гражданами. И этим борцам очень тяжело в их мире. Но, они не сдаются, потому что они неисправимые романтики.

– Вот это закатил, Миша, речь, – тихо сказал Митька. – А ведь я понял. Это он нас имел в виду. У меня даже грудь колыхнулась. Так, это же, правда. Ну, молодец, Миша, молодец.

Появились ещё люди Гале. Доставили много трубочек. Принесли даже большие трубки, если вдруг появятся воздушные корабли.

Всех людей распределили по взводам. У каждого взвода командиром стали люди Гале. Оно и понятно. А наш отряд был сам по себе. Я увидел, как бывшие националисты разобрали трубки. Их распределили по взводам, и они не возмущались. Пришли сюда девушки, и молодые женщины. Теперь они поняли, что от этого последнего сражения зависит дальнейшая их судьба. Они увидели сущности зверей. Вот кого они снабжали мясом! Разве не обидно? Теперь они буду абсолютно свободными.

Степан примкнул к нам. Рядом с ним появился Гудвин.

– А ты зачем сюда? – засмеялся Митька.

– Смешно, что я здесь? – удивился Гудвин.

– Ты ведь там отменно устроился, – ответил Федя.

– Как вы не можете меня понять? Надо уничтожить последний оплот негодяев. У меня накопилось много обид на них за мой народ.

– Ты считаешь своих, ну, этого, за народ? – смеялся Митька.

– Да, народ, и мы, вы уже знаете, мы отличаемся от наших врагов.

– Дмитрий, ты бы, извини меня, помолчал бы уж, – сказал Виктор. – Раз он принял образ человека, то он есть человек. И грех тебе смеяться над человеком.

– И то, правда, Митька, не надо бы ржать над Гудвином, – сказал Федя.

– Я, конечно, раньше сомневался, но сейчас нет, – сказал Юра.

– Я видел его в бою. Человек.

– Гудвин настоящий человек, – ответил Михаил.

– У нас есть люди, которые такие же, как ящеры, а Гудвин настоящий человек, – сказал я.

– Петр Петрович, как ты думаешь? – спросил Демьян Акинфович. – Я считаю его человеком. Он наш. Появись он в нашем мире, ни с кем не спутаешь.

– А что я? Я, как все, – ответил Петр Петрович. – Конечно, человек.

Гудвин стоял в стороне, и внимательно смотрел в степь.

Степан всё это время слушал нас, а потом спросил:

– Я не понял? Что вы все Гудвина за кого принимаете? Человек он и есть человек. Если вдруг он неожиданно появился из воздуха, значит, не человек? Ну, вы даете! Значит, они такого достигли, что бывают невидимые. Разве это плохо. Понять тока не пойму, как это вдруг есть, а вдруг нету? Это не моё дело.

И тут Гудвин сообщил:

– Летальных аппаратов не будет. У них было их два. Они захвачены нашими. А сюда идет полторы тысячи роботов и ящеров. Последние силы решили бросить сюда. Вот если мы их всех уничтожим, ваш мир будет от них полностью уничтожен.

Теперь я засмеялся.

– Ящеры мне напомнили мою квартиру. Как-то мою комнату заполонили тараканы и клопы. Я просто не знал, куда от них деваться. Пришла моя сестра Лиля, и давай их травить, какой-то ядовитой отравой. В течение полного дня она их травила. Погибли все до единого клопа и таракана. Сейчас эти ящеры вроде моих клопов и тараканов. Поэтому, их надо уничтожать.

Вдали мы увидели движущуюся темную массу. Это был целый полк ящеров.

Крестьяне быстро выкопали неглубокие окопы. Мы и залегли в них. К нам примкнули и люди Тураса.

– А где Турас? – спросил я.

– Они добивают последних ящеров. Турас командир нашей армии. В этой армии и воюет ваш Платон Нарышкин. Отлично сражается. У него даже свадьба намечается на нашей девушке.

– Вот дает Платошка! – засмеялся Митька. – Детей наплодит. В вашем новом мире появятся наши детишки.

– Мы все наши, раз на планете Земля, – ответил я.

Темной массой грозно двигалась последняя армия ящеров. О том, что эта последняя армия врагов, председатели сообщили народу. Из села даже старики и старухи пришли. И тоже вооружились. Все признали в Михаиле командира.

– Подпустить ближе! – приказал он. – Стрелять только по моей команде.

Гале взял длинную трубу. А труб таких было три. Их разобрали люди Гале. Мы не умели ими пользоваться.

Трубочками пользоваться крестьян научили люди Гале. Они словно из воздуха один за другим появлялись среди крестьян. И они уже не боялись их. И вдруг над степью наступила тишина. Я вспомнил слова фронтовиков. Самое тревожное время в окопах, когда наступает тишина. Это перед боем. Хорошо ещё то, что нет больше наземных и воздушных военных механизмов. А пехота грозно двигалась в нашу сторону. Даже жаворонок перестал петь свою вечную песню жаркого дня. Не видно было диких лошадей и других животных. Степь словно вымерла. И только было слышно, как стрекотали кузнечики.

Теперь можно было различить эту грозную темную массу. Она была зеленой. Я видел разинутые пасти ящеров. Теперь это были уже не люди, это были настоящие звери. Они понимали, что им уже терять нечего. Жизнь или смерть.

Постников Павел Иванович крикнул:

– Люди, теперь вы увидели истинные морды тех, кто был у нас хозяевами! Они сеяли настоящий фашизм среди молодежи, дурманили их ещё не созревшие головы! Позади нас наш общий дом, и это наша законная родина! Даже если придется умереть в этом бою, то мы умрем за свободу для наших детей. Будем сражаться с этой гадиной до последнего вздоха. С нами сражаются наши друзья из бывшего нашего мира, и наши соседи!

– Вот это речь! – воскликнул Митька.

– А мне эти слова напомнили слова знаменитого комиссара Ключкова под Москвой в борьбе с фашистами, – ответил я. – А ведь, как точно сказал Постников. Это тоже их последний оплот, как и у ящеров. Но мы на стороне крестьян. Поэтому крестьянский оплот победит.

Тесной стеной ящеры двигались на наши окопы. Кто-то не выдержал, и выстрелил. Ящер упал. И тогда ящеры побежали на нас.

– Огонь! – крикнул Михаил. И началась стрельба. Ящеры рядами валились почти у самых окопов. Вот они уже начали врываться в окопы. И там, где они врывались, началась рукопашная схватка. Степан бросил трубку, и стал в боевую стойку. Вот этому ящеров не учили. Степан одного за другим укладывал ящеров. У меня трубка перестала стрелять. Вот теперь мне пригодился мой кнут. Я пытался бить их по темечку. И ящеры падали замертво. Ещё раньше я уже знал это слабое место зверей. Тем более темечко было удобно расположено на плоской голове зверя.

Я не знаю, сколько продолжалась кровавая битва, но вдруг всё стихло. Кто-то закричал:

– Мы победили! Ура!

По кровавым окопам раздались радостные крики победы. Мы выбрались из окопов. Мой кнут был красный от крови ящеров. Но она тут, же испарилась. Роботы тоже превратились в пыль. И только остались лежать вперемешку ящеры и крестьяне.

Крестьяне тут же стали складывать своих погибших товарищей. Их оказалось двенадцать человек.

Скрутили оставшихся живыми восемнадцать ящеров. Роботов не было среди зверей.

– Вас будет судить народ, – приказал Коростылев. – Как думаешь Михаил?

Как командир сводного отряда, Михаил Бутаков дал согласие на суд.

Всех убитых ящеров собрали в кучу, увезли на повозках в степь, и там сожгли, чтобы прах от них развеял ветер.

– Нашу землю не будем поганить, – сказал Коростылев.

Раненых крестьян перевязали, и увезли на телегах в местную больницу. Степан обещал привезти целебные травы.

Я видел, как парни забрасывали землей узкую траншею, которая разделяла два села. Полосатые столбы исчезли. Вот так бы в нашем мире некоторые товарищи и господа одумались, и сокрушили бы границы между тремя славянскими государствами. Историю нельзя делить, она единая и должна быть неделимая. Са-

мому народу эта дележка не нужна. Её придумывают те, кто приходит к власти. И вот люди, которые попадают под чью-то власть и начинают устраивать дележку. Точно так получилось и здесь. Интересно, как на это посмотрят два латыша, если они остались живыми.

Гале и Гудвин попрощались со всеми, и удалились в свой мир. Теперь это их мир. Они сказали, что там тоже добивают последних роботов и ящеров. Но, у меня возник вопрос. Взять наш мир. В головы многих людей и детей внедрены микрочипы. Как их удалить? Бить по темечку? Как-то неудобно. Засудят. А если ударить по темечку миллиардера? Ещё и подстрелят его охранники. В нашем мире в этом вопросе нет выхода. Я решил поделиться своими мыслями с Михаилом.

А пока нас определили в отдельный дом для отдыха. Мы помылись в бане, отменно поужинали, и теперь лежали на деревянных кроватях, и блаженствовали. Завтра состоится суд над ящерами, а потом председатели попросили наших лекторов прочитать какие-нибудь лекции. В общем, сами напросились.

– Тут я и поделился с мужиками насчет своих мыслей.

Как всегда Митька стал смеяться.

– А ты, Юрка, здорово это придумал. Тюк по темечку, а там замыкание. И сгорел микрочип! Вот это мысль! Я их сук, таких людей знаю. Я буду ходить, и тюкать по их башкам. Молодец, Юрка. И некаво их стесняться! Они вон не стесняются обманывать народ и воровать!

– Мысль-то правильная, но в нашем мире нас не поймут. Пересадят нас всех. Поверьте мне. Пересадят, – ответил Михаил. – А ещё хуже всех отправят в психушку. Насчет этого дела наш мир несовершенен.

– Я, конечно, сомневаюсь, друзья, – сказал Юра, – но одним битьем по темечкам не справиться с миллионами отравленных людей. Здесь необходима политика. Как? Я пока не знаю. Иногда, правда, по телевизору некоторые товарищи, как их называют контактеры с пришельцами, рассказывают, что в них что-то внедрили. И это уже давно известно. Но наши ученые к таким разговорам относятся скептически. Мне, кажется, что некоторых ученых надо самих бить по темечку, чтобы они в это поверили.

– С Вычегжанином я согласен, – сказал Федя. – Нас ведь единицы, что мы сделаем против огромной массы людей с микроципами в башках? А ничего.

– Извините, друзья мои, раньше я не верил во все эти чудеса. А теперь многому верю. Так устроен мир. А его создал наш Бог. Придет время, и он наведет всемирный порядок. Я так думаю. Меня этот вопрос насчет микрочипов тоже волнует. Мне кажется, что кроме тех ученых, которые лишились разума, есть ещё выше их разумные существа. И они следят за нами, – сказал я.

– Я давно это чувствую, – добавил Михаил. – Но обнаружить их невозможно.

– А над ними ещё есть разум, – сказал я.

– Вот дают наши акстраномы, – засмеялся Митька. – Такова накрутят, хоть святых выноси.

– Конечно, меня берет сомнение, но что-то ещё есть намного круче этих улыбчиков, – сообщил Юра.

– Со всеми можно запутаться, – сказал Петр Петрович.

– Как с твоими лекциями, – хихикнул Митька.

– Сдались тебе мои лекции, – проворчал лектор.

– У меня таких лекций нет, – признался Демьян Акинфович.

– Слава Богу! – воскликнул Митька. – Вот здесь вы пролетели! Как же так? Непорядок. Немедленно надо вам такую лекцию сморозить. А мы слушаем.

– О чем вы завтра будете читать лекцию, Петр Петрович? – спросил Михаил. – Проще что-нибудь. Крестьяне ведь. И потом они так далеко от лучших лекторов в нашем районе.

– Как о чем? – удивился Петр Петрович. – О поднятии сельского хозяйства, поднятие целины. Думаю, они с удовольствием послушают.

– А вы, Демьян Акинфович, о чем будете говорить? – спросил Михаил.

– О животноводстве. У меня есть опыт по этому делу. Я бывало, работая в райкоме партии, много писал о доярках, – сообщил Неуспокоев. – О поднятии надоев молока от каждой фуражной коровы, и о правильном уходе за молодняком.

– Умные лекции, – сказал я. Не знаю почему, но меня давил смех. Едва сдерживался, а смех внутри меня клокотал, пытаюсь

вырваться наружу. Я уткнулся в подушку, и вцепился в неё зубами.

Михаил заметил, что я терплю, чтобы не взорваться. Я не виноват, что мне было смешно.

Петр Петрович в это время развивал мысль.

– Напоследок я им, всё-таки, закачу речь...

– О сияющих вершинах, – прыснул в кулак Митька.

– И ничего здесь нет смешного, – строго ответил Неуспокоев.
– Вечно тебе весело. А я прочитаю лекцию...

– О гранитном фундаменте, – перебил Федя.

– А может, и о фундаменте, – резко ответил Неуспокоев. – Вот здесь этот фундамент есть. Мы мечтали о сияющих вершинах. А они вот здесь, в этом мире. Здесь есть настоящий коммунизм. Плевал я на разные психушки. Плевал. Я буду читать лекцию в нашем мире, и приведу в пример вот этот мир, в котором мы были. Разве это смешно? Плакать надо, что мы не так живем. Плакать и рыдать.

– Я поддерживаю Демьяна Акинфовича, – твердо ответил Петр Петрович. Ну, вот, наконец-то, они объединились. Нет, не успокоились наши лекторы.

– Товарищ Неуспокоев, для вас место найдут в психушке, – серьезно ответил Михаил. – Надо нам быть всё-таки осторожнее. Наш мир в этом вопросе очень сырой.

– Когда же он просохнет? – спросил Петр Петрович. – Я согласен с Демьяном Акинфовичем. Я тоже буду рассказывать о прекрасном мире, где живут теперь свободные и мирные люди. Если мы так будем жить, то мы никогда не просохнем.

– Вот этого, как его, извиняюсь, прекрасные фразы. Мир сырой. А его надо высушить, – улыбнулся Виктор. Смех утонул в моем организме. Уже стало не смешно. А ведь эти два лектора могут не выдержать. Тогда я им не завидую.

– Я, конечно, сомневаюсь, но открыто говорить в нашем мире слишком опасно. Стрелову хорошо. Жанр фантастики. Попробуй, придерись? Молодец. Нашел выход, – сказал Юра. – А если мы начнем болтать, то упрячут.

– Давайте лучше спать, – предложил Михаил.

Утром за нами пришли два парня. Пригласили позавтракать. Потом нас повели на небольшую площадь. Здесь собрался народ со всего села. Уже не надо говорить, что есть два села. Они объединились в одно большое село.

На телегах привезли связанных ящеров. Они не превращались в людей. Это были настоящие звери.

Прибыл сюда Турас, Гале, Гудвин, и ещё несколько человек.

Сходку открыл Коростылев. Рядом с ним стояли Миронюк и Постников. Они и будут главные на селе. Власть, наверное, они уже распределили.

– Граждане селяне, – обратился к народу Коростылев. – Сегодня мы судим тех, кто когда-то наших предков насильно вырвали от семей, от работы, из нашего мира. Судим тех, кто все эти годы издевался над нами, держал народ в страхе. Посмотрите на них! Оказывается это обыкновенные хищные звери, которые, чтобы выглядеть, как человек, стали варить мясо. Ученые на свою голову научили их кое-чему. Научили на свою голову. Они уничтожили этот народ, который их создал. Судить вам этих нелюдей...

Что-то ещё немного говорил, потом выступил Михаил. Он рассказал о том, как эти твари, управляемые продажными учеными завоевали несколько планет. Теперь они хотели сделать эту планету своей главной базой. Теперь на всех завоеванных планетах от этих тварей освобождаются.

Виктор стал говорить о том, чтобы начать строить церковь. И что он, лично, начнет крестить людей и детей. Большинство людей согласилось на то, чтобы на селе была церковь.

– Иеромонаха выберете сами.

– Оставайтесь с нами, отец Виктор! – крикнули из толпы.

– Кто это назвал моё имя?

Люди вытолкнули парня лет тридцати.

– Крещёный? – спросил Виктор.

– Да, меня ещё в детстве крестили. Мальчишкой я сюда попал. В лесу грибы собирал. Вдруг потерял сознание, и я оказался здесь. В нашем мире меня давно потеряли. Здесь моя родина. Женился. Двое детей.

Как у тебя с верой в Бога?

– Я тайно от всех молюсь, – тихо признался он.

– Не надо прятаться, – ответил Виктор. – Я тебя благословляю на то, чтобы ты возглавил приход в вашей церкви. Научу тебя, как и что делать. Потом поговорим.

На выступление хотел прорваться Петр Петрович, но его остановил Михаил.

– Вы ещё покажете себя при чтении вашей лекции. Зачем ранее светиться?

– Потом, потом, Петр Петрович, – остановил его Неуспокоев. – Я тоже хотел выступить, но потом подумал, что у нас будет время почитать лекции людям.

Митинг закончился. Колхозники единогласно проголосовали за расстрел пленных зверей. Когда ящеров повели на расстрел, Виктор ответил:

– Великий грех убивать людей. Но здесь есть отступление от греха. Я извиняюсь перед всеми, но казнь этих тварей необходима. Это не люди. Это хищные и подлые звери, одевшие на себя личинку человека. Создатели уже понесли наказание. Они лишены человеческого разума. Извините, но я сам участвовал в уничтожении этих выродков. И нисколько об это не сожалею.

Потом Виктор отозвал того парня, и они пошли искать место под строительство церкви. С ними пошел Миронюк, и ещё несколько мужиков и женщин.

А мы пошли на берег реки, чтобы покупаться, и смыть то, что ещё осталось на нашем теле после того, как мы почти рядом стояли с ящерами. Решили, чтобы даже духу от них не осталось.

Мы плавали, ныряли, и наслаждались полной свободой. Потом легли загорать.

– Молодцы. Отдыхаете? Заслужили отдых, – услышал я знакомый голос. Я открыл глаза, и увидел Дюрда.

– За нами пришел? – спросил Михаил.

– Точно так. Пора отправляться по местам, – ответил Дюрд.

– Мы долго здесь были, – сказал я. – И на краю вселенной мы тоже были долго.

– Так вас зарядили. А потом, на той планете тоже, как и на Земле есть такая энергия. Вы постоянно подзаряжались. А теперь надо вам отправляться на остров Дикий. А оттуда по своим местам.

– А потом нас куда? = спросил Федя.

– Но мы ещё лекции не почитали крестьянам, – сказал Петр Петрович. В голосе лектора обида.

– Но я, же не сказал, что вас надо отправлять немедленно, – быстро ответил Дюрд. – Завтра утром вы будете на острове Диком. Там вы встретитесь с интересными людьми. Я исчезаю.

Дюрд словно вдавился в воздух.

– Любопытно, кого же мы там встретим? – спросил Михаил.

За нами пришли два человека. Пригласили придти в правление общего колхоза. Деревянный дом, где в прошлом находилось украинское село, был наполнен слушателями. Здесь должны читать свои лекции наши лекторы. Возле наших лекторов крутилось три местных лектора. Решили поучиться, как и о чем надо читать политические и экономические проповеди. В дом вошли только наши лекторы, мы же решили подождать их на скамеечке в маленьком и аккуратном саду, где росли яблони, груши и вишни.

– Ну, друзья, будем ждать выбегающих товарищей с выпученными глазами, – сказал Федя.

– Я бы послушал, но боюсь за свою голову, – засмеялся Митька.

Долго сидели, ели разные фрукты.

Первым выскочил мужичок со всклокоченными волосами. Он дико оглянулся, и пустился наутек. Следом за ним, покачиваясь и оглядываясь, выбрался ещё один товарищ. Увидел нас, и подошел к нам.

– Не пойму, Ничего не пойму. Как же так? Неужели мы такие темные? Странно?

И он прошел мимо нас.

– Мужики, – сказал я, – надо выручать наших лекторов, – сказал я. – Ведь избыбют наших героев. И не посмотрят на их подвиги.

На крыльце мы встретили трех начинающих лекторов. Они были бледны.

– Ну и, как наши лекторы? – спросил Федя. – Зачем их покинули?

Один из мужичков сообщил:

– Куда нам до них. Лучше мы будем в поле работать.

Мы вошли в правление. Несколько мужиков и женщин встретились нам. У одной женщины отчего-то глаза собрались в пучок. Она зло посмотрела на нас.

– Вы этова, тоже такие? Воевать вы спецы, а болтать ишо больше. Чо они нам лепят? Я ведь могу им и рожи набить. Шибко грамотными стали, так и словами нас непонятными потчевать?

Некоторые люди вставали с мест, и собирались уходить. Женщина в это время продолжала шуметь.

– Чо он нам про какой-то фундамент болтал из гранита! Зачем он нам нужен. Мы жили без гранита, и дальше будем жить.

Митька смеялся.

– Ну, мужики, ну лекторы дребаные! И здесь свой фундамент втиснули! Не имется им. Ничо их не берет. Их же надо в психушку отправлять к сияющим вершинам!

Я увидел, как Петр Петрович утирал платочком вспотевшее лицо. Он, видимо, уже произнес речь. Теперь речь держал Неуспокоев.

Последние слова я все-таки услышал нашего товарища лектора.

– Вот я и говорю, если правильно решить насущный вопрос по севообороту, то естественно, вы получите небывалый урожай зерновых...

– Закругляйся! – кто-то закричал из зала.

– Прочь со сцены!

– Хватит болтать!

Но в этом шуме голосов я услышал надсадный голос Неуспокоева.

– Как вы не можете понять?! Мы вам хотели определить задачи на будущий год по повышению урожайности зерновых, и по надюю от каждой фуражной...

Дальше я ничего не мог разобрать. Такой поднялся шум в зале, что хоть уши затыкай. Мы стали пробиваться к лекторам. Два здоровенных парня толкали перед собой наших лекторов. Они упирались, и что-то пытались доказывать.

Мы пробились к лекторам. Взяли их под руки. Люди кричали:

– Убирайтесь ко всем чертям, вонючие лекторы!

– Господи, у меня голова кругом идет!

– Вы все нормальные люди, но почему эти двое ненормальные среди вас! Убирайте их с глаз долой.

– Чтобы их у нас духу не было!

Мы выбрались на улицу. Потасили упирающихся лекторов подальше от управления. Народ у здания шумел, как растревоженное осиное гнездо.

Потом они сами пошли. С их красных лиц бежал пот. Я никогда не видел их в таком ударе. В глазах устоявшаяся ненависть. Они размахивали руками.

– Как они могли так прервать самую мою легкую и умную лекцию о поднятии народного хозяйства! – хрипел Неуспеков.

– Я им читал лекцию о международном положении в планетарном значении этого слова. Организовали бы фонд в честь планетарного мира. Я лекцию только что сочинил! – кричал Петр Петрович. Голос его то и дело срывался на мышинный писк.

– Какая глушь! – хрипел Демьян Акинфович. – Глухая деревня! Никакой культуры! Мы ведь интеллигентные люди, а они так с нами поступили! Разве так можно?!

– Слушайте вы, окультуренные переучки, если переучились, то не кладите всех под свой лапоть, – отозвался Митька. – Сами же кричали, что они достигли сияющих вершин коммунизма, так что же вы так чичас шумите на них. Да они намного лучше и чище всех вас переучек. Мне бы выпала такая возможность, я бы здесь навсегда поселился.

– Вот вместе с ними бы и здеськал, – огрызнулся Петр Петрович.

– И я бы остался с ними, – сказал Федя. – Мне здесь понравилось.

– Ну, что вы опять скандалить? Ну, опять на позор вышли? Ну, зачем так? Ну, хватит уже! Ну, что такое? Ну, вот опять! – крикнул Юра.

– И действительно, мужики, когда вы уйметесь? – спросил Михаил. – Ваши лекции героические для улыбочиков и роботов. Но народ, простой народ не желает ваши лекции слушать. Неужели вы этого понять не можете? Петр Петрович, ты уже раз сжег свои лекции, выбросил знаменитый портфель, говорил, что осознал насчет лекций. И вот снова вылез с ними на простор.

Петр Петрович стал успокаиваться, сильно потер лицо, и со вздохом ответил:

– Эти лекции для меня тот же наркотик. Не отпускают меня. Хоть плач. А почему вы меня не остановили? Решили посмеяться надо мной? Посмеялись? Весело вам? Как же, Петр Петрович опозорен. Веселитесь!

– И я не знаю, как так получилось? Я ведь хотел другую лекцию прочитать, – тяжело вздохнул Неуспокоев. – А меня будто кто изнутри подтолкнул, читай вот эту по поднятию сельского хозяйства, и про этих самых, как их, коров, будь они не ладны со своими надоями от каждой фуражной коровы. Какой-то кошмар. А вот про коммунизм им надо было речь толкнуть.

– И тебе толкну! – крикнул Митька. – Слушай, Неуспокоев, давай успокойся, а то я тебя быстро успокою. Тяпну по темечку, и не только лекцию про коров и коммунизм забудешь, но и маму родную не узнаешь.

И вдруг Митька замер, остановился. Мы тоже все остановились.

– Слушайте, мужики, а что если у наших лекторов сидят эти самые чипсы.

– Микрочипы, – поправил Михаил, и взглянул поочередно на головы наших лекторов. – А ведь всё может быть. А вдруг сидят.

– Тюкнуть по темечкам, и выскочат они, – неожиданно засмеялся Митька.

– Это у кого микрочипы? – подозрительно спросил Неуспокоев. – У нас с Петром Петровичем что ли?

– А ведь похоже, что сидят. Ведь они сегодня молотили не то, что хотели втюрить в мозги безграмотных крестьян, – сказал я. – Можно и тюкнуть.

– Да причем тут тюкать!? – закричал Петр Петрович. – Мы сами не знаем, что с нами произошло?

– Растюкались! – тоже закричал Неуспокоев. – Ничего у нас не сидит! Просто мы привыкли толкать речи. По привычке вдруг такое случилось. Ну, захотелось мне вдруг показать людям, какой я грамотный и культурный, вот и выдал речь. Они люди темные, вот и послушали бы умную речь умных и культурных людей. Да и удивились бы от нашей грамотности, а они драться полезли к нам.

Одна женщина выпучила глаза, тряслась вся, и полезла душиТЬ меня.

– Темный народ. Что с этого народа взять? Я ведь не виноват, если они все неграмотные, – сказал Петр Петрович.

– Зачем им грамота? – спросил Митька. – А то возьмут некоторые, да переучатся, вот будет смеху. Свои будут переучки головы морочить людям. Как я понял, везде у власти сидят переучки.

– Успокойтесь, товарищи лекторы, успокойтесь, – сказал Михаил. – Идемте в наш дом, и дождемся нашего ещё одного глашатая.

– Хоть бы и ему не накостыляли, а то ведь начнет не то говорить, – сказал Федя.

Мы вошли в дом. Легли на свои кровати. Меня потянуло на сон.

Я стоял у дома на острове Диком. Все друзья на месте, даже Виктор с нами.

– Не избил тебя? – спросил Михаил.

– Что вы? Ко мне все хорошо относились. Мы наметили место под строительство церкви. Я показал своему преемнику иеромонаху Игорю, как надо крестить людей, младенцев, как читать молитвы. Он на лету хватал. У него великолепная память. Мне рассказали, что было в правлении колхоза. Вы извините меня, но надо знать, где говорить и о чем. Ваши лекции могут быть нормальными, но постарайтесь выкинуть заумные предложения, которые сочиняли политики и ученые во времена раннего и позднего застоя. Все эти люди умничали друг перед другом. А вам, зачем умничать перед простыми людьми? Чем проще вы будете говорить, на языке простого народа, тем проще, доступнее и умнее вы будете людям казаться. Меня ведь нигде не гонят, потому что я говорю на том языке, на котором говорят окружающие меня в этот момент люди. Не надо бы вам умничать. В этот момент вы смотрите...

– Глупыми и смешными, – перебил Митька.

– И то, правда, товарищи лекторы, – сказал я. – Мне кажется, пришло время прощаться. Когда встретимся, нам неизвестно.

– Да, друзья, мы побывали на краю вселенной, – сказал Михаил. – Это нельзя забыть. Такое не забывается.

Мы замолчали. Петр Петрович и Демьян Акинфович стояли в стороне и молчали. И мы притихли. В любой момент нас могут отправить домой.

Встречи приятные и сложные

Но не тут-то было. Я увидел, как от столовой шла лихая команда. Вот это встреча! Такой встречи я не ожидал. Правда, из бывшей команды здесь были не все, но всё-таки, тоже мои товарищи и друзья. Вместе путешествовали в другие миры.

Впереди шел сам Кирьян Подгузников, бывший секретарь нашего Туманского района. Следом за ним шли: Степа Клубков, чукча Володя Тымневакат. Вроде никого больше не видно.

– Кого мы видим! Земли мои! Юрка Стрелов, Михаил Бутаков и Федька Копылов. Ты у меня, помню, целый год был личным шофером.

– Было дело, – ответил Федя.

– Как вы здесь? Куда или оттуда?

– Скорее всего, оттуда, – ответил Михаил.

– Да и мы оттуда. Были почти на самом краю вселенной.

– Где это? – быстро спросил я.

– А чёрт их поймет. Этих улыбочиков громили, – ответил Степа.

– Мы тоже были на краю вселенной.

Мы все стали наперебой рассказывать о наших путешествиях. Вот эта команда была на другой планете, и там им пришлось тоже воевать. Значит, на всех завоеванных планетах ящерами побывали такие же команды, как наша.

– Среди вас нет Чемулаева, Иванова и Хилопатова, – сказал я.

– Мы только что с ними встречались. Их отправили по домам. Они были в другой команде.

– В столовой не было подгузницы, – печально сообщил Володя Тымневакат.

Надо заметить, сколько я путешествую в другие миры, в первый раз я встретился с другой командой, хотя я с ними уже бывал в других мирах. Это была у нас прекрасная группа.

– Мы им, понимаешь, там дали копоты, – сказал Подгузников. – Зачем нас разделили? Я спрашивал. Нужны и другие команды.

– Так вас всего трое, – сказал я. – Чемулаев, Иванов, Хилопатов с вами были?

– Нет. Они были в другой команде. Им тоже давали, как и нам, четверых парней. Их отправили домой. Двое были из Израиля, один француз, а другой из Польши. Отличные ребята.

– Смотрите, кто идет! – прошептал Петр Петрович. К нам шли Пелагея Длиннохвостикова, Октябрина Правдина и Ольга Голубкина. Вот это встреча! Зачем нас столкнули? Не понимаю.

Пелагея подошла к Петру Петровичу, и коротко хохотнула ему в лицо.

– Где это ты, сучонок галстучный, потерял свой неразлучный портфель? Где твои любимые лекции, сволочь паршивая!

– От паршивой слышу! – громко ответил Петр Петрович.

– Всю жизнь с тобой мучилась, огрызок от партии!

– Это я с тобой мучился. А сейчас я живу один, и счастлив.

Подгузников махнул на них рукой, и пошел к двери в подвал. Остановился. Мы пошли следом за ним.

– Пусть разбираются, – сказал Подгузников.

К нам подошли Октябрина Правдина и Ольга Голубкина. Она ласково улыбалась. Я уже писал о ней, как она лаской убивала улыбочков. Она умела ласково и в тоже время запутано говорить нашим врагам, что они падали и превращались в пыль.

Октябрина Правдина подняла руки.

– Не бойтесь, мужики, не буду вам задавать вопросы и не требовать ответов. Мы хорошо потрудились на одной из планет на краю света. Знаем, вы тоже там были.

– Вы, Юрий Иннокентьевич, интересную и любопытную книгу написали «На острове снов», – сказала Ольга, и нежно улыбнулась. Я всегда остерегался и боялся вот таких женских улыбок. Что за ними, неизвестность. Женщина, по натуре, загадочное существо. Возможно, ещё из-за этого, вот уже какой раз у нас собирается чисто мужская команда. Кстати, и женская тоже также собирается. Оно и правильно.

– Я очень жду продолжение ваших книг. У вас необычная фантастика с реальным героем-автором. Действительно, необычно.

– Тогда у меня назрел вопрос, Юра, ты почему постоянно врешь во всех своих книгах? Пиши реальность, с указанием реальных фактов, – сказала Правдина.

– Не могу.

– Почему не можешь? Не желаешь правду писать?

– Пишу правду. Правдивая фантастика.

– Фантастики не бывает правдивой.

– У меня она есть. Фантастика.

– С тобой трудно разговаривать. Ты не ответил на мой вопрос. Пойду задам вопрос товарищу Подгузникову. Он тоже не ответит.

Октябрина подошла к Подгузникову. Он отбежал от неё в сторону моря.

Октябрина даже плюнула, и подошла к Виктору.

– Вот вы поп. Как вы думаете...

– Я не поп, а иеромонах. Знаю, этого, как его, что с вами спорить только во вред себе. Вы ярая атеистка. О чем мы с вами будем вести разговор? Я лучше буду молчать.

Октябрина подошла к Митьке. Зря она это сделала.

– Вот кто мне ответит. Слушай парень...

Он прервал её:

– Хиляй отседа, мыбра! А то, как говорит Виктор, этова, как ево, по темечку тюкну, завяжу в узел, а в это время Петр Петрович будет читать свою лучшую лекцию. Мало будет, ещё Петр Петрович закатит одну лекцию о сияющих вершинах.

Октябрина не могла слова вымолвить. Ей нанесли такое оскорбление, что она замерла с открытым ртом.

– Что там напомнили о моих лекциях? – подошел к Митьке и Октябрине Петр Петрович. – О сияющих вершинах не буду читать. Есть у меня одна из лучших моих лекций о культуре речи. Я вам могу прочесть эту лекцию товарищ Правдина, если вы так просите меня. Вы, Октябрина, не стесняйтесь, не надо стесняться, эта лекция легкая, специально написана мною для культурных, интеллигентных и образованных людей, как вы. Мы можем отойти в сторону, и я вам её прочту...

В это время Пелагея Длиннохвостикова подошла к Петру Петровичу.

– Это кому ты собрался читать здесь лекцию? От твоих лекций бывало, гусей качало, когда ты в сарае читал им свои лекции, а куры переставали нести яйца. Не смей умных людей. Это не Октябри-не ли ты собрался лекцию читать.

Наконец-то Октябрину прорвало.

– Ах ты рыжик болотный, он ещё и обзываться. Сам ты мым-ра таежный! Лекцию читать? Кто будет читать? Этот гусиный почитатель? До сих пор гуси над ним смеются! Лекцию он собрался мне читать! Пелагея Пантелеймоновна, твой бывший благоверный собрался мне лекцию читать о культурной речи гусей с курами! Я тебе покажу лекцию гусиный выкормыш!

Пелагея коротко хохотнула.

– Вот это для него в самый раз! Гусиный выкормыш!

Она плюнула в ладонь, и сжала кулак. Получился кукиш. И она поднесла его к носу Петра Петровича.

– Вот тебе, кукиш с маслом, а не твои глупые лекции!

С Михаилом мы не стали слушать, что отвечал Петр Петрович, а спустились в подвал. Мы встали под купол. Прежде чем исчезнуть из этого мира, я на миг увидел вбежавшего в подвал Подгуз-никова. Я успел услышать его последние слова:

– Я же вас не трогал с Пелагеей! За что набросились на Митьку? Митька, беги! Пелагея в глаз тебе ударила? Не надо вопросов мне задавать, Октябрина! Не надо! Умоляю! Петр Петрович, беги!

Я стоял у сосны. Сегодня был теплый день. С сосны по густым веткам скатывался подтаявший снег. Но у самой сосны было ещё сухо. Наконец-то, я в нашем мире.

Услышал тихий кашель, потом и голос женщины, которая за великие грехи алкоголички попала в сосну.

– Явился, Юрок из другого мира? Явился. Как я посмотрю, вот эта сосна странная. Постоянно, кто-то в неё попадает не по своей воле.

– Этого я не знаю. Но при мне ты вторая сюда угодила. Возможно, ещё были? Не знаю. Катерина в этой сосне много лет сидела. Может, ты только вторая сюда попала. Не знаю.

– Как там?

– Где? – спросил я, думая о своих товарищах. Досталось им от женщин. Хорошо, что я никогда с ними не спорю и не ругаюсь. Хорошо знаю, что я тут же проиграю.

– В другом мире как? – переспросила Нина.

– Нормально.

– Как нормально? Рассказал бы хоть, как там?

– Зачем тебе это?

– Как зачем? Буду думать, представлять ту жизнь. Надо ведь о чем-то думать.

– Думать это хорошо, – ответил я. От дерева шло тепло.

– Когда пила, гуляла, там не до разных мыслей. Одна была мысль. Где найти на опохмелку. Вот и вся мысль. А сейчас только и остается одно. Думать. Думать над своей горькой судьбой.

Она даже всхлипнула.

– Перестань слезы лить. Меня тебе не разжалобить.

– Ты такой бессердешный?

– Не в этом дело. Я не верю в слезы женщин. Они начнут плакать, а тут же и начнут смеяться.

– Такие мы женщины.

И она начала смеяться.

– Понял? И хорошо если не веришь. Расскажи, как там?

В это время я услышал, как кто-то шел по тропе. Под его сапогами хлопала вода.

Это был Михаил.

– Давно здесь появился? – спросил Михаил.

– Только что у этой сосны образовался.

– А я появился у расщелины в земле.

– Я как-то тоже попал в другой мир через расщелину, – ответил я.

– Это разлом в верхнем слое земли.

– Как там наши женщины? Дали они нашим мужикам копоты, – сказал я. – Митьке синяк Пелагея поставила.

– А мы с тобой во время сбежали от них. Вот и не посылают нас с нашими лихими женщинами. Они бы над нами власть взяли. А этого я и боюсь.

– В этом вопросе я тоже боюсь женщин. А возражать женщинам, я как-то стесняюсь. Как поступил Митька с Октябриной, я бы никогда так не сказал. Не хватило бы смелости и духа.

– Встретить бы наших земляков Федора и Неуспокоева, – сказал Михаил.

– Вряд ли они будут помнить, – ответил я. – А ещё из нашего городка Туманска там была всегда улыбающаяся Ольга Гулубкина.

– Ласковая дама,- улыбнулся Михаил. – И что интересно, все наши дамы разного характера, и оригинального подхода к окружающей действительности. Перечислять их достоинства не буду.

– Почему только достоинства? – спросил я.

– Я говорю только про достоинства. Ты смотри, мне кажется, или показалось, будто от твоей сосны тепло идет. Так вот о достоинстве. Они не такие, как все. Они другие, как и мы. Мы ведь не подходим по параметру к нашим людям своим странным поведением. Оно настораживает людей, и поэтому раздражает. И наших женщин и берут в другие миры, потому что они другие. А быть с нами вместе невозможно. Они другие и мы другие. Представь, чтобы получилось? Скандалы. Там, кто нас направляет, всё это учли, всё предусмотрели. Достоинство наших женщин, которых мы избегаем, имеют своеобразное достоинство. И это прекрасно, что они такие. Есть и другие команды женщин из разных стран. Они такие же женщины, как и наши. И что удивительно, их не соединяют. Нас ведь тоже не соединяют. Даже вон разбросали, как твоих товарищей и друзей. Значит, им подобрали, таких же товарищей, как и они сами. И нас отобрали для команды. И мы, как бы дополняли друг друга. Так что я не сержусь на наших дам.

– Да я тоже не сержусь, но стараюсь с ними не сталкиваться.

– И это правильно, – ответил Михаил. – Ты заметил, что нам с ними нельзя быть вместе?

–Заметил. Всё о них. Хватит. Ты где теперь?

– Пойду в своё зимовья. Буду отдыхать, думать. Надо только разных круп набрать, муки, растительного масла, сахара. Буду приходить в город раз в месяц за пенсией. Опять на месяц закуплю, и снова в тайгу.

– У меня нет зимовья. Квартирка мне заменяет всё, да вот тайга.

Мы помолчали. Михаил положил руку на ствол сосны.

– Мягкая, теплая. Словно живая.

– Всё в мире живое. А помнишь ту картину? Она потом куда-то исчезла, – сказал я.

– Странная картина. Какая-то в ней загадка, – задумчиво ответил Михаил. – Порой она мне не дает ответа.

– Мне тоже самое не дает ответа. Хоть будет нам напоминать, что мы побывали на краю вселенной. Есть у меня одна мыслишка. Но, я боюсь её развивать.

– У меня тоже она есть. Скажи, кому об этом, скажут всё, с ума спятил.

– Пусть эта загадка остается загадкой, – ответил я.

Михаил будто замер, Он поднял голову, и посмотрел вверх.

– Странно. Такое ощущение, будто кто-то хихикнул, и назвал нас отпетыми дураками.

– Скорее мы не дураки, а придурки, – ответил я. – И нас с тобой, Михаил никто не поймет. А раз нас не понимают, значит, мы с тобой дураки. Но, мы-то хорошо знаем, что мы придурки. Так ты, Михаил, голос слышал?

– Как вот тебя слышу.

– Какой голос?

– С хрипотцой голос. Почему-то женский голос.

– А ведь эта сосна женского рода.

– Но есть сосны и мужского рода, Как тогда назвать? Сосон? Или как?

– Вот эта сосна чисто женского рода.

– Как будто я не знаю, что она женского рода. Она дает семена.

Михаил отскочил от дерева. На лице удивление.

– Я четко услышал голос. Голос сообщил, чтобы я дурью не маялся.

– Ты теперь должен поверить, что в этом мире всё возможно. А почему не может говорить дерево?

– В принципе это не возможно, – быстро ответил Михаил. – Представь, вдруг всё в природе заговорит. Сам знаешь, ученые научили говорить хищников. И что из этого вышло. Это произошло на краю вселенной. А на нашей планете такое невозможно.

– Значит, в других мирах, даже в параллельном нам мире всё возможно, а у нас нет? – спросил я.

– Ты сам знаешь, что и у нас бывают чудеса, но чтобы дерево говорило, это уж слишком. Как можно его научить говорить?

И тут я услышал четкий голос Нины:

– Твой друг вроде на дурака не похож, а вот на придурка смахивает.

Михаил разинул рот, и замер.

– Не бойся, Михаил, не бойся. Могу признаться. И ты знаешь, что я с молодости дружу с этой сосной. Я всегда представлял её живой. В ней в действительности находилась душа человека. Это была девушка Катя. Она много лет в ней жила. За грехи туда её душу поместили. Недавно её душу ввели в новорожденную девочку. А теперь на её место попала алкоголичка Нина. Тело её тлеет на местном кладбище, а душу всунули в эту сосну.

Михаил стал успокаиваться. Потом ответил:

– Во многое, что я стал верить. Сам знаешь, что мы с тобой испытывали в других мирах. Но такого чуда я впервые узрел. Вернее услышал. Я от тебя слышал про эту сосну, но вот такое чудо это что-то.

– Ну вот, друзья, вы теперь двое знаете про меня. Приходите иногда побазарить. Я даже молиться научилась. Кого ишо мне подтяните? – спросила она.

Михаил прошептал:

– Стрелов, а мне можно с ней поговорить?

– Чо там шепчителись, охламоны таежные?

– Мой друг Михаил желает с тобой побеседовать. Ты не возражаешь?

– А чо нельзя? Пусь валяет. Для меня это антиресно шибко. Антилиген, он, однако? За дружбу с антилигеном можно и по стопарикку мякнуть. Да мне нельзя. А я бы немножко лязнула водочки.

– Вы видите меня? – спросил Михаил.

– Не вижу, но я шибно чую и слышу человека, зверя на много сот метров. Теперь я вас по голосу буду узнавать. Кто мне близок по духу и к уважению ко мне, я всё узнаю про него. Как будто кто-то мне в меня впаривает. Вот, например, где-то за триста метров отсюда к северу, есть осина.

- В ней тоже женская душа? – спросил Михаил.
- Не угадал, Миша. Там находится грешная душа одного парня. Из-за девки повесился.
- Мне, кажется, как-то я был у той осины, – сказал я. – Почувствовал, что-то есть в ней, но она молчала. И я ушел.
- Парень этот не желает ни с кем разговаривать.
- Вы, разговорчивые, – сказал Михаил.
- Я бывшая пьяньчушка. А такие, как я – разговорчивые. А вот, када с похмелюги, то мы злые.
- Вам не говорят, когда вас уберут отсюда?
- Нам об этом не говорят. Я ведь уже в аду побывала. Многое чо прошла, а вот теперь в сосну засадили.
- Я люблю тайгу, – сказал Михаил. – Теперь, как и Юрий, буду иногда посещать вас. Не возражаете?
- Отчево бы возражать. Всё веселее и антиреснее будет. Юрка завсегда меня посещает. И ты посещай. Слушай, Миша, а ты со мной разговаривай по-простому. Не надо бы выкаты.
- Обещаю не выкаты. А сейчас нам надо бы разойтись. У нас со Стреловым дела.
- Понимаю. Не забывайте меня.
- Мы с Михаилом пошли по тропке.
- Вот такого оборота я не ожидал – признался Михаил. – Надо же ты с деревом разговаривал!
- Я могу лечь на траву и разговаривать с цветком. Но никогда его не сорву. Пусть живет своей жизнью, сколько ему положено. Тебе могу признаться, а больше никому. Засмеют. Я могу разговаривать с любым животным и с любым деревом и растением. Когда обливаюсь водой, то и с ней разговариваю. Для меня ничего нет мертвого, для меня, кажется, что нас окружает живой мир. Всё вокруг живое. А земля наша тем более живой организм.
- Михаил не удивился моему признанию. Он тут же ответил:
- Ты знаешь, я только что стал чувствовать. А вот побывал в другом мире, и на всё стал смотреть другими глазами. Вот только сосна меня удивила. Теперь я буду смотреть на окружающий мир, как на живой организм. А тем более, когда мы с тобой побывали на краю вселенной. Ладно, Юрий, я пойду в тайгу. Мне надо к закату солнца попасть в своё зимовья.

Он стал углубляться в тайгу, а я пошел в город.

Навстречу мне шел Демьян Акинфович Неуспокоев. Надо у него спросить про настроение нашего путешествия.

Он как-то подозрительно посмотрел на меня, и спросил:

– В тайге был? Опять путешествовал в другой мир?

Вот это да, подумал я. Что это он задает мне такой вопрос? Он ведь был со мной! Как же так? Что это с ним? Что-то надо было отвечать.

– Да вот побывал. И тебя с собой брал.

– Всё шутишь? Опять фантазировать будешь? Да не бойся. Я ведь тебе говорил, что поверил тебе. Как бы мне туда слетать?

Я, конечно, удивился, и хотел, было ему доказывать, что он тоже там был, но тут в моё сознание ворвался голос Дюрда.

– Мы знаем про все ваши путешествия. Вы все вели себя достойно. Отлично сражались с темной силой. А Неуспокоеву пока не надо ничего доказывать. На время мы отключили этот участок его сознания. Пока он ничего не помнит. Придет время, и он всё вспомнит и прибежит к тебе. На него очень многое навалилось. Пусть отдохнет. Вы с Михаилом уже натренированные против разных ситуаций. Ваши нервы в порядке.

Голос Дюрда исчез. Хорошо, что он предупредил меня, а то я бы стал ему доказывать. Хотя я не любил спорить, но в нашем случае мне стало бы обидно за товарища. Значит, ему вернут сознание.

– Слетать говоришь? – спросил я. – Мне, кажется такое время придет.

– Скорее бы. Ты посмотри, кто идет нам навстречу. Сам Андрей Иванович Поломойкин. Ну, держись, Стрелов. Начнет тебя грязью обливать, и меня за компанию.

– Со мной всё ясно, а тебя за что?

– Как за что? С тобой вожу дружбу.

Поломойкин как-то бочком стал приближаться к нам. Он меня словно не замечал. Обошел меня, и даже не поздоровался. А вот с Неуспокоевым даже за руку поздоровался.

– Давно тебя не видел, – сказал Поломойкин. – Нехорошо как-то, понимаешь.

– Что случилось? – насторожился Демьян Акинфович.

– Дружбу ведешь не с тем с кем нужно.

– Да я, в общем-то, не любитель с кем-то дружить. Сейчас я люблю больше одиночества.

– Зачем так врать. Ты вон с тем, как его, икшаешься. Нехорошо.

Сказал он эти слова, и через своё плечо рукой указал в мою сторону.

– Я не икшаюсь, а культурно с ним разговариваю, – ответил Неуспокоев.

При этих словах Поломойкин чуть не подпрыгнул.

– С ним культурно разговаривал? Да ты с ума сошел! В советские времена он на учете КГБ был. Он и сейчас что-то там фантазирует! Видите ли, ему стало жалко тех врагов народа, кто строил железную дорогу от Тайшета до Лены. За дело сволочи сидели. И таких людей, как Стрелов надо загонять в специальные лагеря на пожизненный срок.

Мне стало обидно. Прочитал он, конечно, мою книгу о заключенных, которые вкалывали на этой дороге. Не сосчитать могилочек вдоль кровавой дороги. Ещё в молодости в моей бригаде работали плотниками такие люди. Они освобождались и шли к нам в бригады. Вот о них я и написал эту книгу.

Я подошел к нему, можно было бы не подходить. Таких Поломойкиных ещё тысячи и тысячи людей. Каждому не объяснишь о трагедии того времени. Вот я и хочу рассказать в своих зарисовках и очерках о многих таких несчастных людях, которые не за что отбывали срок. Будто кто-то во мне говорил, чтобы я не вмешивался в этот разговор. Бесполезно. Эти люди не пробиваемые. Они словно живут в раннем и позднем застое. С ними спорить, как против сильного ветра плюнуть. Только сам себя оплешь.

Я похлопал по его дрожащему от злобы плечу. Эх, кнута у меня нет.

– Слушай ты, политический пакостник, не доползший до сияющих вершин. Да тебя туда и пускать-то нельзя. Стукачок политический. Я узнал, ты в армии вертухаем служил. В спины энкам стрелял, издевался над бедными людьми. Это тебя, и таких ублюдков как ты, надо бы загонять в концлагеря на перевоспитание. А вам, чтобы лекции поочередно читали лучшие лекторы нашего Туманского района товарищи Неуспокоев и Длиннохвостиков. Да чтобы читали вам самые закрученные и длинные лекции.

Пока я говорил, Поломойкин развернулся ко мне. Он был в напряжении. Глаза округлились до предела. Он тяжело и прерывисто дышал. Губы тряслись и бледнели.

Хватит, подумал я, а то ещё удар получит. А, в общем-то, ему можно надо мной издеваться, а почему я не должен ему сказать то, что он заслужил? Почему так устроен мир? Таким людям дозволяется говорить всё, а почему мне нельзя? Ведь он культурный, образованный человек, а ведет себя по-хамски. Я уже писал о таких образованных людях. У них вид вроде культурных людей, а копни его как следует, он настоящий хам. И сегодня я даже удивился самому себе. Правильно ли я поступил? Надо было бы сдержаться, и уйти спокойно в сторону. Что же со мной произошло? Почему я так поступил? Иногда я люблю в себе копать. Почему я сделал так, а не иначе. Одно я понял, что теперь надо уходить. Дело вовсе не в том, что он начнет отвечать, или полезет драться. А кричать он обязательно начнет. А я буду ему отвечать. Не в этом вопрос. Просто надо уходить. У меня ведь есть одно из правил, которое сегодня я чуть не нарушил. Никогда не спорить с женщинами, и вот с такими мужиками, как Поломойкин.

Я пошел от него. И только теперь я услышал о себе такого, что даже я не знал.

От такого шума, или просто случайно, скорее всего, случайно, с севера рванул жесткий и мощный ветер, принося с собой колючий снег. Надо скорее идти домой. Неожиданно на меня навалилась слабость, участилось биение сердца, в глазах образовалась черная рябь. Хоть бы на тротуаре не упасть.

Едва помню, как раскрыл дверь дрожащей рукой, и ввалился в комнату. Не иначе сам чёрт со мной сыграл одну из своих шуточек, когда я чуть не связался с Поломойкиным.

Теплый душ, кружечка горячего кофе с сахаром, потянули меня на сон. Я добрался до своего старенького дивана, и упал вниз лицом.

Спал я или просто дремал, но я отдыхал и блаженствовал от своего полного одиночества. После возвращения в мой мир, успел встретить приятное, неприятное и сложное, от двух последних чувств бежал.

И вдруг перед глазами возникла та картина, которую я видел на планете, которая находится за горизонтом вселенной. Мы стоим с Михаилом и смотрим на эту загадочную картину. Что хотел до нас донести неведомый художник? Что? Вдруг картина вроде ожила. В ней я увидел большой глаз. Как мне показалось, он разглядывал не только нас, но и всю вот эту планету, и весь наш необъятный мир. Показалось лицо, борода. И это лицо придвинулось к нам с Михаилом. И во мне возникло такое ощущение, будто кто-то неведомый нам разглядывает нас из другого мира. Услышал слова Михаила:

– Наш мир создан не случайно. Мы есть все и всё, грандиозный эксперимент для чего-то, только понятного и нужного нашего Создателя и создателей. Мы все и всё под наблюдением. Для чего-то же всё это создали? И вся наша вселенная находится, как бы в огромном аквариуме. Для Космического Создателя, вселенского Бога вся вселенная с сотнями галактик а может и более, расстояния между ними, то для него это самое создания для какого-то эксперимента. Всё это создание находится в огромном аквариуме, и Он следит за этим созданием, и подправляет его. Только ему всё такое понятно. Так создана вся вселенная, где есть высокоразвитые цивилизации, а где, вроде нашей, что находится на планете Земля, отсталые. И высокоразвитые цивилизации не должны, а обязаны следить и подправлять за отсталыми цивилизациями, а не уничтожать их. Так задумано Высшим Космическим разумом, нашим Вселенским Богом. Мы уже с тобой философствовали на эту тему. Почему были уничтожены динозавры, почему был вселенский на Земле потоп, почему огромные метеориты не уничтожили наш мир. Но, планета Земля, как живой организм, начинает бунтовать против населяющего её безумного человека, который ей вредит. Значит, не только мы с тобой, придурки, но и всё, то общество людей, которое варварски относится к своему дому – Земля. И даются ему разные предупреждения. Но это общество не слушает, а продолжает пакостить. И разные космические варвары, в виде тех, с которыми мы воевали, они тоже мешают развиваться разным обществам к добруму и свету. Богу надоест экспериментировать, и вновь начнется переделка. Есть какие-то ошибки, недоделки. Их надо переделать, улучшить. Так что, Юрий, как ты говоришь, мы ещё что-то пузыримся. Мы с тобой не зря побывали на краю вселенной. Будто кто-то специаль-

но нас с тобой и нашей великолепной группой придурков, послал туда. А тот неизвестный художник всё понял, и создал этот шедевр. Только обо всем этом не надо распространяться. Тебя не поймут. А то, что ты напишешь, и обо всем расскажешь, то это можно. Почему? Потому что это и есть фантастика. И это твое право. Так, что мы с тобой увидели нашего Создателя. Живет он в неведомом нам мире, и создает все вот эти вселенные. А мы говорим, что вселенная бесконечная. Вот до чего мы с тобой додумались. Фантазируй, но не болтай кому не надо. Фантазировать всё можно.

И я тоже так же думал, как сообщил мне Михаил Бутаков, все мы созданы Всевышним. И что там за горизонтом вселенной, то нам неведомо. И что для Создателя расстояния в миллионы, миллиарды и парсеки? Одно мгновение. Только Он может перемешать все созвездия, всю необозримую вселенную, а может и уничтожить, и создать на своё усмотрение новую. А вот фантазировать в реальность я имею полное право. Пусть люди думают, что там Стрелов опять навывдумывал? Умный человек прочитает мною написанное в книге и промолчит. Может даже задумается. И молодец. А другой человек прочитает, и назовет автора фантазером и придурком. И тоже он молодец. Уже засыпая, я успел подумать, что завтра надо пойти в тайгу. Надо будет поговорить с грешницей Ниной. Я лучше с ней поговорю, чем встречаться с живым человеком, который меня не понимает. Кажется, я даже успел пробормотать:

– Надо бы попросить отправителей послать в нашу команду наемников Андрея Ивановича Поломойкина. На перевоспитание. В любом человеке есть что-то светлое. Уверен, что в нем найдется уголок света. Я уверен, а иначе можно потерять всю веру в людей...

Содержание

Часть первая. Придурки не унимаются	3
Новые приключения начинаются	19
Часть вторая. На краю Вселенной	44
В плену	44
Знакомство с неизвестностью.	57
В поисках морских пиратов	67
Морские пираты	110
Часть третья. Новые столкновения	143
Роботы Бан и Вен	143
Новые друзья	160
Война	193
Дома.	254
Это их последний оплот	288
Встречи приятные и сложные.	346

Юрий Стрелов

ЗА ГОРИЗОНТОМ ВСЕЛЕННОЙ

Роман

Откровения странного человека с другой стороны

Мистика. Фантастика. Приключения

Книга шестая

Издательство «Оттиск».

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 06.03.2015. Формат 60/84/16.

Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 16,33. Уч. изд. л. 20,92.

Тираж 100 экз. Заказ № 132.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 28.

Тел. 34-32-34, 241-242.

E-mail: ottisk@irmail.ru